

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

ПРИНЦЪ ОТТО

PRINCE OTTO

Переводъ А. А. Энквистъ

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Посвящается Нелли фанъ-деръ-Хрифтъ.

(Мистриссъ Адульфо Санчецъ изъ Монтерея).

Наконецъ-то, послѣ столькихъ долгихъ лѣтъ, я имѣю удовольствіе снова представить вамъ моего «Принца Отто», котораго вы, вѣроятно, помните еще совсѣмъ крошечнымъ, не больше тѣхъ нѣсколькихъ листковъ замѣтокъ, которые были написаны для меня вашимъ милымъ почеркомъ. Увидя это имя, вы, вѣроятно, перенесетесь мысленно въ старый деревянный домъ, снизу до верха обвитый ползучими растеніями и вьюнками и представлявшійся неразлучнымъ съ тѣмъ запущеннымъ густымъ садомъ, среди котораго онъ, казалось, выросъ какъ въ лѣсу вырастаетъ грибъ; а между тѣмъ въ молодости этотъ домъ былъ смѣлымъ мореплавателемъ, и въ свое время онъ обогнулъ мысъ Горнъ, конечно, въ разобранномъ видѣ, во чревѣ, то есть, въ трюмѣ корабля, гдѣ онъ слышалъ надъ собой и топотъ ногъ, и крики матросовъ, и призывный свистокъ боцмана, и иногда даже громовой голосъ командира. Оно напомнитъ вамъ и неописуемыхъ безчисленныхъ обитателей этого дома, теперь разсѣявшихся въ разныя стороны: двухъ лошадей, собаку, четырехъ кошекъ и котятъ, изъ которыхъ одинъ, другой, а быть можетъ и нѣсколько заглядываютъ даже теперь вамъ въ глаза, въ то время какъ вы читаете эти строки; и бѣдную даму, столь несчастливо сочетавшую свою жизнь съ авторомъ этихъ строкъ; и маленькаго китайченка, который теперь быть можетъ насаживаетъ червя на свою удочку, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, въ странѣ цвѣтущихъ садовъ; а главнымъ образомъ оно напомнитъ вамъ

того шотландца, который тогда былъ боленъ при смерти, какъ всѣ полагали, и для котораго вы такъ много сдѣлали, неустанно поддерживая въ немъ бодрость духа и стараясь заставить его вести себя какъ подобаетъ.

Вы, я думаю, должны еще помнить, что онъ былъ преисполненъ непомѣрнаго честолюбія и множества самыхъ смѣлыхъ плановъ, которые онъ собирался осуществить, какъ только къ нему вернется здоровье; вы, вѣроятно, не забыли, что онъ собирался заработать цѣлое состояніе, что онъ долженъ былъ отправиться въ дальнее путешествіе, долженъ былъ испытать и пережить, и заставить другихъ испытать и пережить вмѣстѣ съ нимъ безчисленные восторги и въ томъ числѣ создать настоящій шедевръ изъ «Принца Отто».

Я не могу согласиться съ тѣмъ, что мы окончательно разбиты на всѣхъ пунктахъ! Нѣтъ! Помните, мы тогда вмѣстѣ съ вами читали исторію Брэддока; припомните то мѣсто, гдѣ его умирающаго приносятъ съ поля сраженія, на которомъ онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе, и онъ даетъ себѣ слово впредь поступать умнѣе и лучше. Это мѣсто всегда будетъ трогать мягкія, благородныя сердца, и они съ умиленіемъ будутъ читать трогательную предсмертную рѣчь злополучнаго героя, достойную болѣе счастливаго полководца. Я напомнилъ вамъ объ этомъ, потому что я тоже стараюсь подражать Брэддоку; я все еще надѣюсь вернуть себѣ здоровье, и все еще намѣреваюсь и мечтаю, не такъ, то этакъ создать, не въ этой, такъ въ слѣдующей моей книгѣ, настоящій шедевръ, поистинѣ образцовое произведеніе, которымъ я остался бы вполнѣ доволенъ, и все еще надѣюсь, не теперь, такъ послѣ, увидѣть еще разъ ваше дорогое лицо и пожать вашу милую ручку.

А тѣмъ временемъ этотъ маленькій бумажный странникъ, этотъ смѣлый маленькій путешественникъ, отправляется вмѣсто меня въ дальній путь, черезъ безбрежный океанъ, черезъ долы, черезъ горы и, совершивъ весь свой длинный путь, дойдетъ, наконецъ до вашихъ дверей и принесетъ вамъ мой сердечный при-

вѣтъ въ Монтерей. Примите его, прошу васъ, вѣдь онъ пришелъ къ вамъ, этотъ маленькій бумажный вѣстникъ, изъ дома, гдѣ, какъ и у васъ, собраны кое-какіе забытые обломки нашей милой совмѣстной жизни въ Оклэндѣ, изъ дома, гдѣ, несмотря на его чужестранное названіе и на его отдаленіе, вы горячо любимы.

Р. Л. С.

(Робертъ Льюисъ Стивенсонъ).

С. Керриворъ,

Бурнемоусъ.

ПРИНЦЪ ОТТО.

I. Въ которой принцъ отправляется искать приключеній.

Вы напрасно стали бы искать на картѣ Европы исчезнувшее съ лица земли маленькое государство Грюневальдъ, независимое княжество, минимальнѣйшую частичку Германской Имперіи, игравшее въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій свою маленькую роль въ раздорахъ Европейскихъ державъ и въ концѣ концовъ, когда пробилъ его часъ, благодаря умствованіямъ нѣсколькихъ лысыхъ дипломатовъ, исчезнувшее безслѣдно, какъ ночной призракъ поутру. Менѣе счастливое, чѣмъ Польша, оно не оставило по себѣ ни славы, ни сожалѣній, и даже самыя границы его стерлись и забылись.

Это была страна холмистая, почти сплошь поросшая густымъ зеленымъ лѣсомъ. Многія рѣки брали здѣсь свое начало. Въ зеленыхъ долинахъ Грюневальда онѣ вращали множество мельницъ для счастливыхъ жителей этой страны, въ которой былъ всего только одинъ городъ и множество живописныхъ деревень, селеній и деревушекъ, раскинувшихся повсюду, по долинамъ и по холмамъ, сползая по ихъ крутымъ скатамъ такъ, что крыши домовъ громоздились однѣ надъ другими въ нѣсколько ярусовъ. Сообщеніе между городомъ Миттвальденомъ и многочисленными деревушками и селеніями поддерживалось съ помощью высокихъ крытыхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ большіе, глубокіе и бурливые потоки и рѣки. Шумъ водяныхъ мельницъ, плескъ и рокотъ стремительно бѣгущихъ водъ, живительный запахъ свѣжихъ сосновыхъ опилокъ, тихій шелестъ и ароматъ, приносимый на крыльяхъ легкаго вѣтерка, дувшаго между ря-

довъ безчисленной арміи горныхъ сосенъ, догорающій костеръ, разведенный охотниками, глухой стукъ топоровъ дровосѣковъ, работающихъ въ лѣсу, непроѣздныя дороги и свѣжая форель, только что пойманная въ рѣкѣ на ужинъ, и этотъ ужинъ въ пустынной, опрятной, но нѣсколько темной залѣ деревенской гостиницы, несмолкаемый щебетъ и пѣніе птицъ и тихій вечерній звонъ колоколовъ деревенскихъ церквей,—вотъ тѣ воспоминанія, какія увозилъ изъ Грюневальда путешественникъ, побывавшій въ этомъ лѣсистомъ уголкѣ Европы.

И къ сѣверу, и къ востоку холмы Грюневальда разнообразными мягкими скатами и живописными уступами спускались въ большую безпредѣльную, казалось, долину сосѣднихъ государствъ: Грюневальдъ граничилъ со многими мелкими нѣмецкими княжествами и герцогствами, въ томъ числѣ и съ безвременно угаснувшимъ великимъ герцогствомъ Герольштейнъ. Съ юга же Грюневальдъ соприкасался съ землями сравнительно сильнаго и могущественнаго королевства Приморской Богеміи, славившейся своими цвѣтами и горными медвѣдями и населенной народомъ, отличающимся странной, удивительной простотой и нѣжностью сердечной. Цѣлый рядъ перекрестныхъ браковъ сблизилъ и сроднилъ царствующіе роды Грюневальда и Приморской Богеміи, и послѣдній принцъ Грюневальда, исторію котораго я намѣреваюсь разсказать въ этой книгѣ, происходилъ отъ Пердиты, единственной дочери короля Флоризеля I-го Богемскаго. Эти частые перекрестные браки несомнѣнно смягчили характеръ, нравы и вкусы грубой мужественной породы первыхъ властителей Грюневальда, и это возбуждало неодобреніе всего населенія. Горные угольщики, дровосѣки, пильщики, обладатели широкихъ топоровъ и широкихъ ртовъ, жившіе среди темныхъ, могучихъ сосенъ грюневальдскихъ лѣсовъ, гордившіеся своими жилисто-мозолистыми руками, здоровыми кулаками и мощными плечами, а также и своимъ грубымъ невѣжествомъ, которое они считали древней мудростью, смотрѣли съ нескрываемымъ презрѣніемъ на мягкость характера, на деликатную сдержанность и ласковость обхожденія представителей ихъ царствующаго рода и питали затаенное озлобленіе противъ своихъ государей.

Въ какомъ именно году христіанской эры начинается нашъ разсказъ, я предоставляю догадаться читателю; что же касается

времени года, что въ данномъ разсказѣ является несравненно болѣе важнымъ, чѣмъ точность даты, то я скажу, что весна шагнула уже такъ далеко впередъ, что горные жители Грюневальда, слыша съ ранняго утра и до поздней ночи звуки охотничьихъ роговъ въ сѣверо-западной части княжества, говорили:

— Вѣрно, сегодня принцъ Отто и его охота выѣхали въ послѣдній разъ въ поле до наступленія осени.

На сѣверо-западной границѣ Грюневальда горы и холмы круто обрывались въ долину и мѣстами представляли собой совершенно неприступные скалы и утесы. Эта дикая мѣстность являлась рѣзкой противоположностью съ прекрасной, тщательно обработанной равниной, лежащей у подножія этихъ горъ. Въ ту пору въ этой мѣстности пролегали всего двѣ дороги; одна изъ нихъ—имперскій трактъ, полого спускавшійся по самымъ отлогимъ скатамъ, идущій прямо на Бранденау въ Герольштейнѣ, другая, пролегавшая по самому гребню горъ, извивавшаяся между скалъ, спускавшаяся мѣстами въ глубокія ущелья и овраги, мѣстами вся мокрая отъ брызгъ безчисленныхъ мелкихъ водопадовъ и то тутъ, то тамъ пересѣкающихъ ее ручьевъ. Эта дорога вела мимо большой старинной башни или замка, стоящаго высоко на горѣ, на самомъ краю высокаго скалистаго утеса, съ котораго открывался обширный видъ на всю пограничную линію Грюневальдскихъ владѣній и на кипящую трудовой жизнью равнину Герольштейна. Фельзенбургъ, такъ звался этотъ замокъ или башня, временами служилъ тюрьмой и мѣстомъ заточенія, а временами мирнымъ охотничьимъ замкомъ. Несмотря на то, что онъ стоялъ такъ уединенно среди дикихъ неприступныхъ скалъ, затерянные въ глуши бюргеры Бранденау со своей обсаженной липами террасы, куда они выходили гулять по вечерамъ, могли съ помощью небольшой подзорной трубы счесть окна въ этомъ замкѣ.

Въ той части лѣсистыхъ холмовъ Грюневальда, которая врѣзалась клиномъ между двухъ дорогъ, весь день не переставая трубили рога, слышался лай собакъ и звуки голосовъ, внося шумъ и оживленіе въ лѣсныя чащи этихъ зеленыхъ холмовъ. Но когда солнце начало клониться къ горизонту, торжествующіе, радостные крики возвѣстили о томъ, что, наконецъ, охотникамъ удалось затравить звѣря. Спустя немного охотники, стоявшіе на нумерахъ первый и второй, отскакавъ отъ мѣста сбо-

рища, съ вершины небольшого пригорка стали внимательно вглядываться вдаль во всѣхъ направленіяхъ. Чтобы лучше видѣть, они прикрывали глаза рукой, защищая ихъ отъ солнца, которое теперь опустилось ужъ совсѣмъ низко и свѣтило имъ прямо въ лицо. Впрочемъ, на этотъ разъ величественный закатъ дневного свѣтила казался болѣе блѣднымъ сквозь частую сѣтку вѣтвей еще обнаженныхъ, не одѣвшихся листвой тополей, и сквозь облака дыма, медленно струившагося изъ печныхъ трубъ жилыхъ домовъ, въ которыхъ теперь всюду готовили ужинъ, и сквозь прозрачную дымку вечернихъ паровъ, подымавшихся отъ полей. И на фонѣ этой прозрачной дымки и блѣднаго заката крылья вѣтряной мельницы, стоящей на вершинѣ одного изъ холмовъ, двигались безшумно и лѣниво, какъ сквозь сонъ, точно длинныя уши мула или осла. Тутъ же подлѣ мельницы, точно шрамъ по лицу зеленыхъ холмовъ, тянулась прямая, какъ струна, широкая проѣзжая дорога, прямо въ направленіи низко опустившагося солнца.

Есть въ природѣ еще одна многимъ людямъ знакомая пѣсня, которую люди еще до сихъ поръ не переложили на свою музыку, — это пѣснь, манящая человѣка странствовать по свѣту, пѣснь, такъ властно звучащая въ душѣ цыганъ и нѣкогда громко звавшая нашихъ отдаленныхъ предковъ вѣчно кочевать и искать новыя страны. Въ этотъ моментъ и въ это время дня и въ это время года весь окрестный пейзажъ и все въ природѣ трогательно сливалось въ одинъ общій призывный аккордъ. Высоко въ воздухѣ плавно неслись на сѣверъ и на западъ стаи перелетныхъ птицъ; онѣ пролетали надъ Грюневальдомъ цѣлыми роями черныхъ точечекъ, едва уловимыхъ для глаза тамъ въ вышинѣ, а тутъ внизу, туда же въ неизвѣстную, безпредѣльную даль бѣжала и широкая, ровная, безконечная, какъ казалось, дорога.

Но двумъ всадникамъ, остановившимся на вершинѣ пригорка, эта пѣсня была не слышна; можетъ быть потому, что оба они были чѣмъ-то видимо сильно озабочены. Они внимательно вглядывались въ каждую ложбинку между холмовъ, въ каждую просѣку или прогалину въ лѣсной чащѣ, и при этомъ ихъ лица и движенія выражали не то гнѣвъ, не то досаду и нетерпѣніе.

— Воля твоя, но я нигдѣ его не вижу, Куно!—сказалъ первый охотникъ.—Онъ даже слѣда не оставилъ; ну хоть бы волосъ изъ хвоста его бѣлой кобылы!.. Какъ видно, выждалъ удоб-

ную минутку, да и утекъ!.. А теперь ищи вѣтра въ полѣ! Его теперь съ собаками не сыщешь!..

— Можетъ быть, онъ домой уѣхалъ,—замѣтилъ Куно, но въ его тонѣ не было увѣренности.

— Домой! — воскликнулъ первыи охотникъ. — Полно! Можешь благодарить Бога, если онъ черезъ двѣнадцать сутокъ домой вернется! Нѣтъ, братъ, разъ ужъ это у него началось, такъ ужъ вѣрно то же самое будетъ, что три года тому назадъ, передъ его женитьбой. Запропадетъ Богъ вѣсть куда, съ собаками не найдешь, словно цыганъ какой; позоръ, да и только! И это прирожденный принцъ! Прирожденный самодуръ какой-то, прости Господи!.. Глянь, вонъ оно наше правительство-то! Мчится на своемъ бѣломъ конѣ прямо черезъ границу!.. Впрочемъ, нѣтъ, я, кажется, ошибся!.. Да все равно, только я даю тебѣ слово, что я далъ бы больше за англійскую гончую, или хорошаго полукровка мерина, чѣмъ за твоего принца Отто!

— Да онъ вовсе не мой Отто,—пробурчалъ Куно.

— Если такъ, то я, право, не знаю, чей онъ!—возразилъ насмѣшливо собесѣдникъ.

— Полно, ты положилъ бы за него руку въ огонь,—сказалъ Куно.

— Я?!—воскликнулъ первый охотникъ.—Я желалъ бы увидѣть его на висѣлицѣ! Я грюневальдскій патріотъ, я числюсь въ рядахъ территоріальной арміи и имѣю медаль, и чтобы я всталъ на защиту Отто! Никогда! Я стою за свободу.

— Да, да... это мы знаемъ, — сказалъ Куно. — Но скажи, при тебѣ кто-нибудь другой то, что ты сейчасъ сказалъ, ты бы упился его кровью — и ты это отлично знаешь.

— У тебя все только онъ на умѣ, — огрызнулся собесѣдникъ. — Да вонъ онъ скачетъ! Смотри!

Дѣйствительно, на разстояніи мили отъ холма спускался подъ гору всадникъ на бѣломъ конѣ. Онъ быстро проскакалъ по открытому мѣсту и минуту спустя скрылся изъ вида въ густой чащѣ лѣса по другую сторону оврага.

— Черезъ четверть часа онъ будетъ по ту сторону границы, въ Герольштейнѣ, — сказалъ Куно...—Какъ видно, онъ неизлѣчимъ!

— Но если онъ загонитъ эту кобылу, я ему этого никогда не прощу!—сердито заявилъ первый охотникъ, подбирая поводья.

Въ тотъ моментъ, когда они оба повернули своихъ коней и стали спускаться съ пригорка съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ остальнымъ товарищамъ охотникамъ, солнце окончательно скрылось за горизонтомъ и лѣса мгновенно какъ бы потонули въ сѣрой мглѣ наступающей ночи.

II. Въ которой принцъ разыгрываетъ Гаруна-аль-Рашида.

Ночь окутала своей мглою лѣса и застигла принца въ то время, какъ онъ пробирался по поросшимъ травою тропинкамъ той части лѣса, что раскинулась въ долинѣ. Хотя звѣзды одна за другой зажигались у него надъ головой, и при ихъ трепетномъ свѣтѣ стали ясно видны безконечные ряды верхушекъ высокихъ сосенъ, ровныхъ и темныхъ, какъ могильные кипарисы, слабый свѣтъ мигающихъ звѣздъ не могъ принести большой пользы запоздалому путнику въ густой чащѣ лѣса, и принцъ поскакалъ впередъ наугадъ. Мрачная красота окружающей его природы, неизвѣстный исходъ его пути, открытое звѣздное небо у него надъ головой и свѣжій лѣсной воздухъ восхищали и веселили его какъ вино; а глухой плескъ рѣки влѣво отъ него звучалъ въ его ушахъ, какъ тихая мелодія.

Было уже больше восьми часовъ вечера, когда старанія его выбиться на дорогу увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, и онъ выѣхалъ изъ лѣса на прямую бѣлую большую проѣзжую дорогу. Дорога впереди спускалась подъ-гору, слегка уклоняясь на востокъ и какъ бы свѣтясь между темными чащами кустовъ и деревьевъ. Отто придержалъ коня и сталъ глядѣть на дорогу; она уходила миля за милей, все дальше и дальше, все такая же бѣлая, ровная и прямая; ее пересѣкали или къ ней подходили еще другія такія же дороги, и такъ до самаго края Европы, гдѣ извиваясь по самому берегу моря, гдѣ пролегая черезъ залитые свѣтомъ многолюдные города. И безчисленная армія пѣшихъ и конныхъ путниковъ вѣчно двигается по нимъ то въ томъ, то въ другомъ направленіи, во всѣхъ странахъ, какъ будто всѣ они движимы однимъ общимъ импульсомъ, и въ данный моментъ всѣ они, всѣ эти путники, точно по общему уговору, спѣ-

шать или плетутся къ дверямъ гостиницъ и ищутъ пріюта для почлега. Цѣлыя вереницы подобныхъ картинъ роемъ зарождались и мгновенно исчезали въ его воображеніи; то былъ прибой искушенія. Кровь приливала ему къ головѣ, и какъ будто что то могучее, манящее подымалось въ немъ, въ его груди или въ его душѣ, — онъ не могъ разобраться, — и толкало его всадить шпоры въ бока скакуна и нестись впередъ, къ неизвѣданному, впередъ безъ оглядки. Минута, и это настроеніе прошло; голодъ и усталость давали себя чувствовать, и привычка къ полумѣрамъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, эта посрединность во всемъ, если можно такъ выразиться, которую мы, обыкновенно, величаемъ здравымъ смысломъ или разсудительностью, взяли верхъ, предъявивъ свои права и въ данномъ случаѣ, и принцъ не безъ удовольствія остановилъ свой взглядъ на двухъ свѣтившихся среди мрака, влѣво отъ него, между дорогой и рѣкой, освѣщенныхъ окнахъ какого-то жилья.

Принцъ свернулъ на проселокъ и спустя нѣсколько минутъ уже стучалъ рукояткой своего хлыста въ дверь большого двухъэтажнаго дома фермера; цѣлый хоръ свирѣпо залаявшихъ собачьихъ голосовъ былъ отвѣтомъ на его стукъ. Затѣмъ въ пріотворившейся двери показался и вышелъ на крыльцо очень высокій сѣдовласый старикъ съ зажженой свѣчей, которую онъ заслонялъ отъ вѣтра рукой. Видно было, что въ свое время онъ обладалъ недюжинной силой, и былъ весьма красивый и видный изъ себя человѣкъ; но теперь онъ немного сгорбился и вообще подался; зубовъ у него совершенно не было, а голосъ его, когда онъ говорилъ, часто ломался и звучалъ фальцетомъ.

— Простите меня, — сказалъ Отто, — я путешествую, и мѣста эти мнѣ совсѣмъ незнакомы; — я заблудился, какъ видно, потому что сбился въ потьмахъ съ дороги.

— Вы сейчасъ у Рѣчной Фермы, сударь, можетъ быть вы слыхали, а вашъ слуга покорный, что стоитъ теперь передъ вами, Килліанъ Готтсхеймъ, готовъ служить вамъ чѣмъ возможно, — степенно проговорилъ старикъ своимъ дрожащимъ голосомъ. — Мы здѣсь находимся въ шести миляхъ разстоянія какъ отъ Миттвальдена въ Грюневальдѣ, такъ и отъ Бранденау въ Герольштейнѣ; дорога въ обѣ стороны превосходная, но на всемъ этомъ протяженіи вы не встрѣтите ни одной корчмы или пивной лавченки, и вамъ придется воспользоваться моимъ госте-

пріимствомъ на эту ночь. Не могу вамъ предложить ничего достойнаго васъ, сударь, но то, чѣмъ я богатъ, я предлагаю вамъ отъ души, потому что у насъ говорятъ: «Гость въ домѣ, Богъ въ домѣ!»—И при этомъ онъ почтительно поклонился своему гостю, предлагая ему войти.

— Аминь, — произнесъ Отто, отвѣчая на поклонъ старика, — сердечно благодарю за радушіе.

— Фрицъ, — кликнулъ старикъ, обращаясь къ кому-то въ горницѣ, — отведи лошадь этого господина въ конюшню, а вы, сударь, благоволите войти.

Отто вошелъ въ большую просторную комнату, занимавшую почти весь нижній этажъ дома; вѣроятно, она нѣкогда была раздѣлена на двѣ комнаты, потому что полъ одной ея половины значительно возвышался надъ поломъ другой половины, такъ что ярко пылавшій въ каминѣ огонь и накрытый бѣлой скатертью столъ, на которомъ былъ приготовленъ ужинъ, находились какъ бы на эстрадѣ. Кругомъ по стѣнамъ стояли все темные дубовые съ мѣдными скрѣпами и скобами шкафы и комоды; темныя дубовыя полки были уставлены старинной глиняной и фаянсовой посудой; подъ ними красовались развѣсистые оленьи рога, охотничьи ножи и ружья; картины на сюжеты старыхъ балладъ въ рамкахъ висѣли тутъ и тамъ на стѣнахъ; высокіе часы въ ящикѣ, съ розами на циферблатѣ, стояли гордо между двухъ комодовъ, а въ одномъ изъ угловъ заманчиво пріютилась на своихъ дубовыхъ подставкахъ бочка съ виномъ, сіяя своими мѣдными обручами. Все въ этой большой горницѣ съ низкимъ темнымъ потолкомъ было уютно, красиво, оригинально и до чрезвычайности опрятно.

Рослый, здоровый парень поспѣшилъ заняться кровной кобылой гостя, а Отто послѣ того, какъ старый Готтесхеймъ познакомилъ его со своей дочерью Оттиліей, также прошелъ въ конюшню взглянуть на свою лошадь, какъ и подобаетъ, хотя не принцу, но каждому хорошему наѣзднику. Когда онъ вернулся обратно, прекрасная дымящаяся яичница и изрядное количество большихъ ломтей копченой баранины ожидали его; затѣмъ послѣдовало вкусное заячье рагу и сыръ. Только послѣ того, какъ гость утолилъ свой голодъ, все маленькое общество перешло къ камину и расположилось у огня, въ пріятной компаніи

стакана добраго винограднаго вина, изысканно любезный и благовоспитанный хозяинъ, позволилъ себѣ, наконецъ, обратиться съ вопросомъ къ своему гостю.

— Вѣроятно вы ѣдете издалека, сударь? — спросилъ онъ.

— Да, я проѣхалъ не мало миль сегодня,—сказалъ Отто,— и, какъ вы видѣли, проголодался порядкомъ. Я пріѣлъ почти все, что было на столѣ, и можно сказать вполнѣ оцѣнилъ превосходную стряпню вашей дочери.

— Я полагаю, что вы ѣдете изъ Бранденау? — продолжалъ старикъ.

— Да, совершенно вѣрно, — подтвердилъ Отто, — и если бы я не проблуждалъ такъ долго въ лѣсу, я, вѣроятно, ночевалъ бы сегодня въ Миттвальденѣ, — добавилъ онъ, приплетая клочекъ истины ко лжи, какъ это дѣлаютъ почти всѣ лжецы.

— Вы, вѣроятно, ѣдете по дѣлу въ Миттвальденъ? — послѣдовалъ новый вопросъ.

— Нѣтъ, я ѣду просто изъ любопытства, — я никогда еще не бывалъ въ княжествѣ Грюневальдъ.

— Пріятная, сударь, прекрасная страна! — воскликнулъ старикъ, одобрительно кивая головой. — Прекрасная природа и превосходная порода и сосенъ и людей. Мы здѣсь считаемъ себя тоже какъ бы грюневальдцами, потому что живемъ, такъ сказать, на самой границѣ; и вода у насъ въ рѣкѣ настоящая грюневальдская, и воздухъ у насъ тоже грюневальдскій, лѣсной. Да, сударь, прекрасная эта страна, доложу вамъ, и народъ какой богатырскій! Вѣдь любой грюневальдецъ шутя станетъ вертѣть надъ головой тотъ топоръ, который многіе герольштейнцы и поднять-то не въ силахъ будутъ! А лѣса-то какіе! Сосны-то!.. Въ этомъ маленькомъ государствѣ этихъ чудесныхъ сосенъ больше, чѣмъ людей на цѣломъ бѣломъ свѣтѣ. Уже лѣтъ двадцать прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ былъ по ту сторону границы, вѣдь въ старости-то всѣ мы становимся домосѣдами. Но я, какъ сейчасъ помню, что на всемъ протяженіи пути отсюда до самаго Миттвальдена, куда ни глянь, по обѣ стороны дороги, все сосны да сосны, все лѣсъ да лѣсъ! А воды-то сколько! Рѣчки и потоки на каждомъ шагу!.. Мы вотъ здѣсь какъ-то продали небольшой клочекъ лѣса, тутъ у самой дороги, и я, глядя на груду чеканной монеты, полу-

ченной мною за этотъ лѣсъ, мысленно сталъ прикидывать, сколько можно было бы выручить денегъ за всѣ соски Грюневальда, еслибъ ихъ продать...

— А принца Грюневальдскаго вы, я полагаю, никогда не видаете? — замѣтилъ Отто.

— Никогда, — отвѣтилъ за старика, молодой парень, — да мы и не желаемъ.

— А почему? Развѣ онъ до такой степени нелюбимъ? — спросилъ Отто.

— Не то, чтобы нелюбимъ, — сказалъ старикъ, — а презираемъ всѣми.

— Въ самомъ дѣлѣ? — съ усиліемъ выговорилъ принцъ.

— Да, сударь, это сущая правда, и я добавлю, справедливо презираемъ! — Вѣдь ему такъ много всего дано, а что онъ со всѣмъ этимъ дѣлаетъ? Охотится, да рядится какъ кукла, — что для мужчины вовсе даже и не прилично. Еще въ комедіяхъ участвуетъ, а если онъ еще что-нибудь кромѣ этого дѣлаетъ,— то о томъ до насъ слухи не доходятъ.

— Но вѣдь все это въ сущности невинныя удовольствія, — замѣтилъ Отто; — что же вы хотите чтобы онъ дѣлалъ? Воевалъ, что ли?

— Нѣтъ, сударь, — возразилъ старикъ. — Вотъ я пятьдесятъ лѣтъ какъ поселился на этой фермѣ, и я работалъ здѣсь изо дня въ день; я пахалъ и сѣялъ, и собиралъ, и вставалъ до свѣта, и ложился темно, и вотъ, всѣ эти годы ферма эта кормила меня и мою семью и была моимъ лучшимъ другомъ, если не считать мою покойную жену. А теперь, когда мое время прошло, я передамъ ее другому, въ лучшемъ видѣ чѣмъ я ее принялъ. И такъ всегда бываетъ, если человѣкъ усердно дѣлаетъ свое дѣло; онъ зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, и Господь благословляетъ его трудъ, и все, за что онъ берется, преуспѣваетъ. И мнѣ думается, что если бы принцъ захотѣлъ трудиться, сидя на своемъ тронѣ, какъ я трудился у себя на фермѣ, то и онъ увидѣлъ бы преуспѣваніе и благоденствіе своей страны и заслужилъ бы любовь своего народа.

— И я такъ думаю, — сказалъ Отто, — но сравненіе ваше не совсѣмъ правильно, потому, что жизнь фермера простая, натуральная, а жизнь принца всегда искусственная и чрез-

вычайно сложная. Не трудно поступать хорошо, будучи фермеромъ, но очень трудно не поступать дурно, будучи принцемъ. Предположимъ, что ваши всходы побило градомъ,—вы набожно склоните голову и скажете: такова воля Божія! И всякій васъ похвалитъ за это; но если принца въ чемъ-либо постигнетъ неудача, то всякій будетъ порицать его за неудавшуюся попытку. И мнѣ думается, что если бы всѣ государи Европы ограничивались одними безобидными развлеченіями, то ихъ подданнымъ отъ этого жилось бы не хуже, а даже лучше.

— Э, да вѣдь вы, пожалуй, правы!—воскликнулъ Фрицъ.— И я вижу, что вы, какъ и я, добрый патріотъ и врагъ всѣхъ принцевъ.

Подобный выводъ нѣсколько изумилъ Отто, и онъ постарался перевести разговоръ на другую тему.

— Вы меня очень удивили тѣмъ, что я слышу отъ васъ объ этомъ принцѣ; я слышалъ о немъ лучшіе отзывы отъ другихъ; мнѣ говорили, что онъ добръ и мягокъ, и справедливъ, и что если онъ дѣлаетъ кому зло, то развѣ только самому себѣ.

— Да такъ оно и есть!—горячо воскликнула дѣвушка. — Онъ такой красивый, такой пріятный принцъ; и я знаю, что есть такой человѣкъ, который готовъ пролить за него свою послѣднюю каплю крови!

— Этотъ глупецъ и невѣжда Куно! — фыркнулъ Фрицъ.

— Да, конечно, Куно, — сказалъ старикъ. — Этотъ Куно, одинъ изъ егерей принца, и если это васъ интересуетъ, — обратился онъ къ гостю, — я могу разсказать вамъ эту исторію, потому что вы здѣсь человѣкъ чужой и никому объ этомъ передавать не станете. Куно человѣкъ грубый, невоздержанный и невѣжественный, словомъ, настоящій грюневальдецъ, какъ мы здѣсь говоримъ! Мы его знаемъ хорошо, потому что онъ не разъ заѣзжалъ сюда разыскивать своихъ собакъ послѣ охоты, а я, сударь, охотно принимаю у себя всѣхъ людей безъ различія ихъ состоянія, положенія и національности. Къ тому же между Грюневальдомъ и Герольштейномъ такъ давно царитъ миръ, что граница между ними существуетъ лишь на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ путь изъ одного государства въ другое открытъ для каждаго, какъ двери моего дома, и люди обращаютъ

здѣсь столько же вниманія на эту границу, какъ тѣ птицы, что летятъ по небу высоко надъ землей.

— Да, — сказалъ Отто, — миръ между этими сосѣдями длится уже многіе вѣка.

— Именно вѣка, какъ вы изволили сказать,—подтвердилъ старикъ; — вотъ потому-то было бы еще болѣе обидно, если бы этотъ миръ вдругъ оказался нарушенъ. Но я началъ разсказывать о Куно. Этотъ Куно какъ то разъ провинился, и Отто, который очень горячъ и вспыльчивъ, схватилъ хлыстъ, да и давай его хлестать. Проучилъ онъ его порядкомъ. Куно, конечно, терпѣлъ сколько могъ, но, наконецъ, его прорвало, и онъ крикнулъ принцу, чтобы онъ бросилъ хлыстъ и помѣрился бы съ нимъ силой въ рукопашномъ бою! Мы всѣ здѣсь страстные борцы, и борьбой мы рѣшаемъ, обыкновенно, всѣ наши распри. И что же вы думаете, сударь?—Отто его послушался; но такъ какъ онъ тщедушное, изнѣженное существо, то гдѣ же ему было справиться съ этимъ парнемъ, и егерь, котораго онъ только что хлесталъ арапникомъ, какъ какого-нибудь невольника-негра, сразу перекинулъ его черезъ голову и заворотилъ ему салазки!

— Говорятъ, что Куно сломалъ ему лѣвую руку, а другіе, что онъ переломилъ ему носъ. Ну и по дѣломъ ему! — крикнулъ Фрицъ. — Какъ сошлись они одинъ на одинъ въ равномъ бою, такъ сразу видно стало, который изъ нихъ двоихъ лучше!

— Ну, и что же дальше было? — спросилъ Отто.

— Куно бережно отнесъ его домой, и съ той поры они стали друзьями. Замѣтьте, что я отнюдь не говорю, что въ этой исторіи есть что-нибудь постыдное для принца, но она забавна, а это главное! Только мнѣ кажется, что прежде чѣмъ начать бить человѣка, ему слѣдовало подумать. Сразиться въ честномъ бою одинъ на одинъ, какъ сказалъ мой племянничекъ, вотъ что называлось въ доброе старое время помѣриться силой, и что давало человѣку настоящую оцѣнку въ глазахъ остальныхъ.

— Да, такъ было прежде, но теперь людей цѣнятъ не за силу въ кулачномъ бою, и если бы вы спросили моего мнѣнія, я сказалъ бы вамъ, что въ данномъ случаѣ побѣдилъ принцъ.

— И вы, пожалуй, правы, сударь. Передъ лицомъ Божіимъ оно, конечно, такъ, но здѣсь люди смотрятъ на дѣло иначе, они смѣются надъ принцемъ Отто, котораго побѣдилъ его егерь,— сказалъ Готтесхеймъ.

— Про это даже пѣсню сложили, — вставилъ Фрицъ — я только не припомню сейчасъ, какъ она начинается.

— Вотъ какъ,—промолвилъ Отто, не имѣвшій ни малѣйшаго желанія слышать эту пѣсню. — Но вѣдь принцъ еще молодъ, онъ можетъ стать другимъ человѣкомъ, можетъ сознать свои недостатки.

— Ну, не такъ ужъ молодъ, позвольте вамъ замѣтить, — крикнулъ Фрицъ,—ему ужъ подъ-сорокъ лѣтъ!

— Тридцать шесть, — поправилъ его Готтесхеймъ.

— О! — воскликнула Оттилія, видимо разочарованная, — это ужъ человѣкъ среднихъ лѣтъ! А мнѣ говорили, что онъ такой красивый, такой молодой!

— Онъ лысый!—злобно вставилъ Фрицъ.

При этихъ его словахъ, Отто невольно провелъ рукой по своимъ густымъ кудрямъ. Онъ чувствовалъ себя далеко не счастливымъ въ этотъ моментъ, и даже скучные, тоскливые вечера во дворцѣ въ Миттвальденѣ казались пріятными по сравненію съ настоящими минутами.

— Тридцать шесть лѣтъ, это еще не такъ много, — запротестовалъ онъ.—Въ эти годы мужчина еще не старъ. Мнѣ тоже тридцать шесть лѣтъ.

— Я полагалъ, что вамъ больше, сударь, — сказалъ старикъ. — А если такъ, то вы ровесникъ съ «господиномъ Оттохенъ», какъ его зоветъ народъ. Но я готовъ проставить крону, что вы за свою жизнь больше послужили на пользу людямъ, чѣмъ онъ. Хотя ваши года можно еще, пожалуй, считать молодыми, особенно по сравненію съ людьми моихъ лѣтъ, но все же это уже порядочный этапъ на пути человѣческой жизни. Въ это время ужъ пройдена значительная часть дороги, и только дураки пустоголовые думаютъ, что въ эти годы можно начинать жизнь! Начинать тогда, когда они ужъ начинаютъ чувствовать усталость и скуку и смутную угрозу близящейся старости. Въ тридцать шесть лѣтъ настоящій человѣкъ, живущій по Божески, долженъ имѣть свой очагъ, долженъ имѣть опредѣленную профессію или занятія, долженъ составить себѣ извѣстную репутацію, заслужить уваженіе согражданъ, быть чѣмъ-нибудь настоящимъ и имѣть чѣмъ жить и чѣмъ содержать семью. Въ эти годы онъ долженъ уже имѣть жену и, если Богъ

благословитъ его союзъ, дѣтей и слава дѣлъ его должна слѣдовать за нимъ.

— Что-жъ, принцъ жену имѣетъ! — крикнулъ Фрицъ и громко расхохотался при этомъ.

— Почему же вамъ это кажется столь забавнымъ? — спросилъ Отто.

— Да неужели же вы и этого не знаете? Я думалъ, что объ этомъ вся Европа знаетъ! — воскликнулъ молодой крестьянинъ.

— Да, сударь, сейчасъ видно, что вы не здѣшній, — сказалъ старикъ, — иначе вы бы знали, какъ это знаютъ всѣ кругомъ, что вся эта княжеская семья и весь дворъ развратники и бездѣльники, какихъ хуже нѣтъ! Живутъ они въ праздности и сытости, и естественнымъ слѣдствіемъ того и другого является распутство. Принцесса обзавелась любовникомъ, который именуетъ себя барономъ. Это какой-то выходецъ изъ Восточной Пруссіи. А принцъ на все закрываетъ глаза и, какъ говорятъ, даже потакаетъ ей. Ну, развѣ это мужъ! Развѣ это мужчина!.. И это еще не все. Хуже всего то, что этому чужеземцу и его возлюбленной предоставлено вершить всѣ государственныя дѣла, а принцъ беретъ съ народа деньги и даетъ всему пропадать. Повѣрьте мнѣ, не добромъ все это кончится; придется ему держать отвѣтъ за свои дѣла, и хотя я старъ, а, пожалуй, и я еще доживу до этого времени.

— Нѣтъ, дядюшка, насчетъ Гондремарка ты не правъ! — воскликнулъ Фрицъ, проявляя сильное возбужденіе. — Во всемъ остальномъ я съ тобой вполнѣ согласенъ, ты говоришь какъ настоящій патріотъ. Что же касается принца, то если бы онъ взялъ и задушилъ свою жену, — то я бы многое простилъ ему за это!

— Нѣтъ, Фрицъ, — возразилъ старикъ, — это значило бы прибавить несправедливость ко всему остальному; потому что, видите ли, сударь, — пояснилъ онъ, обращаясь снова къ своему гостю, — этотъ Отто самъ во всемъ виноватъ. Онъ взялъ себѣ молодую жену и унаслѣдовалъ отъ отца это княжество, и далъ клятву любить и беречь и жену, и свое государство, а вмѣсто того, онъ предоставилъ и жену и страну какому-то авантюристу!

— Что изъ того, что онъ клялся предъ алтаремъ! — грубо

вмѣшался Фрицъ. — Вѣрьте принцамъ! Развѣ они держатъ свои клятвы!

— Онъ такъ мало оберегаетъ бѣдняжку, что отдалъ ее на произволъ всякихъ случайностей и соблазновъ; поэтому она, не видя въ немъ поддержки и опоры, падаетъ все ниже и ниже, такъ что самое имя ея вошло въ поговорку въ грязныхъ шинкахъ и распивочныхъ. А ей еще и двадцати лѣтъ нѣтъ! И страну свою онъ позволяетъ обременять налогами и поборами, истощать вооруженіями и довести до войны.

— До войны? — невольно воскликнулъ Отто.

— По крайней мѣрѣ такъ говорятъ, сударь, тѣ, кто слѣдитъ за тѣмъ, что тамъ дѣлается. Ну, скажите сами, сударь, развѣ все это не печально? Развѣ не обидно, что эта бѣдняжка, по его винѣ попадетъ въ адъ кромѣшный, да еще при жизни люди станутъ поносить и проклинать ее; и развѣ не печально, что такая славная, счастливая страна такъ дурно управляется и клонится къ погибели своей? И замѣтьте, всѣ въ правѣ жаловаться, только не Отто, потому что онъ, что посѣялъ. то и пожалъ! Но пусть Господь Богъ сжалится надъ его грѣшной душой, потому что много онъ зла и бѣдъ натворилъ на своемъ вѣку.

— Онъ не сдержалъ своей клятвы, значитъ, онъ клятвопреступникъ; онъ беретъ отъ государства деньги, а обязанностей своихъ не несетъ; дѣла своего не дѣлаетъ, а деньги беретъ. Это все равно что онъ ихъ крадетъ!—крикнулъ Фрицъ.

— А теперь разсудите сами, сударь, — продолжалъ старый фермеръ,—справедливо ли люди такъ дурно думаютъ объ этомъ принцѣ. Въ частной жизни человѣкъ долженъ быть честенъ и богобоязненъ, а кромѣ того, наряду съ этимъ, есть еще и общественныя доблести; но если человѣкъ не обладаетъ ни тѣми, ни другими, то, прости его Господи, какой же онъ послѣ этого человѣкъ! Даже этотъ Гондремаркъ, о которомъ Фрицъ такого высокаго мнѣнія...

— Да, — вмѣшался Фрицъ, — Гондремаркъ настоящій человѣкъ! Какъ разъ такой, какихъ намъ надо. Я желалъ бы, чтобы у насъ въ Герольштейнѣ выискался такой человѣкъ.

— Нехорошій онъ человѣкъ, — сказалъ старикъ, качая головой,—дурной, скверный человѣкъ, скажу я, и никогда еще не было положено доброе начало нарушеніемъ заповѣдей Бо-

жихъ. Но въ этомъ я съ тобою соглашусь, Фрицъ, — это человѣкъ, который работаетъ, не покладая рукъ, и не даромъ беретъ то, что имѣетъ.

— Говорю вамъ, что въ немъ вся надежда Грюневальда!— заявилъ Фрицъ. — Онъ, быть можетъ, не удовлетворяетъ нѣкоторымъ вашимъ старозавѣтнымъ, строгимъ требованіямъ, потому что онъ вполнѣ современный человѣкъ, человѣкъ просвѣщенный, человѣкъ прогресса! Кое въ чемъ онъ, конечно, поступаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Но кто же не бываетъ не правъ? Не только интересы народа близки ему; онъ во всемъ стоитъ за народъ и его права! И замѣтьте, сударь, вы, который, какъ я вижу, тоже либералъ и врагъ всякихъ ихнихъ правительствъ, вспомните мое слово, — настанетъ день, когда изъ Грюневальда прогонятъ этого пустоголоваго бездѣльника и лѣнтяя принца, и эту пухлолицую Мессалину принцессу, и выпроводятъ ихъ задомъ напередъ черезъ границу, на всѣ четыре стороны, а барона Гондремарка превозгласятъ президентомъ. Я былъ на митингѣ въ Бранденау, и миттвальденскіе делегаты говорили это отъ лица пятнадцати тысячъ грюневальдскихъ гражданъ. Пятнадцать тысячъ человѣкъ зарегистрованныхъ, сформированныхъ въ бригады и всѣ съ медалями на шеѣ въ качествѣ знака объединенія, и все это можно сказать создалъ Гондремаркъ...

— Да, сударь, теперь вы сами видите, къ чему это ведетъ. Сегодня безумныя рѣчи, а завтра безумныя дѣйствія и поступки!—сокрушенно проговорилъ старикъ.—Несомнѣнно одно, что этотъ Гондремаркъ стоитъ одной ногой при дворѣ, на дворцовой задней лѣстницѣ, а другой въ массонскихъ ложахъ и выдаетъ себя за то, что въ наше время называютъ: «патріотомъ». И этотъ выходецъ изъ Восточной Пруссіи слыветъ грюневальдскимъ патріотомъ!!.

— Выдаетъ себя!—воскликнулъ почти свирѣпо Фрицъ.— Нѣтъ, онъ и есть патріотъ на самомъ дѣлѣ! Онъ сложитъ съ себя титулъ, какъ только будетъ превозглашена республика! Это онъ заявилъ всѣмъ, какъ я слышалъ на митингѣ.

— Да, онъ сложитъ съ себя баронство, чтобы принять президентство, — пробормоталъ старикъ; — царь бревно и царь аистъ въ лягушечьемъ царствѣ! Ты больше моего проживешь на свѣтѣ, ты еще увидишь плоды всей этой затѣи.

— Батюшка, — прошептала Оттилія, дергая старика за рукавъ,—нашъ гость, какъ видно, нездоровъ.

— Бога ради, простите меня, сударь, я вижу вамъ не по себѣ... Не могу ли я предложить вамъ чего-нибудь?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ; я только страшно утомленъ, — отвѣтилъ Отто;—я слишкомъ понадѣялся на свои силы, какъ я вижу, и буду вамъ очень признателенъ, если вы дадите мнѣ гдѣ-нибудь постель, чтобы переночевать.

— Оттилія, дай свѣчу! — скомандовалъ Готтесхеймъ. — Вы въ самомъ дѣлѣ очень блѣдны, сударь; быть можетъ вы бы выпили немного подкрѣпительнаго на ночь? Нѣтъ? Ну, въ такомъ случаѣ, потрудитесь слѣдовать за мной, я проведу васъ въ комнату для гостей. Вы будете не первый, хорошо проспавшій ночь подъ моимъ кровомъ, — продолжалъ словоохотливый старикъ, подымаясь по лѣстницѣ впереди своего гостя; — видите-ли, добрый ужинъ, стаканчикъ добраго вина и спокойная совѣсть, да задушевная бесѣда съ добрыми людьми на сонъ грядущій стоятъ всякихъ аптекарскихъ снадобій, могу васъ увѣрить. А вотъ вы и у пристани, сударь,—добавилъ хозяинъ, отворяя дверь въ маленькую, чисто выбѣленную спальную. — Комната не велика, но воздуха въ ней много, бѣлье на постели чистое и хранится всегда въ лавандѣ, а окно выходитъ прямо на рѣку, а журчанье рѣчки, повѣрьте мнѣ, лучше всякой музыки. Она напѣваетъ намъ все одну и ту же пѣсню, но пѣсня эта никогда не пріѣдается, какъ музыка любого скрипача. Подъ ея звуки мысли уносятся далеко и въ концѣ концовъ дѣйствуютъ на человѣка такъ же успокоительно, какъ молитва. Итакъ позвольте мнѣ проститься съ вами до завтра, сударь, и отъ души пожелать вамъ, чтобы вы проспали эту ночь, какъ принцъ.

И послѣ двадцатаго вѣжливаго поклона старикъ, наконецъ, удалился, оставивъ своего гостя одного.

III. Въ которой принцъ утѣшаетъ и старость и красоту и преподаетъ урокъ скромности въ любви.

На другой день принцъ поднялся рано и вышелъ изъ дома, когда птицы только что начали пѣть, когда воздухъ былъ чистъ и спокоенъ, а лучи солнца еще едва скользили вкось и по травѣ и по деревьямъ, и тѣни были длинныя, длинныя и ложились

далеко впередъ по землѣ. Послѣ мучительно проведенной ночи прохлада ранняго утра дѣйствовала успокоительно и живительно. Украсть часокъ у своихъ спящихъ собратій, быть, такъ сказать, Адамомъ нарождающагося дня, вносило радость и бодрость въ душу принца, который теперь дышалъ глубоко полной грудью, шагая по мокрой отъ росы травѣ, рядомъ со своей тѣнью, и останавливаясь, чтобы впивать въ себя ароматъ ранняго утра. Огороженная изгородью дорожка вела внизъ подъ гору къ потоку. Этотъ потокъ былъ бурливой горной рѣчкой, которая подлѣ самой фермы низвергалась съ небольшого обрыва бурнымъ водопадомъ внизъ, въ большую лужу или бассейнъ, гдѣ она бурлила и клокотала и расходилась кругами. Изъ средины этого самороднаго бассейна или лужи торчалъ, словно зубъ изо рта, наклонный утесъ, врѣзаясь мысомъ въ самую средину бассейна; сюда то и взобрался Отто, сѣлъ и погрузился въ свои мысли.

Вскорѣ солнце поднялось выше и, пробиваясь сквозь паутину вѣтвей и мелкихъ листочковъ, склонившихся надъ водопадомъ, на подобіе воздушной зеленой арки деревьевъ, озолотило и испестрило своими бликами это своеобразное сѣдалище. Тѣ же золотые лучи проникали глубоко въ стремительно низвергающуюся водяную струю и зажгли на вершинѣ ея свѣтящуюся и сверкающую какъ алмазъ точку или искру. Начинало становиться жарко тамъ, гдѣ сидѣлъ Отто; десятки свѣтящихся точекъ зажглись теперь и въ бурлящей и крутящейся лужѣ или бассейнѣ у подножія скалы, и дрожали и плясали на водѣ какъ свѣтящіяся мухи; но брызги водопада освѣжали воздухъ, какъ колышащійся занавѣсъ.

Отто, который усталъ отъ волненій и былъ измученъ осаждавшими его со всѣхъ сторонъ призраками раскаянія и ревности, сразу влюбился въ этотъ испещренный солнцемъ, неумолчно говорливый уголокъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на этотъ водоворотъ, какъ сквозь сонъ дивясь и любуясь, размышляя и теряясь въ своихъ мысляхъ, расплывчатыхъ и смутныхъ, какъ эти круги на водѣ. Ничто такъ близко не олицетворяетъ въ нашихъ глазахъ свободную волю, какъ безсознательно рвущаяся впередъ и мечущаяся въ водоворотѣ пороговъ рѣка, въ сущности покорно слѣдующая своимъ законамъ, въ силу которыхъ вода

въ томъ или иномъ мѣстѣ обходитъ или побѣждаетъ препятствія встрѣчающіяся на ея пути. Мы видимъ въ ней какъ бы борьбу человѣка съ его судьбой, и по мѣрѣ того какъ Отто, всматриваясь въ эти встрѣчныя противоборствующія теченія, вслушивался въ этотъ безпрерывный шумъ воды, онъ становился все сонливѣе и уходилъ все глубже и глубже въ себя. Этотъ водоворотъ и онъ были одинаково безполезны и никому не нужны; этотъ водоворотъ и онъ одинаково натыкались на препятствія на своемъ пути и были одинаково прикованы неосязаемыми вліяніями, невидимыми узами къ этому уголку вселенной. И онъ, и этотъ водоворотъ несли одно проклятіе, раздѣляли одну судьбу!

Вѣроятно, онъ уснулъ, потому что его пробудилъ чей-то голосъ.

— Сударь,—окликала его дочь старика Готтесхейма, — и при этомъ она казалось сама смутилась своей смѣлостью и дѣлала ему какіе-то знаки съ берега. Это была простая, здоровая и счастливая дѣвушка, добрая и чистосердечная, обладающая той особой деревенской красотой, которую создаютъ довольство, беззаботность и здоровье; но на этотъ разъ ея смущеніе придавало ей особую прелесть и привлекательность.

— Съ добрымъ утромъ, — сказалъ Отто, идя къ ней навстрѣчу.—Я всталъ рано, пришелъ сюда помечтать и задремалъ.

— Ахъ, сударь,—воскликнула она,—я хочу просить васъ пощадить моего отца; я увѣряю ваше высочество, что если бы онъ зналъ, кто вы, онъ скорѣе откусилъ бы себѣ языкъ! И Фрицъ тоже; какъ онъ раскипятился! Только у меня зародилось маленькое подозрѣніе и, вставъ поутру, я пошла въ конюшню и тамъ увидѣла корону вашего высочества на стремянахъ у вашего сѣдла. Но, сударь, я увѣрена, что вы простите ихъ, потому что они передъ вами ни въ чемъ неповинны.

— Милая,—сказалъ Отто, котораго это забавляло и которому льстило довѣріе дѣвушки,—во всемъ этомъ виноватъ я;—мнѣ не слѣдовало скрывать своего имени и вызывать ихъ на этотъ разговоръ обо мнѣ; и теперь я долженъ просить, чтобы вы сохранили мою тайну и не выдали меня, и чтобы вы простили мнѣ мой маленькій обманъ. А что касается вашихъ опасеній, то ваши друзья здѣсь въ полной безопасности, въ своемъ Ге-

гольштейнѣ и даже на моей землѣ, потому что вы слышали вчера, какъ мало я значу у себя въ княжествѣ.

— Ахъ, сударь,—воскликнула она, приcѣдая,—я бы этого не сказала; я знаю, что егеря всѣ до единаго рады были бы умереть за васъ!

— Счастливый принцъ! — воскликнулъ саркастически Отто.—Но хотя вы изъ вѣжливости не хотите сознаться, вы много разъ имѣли случай слышать, что я—одна только личина принца. Еще вчера мы это слышали здѣсь. Вы видите вонъ эти тѣни, что дрожатъ тамъ на утесѣ среди водоворота; такъ вотъ принцъ Отто, эта колеблящаяся тѣнь, а та несокрушимая скала—Гондремаркъ! Да, если бы они напали вчера такъ на Гондремарка, дѣло было бы плохо; но къ счастію для него, молодой парень его ярый приверженецъ и почитатель, а что касается вашего отца, то онъ человѣкъ разумный и превосходный собесѣдникъ, и я готовъ чѣмъ угодно поручиться, что онъ человѣкъ честный и правдивый,

— О, да, ваше высочество, онъ честный и справедливый!—воскликнула дѣвушка. — И Фрицъ тоже честный, — добавила она:—а относительно того, что они вчера говорили, то все это была одна пустая болтовня и глупости. Когда деревенскіе люди начнутъ болтать, такъ они сами не знаютъ, что болтаютъ, лишь бы только болтать себѣ и другимъ на потѣху; они даже не думаютъ о томъ, что они говорятъ; и если вы доѣдете до ближайшей фермы, то навѣрное услышите все такое же про моего отца.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Отто,—въ этомъ вы заходите слишкомъ далеко,—потому что все, что было сказано про принца Отто...

— Было возмутительно!—воскликнула дѣвушка.

— Не возмутительно, а справедливо,—сказалъ Отто.—Да, справедливо;—я дѣйствительно таковъ, какъ они говорили, и даже хуже!

— Никогда!—горячо запротестовала Оттилія.—Такъ вотъ вы какъ это принимаете! Ну, изъ васъ никогда бы не вышло добраго солдата. Если меня затронутъ, то я вскочу и дамъ сдачи! Да еще какъ! Я себя въ обиду не дамъ, я стану защищаться! Ни за что я не допущу, чтобы другой человѣкъ мнѣ на мою вину указывалъ, даже и тогда, когда бы эта вина у меня на

лбу была написана! И такъ должны поступать и вы, если вы хотите пережить все это. Но право я никогда еще не слыхала ничего глупѣе! Мнѣ думается, что вамъ было стыдно за себя! Такъ вы лысый, не правда ли? А?

— О, нѣтъ,—сказалъ Отто и весело разсмѣялся.—Въ этомъ я могу оправдаться; лысымъ я еще никогда не былъ.

— Красивый вы и хорошій,—убѣждала его дѣвушка.—Вѣдь вы знаете, что вы добрый и хорошій, и я заставлю васъ самого сказать это всѣмъ въ лицо! Простите меня, ваше высочество, но это не изъ неуваженія къ вамъ, вы это знаете, и вы знаете тоже, что вы хорошій.

— Ну что же я по вашему долженъ сказать? — спросилъ Отто.—Я вамъ скажу вотъ что; вы повариха, вы прекрасно готовите, пользуюсь случаемъ поблагодарить васъ за превосходное вчерашнее рагу; но скажите мнѣ, развѣ вамъ не случалось видѣть, какъ прекраснѣйшая провизія до того изгаживается неумѣлыми стряпухами, что блюда въ ротъ взять нельзя? То же самое можно сказать и про меня; я, быть можетъ, хорошая провизія, но блюдо изъ меня получилось никуда негодное ! Я все равно, что сахаръ въ салатѣ! Короче говоря...

— Мнѣ все равно, я знаю только, что вы хорошій,—проговорила Оттилія, слегка вспыхнувъ, потому что не поняла его сравненія.

— Хорошая вы, а не я,—сказалъ Отто

— Ахъ, это всѣ про васъ говорятъ, что языкъ у васъ такой льстивый, что вы хоть кого обойдете,—укоризненно промолвила она.—Нехорошо это!

— Вы забываете, что я человѣкъ среднихъ лѣтъ, чуть что не старикъ,—засмѣялся принцъ.

— А если сказать вамъ правду, когда васъ слушаешь, то можно подумать, что вы еще мальчикъ; и хоть вы принцъ, но если бы вы пришли мѣшать, когда я стряпаю, я пришпилила бы салфетку къ вашимъ фалдамъ! Да! Боже мой, простите меня, ваше высочество, но у меня что на умѣ, то и на языкѣ! Я ничего подѣлать съ собой не могу!—добавила дѣвушка, застыдившись.

— И я также! — воскликнулъ принцъ.—И на это именно всѣ они и жалуются.

Они походили на двухъ влюбленныхъ; хотя шумъ водопада, походившаго на хвостъ бѣлаго коня, заставлялъ ихъ говорить громче обычнаго шепота влюбленныхъ, но тѣмъ не менѣе для ревниваго глаза, который могъ бы видѣть ихъ сверху, ихъ веселыя лица, шутливый тонъ и близость могли показаться подозрительными. И чей-то грубый голосъ изъ-за кустовъ терновника сталъ звать Оттилію по имени. При этомъ она вдругъ измѣнилась въ лицѣ.

— Это Фрицъ!—сказала она.—Мнѣ надо идти.

— Идите, милая, идите съ миромъ и будьте спокойны; надѣюсь, вы успѣли убѣдиться, что при ближайшемъ знакомствѣ я не грозенъ и не свирѣпъ,—сказалъ принцъ и красивымъ жестомъ руки милостиво отпустилъ свою собесѣдницу.

Оттилія вскарабкалась вверхъ по берегу водопада и скрылась въ кустахъ, но передъ тѣмъ еще разъ остановилась, обернулась назадъ и, вся зардѣвшись, сдѣлала торопливый книксенъ; зардѣвшись, потому что она за это время забыла и опять припомнила о высокомъ санѣ гостя.

Отто вернулся на свое прежнее мѣсто на утесѣ, но настроеніе его теперь было совсѣмъ иное. Солнце свѣтило сильнѣе на разливъ, и на его волнующейся и крутящейся поверхности голубое небо и зеленая листва, отражаясь, дрожали и рябили какъ причудливые арабески. Маленькіе крутни и вороты теперь какъ будто повеселѣли и смѣялись, глядя на небо; красота самой долины прельстила принца; это чудесное мѣстечко было такъ близко отъ его границы и все же за предѣлами. Его никогда не радовало обладаніе тысячами прекрасныхъ вещей, принадлежавшихъ ему, а теперь онъ сознавалъ, что завидуетъ тому, что принадлежитъ другому. Правда, это была улыбающаяся, любительская зависть, но все же это была зависть. Это была въ миніатюрѣ зависть Ахава къ винограднику, и онъ почувствовалъ положительное облегченіе, когда увидѣлъ приближающагося Килліана Готтесхейма.

— Надѣюсь, сударь, что вы хорошо почивали подъ моимъ кровомъ,—сказалъ старый фермеръ.

— Я любуюсь этимъ прекраснымъ мѣстечкомъ, гдѣ вы имѣете счастье жить,—замѣтилъ Отто, избѣгая прямого отвѣта.

— Дико здѣсь и по-сельски просто,—отозвался старикъ, осматриваясь кругомъ съ видимымъ умиленіемъ.—Хорошій уго-

локъ,—продолжалъ онъ,—и земля превосходная, жирный черноземъ, глубокій черноземъ. Вамъ бы слѣдовало посмотрѣть мою пшеницу; у меня тамъ десять акровъ полей.—Ни одна ферма въ Грюневальдѣ или въ Герольштейнѣ не сравнится съ «Рѣчной Фермой». Здѣсь земля родитъ самъ 60, самъ 70;—ну, конечно, это отчасти и отъ обработки зависитъ.

— А въ рѣкѣ вашей есть рыба?—спросилъ Отто.

— Настоящій рыбный садокъ, сударь! — отвѣтилъ фермеръ.—Что и говорить, хорошее мѣстечко; здѣсь даже хорошо тому у кого есть свободное время, посидѣть и послушать какъ шумитъ потокъ и посмотрѣть, какъ крутится водоворотъ въ разливѣ,—а зеленыя вѣтки деревьевъ сплетаются надъ водопадомъ, да вотъ какъ сейчасъ; когда солнце въ нихъ ударяетъ, самые камни на днѣ превращаются въ самоцвѣтные алмазы! Однако, вы уже въ такихъ годахъ, извините меня, когда надо остерегаться ревматизмовъ. остерегаться, чтобы они какъ-нибудь не пристали къ вамъ;—между 30-ю и 40-а годами, говорятъ, время посѣва всякихъ недуговъ, а мѣсто здѣсь сырое и холодное, особенно раннимъ утромъ, да еще на пустой желудокъ. Съ вашего разрѣшенія, я бы посовѣтовалъ вамъ уйти отсюда.

— Съ большой охотой принимаю вашъ совѣтъ,—отозвался Отто.—Такъ вы прожили здѣсь всю жизнь?—спросилъ онъ, идя рядомъ съ фермеромъ.

— Да, сударь, здѣсь я родился,—отвѣтилъ старикъ,—и я желалъ бы имѣть право сказать, что здѣсь я и умру. Но не мы, а судьба вертитъ колесо нашей жизни; говорятъ, что она слѣпа, но я думаю, что она дальновиднѣе насъ. Мой дѣдъ и мой отецъ и я, мы всѣ пахали эти поля одинъ за другимъ; всѣ наши три имени вырѣзаны тамъ на садовой скамьѣ; два Килліана одинъ Іоганнъ. Да, могу сказать, въ этомъ моемъ саду хорошіе люди готовились перейти изъ этой жизни въ новую жизнь. Я отлично помню отца, въ его шерстяномъ вязаномъ колпакѣ, бродящимъ по всему саду, въ послѣдній день своей жизни, желая еще разъ увидѣть всѣ эти мѣста. «Килліанъ», сказалъ онъ мнѣ «видишь ты этотъ дымъ моей трубки? Ну такъ вотъ—такова и жизнь человѣка»—и это была его послѣдняя трубочка, и я полагаю что онъ это зналъ. И странное это дѣло, думается мнѣ, разставаться со всѣми этими деревьями, которыя онъ насадилъ, съ полями которые онъ вспахалъ, съ сыномъ, котораго онъ боготворилъ и даже

съ этой старой фарфоровой трубкой съ головой турка, изображенной на ней, которую онъ всегда курилъ съ тѣхъ самыхъ поръ когда былъ еще молодымъ парнишкой и ухаживалъ за дѣвушками. Но здѣсь на землѣ намъ не дано пребывать вѣчно, а тамъ въ небесахъ намъ засчитываются всѣ наши добрыя дѣла,—и присчитывается даже больше, чѣмъ у насъ ихъ было; и это наше утѣшеніе. А все же, вамъ трудно будетъ представить себѣ, какъ мнѣ горько думать, что мнѣ придется умирать въ чужомъ мѣстѣ.

— Но почему же вамъ это придется? Какія на то причины?—спросилъ Отто.

— Причины? Причина та, что эта ферма будетъ продана; продается она за три тысячи,—продолжалъ старикъ;—будь это всего третья часть этой суммы, то я не хвастаясь могу сказать, что съ моимъ кредитомъ и моими маленькими сбереженіями, я бы могъ собрать эти деньги и пріобрѣсти эту землю въ собственность; но три тысячи кронъ,—это свыше моихъ силъ, и если мнѣ не привалитъ особое счастье, и новый владѣлецъ не согласится оставить за мной право обрабатывать эту землю,—мнѣ не остается ничего больше, какъ собрать свои пожитки и убираться куда глаза глядятъ.

Слыша это, желаніе обладать этой фермой еще болѣе возросло у принца, и къ нему присоединилось еще и другое чувство. Если все, что онъ слышалъ правда, то Грюневальдъ становился не надежнымъ для него мѣстомъ, и на всякій случай не мѣшало приготовить себѣ убѣжище; а если такъ, то гдѣ могъ онъ найти болѣе очаровательное мѣстечко для своего отшельническаго житья? Кромѣ того старикъ Готтесхеймъ возбудилъ въ немъ чувство сожалѣнія къ себѣ, и каждый человѣкъ въ глубинѣ души не прочь при случаѣ разыграть роль Провидѣнія, хотя бы театральнаго. А помочь горю стараго фермера, такъ жестоко и безпощадно отчитавшаго его вчера въ своей бесѣдѣ, развѣ это не являлось благороднѣйшею отплатой добромъ за зло? При этомъ мысли Отто какъ-то прояснились, и онъ сталъ смотрѣть на себя съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ вчера.

— Я думаю, что могу подыскать покупателя, который продолжитъ вамъ срокъ аренды и будетъ и впредь пользоваться вашими трудами для обработки фермы,—сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ старикъ.—Если такъ, а

вамъ буду очень признателенъ, потому что, видите ли вы, сколько бы человѣкъ ни пріучалъ себя къ безропотной покорности въ теченіи всей своей жизни, какъ и къ лекарствамъ, онъ все же подъ конецъ жизни не полюбитъ ни того, ни другого.

— Составляя запродажную запись, — сказалъ принцъ, — вы можете вставить въ нее условіе насчетъ оставленія за собою права пожизненной аренды этой фермы.

— Можетъ быть, вашъ покупатель, сударь, не будетъ ничего имѣть противъ перенесенія этого права аренды на моего племянника? Фрицъ хорошій работникъ.

— Фрицъ молодъ,—сказалъ сухо принцъ,—онъ самъ долженъ заработать, что ему нужно, а не наслѣдовать готовое.

— Онъ долго работалъ на этой фермѣ, сударь,—настаивалъ старикъ,—а въ мои преклонные годы,—мнѣ уже 78 лѣтъ было прошлой осенью,—владѣльцу фермы пришлось бы думать о томъ, кѣмъ меня замѣнить когда меня не станетъ. Прямой разсчетъ обезпечить себя готовымъ работникомъ и я полагаю, что пожизненный срокъ аренды могъ бы прельстить Фрица.

— У этого молодого человѣка очень шаткіе взгляды, какъ я могъ замѣтить,—такъ же сухо отпарировалъ принцъ.

— Но быть можетъ покупатель...—началъ было Готтесхеймъ.

Яркія пятна гнѣвнаго румянца вспыхнули на щекахъ Отто.

— Покупатель я!—подчеркнулъ онъ.

— Я могъ бы это сразу предположить,—промолвилъ старикъ съ почтительнымъ, степеннымъ поклономъ стараго человѣка.— Вы осчастливили старика, сударь, и я могу сказать, что самъ того не зная, я принялъ ангела въ свой домъ, и если бы великіе міра сего, я разумѣю подъ этимъ людей, занимающихъ высокое положеніе, если бъ они обладали такимъ же добрымъ сердцемъ какъ вы, какъ бы много добра они могли сдѣлать для бѣдныхъ, и какую любовь къ себѣ они зажгли бы въ ихъ сердцахъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не судилъ ихъ такъ строго,—сказалъ Отто;—мы всѣ имѣемъ свои слабости.

— Ваша правда, сударь,—отозвался старикъ.—Не соблаговолите ли сказать мнѣ, какъ я долженъ именовать моего благодѣтеля и будущаго владѣльца фермы?

Подъ впечатлѣніемъ воспоминанія объ англичанинѣ путешественникѣ, котораго онъ на этихъ дняхъ принималъ у себя

при дворѣ, и о другомъ старомъ шутникѣ англичанинѣ, котораго онъ знавалъ въ своей юности, принцъ назвалъ себя «Трансомъ».

— Я англичанинъ, досужій путешественникъ, — сказалъ онъ.—Сегодня у насъ вторникъ; въ четвергъ, передъ полуднемъ, деньги будутъ приготовлены, и мы съ вами встрѣтимся въ Миттвальденѣ, въ гостиницѣ «Утренняя Звѣзда». Будьте аккуратны, я васъ буду ждать.

— Я во всемъ вѣренъ, сударь, и всегда къ вашимъ услугамъ,—сказалъ фермеръ.—Англичане великіе путешественники, что мы всѣ знаемъ, но въ почвѣ ваша милость знаетъ толкъ?

— Я когда-то прежде интересовался этимъ, — сказалъ принцъ, конечно, не въ Герольштейнѣ, но судьба какъ вы сказали вертитъ колесо нашей жизни, и я хотѣлъ бы быть предусмотрителенъ.

— Вы совершенно правы, сударь,—одобрилъ его Килліанъ Готтесхеймъ.—Желаете взглянуть на поля?

Они шли не спѣша, но тѣмъ не менѣе подошли уже къ самому дому, и подымались по огороженной изгородью дорожкѣ на равнину, гдѣ разстилались луга. Нѣсколько впереди ихъ слышались голоса, которые теперь по мѣрѣ ихъ приближенія становились громче и отчетливѣе съ каждымъ ихъ шагомъ. И въ тотъ моментъ, когда они поднялись на уровень дома, они увидѣли Фрица и Оттилію въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя. Онъ былъ мраченъ, и лицо его пылало гнѣвомъ, а слова свои онъ выкрикивалъ хриплымъ отъ раздраженія голосомъ, и какъ бы подчеркивалъ ихъ, ударяя кулакомъ одной руки по ладони другой. Она стояла поодаль, раскраснѣвшаяся, негодующая.

— Боже мой!—сказалъ старикъ и сдѣлалъ видъ, будто собирается свернуть въ сторону. Но Отто пошелъ прямо на ссорившихся, полагая, что онъ отчасти причастенъ къ ихъ ссорѣ. Какъ только Фрицъ увидѣлъ принца, онъ тотчасъ же принялъ еще болѣе грозный и вызывающій видъ.

— А, тутъ вы и есть!—крикнулъ онъ, когда Отто подошелъ достаточно близко, для того, чтобы можно было свободно разговаривать.—Вы мужчина и вы должны мнѣ отвѣтить. Что вы тамъ дѣлали? О чемъ вы двое шептались тамъ въ кустахъ? И подумать только,—вскрикнулъ онъ, обращаясь въ сторону дѣвушки,—что я тратилъ свое чувство на такую, какъ ты?

— Прошу извиненія,—вставилъ Отто,—вы кажется обра-

щались ко мнѣ. По какому праву, позвольте васъ спросить, требуете вы отъ меня отчета въ поведенiи этой дѣвушки. Что вы ей отецъ, братъ, супругъ?

— Эхъ, сударь, вамъ прекрасно извѣстно, что мы съ ней дружимъ,—заявилъ молодой крестьянинъ.—Я ее люблю и она на пути къ тому, чтобы полюбить меня; но всему этому я положу конецъ, все пойдетъ на смарку! Пускай она это знаетъ, потому что у меня тоже есть своя гордость.

— Какъ я вижу, молодой человѣкъ, мнѣ приходится объяснить вамъ, что такое есть любовь,—сказалъ Отто. Любовь—это чувство мѣры, нѣжность и доброта. Весьма возможно, что у васъ есть своя гордость, но почему же вы не допускаете, что и у насъ она тоже есть? Я не говорю о себѣ, но вѣроятно, если бы кто-нибудь вздумалъ такъ страстно отнестись къ вашимъ собственнымъ поступкамъ, вы бы тоже нашли лишнимъ отвѣчать на подобные вопросы.

— Все это отговорки, и увертки!—воскликнулъ Фрицъ. — Вы прекрасно знаете, что мужчина—это мужчина, а женщина,—всего только женщина!—И это во всемъ свѣтѣ такъ.—Я теперь спрашиваю васъ—спрашиваю еще разъ и какъ видите, стою и жду отвѣта.

— Я увѣренъ, что когда вы основательнѣе изучите либеральные доктрины, и лучше поймите это ученiе, — сказалъ принцъ—вы въ значительной мѣрѣ измѣните свои понятiя. У васъ, мой юный другъ, нѣтъ чувства мѣры и сознанiя своихъ и чужихъ правъ; вы установили какiя-то особенныя мѣрки для женщинъ,—и другiя для мужчинъ,—какiя-то особыя для принцовъ, и другiя для фермеровъ. Вы невыразимо строги и безпощадны къ принцу, который небрежно относится къ своей женѣ, — но почему же вы миритесь тогда съ влюбленнымъ, который оскорбляетъ свою возлюбленную? Вы употребили слово «люблю», но мнѣ кажется, что эта молодая особа была бы въ правѣ просить васъ избавить ее отъ подобной любви,—потому что, если я, чужой человѣкъ, позволилъ бы себѣ десятую долю той грубости и невѣжества какiя вы себѣ позволили по отношенiю къ ней, вы были бы вправѣ проломить мнѣ за это голову; это было бы даже вашей обязанностью, такъ сказать, оградить и защитить

ее отъ подобной грубости и дерзости. А теперь вы должны прежде оградить ее отъ васъ самихъ.

— О,—вмѣшался Готтесхеймъ, стоявшій все время и слушавшій заложивъ руки за спину,—да вѣдь это святая истина! Противъ этого ничего сказать нельзя.

Даже Фрицъ былъ смущенъ этимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и благородствомъ манеръ принца и въ немъ мелькнуло сознаніе своей виновности, а упоминаніе о либеральныхъ доктринахъ совершенно обезоружило его.

— Пусть такъ, я былъ грубъ и сознаюсь въ этомъ,—сказалъ Фрицъ. Я не хотѣлъ ничего дурного, и не сдѣлалъ ничего такого, на что я не имѣлъ бы законнаго права, но я выше всѣхъ этихъ старыхъ предразсудковъ, и если я былъ рѣзокъ въ разговорѣ съ ней, я прошу ее простить меня.

— Отъ души прощаю, Фрицъ,—сказала Оттилія.

— Но все это не есть отвѣтъ на мой вопросъ!—крикнулъ Фрицъ.—Я спрашиваю, о чемъ вы двое тамъ говорили. Она говоритъ, что обѣщала не говорить. Пусть такъ, но я все-таки намѣренъ узнать. Вѣжливость вѣжливостью, но я не желаю быть одураченнымъ я имѣю право на справедливость разъ я состою членомъ общества.

— Если вы спросите господина Готтесхейма, — сказалъ Отто,—то вы узнаете, что я не даромъ потратилъ время сегодня утромъ; я за это время, послѣ того какъ всталъ и обошелъ эти мѣста, рѣшилъ купить вотъ эту ферму. Вотъ все, что я считаю возможнымъ сказать вамъ, чтобы удовлетворить ваше любопытство, которое я считаю неприличнымъ и предосудительнымъ.

— Ну, если это было по дѣлу, то и говорить не о чемъ,—отозвался Фрицъ.—Хотя я не могу понять почему вы этого сразу не могли сказать. Но разъ что вы заявляете, что покупаете эту ферму,—то мнѣ ничего больше говорить не остается.

— Ну, конечно!—убѣжденно и вѣско поддержалъ его въ послѣднемъ старый фермеръ.

Оттилія же была гораздо смѣлѣе.

— Ну вотъ видишь!—торжествующе воскликнула она.—Я тебѣ говорила, что я за васъ ратовала,—ну теперь ты и самъ убѣдился! Стыдись своего подозрительнаго нрава! Ты бы долженъ былъ теперь на колѣняхъ просить прощенія у этого господина и у меня, вотъ что я тебѣ скажу, да!

IV. Въ которой принцъ попутно собираетъ мнѣнія.

Не задолго передъ полуднемъ, принцъ Отто, путемъ цѣлаго ряда ловкихъ маневровъ ухитрился незамѣтно покинуть ферму. избавившись такимъ образомъ отъ полновѣсныхъ благодарностей стараго фермера и отъ конфиденціальныхъ благодарностей славненькой Оттиліи. Но отъ Фрица, не такъ-то легко было отдѣлаться. Этотъ молодой политиканъ, обдавая его таинственными многозначительными взглядами, предложилъ проводить его до большой дороги, и Отто изъ опасенія новой сцены ревности для бѣдной дѣвочки, не рѣшился отказать ему въ этомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поглядывалъ на своего спутника не совсѣмъ спокойнымъ взглядомъ и въ душѣ желалъ чтобы все это поскорѣе кончилось. Нѣкоторое время Фрицъ шелъ подлѣ его коня молча, пока отошли уже болѣе половины предполагаемаго разстоянія. Тогда Фрицъ, слегка покраснѣвъ, поднялъ на него глаза и заговорилъ.

— Скажите, вы не то, что принято называть соціалистомъ?—спросилъ онъ принца.

— Нѣтъ, я не совсѣмъ то, что принято называть этимъ именемъ. Но почему вы спрашиваете меня объ этомъ?—удивился Отто.

— Я сейчасъ скажу вамъ почему,—отвѣтилъ молодой парень.—Я сразу же увидѣлъ, что вы «красный» и «прогрессистъ» и что вы только изъ опасенія передъ старикомъ сдерживались: и въ этомъ вы были совершенно правы; старые люди всегда трусы! Но въ настоящее время столько образовалось различныхъ группъ, что очень трудно сказать до какого предѣла способенъ дойти данный человѣкъ, и потому я не былъ увѣренъ, что вы одинъ изъ явно свободомыслящихъ людей, до того момента пока вы не намекнули о равноправіи женщинъ и о свободной любви.

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивился еще разъ Отто.—Но я насколько помню, не говорилъ ни слова о подобныхъ вещахъ.

— Ну, конечно!—воскликнулъ Фрицъ.—Вы никогда не скажете ни одного слова, которое могли бы выдать васъ, вы, что называется только посѣвъ засѣвали, почву зондировали, какъ говоритъ нашъ президентъ,—но меня трудно провести, потому что я знаю всѣхъ агитаторовъ и всѣ ихъ пріемы, я знаю всѣ

новѣйшія доктрины; но между нами говоря, (и при этомъ онъ понизилъ голосъ) я самъ состою въ союзѣ.—Да, я членъ тайнаго общества, и вотъ вамъ въ доказательство и моя медаль. И онъ вытащилъ изъ-за ворота зеленую ленту, висѣвшую унего на шеѣ,—и протянулъ Отто оловянную медаль съ изображеніемъ горящаго легендарнаго Феникса, и надпись «Libertas». Теперь вы видите, что можете мнѣ довѣриться,—добавилъ Фрицъ.—Я отнюдь не трактирный краснобай, который только языкомъ мелетъ, я убѣжденный революціонеръ.—И онъ умильно взглянулъ на Отто.

— Я вижу, что вамъ это доставляетъ большое удовольствіе,—сказалъ принцъ.—Но я вамъ скажу, что самое важное для блага вашей страны, это чтобы вы прежде всего были хорошимъ человѣкомъ. Въ этомъ вся сила. А что касается меня, то хотя вы и не ошиблись, полагая, что я причастенъ политикѣ, но по натурѣ своей я непригоденъ для роли руководителя, и боюсь, что я былъ предназначенъ для роли подчиненнаго. Тѣмъ не менѣе, каждому изъ насъ приходится кое надъ чѣмъ повелѣвать, хотя бы надъ своими собственными чувствами и порывами. Молодой человѣкъ и мужчина, собирающійся жениться, долженъ внимательно слѣдить за собой. Положеніе мужа, какъ и положеніе принца,—весьма затруднительное положеніе; и повѣрьте мнѣ, какъ въ томъ такъ и въ другомъ, очень трудно быть всегда добрымъ и хорошимъ. Понимаете вы меня?

— О да, я васъ прекрасно понимаю, — отозвался Фрицъ уныло, опечаленный полученными имъ свѣдѣніями; но затѣмъ онъ снова повеселѣлъ и расхрабрился, и спросилъ:—Это вы, для арсенала т. е. для склада оружія покупаете эту ферму?

— Ну, это мы еще увидимъ,—невольно засмѣялся принцъ.—По мой вамъ совѣтъ, не слишкомъ усердствовать, и будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы до поры до времени, никому ничего не говорилъ объ этомъ.

— О, положитесь на меня въ этомъ отношеніи!—воскликнулъ Фрицъ, отпуская въ карманъ полученную крону.—Да вы себя и не выдали ничѣмъ! Я заподозрилъ васъ съ перваго взгляда и ни минуты не сомнѣвался относительно васъ. И прошу васъ не забыть, что когда вамъ понадобится проводникъ, то я къ вашимъ услугамъ! Я здѣсь каждый кустъ, каждую тропинку знаю!

— Не забуду,—сказалъ Отто и поскакалъ впередъ, вну-

ренно смѣясь. Этотъ разговоръ съ Фрицомъ чрезвычайно забавлялъ его; притомъ онъ остался весьма доволенъ и своимъ поведеніемъ во время пребыванія на фермѣ. Многіе на его мѣстѣ вѣроятно не сумѣли бы такъ сдержать себя при подобныхъ условіяхъ, и это сознаніе радовало Отто, а въ довершеніе всего и воздухъ и погода и самая дорога были прекрасны.

То подымаясь въ гору, то спускаясь подъ гору широкой бѣлой лентой пролегала между лѣсистыми живописными холмами ровная, проѣзжая дорога, ведущая въ Грюневальдъ. По обѣ стороны дороги стояли красивыя ровныя сосны, стройныя, съ молодыми побѣгами, весело оживляющими ихъ темныя вѣтви, съ свѣтлымъ зеленымъ мхомъ около пней и хотя однѣ были широкія и раскидистыя, а другія тонкія и стройныя, всѣ онѣ стояли словно выстроившіеся на смотру солдаты, взявшіе всѣ разомъ на караулъ. На всемъ своемъ протяженіи дорога пролегала въ сторонѣ отъ селъ и городовъ, оставляя ихъ то вправо, то влѣво. Тамъ и сямъ, въ глубинѣ зеленыхъ долинъ виднѣлись группы крышъ и домовъ, или же высоко надъ дорогой на какомъ-нибудь выступѣ горы ютилась хижина мельника или угольщика. Дѣло въ томъ, что дорога была международнымъ предпріятіемъ и имѣла въ виду только болѣе крупные центры, и съ мелкими, частными нуждами скромнаго населенія не считалась, вслѣдствіе чего и была особенно безлюдна. Только у самой границы Отто встрѣтилъ отрядъ своихъ собственныхъ войскъ, медленно двигавшихся по пыльной залитой солнцемъ дорогѣ. Солдаты узнали его и довольно вяло привѣтствовали его въ то время, когда онъ проѣзжалъ мимо ихъ. Послѣ того онъ долгое время ѣхалъ въ полномъ одиночествѣ, среди пустого зеленаго лѣса.

Мало-по-малу его радостное настроеніе начинало ослабѣвать; но собственныя мысли стали одолѣвать его какъ туча назойливыхъ жужжащихъ насѣкомыхъ; вчерашній разговоръ приходилъ ему на память, вызывая тяжелое, щемящее чувство. Онъ смотрѣлъ и вправо и влѣво, ища развлеченія, и вотъ немного впереди, круто спускался съ холма узкій проселокъ, выходившій на большую дорогу, и по этому проселку ѣхалъ, осторожно спускаясь подъ гору всадникъ. Звукъ человѣческаго голоса и близость посторонняго человѣка являлись въ данный моментъ для принца какъ бы живительнымъ источникомъ въ пустынѣ; онъ придержалъ коня и подождалъ незнакомца. Этотъ послѣдній

сказался краснорожимъ, толстогубымъ крестьяниномъ, съ парой туго набитыхъ вьюковъ у сѣдла и большой глиняной флягой у пояса. Онъ радостно откликнулся на окликъ принца непомѣрно густымъ и сильнымъ басомъ, и при этомъ такъ сильно покачнулся въ сѣдлѣ, что принцу стало ясно, что фляга его уже пуста.

— Вы ѣдете въ направленіи Миттвальдена? — спросилъ Отто.

— До поворота на Танненбруннъ, — отвѣтилъ незнакомецъ.—Вы ничего не имѣете противъ компаніи?

— Я даже очень радъ,—отвѣтилъ Отто,—я поджидалъ васъ въ разсчетѣ найти въ васъ попутчика.

Тѣмъ временемъ желанный спутникъ подъѣхалъ почти вплотную и поѣхалъ рядомъ съ принцемъ. Прежде всего его вниманіе привлекла лошадь Отто, и онъ удивленно и восторженно воскликнулъ:

— Ахъ чортъ возьми! Важная подъ тобой кобыла, пріятель! — и удовлетворивъ свое любопытство по отношенію къ главнѣйшему, онъ перенесъ свое вниманіе на совершенно второстепенное для него, на лицо своего спутника. И вдругъ совершенно опѣшилъ.—Принцъ!—воскликнулъ онъ и, желая поклониться снова, такъ сильно покачнулся въ сѣдлѣ, что чуть было не вылетѣлъ изъ него на землю.—Прошу простить меня, ваше высочество, что я не сразу призналъ васъ,—пробормоталъ онъ.

Принцъ до того былъ огорченъ этимъ, что на минуту утратилъ свое самообладаніе.

— Разъ что вы знаете меня,—сказалъ онъ,—то намъ нѣтъ смысла дальше ѣхать вмѣстѣ. Я проѣду впередъ, если вы ничего не имѣете противъ. И онъ собирался пришпорить своего коня, когда полупьяный попутчикъ его схватилъ его лошадь за поводъ.

— Послушай ты!—крикнулъ онъ дерзко.—Принцъ или не принцъ, а такъ нельзя себя держать человѣку съ человѣкомъ! Какъ? Вы желали ѣхать со мной инкогнито, когда я не зналъ съ кѣмъ я имѣю дѣло, потому что разсчитывали заставить меня проболтаться, чтобы вывѣдать что-нибудь, а разъ что я васъ знаю, такъ вы проѣдете впередъ, если я ничего не имѣю противъ? Шпіонъ!—И весь красный отъ вина и оскорбленнаго чувства самолюбія, онъ чуть не плюнулъ это слово въ лицо принцу.

Страшное смущеніе овладѣло въ этотъ моментъ принцемъ. Онъ понялъ, что поступилъ грубо, невѣжливо, разсчитывая на свое привилегированное положеніе, а кромѣ того, къ его досадливому сожалѣнію можетъ быть безсознательно примѣшивалось и легкое чувство физической робости при видѣ этого крупнаго, сильнаго дѣтины, да еще въ такомъ полусознательномъ, почти невмѣняемомъ состояніи.

— Уберите вашу руку!—сказалъ Отто достаточно увѣреннымъ тономъ, чтобы внушить къ себѣ повиновеніе и когда тотъ къ не малому его удивленію покорно исполнилъ его приказаніе, добавилъ:—Вы должны были бы понять любезный, что если я былъ радъ ѣхать съ вами и бесѣдовать съ разумнымъ человѣкомъ и выслушать его безпристрастное мнѣніе, то съ другой стороны, мнѣ было бы весьма неинтересно услышась отъ васъ пустыя и лживыя рѣчи, которыя вы могли бы преподнести принцу.

— Такъ вы думаете, что я сталъ бы лгать ради васъ?—крикнулъ крестьянинъ, багровѣя еще болѣе отъ возмущенія.

— Я увѣренъ что да,—сказалъ Отто вполнѣ вернувъ себѣ свое самообладніе.—Вы навѣрное не показали бы мнѣ напримѣръ той медали, которая надѣта у васъ на шеѣ. Небольшой кончикъ зеленой ленты торчалъ изъ-за ворота у его спутника, и принцъ сразу замѣтилъ его. Перемѣна въ его лицѣ при этихъ словахъ Отто произошла разительная; его красная пьяная рожа покрылась желтыми пятнами, дрожащіе мясистые пальцы ухватились за упомянутую ленточку.

— Медаль!—воскликнулъ онъ сипло, мгновенно протрезвившись.—Нѣтъ у меня никакой медали.

— Позвольте,—сказалъ принцъ, — я могу даже сказать вамъ, что у васъ изображено на этой медали:—«Горящій Фениксъ» и подъ нимъ слово «Libertas».

Озадаченный спутникъ не въ состояніи былъ вымолвить ни слова, и принцъ продолжалъ:

— Удивительный вы право человѣкъ,—и онъ презрительно усмѣхнулся:—вы возмущаетесь невѣжливостью человѣка, котораго вы замышляете убить.

— Убить! — запротестовалъ крестьянинъ. — Нѣтъ, никогда! Я ни за что не пойду на что-нибудь преступное.

— Вы, какъ видно, очень плохо освѣдомлены, — сказалъ Отто.—Участвовать въ заговорѣ уже само по себѣ преступно,

и карается смертною казнью. А кромѣ того въ данномъ заговорѣ замышляется моя смерть, за это я вамъ поручусь. Но вамъ нѣтъ надобности такъ ужасно волноваться, вѣдь я не должностное лицо. Я только скажу вамъ, что тѣ, кто вмѣшивается въ политику, должны всегда помнить, что у каждой медали есть еще и оборотная сторона.

— Ваше высочество...—началъ было рыцарь бутылки.

— Глупости!—оборвалъ его довольно рѣзко Отто.—Вы республиканецъ, какое вамъ дѣло до титуловъ, и до всякихъ высочествъ? Но поѣдемъ впередъ, коли вы такъ этого желаете, что пытались даже силой удержать меня; у меня не хватаетъ духа лишить васъ моего общества, да и кстати, я желалъ поставить вамъ одинъ вопросъ: почему вы, будучи столь многочисленны,— я знаю, что васъ очень и очень много, пятнадцать тысячъ человѣкъ, да и то еще цифра эта вѣроятно ниже настоящей,—не такъ ли? Какъ видите, я не дурно освѣдомленъ...

Спутникъ его молчалъ; у него словно что-то стояло въ горлѣ.

— Почему, спрашиваю я,—продолжалъ принцъ,—будучи столь многочисленны, вы не явитесь прямо ко мнѣ, и не выскажите мнѣ смѣло вашихъ нуждъ и желаній?—Нѣтъ, что я говорю!—вашихъ требованій и приказаній,—насмѣшливо покривился онъ.—Развѣ я слыву за человѣка страстно привязаннаго къ своему престолу, цѣпляющагося за него всѣми силами, за властолюбца?.. Ну, такъ придите же ко мнѣ, докажите мнѣ, что вы большинство, и я тотчасъ же покорюсь вамъ. Передайте это вашимъ единомышленникамъ, и увѣрьте ихъ отъ моего имени, въ моей полной готовности повиноваться ихъ желаніямъ;—завѣрьте ихъ, что какого бы они не были обиднаго мнѣнія о моихъ слабостяхъ и недостаткахъ, они во всякомъ случаѣ не могутъ считать меня болѣе неспособнымъ для роли правителя, чѣмъ я самъ считаю себя. Я охотно признаю, что я одинъ изъ худшихъ государей во всей Европѣ. Что же они могутъ еще къ этому добавить?

— О я далекъ отъ мысли... — началъ было крестьянинъ.

— Смотрите, вы сейчасъ начнете защищать мое правленіе!— воскликнулъ Отто.—На вашемъ мѣстѣ я бросилъ бы всякіе заговоры,—потому что скажу вамъ откровенно, вы такъ же мало годитесь въ заговорщики, какъ я въ государи и правители страны.

— Одно только я хочу сказать вамъ,—вставилъ свое слово заговорщикъ.—Мы не столько недовольны вами, какъ вашей женой.

— Ни слова больше!—сказалъ принцъ и затѣмъ прибавилъ тономъ сдержаннаго гнѣва: — Я еще разъ совѣтую вамъ бросить возиться съ политикой, и въ слѣдующій разъ, когда мнѣ придется встрѣтиться съ вами, постарайтесь быть трезвы. Человѣкъ пьяный уже съ утра менѣе всего можетъ быть судьей даже и худшаго изъ государей.

— Я дѣйствительно выпилъ шкаликъ, но я не упивался,—сказалъ крестьянинъ, торжественно подчеркивая разницу.—А если бы даже я и напился, что изъ того? Никому отъ этого плохо не будетъ. Но вотъ моя мельница стоитъ безъ дѣла, и въ этомъ виновата ваша жена. И развѣ я одинъ обвиняю ее? Обойдите-ка вы кругомъ, да поспрашайте, гдѣ всѣ мельницы? Гдѣ всѣ молодые ребята, которые должны были бы работать на землѣ? Гдѣ торговые обороты? Все, все рѣшительно парализовано! И по чьей винѣ? По моей, что ли? Нѣтъ, сударь, это дѣло не ровное! Я страдаю за ваши вины, я расплачиваюсь за нихъ изъ своего кармана. Я бѣдный крестьянинъ, а вы, развѣ вы страдаете изъ-за меня? Развѣ вы платите за мое вино? Пьяный ли или трезвый я одинаково хорошо вижу, какъ моя родина гибнетъ, пропадомъ пропадаетъ, и вижу также по чьей винѣ. Ну, а теперь я сказалъ свое слово, сказалъ, что у меня было на душѣ, и вы можете засадить меня въ какую угодно гнилую тюрьму, мнѣ все равно! Я сказалъ правду и на этомъ я и буду стоять, а затѣмъ, не стану долѣе утруждать ваше высочество своимъ присутствіемъ.

И съ этими словами онъ придержалъ свою лошадь, чтобы отстать отъ Отто и довольно неуклюже поклонился.

— Замѣтьте, я не спросилъ вашего имени и не знаю его,—сказалъ Отто.—Желаю вамъ пріятнаго пути.

И, пришпоривъ коня, онъ помчался впередъ во весь опоръ. Но какъ онъ ни старался заглушить бѣшеной скачкой впечатлѣніе этой встрѣчи съ мельникомъ, она стояла у него точно кость въ горлѣ, которую онъ никакъ не могъ ни проглотить, ни выплюнуть. Прежде всего онъ получилъ упрекъ въ невоспитанности и кончилъ тѣмъ, что потерпѣлъ пораженіе даже въ ло-

гикѣ, и то и другое отъ человѣка, котораго онъ считалъ себя въ правѣ презирать. И всѣ его прежнія тяжелыя мысли снова нахлынули на него.

Въ три часа пополудни онъ доѣхалъ до перекрестка, гдѣ большую дорогу пересѣкала дорога, ведущая въ Бекштейнъ, и Отто рѣшилъ свернуть на эту дорогу и спокойно пообѣдать въ гостиницѣ. Во всякомъ случаѣ ничего не могло быть хуже, чѣмъ продолжать ѣхать дальше въ подобномъ настроеніи.

Тотчасъ при входѣ въ гостиницу онъ замѣтилъ за однимъ изъ столовъ интеллигентнаго молодого человѣка, обѣдавшаго съ книгой передъ глазами. Такъ какъ для Отто поставили приборъ почти рядомъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ, то принцъ, желая завязать знакомство, вѣжливо извинившись, освѣдомился у сосѣда, что онъ читаетъ.

— Я читаю или, вѣрнѣе, изучаю послѣдній трудъ доктора Гогенштоквитцъ, кузена и библіотекаря вашего грюневальдскаго принца. Это человѣкъ съ большой эрудиціей и легкимъ юморомъ.

— Я знакомъ съ господиномъ докторомъ,—сказалъ Отто,—но не успѣлъ еще познакомиться съ его книгой.

— Это двѣ вещи, въ которыхъ я не могу не позавидовать вамъ,—вѣжливо заявилъ молодой человѣкъ.—Вы имѣете честь знать доктора и предвкушаете удовольствіе ознакомиться съ его замѣчательнымъ трудомъ.

— Мнѣ кажется, что господинъ докторъ пользуется большимъ уваженіемъ за свои изобличенія, не правда ли?—спросилъ принцъ.

— Да, отчасти, но главнымъ образомъ потому, что онъ является представителемъ силы ума,—сказалъ незнакомецъ.—Кто изъ насъ, изъ молодыхъ людей не причастныхъ къ придворнымъ интригамъ, не интересующихся всѣмъ, что есть на свѣтѣ выдающагося или замѣчательнаго, кто изъ насъ, спрашиваю я васъ, слышалъ что-нибудь о его кузенѣ, о принцѣ Отто, хотя онъ и царствующій государь и властитель судебъ своего народа, и наоборотъ, кто не слыхалъ или не знаетъ о докторѣ Готтхольдѣ, его скромномъ библіотекарѣ? Изъ этого мы видимъ, что изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ отличій только умственныя качества человѣка являются нормальными и естественными от-

личіемъ, котораго никто не можетъ оспаривать и противъ котораго никто никогда не возстаетъ.

— Вѣроятно, я имѣю удовольствіе говорить съ ученымъ и быть можетъ даже съ авторомъ извѣстныхъ трудовъ?—высказалъ свое предположеніе принцъ.

— До нѣкоторой степени я могу претендовать и на то, и на другое,—сказалъ молодой человѣкъ, подавая принцу свою карточку.—Я лиценціатъ Редереръ, авторъ нѣсколькихъ трудовъ по теоріи и практикѣ политики.

— Признаюсь, вы меня чрезвычайно интересуете,—сказалъ принцъ,—тѣмъ болѣе, что мы здѣсь въ Грюневальдѣ, повидимому наканунѣ революціи, и такъ какъ политика, является спеціальнымъ вашимъ предметомъ изученія, то я попросилъ бы васъ высказаться на этотъ счетъ. Предвѣщаете вы успѣхъ этому движенію въ данномъ случаѣ или нѣтъ?

— Вы, какъ я вижу, сударь, совершенно незнакомы съ моими политическими трудами и съ моими теоріями и взглядами,—нѣсколько кисло замѣтилъ молодой ученый.—Я убѣжденный сторонникъ единоличной власти и не раздѣляю никакихъ утопическихъ иллюзій, которыми эмпирики ослѣпляютъ себя и доводятъ до безумія и до отчаянія всякихъ невѣждъ. Повѣрьте мнѣ, что время революціонныхъ идей прошло или во всякомъ случаѣ проходитъ.

— Но когда я смотрю вокругъ себя...—началъ было Отто.

— Когда вы смотрите вокругъ себя,—перебилъ его собесѣдникъ,—то вы видите прежде всего людей невѣжественныхъ; но въ лабораторіи разумныхъ и обоснованныхъ мыслей, при свѣтѣ лампы трудолюбія мы начинаемъ уже видѣть иное теченіе; мы отбрасываемъ эти элементы и возвращаемся къ естественному, природному порядку вещей, къ тому, что я назвалъ бы, пользуясь языкомъ терапевтовъ—«выжидательнымъ леченіемъ заблужденій». Надѣюсь, вы понимаете меня? Мы, конечно, безусловно осуждаемъ такой порядокъ въ странѣ, какой мы застаемъ въ настоящее время въ Грюневальдѣ, и такого принца, какъ этотъ принцъ Отто, потому что они отстали отъ вѣка; но средство помочь горю я вижу не въ грубыхъ конвульсіяхъ революціи, всегда пагубно отзывающихся на организмѣ государства и страны, а въ естественномъ замѣщеніи мирнымъ путемъ нынѣшняго правителя другимъ болѣе способнымъ монархомъ.

Вѣроятно, я васъ очень удивлю,—добавилъ улыбаясь лиценціатъ,—если выскажу вамъ мое представленіе объ идеальномъ монархѣ; мы, кабинетные ученые, не предназначаемъ себя въ настоящее время для активной службы одному какому-нибудь народу, потому что новые пути, проводимые нами въ жизнь, еще не согласуются съ настоящей дѣйствительностью, а потому, я не желалъ бы видѣть на тронѣ ученаго, но я желалъ бы видѣть такого подлѣ трона, въ качествѣ постояннаго совѣтника. Я предложилъ бы государя со средними умственными способностями, но живого, воспріимчиваго и чуткаго, не столь глубокомысленнаго, сколько догадливаго и смѣтливаго; человѣка съ пріятной, предупредительной манерой, привѣтливаго, ласковаго и обаятельнаго, обладающаго одновременно способностью внушать къ себѣ любовь и повиновеніе, умѣющаго и повелѣвать и завлекать. Все это время, съ того момента, какъ вы вошли, я не переставалъ наблюдать васъ, и вотъ, что я вамъ скажу, сударь мой:—будь я гражданиномъ Грюневальда, я молилъ бы небо, чтобы оно вручило правленіе этой страной именно вотъ такому человѣку, какъ вы!

— Чортъ возьми, я увѣренъ, что вы бы это сдѣлали!—воскликнулъ принцъ, смѣясь.

И лиценціатъ тоже сердечно разсмѣялся.

— Я полагалъ, что я васъ этимъ очень удивлю,—сказалъ онъ.—Замѣтьте, что это отнюдь не общераспространенный взглядъ, во всякомъ случаѣ не взглядъ большинства.

— О, конечно нѣтъ! Могу вамъ это подтвердить,—сказалъ Отто.

— По крайней мѣрѣ не въ настоящее время,—подчеркнулъ молодой ученый;—но настанетъ часъ, когда эти идеи въ свою очередь возьмутъ верхъ и станутъ преобладающими, за это я вамъ ручаюсь!

— Въ этомъ я позволю себѣ усумниться,—сказалъ принцъ.

— Скромность, конечно, всегда достойна похвалы,—прохихикалъ теоретикъ,—но могу васъ увѣрить, что такой человѣкъ, какъ вы, имѣя постоянно подъ рукой такого человѣка какъ, ну скажемъ для примѣра—докторъ Готтхольдъ,—былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ идеальный правитель для любой страны.

Такимъ образомъ, время шло довольно незамѣтно и не безъ пріятности для Отто, но къ сожалѣнію, лиценціатъ рѣшилъ по-

чевать въ Бекштейнѣ, въ той гостиницѣ, гдѣ онъ находился, потому что былъ чувствителенъ къ тряскѣ на сѣдлѣ и пристрастенъ къ частымъ остановкамъ. Въ качествѣ конвоя или попутчиковъ до Миттвальдена, принцу приходилось удовольствоваться обществомъ компаніи лѣсопромышленниковъ, прибывшихъ сюда изъ разныхъ концовъ Германіи и шумно угощавшихся здѣсь же за крайнимъ столомъ, въ концѣ горницы.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда они выѣхали изъ воротъ гостиницы; принцъ хотѣлъ только одного, уйти отъ своихъ собственныхъ мыслей и потому предпочиталъ какое угодно общество полному одиночеству. Лѣсоторговцы были весьма шумны и веселы; у всѣхъ у нихъ были лица, напоминавшія луну во время полнолунія; они шлепали по крупамъ коней ближайшаго сосѣда, и хотя все это были пожилые люди, баловались и забавлялись между собой, какъ парнишки, подъ вліяніемъ выпитаго пива и вина; они пѣли пѣсни то по одиночкѣ, то хоромъ, то совершенно забывали о своемъ спутникѣ, то вдругъ вспоминали о немъ и благодаря этому, Отто совмѣщалъ общество съ одиночествомъ; онъ то слушалъ ихъ нестройныя пѣсни и несвязный безсодержательный разговоръ, то прислушивался къ тихимъ звукамъ словно зачарованнаго лѣса. Звѣздный полумракъ ночи, наполненный ароматами воздухъ лѣса, звукъ копытъ скачущихъ лошадей, все это вмѣстѣ сливалось въ одинъ общій аккордъ настроенія, дѣйствующаго успокоительно на его нервы. Онъ чувствовалъ себя совершенно благодушно настроеннымъ и уравновѣшеннымъ, когда вся маленькая кавалькада выѣхала на вершину холма, съ котораго открывался видъ на Миттвальденъ.

Тамъ внизу, въ котловинѣ, поросшей лѣсомъ, свѣтились огни города, расположенные правильнымъ рисункомъ, скрещивающихся и пересѣкающихся улицъ; нѣсколько въ сторонѣ, вправо, совершенно отдѣльно свѣтился дворецъ какъ какая-нибудь фабрика.

Одинъ изъ лѣсопромышленниковъ былъ уроженецъ Грюневальда, но Отто онъ въ лицо не зналъ.

— А это,—сказалъ онъ, указывая своимъ хлыстомъ на дворецъ,—это корчма Іезавели!

— Какъ вы назвали это зданіе?—съ громкимъ смѣхомъ переспросилъ его другой.

— Да такъ оно и зовется!—отвѣтилъ грюневальдецъ.—А

вотъ послушайте и пѣсенку, что о ней поется, — добавилъ онъ и запѣлъ полупьянымъ сиплымъ голосомъ пѣсню, которую дружно стали подтягивать и остальные, тоже, повидимому, уже раньше слыхавшіе ее, образуя громкій разноголосый хоръ.

Героинею этой пѣсни являлась ея свѣтлость Амалія Серафина принцесса Грюневальдская, а героемъ постыдной баллады являлся Гондремаркъ. Краска стыда бросилась въ лицо Отто, а въ ушахъ его болѣзненно раздавались оскорбительныя, позорящія его честь слова пѣсни; онъ рѣзко осадилъ коня и остался стоять на мѣстѣ, сидя въ сѣдлѣ, какъ будто его оглушили ударомъ по головѣ, въ то время какъ спутники его, продолжая горланить свою пѣсню, уже спускались съ горы безъ него.

Пѣсня эта пѣлась на крикливый и наглый народный мотивъ, и еще долго послѣ того какъ слова пѣсни перестали слышаться, кадансъ напѣва ея все еще звучалъ въ ушахъ принца. Онъ хотѣлъ бы бѣжать отъ этихъ звуковъ, но звуки эти преслѣдовали его. Сейчасъ, вправо отъ него, пролегала дорога, ведущая прямо ко дворцу черезъ густолиственныя тѣнистыя аллеи стараго парка, и онъ поѣхалъ этой дорогой. Въ жаркое лѣтнее время послѣ полудня этотъ паркъ бывалъ моднымъ мѣстомъ, гдѣ встрѣчались другъ съ другомъ мѣстные бюргеры и дворъ и обмѣнивались взаимными поклонами, но въ этотъ ночной часъ здѣсь было темно и безлюдно; только птицы, гнѣздившіяся на деревьяхъ, не покинули парка, но и тѣ притихли теперь; только зайцы продирались въ чащѣ, шелестя кустами, да тамъ и сямъ точно привидѣнія, стояли бѣлыя статуи, застывшія въ своей неизмѣнной позѣ, да тамъ и сямъ пробуждалось чуткое эхо въ какомъ-нибудь павильонѣ, являющемся подражаніемъ языческому храму, и, вторя звуку копытъ, заставляло нервно вздрагивать пугливую кобылу принца. Въ десять минутъ Отто доѣхалъ до задняго конца своего интимнаго дворцоваго сада, куда выходили конюшни и службы, и въѣхалъ на мостъ ведущій въ паркъ. Часы во дворѣ били десять, и большіе башенные часы на одной изъ башенъ дворца вторили имъ; тамъ дальше, въ самомъ городѣ, на городской ратушѣ и церковныхъ колокольняхъ тоже били часы. Здѣсь, у конюшенъ, все было тихо, слышался только топотъ коней въ конюшнѣ и лязгъ цѣпей у привязей. Принцъ соскочилъ на землю, и вдругъ ему вспомнились слухи о вороватыхъ грумахъ и конюхахъ, нѣкогда дошедшіе до него и

затѣмъ давно позабытые, о грумахъ, крадущихъ его овесъ и продающихъ его по дешевой цѣнѣ, и при этомъ воспоминанiи онъ перешелъ мостъ, ведя подъ уздцы своего коня, подошелъ къ одному изъ оконъ, въ которомъ еще виднѣлся огонь въ флигелѣ, занимаемомъ конюхами, и постучалъ шесть или семь разъ равномѣрными ударами съ особой разстановкой, лукаво улыбаясь про себя. На его стукъ почти сейчасъ же открыли форточку, и изъ нея высунулась чья-то мужская голова.

— Сегодня нѣтъ ничего,—проговорилъ таинственно голосъ.

— Принеси фонарь,—сказалъ принцъ.

— Господи Боже милостивый... да кто же это?!—воскликнулъ грумъ.

— Это я, принцъ Отто,—отозвался принцъ.—Принеси фонарь, уведи мою лошадь и впусти меня въ калитку сада.

Но злополучный грумъ стоялъ, не трогаясь съ мѣста и не издавъ ни звука, продолжалъ держать голову высунутой въ форточку.

— Его высочество!—пролепеталъ онъ, наконецъ.—Почему ваше высочество изволили такъ странно стучать?—осмѣлился онъ спросить.

— Почему? Потому что здѣсь въ Миттвальденѣ существуетъ повѣрье, что это удешевляетъ цѣну на овесъ,—сказалъ Ѳтто.

Грумъ издалъ какой-то звукъ, похожiй на рыданiе, и скрылся. Когда онъ вернулся съ фонаремъ, то даже при его свѣтѣ блѣдность его бросалась въ глаза, и руки его сильно дрожали, когда онъ распутывалъ поводья, чтобы отвести лошадь въ конюшню.

— Ваше высочество,—началъ онъ снова молящимъ голосомъ,—Бога ради...—и онъ не договорилъ подавленный сознанiемъ своей вины.

— Бога ради, что?—спросилъ весело Отто.—Бога ради позвольте намъ дешево продавать овесъ?.. Да?.. Ну, а пока покойной ночи!—сказалъ онъ и, приперевъ за собой калитку, пошелъ садомъ ко дворцу, оставивъ грума совершенно ошеломленнымъ и недоумѣвающимъ.

Садъ въ этомъ мѣстѣ спускался рядомъ каменныхъ террасъ къ рыбному пруду, а по ту сторону его снова подымался пологимъ подъемомъ кверху, гдѣ надъ купами кустовъ и деревьевъ возвышались крыши и башни дворца. Украшенный колоннами фасадъ, бальныя залы и громадная библiотека, а такъ же и ап-

партаменты ихъ высочествъ съ высокими ярко освѣщенными окнами, были обращены въ сторону города и выходили на большую дворцовую площадь, сюда же въ садъ выходила старинная часть зданія съ небольшими окошками, и весь этотъ фасадъ тонулъ во мракѣ; только кое гдѣ въ разныхъ этажахъ скромно свѣтилось нѣсколько окошекъ. Сюда выходила и высокая старая башня дворца, съуживавшаяся кверху съ каждымъ этажемъ, на подобіе огромнаго телескопа, и на ея верхушкѣ неподвижно висѣлъ на высокомъ флагъ-штокѣ большой флагъ, казавшійся теперь чернымъ. Садъ тонулъ во мракѣ, только на лужайкахъ звѣздный свѣтъ проливалъ свое трепетное сіяніе; въ воздухѣ пахло дикими фіалками, и кусты какъ будто толпились подъ темными арками высокихъ деревьевъ. По правильно распланированнымъ террасамъ и внизъ по мраморнымъ ступенямъ лѣстницъ быстро сбѣгалъ принцъ, какъ бы убѣгая отъ своихъ собственныхъ мыслей. Но увы, отъ нихъ онъ нигдѣ не могъ укрыться, нигдѣ не могъ найти спасенія. И теперь, когда онъ былъ уже на половинѣ спуска, до него стали доноситься порывами отдаленные звуки бальной музыки изъ большого бальнаго зала, гдѣ теперь веселился дворъ, гдѣ весело болтали и танцовали. Звуки музыки доносились сюда слабыми обрывками мотивовъ, но они будили въ немъ воспоминанія, и между этими звуками бальной музыки, заглушая ее по временамъ, въ его ушахъ звучали звуки той возмутительной пѣсни лѣсоторговцевъ. И вдругъ у него на душѣ стало такъ безпросвѣтно темно, такъ горько, что онъ на мгновеніе остановился и не зналъ, итти-ли ему дальше или нѣтъ. Вотъ онъ возвращается домой; жена его танцуетъ, а онъ, мужъ ея, шутилъ злую шутку со слугой и все какъ будто благополучно, а между тѣмъ, они успѣли стать притчей во языцѣхъ для своихъ подданныхъ, и никто не обратится къ нему не только съ любовью, но даже и съ уваженіемъ! Такой принцъ, такой мужъ, такой человѣкъ, какъ этотъ Отто! И онъ невольно ускорилъ шаги, словно хотѣлъ укрыться отъ всѣхъ этихъ упрековъ за крѣпкими стѣнами своего дворца.

Нѣсколько ниже онъ наткнулся на часового, но тотъ его пропустилъ, не замѣтивъ его. За то еще немного дальше, другой часовой его окликнулъ; а когда онъ переходилъ мостъ перекинутый черезъ рыбный прудъ, офицеръ, обходившій караулы, еще

разъ остановилъ его. Ему показалось, что видимость караульной службы была на этотъ разъ болѣе подчеркнутая, чѣмъ обыкновенно, но всякое чувство любопытства совершенно умерло теперь въ его душѣ и всѣ эти задержки только раздражали его. Сторожъ у задняго входа дворца пропустилъ его и, повидимому, былъ удивленъ, увидя его столь разстроеннымъ; но принцъ торопливо взбѣжалъ по черной лѣстницѣ, и по заднимъ коридорамъ и ходамъ добрался никѣмъ незамѣченный до своей спальной. Здѣсь онъ сбросилъ съ себя платье и бросился на постель, не зажигая огня. А бальная музыка продолжала играть въ веселомъ живомъ темпѣ, и за этими звуками ему все еще продолжали слышаться звуки ненавистной пѣсни лѣсоторговцевъ и стукъ копытъ ихъ коней, спускавшихся подъ гору.

—

ЧАСТЬ II.

О ЛЮБВИ И ПОЛИТИКѢ.

I. О томъ, что произошло въ библіотекѣ.

На слѣдующее утро, въ безъ четверти шесть часовъ утра, докторъ Готтхольдъ уже сидѣлъ за своимъ бюро въ библіотекѣ; подлѣ него стояла чашка черпаго кофе, а взглядъ его блуждалъ по временамъ по бюстамъ писателей, украшавшимъ библіотеку, и по корешкамъ безчисленныхъ книгъ, въ остальное же время онъ внимательно просматривалъ то, что было написано имъ наканунѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, со свѣтлыми, какъ ленъ, волосами, тонкимъ нѣсколько истомленнымъ лицомъ и умнымъ, блестящимъ, но нѣсколько потускнѣвшимъ взглядомъ. Ложась рано и вставая рано, онъ посвящалъ свою жизнь двумъ вещамъ: эрудиціи, т. е. наукѣ и рейнвейну. Между нимъ и Отто существовала старинная тайная дружба; они рѣдко встрѣчались, но когда это случалось, всегда встрѣчались, какъ старые, близкіе друзья. Готтхольдъ, дѣвственный служитель и жрецъ науки, завидовалъ своему двоюродному брату всего въ продолженіе какихъ-нибудь полусутокъ,—въ тотъ день, когда тотъ женился, но никогда не завидывалъ его престолу, его положенію и его привиллегіямъ.

Чтеніе было весьма мало принятое при мѣстномъ Грюневальдскомъ дворѣ развлеченіе, а потому длинная, широкая, свѣтлая залитая солнцемъ галлерея, уставленная безчисленными шкафами и полками книгъ и бюстами великихъ людей, именовавшаяся дворцовой библіотекой, въ сущности была частнымъ рабочимъ кабинетомъ доктора Готтхольда, гдѣ ему никто никогда не мѣшалъ. Но въ среду утромъ недолго ему пришлось посидѣть надъ своими манускриптами, такъ какъ едва онъ

успѣлъ углубиться въ свою работу, какъ отворилась дверь, и въ библіотеку вошелъ принцъ Отто. Докторъ смотрѣлъ на него въ то время, какъ онъ шелъ по длинной залѣ, и лучи солнца, падая въ каждое изъ высокихъ сводчатыхъ оконъ, поочередно обдавали его своимъ свѣтомъ и сіяніемъ. Отто казался такимъ веселымъ, походка его была такая легкая, красивая, одѣтъ онъ былъ такъ безукоризненно, такъ вылощенъ, вычищенъ, изящно причесанъ, весь такой показной, такой царственно элегантный, что въ душѣ его кузена отшельника даже шевельнулось какое-то враждебное чувство къ этой изящной куклѣ.

— Съ добрымъ утромъ, Готтхольдъ,—сказалъ Отто, опускаясь въ кресло подлѣ рабочаго стола доктора.

— Съ добрымъ утромъ, Отто,—отвѣтилъ библіотекарь;—я не подозрѣвалъ, что ты такая ранняя пташка. Что это, случайность, или же ты начинаешь исправляться?

— Пора бы кажется,—отвѣтилъ принцъ.

— Не могу тебѣ ничего сказать на это,—отозвался докторъ;—я слишкомъ большой скептикъ, чтобы давать этическіе совѣты, а что касается благихъ намѣреній, то въ нихъ я вѣрилъ только, когда былъ очень молодъ; вѣдь они обыкновенно бываютъ цвѣта радужной надежды.

— Если обсудить хорошенько,—сказалъ Отто, преслѣдуя свою мысль, — я не популярный монархъ; — при этомъ онъ взглянулъ въ окно и спросилъ:—вѣдь такъ? Не популярный?

— Не популярный? — повторилъ за нимъ докторъ.—Ну, тутъ я дѣлаю нѣкоторое различіе. Видишь ли, по моему есть нѣсколько видовъ популярности,—при этомъ онъ откинулся на спинку своего кресла и свелъ руки такъ, что концы пальцевъ одной руки коснулись концовъ пальцевъ другой;—во первыхъ, есть книжная популярность, совершенно безличная и столь же не реальная, какъ ночной кошмаръ или видѣніе; затѣмъ, есть политическая популярность; это нѣчто смѣшанное, и, наконецъ, есть твоя популярность — самая личная изъ всѣхъ, и самая реальная! Въ тебя влюбляются всѣ женщины, ты всѣмъ имъ нравишься, тебя боготворятъ всѣ твои конюхи и лакеи. Зная тебя сколько-нибудь, любить тебя такъ же естественно, какъ естественно приласкать хорошенькую комнатную собачку, видя ее подлѣ себя. Если бы ты былъ хозяиномъ лѣсопильнаго завода или трактирщикомъ, ты навѣрное былъ бы самымъ популяр-

нымъ гражданиномъ въ цѣломъ Грюневальдѣ; но какъ принцъ ты, конечно, идешь не той дорогой, и то, что ты и самъ это сознаешь, вѣроятно достойно одобренія.

— Ты полагаешь, что это достойно одобренія?—спросилъ Отто.

— Да, вѣроятно, во всякомъ случаѣ это по-философски.

— По-философски, но не по-геройски!—замѣтилъ Отто.

— Ну, какъ тебѣ сказать? Сознавать свои ошибки,—это, пожалуй, своего рода героизмъ; но все же это не совсѣмъ то, что называлось геройскимъ поступкомъ у доблестныхъ римлянъ,—усмѣхнулся докторъ.

Принцъ Отто придвинулъ свое кресло ближе къ столу и, опершись на него обѣими локтями, уставился пристальнымъ взглядомъ прямо въ лицо доктора.

— Короче говоря,—спросилъ онъ,—ты хочешь сказать, что этого мало, что это еще не геройство?

— Ну, пожалуй,—согласился послѣ нѣкотораго колебанія докторъ Готтхольдъ,—если хочешь, да, это еще не геройство. Но вѣдь ты, кажется, никогда и не претендовалъ на это, никогда не старался выдавать себя за героя, и это именно та черта, которая мнѣ особенно нравилась въ тебѣ; то, чѣмъ я склоненъ былъ любоваться въ тебѣ, именно это полное отсутствіе въ тебѣ всякаго рода претензій. Дѣло въ томъ, что самыя названія различныхъ добродѣтелей и достоинствъ звучатъ на столько заманчиво для большинства людей, что почти всѣ мы пытаемся заявить свое право на обладаніе ими и стараемся увѣрить себя и другихъ, что мы совмѣщаемъ въ себѣ большинство, если не всѣ, какъ бы противорѣчивы они ни были по отношенію другъ къ другу. Почти всѣ мы хотимъ непремѣнно быть одновременно и отважны, и осторожны, и одновременно похваляемся и своей гордостью, и своей скромностью и смиреніемъ. Почти всѣ, но только не ты! Ты всегда безъ всякихъ компромиссовъ оставался самимъ собой, и это было прекрасно! Это отрадно было видѣть, и я всегда говорилъ: «нѣтъ человѣка, болѣе чуждаго всякаго рода претензій, чѣмъ Отто».

— И претензій, и условій!—воскликнулъ принцъ.—Я всегда былъ менѣе причастенъ къ жизни, чѣмъ дохлая собака въ своей будкѣ! Но теперь я долженъ рѣшить вопросъ: можетъ ли изъ

меня при большомъ усиліи и самоотреченіи выйти хотя бы только терпимый правитель и монархъ? Да или нѣтъ?

— Никогда!—воскликнулъ докторъ. — Брось ты совсѣмъ эту мысль! Да и кромѣ того, вѣдь ты же никогда не сдѣлаешь этого большого усилія, дитя мое!

— Нѣтъ, Готтхольдъ, на этотъ разъ ты отъ меня такъ легко не отвертишься,—сказалъ Отто;—пойми, что если я органически, по самому существу своему, не пригоденъ быть государемъ, то какое же право я имѣю на эти деньги, дворецъ, содержаніе и стражу? Вѣдь если такъ, то я чуть не воръ! И могу ли я послѣ того примѣнять къ другимъ людямъ карающій ихъ проступки законъ?

— Да-а... я не могу не признать въ этомъ нѣкоторой затруднительности твоего положенія,—сказалъ Готтхольдъ.—Но вѣдь все это дѣло привычки, все это давно вошло въ обычай...

— Но развѣ я не могу постараться стать настоящимъ правителемъ этой страны? Развѣ я не обязанъ, хотя бы попытаться? И при твоемъ содѣйствіи, руководствуясь твоими разумными совѣтами...

— Моими совѣтами?! Что ты, Богъ съ тобой, Отто!—воскликнулъ докторъ.—Боже упаси!

И хотя принцу Отто было теперь вовсе не до смѣха, онъ все же улыбнулся и, смѣясь, возразилъ:

— А вообрази себѣ, меня вчера увѣряли, что такой человѣкъ, какъ я, въ дружественномъ союзѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, въ качествѣ совѣтника, могли бы вдвоемъ составить весьма удовлетворительное правительство.

— Нѣтъ, воля твоя, я не могу себѣ представить, въ какомъ разстроенномъ воображеніи могла возникнуть и родиться на свѣтъ подобная нелѣпая, чудовищная мысль!

— Она родилась у одного изъ твоихъ собратьевъ писателей, у нѣкого Редерера!—сказалъ Отто.

— Редереръ! Этотъ молокососъ, этотъ невѣжда!

— Ты неблагодаренъ, мой другъ,—замѣтилъ принцъ.—Онъ одинъ изъ твоихъ горячихъ и убѣжденныхъ поклонниковъ и цѣнителей.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ Готтхольдъ, видимо обрадованный.—Во всякомъ случаѣ это хорошо рекомендуетъ этого молодого человѣка; надо будетъ перечитать еще разъ его

галиматью. Это тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему честь, что наши взгляды діаметрально противоположны. Неужели мнѣ удалось его переубѣдить? Но, нѣтъ, это было бы положительно сказочно!

— Значитъ, ты не сторонникъ единовластія? — спросилъ принцъ.

— Я? Прости Господи, да никогда въ жизни!—воскликнулъ Готтхольдъ.—Я красный! Я ярый красный, дитя мое!

— Превосходно! Это приводитъ меня какъ разъ къ моему очередному вопросу самымъ естественнымъ путемъ. Если я такъ несомнѣнно не пригоденъ для своей роли, если не только мои враги, но и мои друзья тоже съ этимъ согласны, если мои подданные требуютъ и желаютъ моего низверженія, — сказалъ принцъ,—если въ самый этотъ моментъ готовится революція, то не долженъ ли я выступить впередъ и итти навстрѣчу неизбѣжному? Не долженъ ли я избавить мою страну отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и положить конецъ всѣмъ этимъ нелѣпицамъ и безсмыслицамъ? Словомъ, не лучше ли мнѣ отречься отъ престола теперь же? О, повѣрь мнѣ,—продолжалъ принцъ,—я слишкомъ хорошо сознаю и чувствую всю смѣшную сторону, всю безполезность громкихъ словъ,—добавилъ онъ, болѣзненно морщась.—Но пойми, что даже и такой принцъ, какъ я, не можетъ покорно ждать своей участи, что и у него есть непреодолимая потребность сдѣлать красивый жестъ, выступить впередъ, встрѣтить опасность или угрозу грудью, съ открытыми глазами, а не выжидать ее, прячась за угломъ. Отреченіе, добровольное отреченіе, это все же лучше низверженія.

— Да какая муха тебя сегодня укусила? — сказалъ Готтхольдъ. — Неужели ты не понимаешь, что ты грѣшной рукой касаешься святаго святыхъ философіи «святилища безумія!» Да, Отто, безумія, потому что въ пресвѣтломъ храмѣ мудрости высшее святилище, которое мы держимъ сокрытымъ подъ семью замками, полно паутины! Не ты одинъ, а всѣ люди, всѣ рѣшительно, совершенно безполезны! Природа и жизнь теряютъ ихъ, но не нуждаются въ нихъ, даже не пользуется ими; все это безплодный пустоцвѣтъ! Всѣ, вплоть до парня работающаго въ лѣсу, всѣ совершенно безполезны! Всѣ мы вьемъ веревки изъ песку и, какъ дѣти дохнувшіе на оконное стекло, пишемъ и стираемъ ненужныя пустыя слова! Такъ не будемъ же

больше говорить объ этомъ. Я уже сказалъ тебѣ, что отсюда недалеко до безумія.

Готтхольдъ поднялся со своего мѣста и затѣмъ снова сѣлъ. Засмѣявшись короткимъ, сухимъ смѣшкомъ, онъ снова заговорилъ, но уже совершенно другимъ тономъ.

— Вѣрь мнѣ, дитя мое, мы живемъ здѣсь на землѣ не для того, чтобы вступать въ бой съ гигантами, а для того, чтобы быть счастливыми кто можетъ, какъ пестрые цвѣтики на лугу, радующіеся солнцу и росѣ, и вѣтерку, и дождю. Ты могъ это, и потому, что ты умѣлъ быть счастливымъ, я втайнѣ любовался тобой, восхищался тобой и радовался за тебя; продолжай же быть счастливымъ въ своей беззаботности и ты будешь правъ! Иди своимъ путемъ, твой путь настоящій, повѣрь мнѣ. Будь веселъ, будь счастливъ, будь праздень, будь легкомысленъ и отправь всю казуистику къ чорту! А государство свое и государственныя дѣла предоставь Гондремарку, какъ ты это дѣлалъ до сихъ поръ. Онъ управлялся съ ними довольно хорошо, какъ говорятъ, и его тщеславію льститъ такая отвѣтственность.

— Готтхольдъ! — воскликнулъ принцъ. — Что мнѣ до всего этого? Не въ томъ вопросъ, могу ли я быть полезенъ или безполезенъ, какъ всѣ люди, а дѣло въ томъ, что я не могу успокоиться отъ сознанія своей безполезности. У меня только одинъ выборъ: я долженъ быть полезенъ или быть вреденъ—одно изъ двухъ! Я съ тобой согласенъ, что княжескій титулъ мой и самое княжество мое — чистый абсурдъ, одна сплошная сатира на правителя, правительство и государство, и что какой-нибудь банкиръ или содержатель гостиницы несетъ болѣе серьезныя обязанности, чѣмъ я; пусть такъ. Но вотъ, когда я умылъ свои руки отъ всѣхъ этихъ дѣлъ три года тому назадъ и предоставилъ всѣ дѣла и всю отвѣтственность, всю честь, а также и всѣ радости правленія, если таковыя существуютъ, Гондремарку и Серафинѣ,—онъ съ минуту не рѣшался произнести ея имени, а Готтхольдъ въ это время какъ бы случайно отвернулся и смотрѣлъ въ сторону,—такъ что изъ этого вышло? Налоги! Армія! Пушки! Да вѣдь все то княжество похоже на коробочку оловянныхъ солдатиковъ! А народъ совсѣмъ обезумѣлъ, совсѣмъ голову потерялъ, поджигаемый ложью и несправедливыми поклепами. Даже носятся слухи о войнѣ... Война, въ этомъ чайникѣ, подумай только! Какое страшное сплетеніе нелѣпицъ и позора! И когда

наступитъ неизбѣжный конецъ—революція, то кто будетъ отвѣчать за все это передъ Богомъ? Кто будетъ позорно казненъ общественнымъ мнѣніемъ современникомъ и исторіи? Кто? Я! Принцъ—маріонетка!

— Мнѣ казалось, что ты всегда пренебрегалъ общественнымъ мнѣніемъ,—замѣтилъ докторъ Готтхольдъ.

— Да, я имъ пренебрегалъ, — мрачно отвѣтилъ Отто, — но теперь я не пренебрегаю больше. Я становлюсь старъ. И, кромѣ того, тутъ идетъ рѣчь о Серафинѣ, Готтхольдъ. Ее такъ ненавидятъ, такъ презираютъ здѣсь въ Грюневальдѣ, куда я ее привезъ, и гдѣ позволилъ ей хозяйничать. Я предоставилъ ей это маленькое княжество, какъ игрушку, и она сломала ее, эту маленькую игрушку! Прекрасный принцъ и прелестная принцесса! Теперь я спрашиваю тебя: въ безопасности ли даже самая ея жизнь?

— Сегодня она еще въ безопасности,—отвѣтилъ докторъ,—но если ты спрашиваешь меня объ этомъ серьезно, то я скажу тебѣ, что за завтра я не поручусь. У нея дурные совѣтники.

— А кто они эти дурные совѣтники? Этотъ Гондремаркъ, которому ты предлагаешь мнѣ предоставить эту страну!—воскликнулъ принцъ.—Мудрый совѣтъ, нечего сказать. Вотъ тотъ путь, по которому я шелъ всѣ эти три послѣдніе годы, и вотъ къ чему онъ насъ привелъ. Дурные совѣтники! О, если бы только это одно! Но къ чему намъ играть другъ съ другомъ въ прятки, ты вѣдь знаешь, что о ней говоритъ молва? Ты знаешь, что это за скандалъ!!

Готтхольдъ молча кивнулъ утвердительно головой, плотно сжавъ губы и нахмуривъ брови.

— Ну вотъ, ты не особенно восторженнаго мнѣнія о моемъ поведеніи, какъ принца и главы государства, но скажи, исполнялъ ли я свой долгъ и обязанности, какъ мужъ?—спросилъ мрачно Отто.

— Нѣтъ, нѣтъ, уволь меня отъ этого!—горячо и мрачно запротестовалъ Готтхольдъ.—Какъ правитель, ты можешь быть подвергнутъ критикѣ; это вопросъ общественный, и это совсѣмъ другое дѣло. Я старый холостякъ, монахъ, въ супружескихъ дѣлахъ я не совѣтчикъ. Объ этомъ я судить не могу!

— Да я и не нуждаюсь въ совѣтѣ,—сказалъ Отто, вставая;—я рѣшительно говорю, что всему этому надо положить

конецъ! —И онъ сталъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Ну, что же, Отто, помоги тебѣ Богъ!—сказалъ Готтхольдъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія. — А я ничего не могу,—добавилъ онъ, подавляя вздохъ.

— И что всему этому причиной?—снова заговорилъ принцъ, прерывая свое хожденіе.—Какъ мнѣ назвать это? Недовѣріе къ себѣ? Отсутствіе вѣры въ себя и въ свои силы? Или страхъ быть смѣшнымъ? Или ложная гордость, ложное самолюбіе? Впрочемъ, дѣло не въ названіи, не все ли равно! Дѣло въ томъ, что оно привело меня къ тому, передъ чѣмъ я теперь стою, едва смѣя повѣрить себѣ, своимъ глазамъ и своимъ ушамъ. Мнѣ всегда было ненавистно суетиться, хлопотать и хорохориться по пустякамъ, это казалось мнѣ смѣшнымъ; я всегда стыдился моего игрушечнаго государства; я не могъ примириться съ мыслью, что люди могли себѣ вообразить, что я серьезно вѣрилъ такому очевидному абсурду! Я не хотѣлъ ничего дѣлать такого, что нельзя было дѣлать съ усмѣшкой, у меня было врожденное чувство юмора, мнѣ казалось, что я долженъ былъ все понимать и все знать лучше другихъ. То же самое было и съ моимъ бракомъ,—добавилъ онъ нѣсколько болѣе хриплымъ голосомъ;—я не повѣрилъ, что эта дѣвушка могла любить меня, и я не захотѣлъ навязывать себя ей; я щеголялъ своимъ равнодушіемъ! Что за жалкая картина!

— Э, да у насъ съ тобой несомнѣнно родственная кровь, какъ я вижу,—вставилъ свое разсужденіе докторъ.—Ты здѣсь сейчасъ нарисовалъ мѣткими чертами образъ и характеръ прирожденнаго скептика такого же, каковъ въ душѣ и я.

— Скептика? Нѣтъ, труса!—крикнулъ Отто.—Малодуш наго труса! Вотъ какъ это называется.

И въ тотъ моментъ, когда принцъ выкрикнулъ эти послѣднія слова съ необычайной силой выраженія, маленькій толстенькій старичекъ, отворившій дверь за спиной доктора, такъ и застылъ на порогѣ отъ испуга и неожиданности. Съ носомъ на подобіе клюва попугая, съ плотно сжатыми узкими губами, маленькими выпученными глазками, онъ казался воплощеніемъ формалистики, и въ обычныхъ условіяхъ, слѣдуя строго предписаніямъ своей корпораціи, онъ производилъ извѣстное впечатлѣніе своимъ видомъ замороженной мудрости и внушительной стро-

гости въ связи съ чувствомъ собственнаго достоинства, но при малѣйшемъ нарушеніи обычнаго порядка, онъ терялся, руки его начинали дрожать, голосъ тоже, и въ каждомъ его жестѣ и движеніи сказывалась его жалкая безпомощность. А потому теперь, когда его здѣсь, въ библіотелѣ Миттвальденскаго дворца, гдѣ обычайно царила гробовая тишина и молчаніе, озадачила бурная рѣчь принца, обращенная правда не къ нему, онъ весь затрясся, вскинулъ руки кверху, какъ подстрѣленный, и вскрикнулъ отъ испуга, какъ старая женщина.

— О, ваше высочество! Приношу тысячу извиненій. Но присутствіе вашего высочества здѣсь, въ такое раннее время, въ библіотекѣ!.. Столь необычайнаго случая я никакъ не могъ предвидѣть, ваше высочество, никакъ не могъ ожидать.

— Успокойтесь, господинъ канцлеръ, — сказалъ Отто, — вѣдь ничего особеннаго не случилось. Бѣды въ томъ нѣтъ, что вы вошли сюда.

— Я зашелъ по дѣлу всего на одну минуту; я оставилъ здѣсь у доктора вчера вечеромъ кое-какія бумаги, — сказалъ канцлеръ Грюневальда. — Если господинъ докторъ соблаговолитъ дать ихъ мнѣ, то я не буду долѣе досаждать вашему высочеству своимъ присутствіемъ.

Готтхольдъ отперъ одинъ изъ ящиковъ своего бюро и, доставъ изъ него свертокъ рукописей, вручилъ его канцлеру, который собирался уже уйти, предварительно откланявшись съ надлежащими церемоніями, предписанными этикетомъ двора, когда принцъ остановилъ его.

— Разъ ужъ случай столкнулъ насъ, господинъ Грейзенгезангъ,—сказалъ Отто,—воспользуемся имъ, чтобы поговорить.

— Я весьма польщенъ этою милостью вашего высочества,— залепеталъ искательно канцлеръ,—извольте приказывать!

— Прежде всего, скажите мнѣ, все здѣсь было спокойно со времени моего отъѣзда?—спросилъ Отто, снова усаживаясь въ свое кресло.

— Шли обычныя дѣла, ваше высочество,—отвѣтилъ Грейзенгезангъ,—повседневныя мелочи, весьма важныя, если ихъ упустить изъ виду, но совершенно незначительныя, разъ онѣ приняты къ свѣдѣнію! У вашего высочества, благодареніе Богу, усердные и ревностные слуги, свято вамъ повинующіеся.

— Повинующіеся! Что вы говорите, господинъ канцлеръ?—

возразилъ принцъ.—Да развѣ я когда-нибудь удостаивалъ васъ какимъ-нибудь приказаніемъ? Ужъ скажите лучше, что эти ревностные слуги любезно замѣщаютъ меня, это будетъ болѣе походить на правду. Но, заговоривъ объ этихъ повседневныхъ мелочахъ, будьте любезны указать мнѣ на нѣкоторыя изъ нихъ, такъ, для примѣра.

— Да все это правительственная рутина, ваше высочество, отъ которой ваше высочество такъ разумно оградили свое время отдохновенія, свои свободные часы...—началъ было уклончиво Грейзенгезангъ.

— Ну, мы пока не станемъ говорить о моемъ времени отдохновенія и о моихъ свободныхъ часахъ, господинъ канцлеръ,—сказалъ Отто, замѣтно хмурясь.—Потрудитесь перейти къ фактамъ.

— Всѣ обычныя дѣла шли своимъ чередомъ,—продолжалъ сановникъ, видимо, встревоженный и оробѣвшій.

— Положительно странно, господинъ канцлеръ, что вы такъ упорно избѣгаете отвѣчать на мои вопросы,—сказалъ принцъ, глядя на старика строго, почти гнѣвно.—Вы вынуждаете меня предположить съ вашей стороны извѣстный умыселъ въ вашей странной медлительности и туманности вашихъ словъ. Я васъ спросилъ, все ли здѣсь было спокойно въ моемъ отсутствіи, сдѣлайте одолженіе, потрудитесь отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ.

— Совершенно спокойно, ваше высочество... о, совершенно спокойно!—выпалила старая придворная маріонетка эту явную ложь.

— Я это запомню, господинъ канцлеръ,—сухо промолвилъ принцъ.—Итакъ, вы завѣряете вашего государя, что со времени его отъѣзда здѣсь не случилось ничего такого, о чемъ вы должны были бы донести мнѣ и о чемъ мнѣ слѣдовало бы быть освѣдомленнымъ. Превосходно!

— Призываю ваше высочество и господина доктора въ свидѣтели, что ничего подобнаго я не говорилъ!—воскликнулъ Грейзенгезангъ.—Подобныхъ выраженій я не употреблялъ.

— Постойте!—сказалъ принцъ и минуту помолчавъ продолжалъ: —Господинъ Грейзенгезангъ, вы человѣкъ старый, вы много лѣтъ служили моему покойному отцу, прежде чѣмъ стали служить мнѣ, и мнѣ кажется совершенно несовмѣстимымъ съ чувствомъ вашего достоинства и уваженіе къ моей особѣ, бор-

мотать какія-то извиненія и поминутно натыкаться на ложь, какъ вы это сейчасъ дѣлаете. Соберитесь съ мыслями и затѣмъ сообщите мнѣ ясно и категорически обо всемъ, что вамъ поручили скрыть отъ меня.

Готтхольдъ тѣмъ временемъ низко склонился надъ своимъ столомъ и, казалось, погрузился весь въ свою работу, но временами плечи его приподнимались и колыхались, какъ отъ подавленнаго смѣха. Принцъ Отто сидѣлъ спокойно, пропуская между пальцами кончикъ своего тонкаго платка и терпѣливо ждалъ.

— Ваше высочество,—началъ старый канцлеръ,—я, право, не умѣю и не знаю, какъ вамъ изложить, такъ, своими словами, безъ всякихъ документовъ, на которые я могъ бы сослаться или опереться, тѣ, въ нѣкоторомъ родѣ важныя событія, которыя выяснились въ эти послѣдніе дни. Я положительно затрудняюсь... для меня это совершенно невозможно, повѣрьте мнѣ, ваше высочество, это свыше моихъ способностей.

— Пусть такъ, — сказалъ принцъ, — я не стану осуждать вашъ образъ дѣйствій; я желаю сохранить между нами мирныя, дружелюбныя отношенія, потому что я не забылъ, что вы мой старый слуга, что съ самыхъ юныхъ дней моихъ, вы всегда хорошо относились ко мнѣ, и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вѣрно служили мнѣ. Помня все это, я готовъ оставить этотъ вопросъ, на который вы такъ упорно уклоняетесь дать мнѣ немедленный отвѣтъ, до другого времени. Но сейчасъ въ вашихъ рукахъ бумаги, и я полагаю, что вы, господинъ Грейзенгезангъ, не можете отказать мнѣ въ разъясненіи сути и содержанія ихъ.

— О, ваше высочество,—воскликнулъ старый канцлеръ,— это совершенно пустое дѣло, это въ сущности просто полицейское дѣло, и дѣло чисто административнаго порядка, ничего общаго съ государственными дѣлами не имѣющее... Это бумаги конфискованныя, т. е., отобранныя у одного англійскаго путешественника.

— Отобранныя?—спросилъ Отто. — Какимъ это образомъ? Объясните, сдѣлайте милость!

— Вчера вечеромъ, сэръ Джонъ Кребтри былъ арестованъ, — поднявъ голову отъ своей работы, сказалъ Готтхольдъ.

— Вѣрно это, господинъ канцлеръ?—спросилъ Отто мрачно сдвинувъ брови. — Почему же вы не доложили мнѣ объ этомъ?

— Такая мѣра признана была необходимой, — уклончиво подтвердилъ Грейзенгезангъ.— Приказъ объ арестѣ былъ формальный, скрѣпленный на основаніи полномочій, данныхъ вашимъ высочествомъ, вашею властью и вашимъ именемъ. Я же въ данномъ случаѣ являлся только подначальнымъ лицомъ и не имѣлъ полномочій препятствовать приведенію въ исполненіе этого распоряженія.

— И мой гость былъ арестованъ? А что могло послужить поводомъ къ этому аресту? Подъ какимъ предлогомъ прибѣгнули къ подобной мѣрѣ? Потрудитесь отвѣтить!

Грейзенгезангъ мялся.

— Можетъ быть, ваше высочество, найдете отвѣтъ въ этихъ бумагахъ, — замѣтилъ Готтхольдъ, указывая концомъ ручки своего пера, на свертокъ въ рукахъ канцлера.

Отто взглядомъ поблагодарилъ кузена.

— Дайте мнѣ эти бумаги!—приказалъ онъ обращаясь къ канцлеру, глядя на него строго и серьезно.

Но старый царедворецъ, видимо, колебался и не желалъ исполнить приказанія своего государя.

— Баронъ фонъ Гондремаркъ,—началъ онъ,—взялъ все это дѣло въ свои руки и принялъ на себя одного всю отвѣтственность за него. Я въ данномъ случаѣ не болѣе какъ посланный и въ качествѣ таковаго не облеченъ властью передать эти бумаги другому лицу. Эти документы довѣрены мнѣ... я не вправѣ нарушить это довѣріе. Господинъ докторъ, я убѣжденъ, что вы не откажитесь выручить меня въ данномъ случаѣ, и вы поддержите меня, не правда ли? Право я не знаю... но я не имѣю на то разрѣшенія.

– Признаюсь, я слышалъ много глупостей на своемъ вѣку, господинъ канцлеръ,—сказалъ Готтхольдъ,—и большую часть изъ нихъ отъ васъ. Но эта превосходитъ всѣ остальныя!

— Довольно, сударь!—крикнулъ Отто, вставъ со своего мѣста и выпрямившись во весь ростъ.—Дайте сюда эти бумаги. Я вамъ приказываю!

Канцлеръ покорно протянулъ принцу свертокъ.

— Съ милостиваго разрѣшенія вашего высочества,—залепе-

талъ канцлеръ,—повергая къ стопамъ вашимъ мои нижайшія вѣрноподданническія извиненія, я прошу позволенія удалиться и буду ожидать дальнѣйшихъ приказаній вашего высочества въ государственной канцеляріи, гдѣ меня ждутъ.

— Видите вы это кресло, господинъ канцлеръ? — спросилъ Отто.—Вотъ на немъ вы будете ожидать дальнѣйшихъ моихъ приказаній. А теперь, ни слова больше!—крикнулъ онъ, видя, что канцлеръ опять раскрылъ ротъ, чтобы сказать что-то, и властнымъ жестомъ принцъ заставилъ его замереть на мѣстѣ.

— Вы въ достаточной мѣрѣ доказали свое усердіе тому господину, которому вы служите, а мое долготерпѣніе начинаетъ уже утомлять меня, тѣмъ болѣе, что вы, господинъ канцлеръ, слишкомъ злоупотребляете имъ!

Маленькій старичекъ какъ будто совсѣмъ съежился; онъ покорно побрелъ къ указанному ему креслу и, не подымая глазъ отъ пола, молча сѣлъ, какъ ему было приказано.

— А теперь, — сказалъ Отто, развертывая свертокъ бумагъ,—посмотримъ, что это такое; если не ошибаюсь, это походитъ на рукопись книги.

— Да,—сказалъ Готтхольдъ,—это и есть рукопись будущей книги путевыхъ впечатлѣній и наблюденій.

— Вы ее читали, докторъ Гогенштоквитцъ? — спросилъ Отто.

— Нѣтъ, но я прочелъ заглавный листъ, такъ какъ бумаги эти мнѣ были переданы развернутыми и при этомъ никто мнѣ не сказалъ, что онѣ секретныя или представляютъ собою чью-либо тайну.

— Такъ,—сказалъ принцъ, устремляя на канцлера строгій гнѣвный взглядъ. — Но я того мнѣнія, что въ наше время отбирать рукопись у автора, накладывать арестъ на частныя бумаги предшественника въ такомъ незначительномъ, маленькомъ государствѣ какъ Грюневальдъ положительно смѣшно и постыдно! Я очень пораженъ, господинъ канцлеръ, что вижу васъ при исполненіи столь неблаговидной обязанности; снизойти до того, чтобы принять на себя роль сыщика, воля ваша, этого я отъ васъ не ожидалъ! А какъ же иначе прикажете вы мнѣ назвать этотъ вашъ поступокъ? Я уже не говорю о вашемъ поведеніи по отношенію къ вашему государю, это мы пока оставимъ въ

сторонѣ, я только говорю объ этихъ бумагахъ, которыя вы позволили себѣ отобрать у англійскаго джентльмена, бумагахъ представляющихъ собой частную собственность путешествующаго иностранца, быть можетъ, трудъ всей его жизни! Отобрать, вскрыть и прочесть! Да какое намъ съ вами дѣло до нихъ? Мы не имѣемъ, слава Богу, index expurgatorius въ Грюневальдѣ; будь еще это, мы представляли бы собою полнѣйшую пародію на государство, настоящее фарсовое королевство, какого лучше не сыскать на всемъ земномъ шарѣ!

И, говоря это, Отто продолжалъ разворачивать рукопись, и когда она, наконецъ, лежала раскрытой передъ нимъ, взглядъ его упалъ на заглавный листъ, на которомъ красными чернилами старательно были выписаны слѣдующія слова:

Записки о посѣщеніи разныхъ европейскихъ дворовъ

Баронета сэра

Джона Кребтри».

Далѣе слѣдовалъ перечень главъ; каждая изъ нихъ носила названіе одного изъ государствъ современной Европы и въ числѣ другихъ девятнадцатая и послѣдняя по порядку глава была посвящена Грюневальдскому двору.

— А-а, Грюневальдскій дворъ! — воскликнулъ Отто.—Это должно быть весьма забавное чтеніе.

Его любопытство было задѣто за живое, но онъ не рѣшался дать ему волю.

— Этотъ методическій старый песъ, англичанинъ, добросовѣстно писалъ и заканчивалъ каждую главу на мѣстѣ!—замѣтилъ Готтхольдъ.—Я непремѣнно пріобрѣту его книгу, какъ только она выйдетъ въ свѣтъ.

— Интересно было бы заглянуть въ нее сейчасъ,—промолвилъ Отто нерѣшительно.

Лицо Готтхольда замѣтно омрачилось; и онъ отвернулся и сталъ глядѣть въ окно.

Но Отто хотя и понялъ этотъ молчаливый упрекъ доктора, все же не могъ устоять противъ соблазна.

— Я полагаю, — сказалъ онъ, неестественно усмѣхнувшись,—я полагаю, что могу такъ, вскользь, взглянуть на эту главу.

И съ этими словами онъ поудобнѣе придвинулъ кресло къ столу и разложилъ на немъ рукопись англичанина.

II. «О Грюневальдскомъ дворѣ»—часть рукописи путешественника.

«Невольно напрашивается вопросъ (такъ начиналъ англичанинъ свою девятнадцатую главу), почему именно я остановилъ свой выборъ на Грюневальдскомъ дворѣ изъ числа такого великаго множества столь же мелкихъ, столь же безцвѣтныхъ и развращенныхъ дворовъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ государей Европы. Случайность, скажу я, чистѣйшая случайность; это вовсе не я выбиралъ, за меня выбралъ случай. Но я не имѣю ни малѣйшаго основанія сожалѣть о случившемся, потому что видѣть это маленькое общество изнуряющее себя, истощающее послѣдніе свои соки во славу самообмана и своихъ заблужденій, было, не скажу поучительно, но въ высшей степени забавно. Благополучно или, вѣрнѣе, неблагополучно царствующій принцъ Отто-Іоганнъ-Фридрихъ, молодой человѣкъ неудовлетворительно воспитанный, сомнительной храбрости или мужества и безъ малѣйшей искорки способностей допустилъ себя до полнаго презрѣнія въ общественномъ мнѣніи. Я съ большимъ трудомъ могъ добиться свиданія съ нимъ, потому что онъ очень часто отлучается изъ дворца и отъ двора, среди котораго его присутствіе и отсутствіе остаются одинаково незамѣченными, гдѣ его роль состоитъ исключительно въ исполненіи обязанностей ширмъ для амурныхъ дѣлъ его супруги. Но, наконецъ, при третьемъ моемъ посѣщеніи дворца мнѣ удалось застать этого государя при исполненіи его постыдныхъ обязанностей, съ супругой по правую руку и любовникомъ супруги по лѣвую его руку. Онъ не дуренъ собой, можно даже сказать красивъ, имѣетъ золотистые волосы, вьющіеся отъ природы, и при этомъ большіе темные глаза—сочетаніе которое, насколько я могъ замѣтить, всегда является признакомъ какого-нибудь врожденнаго недостатка, физическаго или моральнаго; черты лица его не строго правильныя, но пріятныя и привлекательныя; носъ прямой, красивый, но можетъ быть, немного болѣе короткій, чѣмъ бы слѣдовало, а ротъ нѣсколько женственный. Манера его одѣваться безукоризненна, точно также какъ и манера держать себя; обра-

щеніе его весьма пріятное и располагающее и говорить онъ умѣетъ превосходно, выражаясь красиво, элегантно и съ большой точностью. Но если заглянуть глубже подъ всю эту внѣшность, то наткнешься на полное отсутствіе всякихъ положительныхъ качествъ; это какая-то полнѣйшая моральная распущенность и легкомысленность и та характерная непослѣдовательность и неустойчивость въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя являются отличительными чертами періода упадка.

Этотъ принцъ хватался безцѣльно то за одно, то за другое, но ничего не доводилъ до конца; онъ ничѣмъ не овладѣлъ вполнѣ. «Мнѣ скоро надоѣдаетъ всякое дѣло или занятіе», сказалъ онъ мнѣ, смѣясь; и можно было подумать, что онъ какъ будто даже гордится своею неспособностью къ чему бы то ни было и хвастаетъ своимъ полнымъ отсутствіемъ настойчивости и рѣшимости. Результаты его вялаго дилетантизма сказываются во всемъ; онъ плохо фехтуетъ, онъ неважный наѣздникъ, второстепенный танцоръ, слабый музыкантъ и посредственный, или во всякомъ случаѣ не первоклассный стрѣлокъ. Онъ и поетъ, я имѣлъ даже случай слышать его, но поетъ какъ ребенокъ, хотя голосъ у него мягкій и красивый; кромѣ того онъ еще пишетъ скверные стихи на весьма подозрительномъ французскомъ языкѣ. Словомъ, нѣтъ конца всему тому, что этотъ человѣкъ дѣлаетъ, и при этомъ онъ ничего не дѣлаетъ хорошо или хотя бы удовлетворительно. Единственное достойное мужчины пристрастіе его, это охота. Но въ общей сложности это «plexus» безсилія; это поющая на сценѣ горничная, выряженная въ мужское платье и посаженная на цирковую лошадь. Мнѣ случалось видѣть этотъ блѣдный призракъ принца, когда онъ выѣзжалъ одинъ или съ нѣсколькими егерями на охоту, не возбуждая рѣшительно ничьего вниманія, всѣми незамѣченный, никому не интересный и никому ненужный, и, признаюсь, мнѣ стало даже жаль этого бѣднягу, влачащаго такую пустую, ненужную и печальную жизнь или, вѣрнѣе, такое жалкое существованіе! Вѣроятно послѣдній изъ Меровинговъ походилъ на него.

Принцесса Амалія Серафина, происходящая изъ дома великихъ герцоговъ Тоггенбургъ-Таннгейзеровъ, была бы столь же незамѣтной и незначительной особой, если бы она не была рѣжущимъ орудіемъ въ рукахъ честолюбца авантюриста. Она зна-

чительно моложе принца, своего супруга, — ей всего двадцать два года,—но она заражена честолюбіемъ, полна претензій, поверхностно умна, а на самомъ дѣлѣ въ высшей мѣрѣ безразсудна и неразумна. У нея слишкомъ большіе, ярко-каріе, очень подвижные глаза на сравнительно миніатюрномъ личикѣ; глаза искристые, живые и въ то же время злые и свирѣпые, высокій, узкій лобъ, гладкій и бѣлый, какъ алебастръ, и стройная, нѣсколько сутуловатая фигура. Ея манеры и разговоръ густо уснащенный французскими словами и выраженіями, ея вкусы и склонности—все у нея кажется заимствованнымъ; и эта дѣланность и неестественность ея слишкомъ замѣтны; вся она можно сказать ходульна; это какая-то дешевенькая комедіантка, разыгрывающая Клеопатру! Я бы сказалъ, что эта женщина совершенно неспособна быть правдивой. Въ частной жизни такія дѣвушки вносятъ горе и безпорядокъ въ семью, нарушаютъ миръ и спокойствіе въ домѣ, таскаютъ за собою цѣлый хвостъ мрачныхъ ухаживателей и неизбѣжно проходятъ въ жизни черезъ одинъ или два развода; это въ сущности весьма распространенный и весьма мало интересный, кромѣ развѣ только для циниковъ, типъ женщинъ; но на тронѣ такія женщины, да еще если онѣ находятся въ рукахъ такого человѣка какъ Гондремаркъ, легко становятся причиной серьезныхъ общественныхъ бѣдствій.

Гондремаркъ—дѣйствительный правитель Грюневальда, болѣе сложная фигура; положеніе его въ этой несчастной странѣ, гдѣ онъ является чужеземцемъ, крайне ложное, и уже одно то, что онъ удерживаетъ за собой это положеніе фактическаго правителя страны, является, такъ сказать, чудомъ ловкости и наглости. Его рѣчь, его внѣшность и его политика, все въ немъ двулично; то хвостикомъ виляетъ, то головкой киваетъ, а разобраться, гдѣ у него хвостъ и гдѣ голова, положительно нельзя! И надо большую смѣлость для того, чтобы сказать, что вамъ вполнѣ удалось разгадать изнанку этого человѣка. Но я рискну высказать мое предположеніе: мнѣ кажется, что служа двумъ господамъ, т. е. и правительству, и народу, въ одно и то же время, онъ придерживается выжидательной политики, нащупывая почву и тутъ и тамъ и ждетъ, когда судьба или случай укажетъ ему легкимъ, едва уловимымъ намекомъ въ какую сторону

должны посыпаться дары фортуны—намеком столь понятным для людей разсудительных и ловких.

Съ одной стороны, въ качествѣ министра двора при совершенно неосвѣдомленномъ и ничѣмъ не интересующемся принцѣ Отто, пользуясь, съ другой стороны, алчущей любви принцессой какъ орудіемъ и какъ уздой и, обманывая народъ, онъ держится политики неограниченной власти и территоріальнаго расширенія. Онъ призвалъ на военную службу все способное носить оружіе мужское населеніе страны; призвалъ обманомъ, лживой приманкой; онъ накупилъ вооруженія, сманилъ десятки выдающихся офицеровъ изъ иностранныхъ армій, суля имъ золотыя горы, и начинаетъ уже въ своихъ международныхъ отношеніяхъ принимать аллюры хвастливаго выскочки и смутно угрожающій тонъ забіяки фанфарона. Идея о расширеніи территоріальныхъ владѣній Грюневальда можетъ казаться обсурдомъ со стороны, но на самомъ дѣлѣ, это маленькое княжество лежитъ крайне благопріятно; всѣ его сосѣди совершенно беззащитны, и если бы въ любой моментъ раздоры болѣе крупныхъ государствъ нейтрализовали другъ друга, активная политика Грюневальда могла бы легко удвоить и утроить какъ объемы такъ и населеніе маленькаго княжества. Во всякомъ случаѣ, въ подобную схему вѣрятъ и ее поддерживаютъ при Миттвальденскомъ дворѣ, и даже я, со своей стороны, не считаю нѣчто подобное совершенно невозможнымъ. Вѣдь разраслось же маркграфство Бранденбургъ изъ такого же игрушечнаго государства въ весьма грозную державу, и хотя теперь нѣсколько поздно для политики авантюристической, если можно такъ выразиться, и времена войнъ какъ будто миновали, все же не слѣдуетъ забывать, что слѣпая фортуна вертитъ колесо судебъ и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ народовъ. Согласно съ этими военными приготовленіями и какъ неизбѣжное ихъ слѣдствіе, являются непосильные налоги, обременяющіе населеніе; газеты закрываются изъ опасенія, что онѣ могутъ раскрыть кое-кому глаза на истинное положеніе дѣлъ, и страна, которая всего какихъ-нибудь года три тому назадъ была богатой и счастливой страной, теперь испытываетъ въ вынужденномъ бездѣйствіи; въ промышленности и торговлѣ наблюдается полный застой; золото стало здѣсь давно не

видапной рѣдкостью, а безчисленныя мельницы на бурливыхъ горныхъ потокахъ стоятъ неподвижно, какъ заколдованныя.

Но съ другой стороны, въ качествѣ народнаго трибуна, этотъ самый Гондремаркъ является воплощеніемъ свободныхъ идей; онъ возсѣдаетъ во главѣ тайныхъ обществъ, являясь центральной фигурой организованнаго грандіознаго заговора противъ правительства. Ко всякаго рода освободительнымъ движеніямъ я смолода питалъ симпатіи, и я очень бы не хотѣлъ сознательно произнести такое слово, которое могло бы повредить, затруднить или хотя бы отсрочить моментъ революціи, но чтобы доказать, что все высказанное мною выше не голословно, что я доподлинно знаю то, о чемъ говорю, а не передаю репортерскія сплетни, я могу сказать здѣсь о томъ, что я самъ лично присутствовалъ на одномъ очень многолюдномъ митингѣ, гдѣ обсуждались подробности республиканскаго государственнаго строя, и могу добавить, что этотъ Гондремаркъ не только играетъ во всемъ этомъ первенствующую роль, но что и всѣ ораторы безъ исключенія, постоянно упоминали о немъ какъ о главѣ движенія, какъ о предводителѣ и какъ о безаппеляціонномъ судьѣ въ ихъ спорахъ и разногласіяхъ. Очевидно, что этотъ ловкій господинъ внушилъ одураченнымъ имъ людямъ, что его сила сопротивленія волѣ принцессы имѣетъ свои предѣлы и въ сущности не особенно велика, и что во многомъ онъ долженъ подчиняться ей; но съ другой стороны при каждомъ новомъ взрывѣ народнаго негодованія противъ новаго проявленія самовластія, онъ убѣждаетъ народъ новыми вѣскими доводами, отсрочить еще на нѣкоторое время моментъ возстанія.

Какъ образецъ его двуличной и коварной политики, я упомяну тотъ фактъ, что онъ благополучно вывернулся и вышелъ сухъ изъ воды самъ, и спасъ правительство отъ гибели, послѣ декрета о продленіи срока военной службы, успокоивъ умы тѣмъ, что для успѣшнаго подготовленія возстанія, необходимо основательное обученіе и знаніе военнаго дѣла, и что такимъ образомъ этотъ декретъ только инструментъ на пользу революціи, съ которой ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ спѣшить. И въ другой разъ, когда вдругъ распространится слухъ, что собираются вынудить на войну одного изъ мирныхъ сосѣдей, великое герцогство Герольштейнъ, и когда я былъ увѣренъ, что этотъ слухъ вызоветъ разомъ всеобщее возстаніе въ странѣ, я

положительно онѣмѣлъ отъ удивленія, убѣдившись, что даже этотъ слухъ былъ умышленно подготовленъ, и что и съ этимъ населеніе Грюневальда должно было примириться. Я обошелъ всѣхъ видныхъ представителей либеральной партіи, и всѣ они одинаково были одурачены этой исторіей, всѣ они были выдрессированы, вымуштрованы и одурачены тѣми же пустыми и лживыми аргументами и изворотами: «молодежи полезно было бы повидать настоящія сраженія, понюхать пороху,—говорили они, повторяя слова своего руководителя:—да и кромѣ того, отчего не захватить Герольштейнъ? Вѣдь это дастъ намъ возможность распространить и на нихъ, на нашихъ исконнихъ друзей и сосѣдей, блага свободы и независимости, которые мы пріобрѣтемъ для себя, вырвавъ власть изъ рукъ нашего правительства, а затѣмъ, увеличенная такимъ образомъ въ своемъ объемѣ и населеніи республика, станетъ тѣмъ сильнѣе, на случай самообороны, если бы государи Европы вздумали дѣйствовать заодно и захотѣли вновь поработить насъ». И слушая ихъ, я положительно не зналъ, чему мнѣ слѣдуетъ болѣе дивиться—простодушію ли толпы или наглости этого авантюриста! Но таковы тѣ хитрости и каверзныя ухищренія и извороты, которыми онъ дурачитъ, осмѣиваетъ и ведетъ за собой какъ послушное стадо этотъ бѣдный народъ. Сколько времени можно итти столь извилистымъ путемъ лжи и обмановъ я не берусь угадать, и не могу сказать долго ли можно разсчитывать на свою безопасность при такихъ условіяхъ; надо бы думать, что не долго, а между тѣмъ, этотъ авантюристъ плететъ эту хитрую паутину, запутывая всѣ ея нити вотъ уже цѣлыхъ пять лѣтъ, и при этомъ его положеніе при дворѣ и его популярность въ народѣ все возрастаетъ.

Я уже раньше былъ съ нимъ нѣсколько знакомъ. Тяжеловатый и грубоватый, даже можно сказать неуклюже сложенный, нескладный и развинченный, онъ умѣлъ когда нужно было подтянуться, подбодриться и вызывать даже нѣкоторое восхищеніе въ бальной залѣ. Какъ цвѣтъ его лица такъ и самый его характеръ были явно желчные; взглядъ у него былъ мрачный, лицо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ брѣетъ, имѣетъ темносиневатый оттѣнокъ. Его смѣло можно причислить къ разряду человѣконенавистниковъ, къ убѣжденнымъ мизантропамъ, презирающихъ все человѣчество. Но это не мѣшаетъ ему быть заурядным

честолюбцемъ, жаднымъ до похвалъ и одобренiй. Въ разговорѣ онъ особенно жаденъ до всякаго рода свѣдѣнiй, и вообще, предпочитаетъ слушать и получать всякiя свѣдѣнiя, чѣмъ давать ихъ кому бы то ни было; кромѣ того, онъ отличается здравыми и прочными взглядами, и если судить по крайней недальновидности большинства дипломатовъ и политическихъ дѣятелей, то и замѣчательной способностью предвидѣть грядущiя событiя. Но все это въ немъ проявлялось безъ малѣйшей привлекательности или прiятности, какъ-то мрачно и угрюмо, какъ-то особенно тяжеловѣсно. Во время нашихъ многократныхъ бесѣдъ съ нимъ, хотя онъ всегда слушалъ меня съ вниманiемъ и извѣстной почтительностью, я все время ощущалъ какое-то давящее чувство неискренности, коварства и задней мысли съ его стороны, становившееся для меня нерѣдко положительно невыносимымъ. Ни въ какомъ отношенiи онъ не производилъ впечатлѣнiя джентльмена и барина; напротивъ того, въ немъ сказывалась постоянно грубая, некультурная натура. Лишенный не только всякой привлекательности и прiятности, но даже и обычной внимательности и теплоты чувствъ въ своемъ обращенiи, онъ производилъ скорѣе невыгодное для себя впечатлѣнiе на людей высшаго круга. Не говоря уже о томъ, что ни одинъ джентльменъ никогда не сталъ бы такъ аффишировать свои отношенiя съ принцессой, какъ онъ постоянно это дѣлаетъ; а еще менѣе, платить принцу, за его долготерпѣнiе и сдержанность, тѣмъ умышленно дерзкимъ вызывающимъ поведенiемъ, какое онъ себѣ позволяетъ по отношенiю къ этому злополучному монарху, для котораго онъ измышляетъ самыя оскорбительныя прозвища въ родѣ: «Пустоголовый Принцъ», «Принцъ Бездѣльникъ» и тому подобныя, и которыя онъ потомъ пускаетъ въ толпу, гдѣ они начинаютъ переходить изъ устъ въ уста, во всей странѣ. Такимъ образомъ, въ Гондремаркѣ проявляются въ довольно грубой формѣ многiя отличительныя черты такъ называемаго «self made man'a», т. е. человѣка выбившагося на дорогу собственными усилiями, на ряду съ необычайнымъ, можно сказать чрезмѣрнымъ, почти смѣшнымъ чванствомъ своимъ умомъ и происхожденiемъ, которое, однако, весьма туманно. Тяжеловѣсный, желчный эгоистъ, невоздержанный, онъ угнетаетъ этотъ дворъ и страну, высасываетъ ихъ соки и давитъ ихъ, какъ кошмаръ, который душитъ человѣка ночью.

Однако, по всѣмъ вѣроятностямъ, у него имѣются про запасъ, на случай надобностей, и болѣе мягкое обхожденіе и болѣе сладкія рѣчи. Я скажу даже болѣе: несомнѣнно, что этотъ холодный, бездушный, грубый политикъ обладаетъ въ высокой степени даромъ вкрадываться въ расположеніе и втираться въ милость и привлекать на свою сторону симпатіи, и умѣетъ угодить каждому, если считаетъ это нужнымъ,—хотя на себѣ я этого не испыталъ. Эта способность вкрадываться въ расположеніе и это умѣніе быть льстивымъ и заискивать тамъ, гдѣ это нужно, быть можетъ, дало поводъ къ случаямъ, что въ своей интимной жизни, этотъ человѣкъ безстыдный, грубый сластолюбецъ. Впрочемъ, ничего не можетъ быть болѣе непонятнаго и необычайнаго, чѣмъ характеръ его отношеній къ молодой принцессѣ. Гораздо старѣе ея мужа, несомнѣнно безобразнѣе его, и согласно общепринятой, надо сказать, довольно слабой женской оцѣнкѣ, во всѣхъ отношеніяхъ менѣе привлекательный и менѣе располагающій въ свою пользу, онъ не только всецѣло овладѣлъ всѣми ея мыслями и чувствами, не только во всемъ заставляетъ ее думать и поступать согласно его желанію, но еще навлекъ на нее позоръ и униженіе въ общественномъ мнѣніи, заставляетъ ее на глазахъ у цѣлаго двора и народа играть унизительную и оскорбительную роль. Я уже не говорю о томъ, что она принесла ему въ жертву до послѣдней крохи свою репутацію, свое доброе имя, и честь порядочной женщины, потому что—увы!—для очень многихъ женщинъ такія жертвы сами по себѣ представляются чѣмъ-то упоительнымъ, дающимъ имъ особое, быть можетъ, горькое наслажденіе, въ которомъ онѣ находятъ извѣстное удовольствіе, — я говорю здѣсь о другого рода униженіи, оскорбительномъ и обидномъ для каждой женщины, кто бы она ни была. Дѣло въ томъ, что при Грюневальдскомъ дворѣ, есть одна особа пользующаяся самой дурной репутаціей, нѣкая фонъ-Розенъ, жена или вдова какого-то фантастическаго графа, котораго никто никогда не видалъ и не знавалъ, женщина даже не второй уже молодости, утратившая часть своихъ прелестей, и эта женщина явно занимаетъ положеніе любовницы барона Гондремарка. Вначалѣ я думалъ, что она не болѣе какъ наемная соучастница, служащая ширмой или буферомъ для охраненія болѣе высокопоставленной грѣшницы, но послѣ нѣсколькихъ часовъ знакомства съ госпожей фонъ-Розенъ, я навсегда распростился съ

этимъ предположеніемъ. Это женщина такого сорта, которая скорѣе создастъ скандалъ, чѣмъ станетъ способствовать предотвращенію скандала, и кромѣ того, эта женщина ни во что не ставитъ все то, чѣмъ можно пользоваться, какъ орудіемъ для подкупа; деньги, почести, положеніе, вліяніе, все что могло побудить ее принять на себя подобную роль покровительницы чужой любви, не имѣетъ цѣны въ ея глазахъ; она убѣждена, что все это само собой приложится къ главному, и предпочитаетъ грѣшить сама, вмѣсто того, чтобы покрывать чужіе грѣхи. Признаюсь откровенно, что эта графиня даже понравилась мнѣ; это во всякомъ случаѣ крупная фигура при этомъ мелкомъ Грюневальдскомъ дворѣ, гдѣ она является, повидимому, единственнымъ вполнѣ естественнымъ существомъ, гордымъ и самоувѣреннымъ.

Власть Гондремарка надъ принцессой положительно не имѣетъ границъ и предѣла! Она принесла въ жертву этому человѣку, не только свой брачный обѣтъ и всякую даже малѣйшую частицу своего самоуваженія и чувства приличія, но также и свою женскую стыдливость. Мало того, она подавила въ угоду этому поработившему ее человѣку, даже и чувство ревности, которое для женскаго сердца дороже даже чѣмъ неприкосновенность ея честнаго имени, дороже, чѣмъ внѣшнее къ ней уваженіе.

И эта молодая, не лишенная извѣстной красоты женщина (хотя я не назову ее привлекательной, но все же несомнѣнно она видная женщина), принцесса по крови и по положенію, покорно мирится съ явно торжествующей надъ ней соперницей, подъ часъ дерзкой до наглости, всегда къ ней пренебрежительной, женщиной, которая по годамъ могла бы быть ея матерью, а по положенію стоитъ неизмѣримо ниже ее. Вотъ, чего я никакъ не могу себѣ объяснить. Вѣроятно, это одна изъ тайнъ человѣческаго сердца! Можетъ быть, пламя запретной, незаконной, непозволительной любви доводитъ женщину до такого безумія, что разъ вступивъ на этотъ скользкій, опасный путь, ея чувство или страсть питается самоуниженіемъ, и возрастаетъ вмѣстѣ съ этимъ униженіемъ. Для особы съ характеромъ и темпераментомъ этой несчастной молодой принцессы, почти любая степень униженія позора и паденія возможна.

III. Принцъ и англичанинъ.

Отто дочиталъ рукопись до этого мѣста, стараясь подавлять въ себѣ чувство глубокаго возмущенія и обиды, но теперь бѣшенство овладѣло имъ, и не будучи долѣе въ состояніи сдерживаться, онъ швырнулъ рукопись на столъ и всталъ.

— Этотъ человѣкъ дьяволъ!—произнесъ онъ.—Что за грязное воображеніе! Что за жадный ко всему недостойному и злому слухъ! Что за коварство и ѣдкая злобность рѣчи! Право, читая эти страницы, кажется, что самъ становишься похожъ на него. Это нѣчто превыше всякой мѣры возмутительное!.. Господинъ канцлеръ, гдѣ помѣстили этого человѣка?

— Его препроводили въ замковую башню, ваше высочество, и помѣстили въ апартаментахъ Гаміани,—отвѣчалъ Грейзенгезангъ.

— Проводите меня къ нему,—сказалъ принцъ, и вдругъ, ему какъ будто припомнилось что-то и онъ задумчиво добавилъ: вилъ:—Такъ вотъ почему я засталъ вчера такъ много стражи въ саду? Этотъ англичанинъ тому причина, не такъ ли?

— Объ этомъ мнѣ ничего неизвѣстно, ваше высочество,—отозвался канцлеръ, вѣрный своей политикѣ замалчиванія, изворотовъ и уклоненій.—Размѣщеніе стражи и карауловъ внѣ моего вѣдѣнія, и не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

Отто круто и сердито обернулся къ старику, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ произнести хоть единое слово, Готтхольдъ осторожно дотронулся до его плеча; принцъ сдѣлалъ надъ собой громадное усиліе, и поборолъ въ себѣ злобное чувство возмущенія и негодованія.

— Прекрасно, — сказалъ онъ, беря со стола свертокъ рукописи,—слѣдуйте за мной въ флаговую башню.

Канцлеръ подобрался, подтянулся и почтительно послѣдовалъ за принцемъ, хотя на лицѣ его были написаны смущеніе и нерѣшимость. Это было довольно продолжительное шествіе, можно сказать цѣлое странствіе, потому что библіотека помѣщалась въ одномъ изъ крыльевъ новаго дворцоваго зданія, тогда какъ башня, на которой развѣвался флагъ, составляла часть стараго замка, и выходила въ садъ, куда былъ обращенъ фасадомъ старый «Шлоссъ», т. е. прежній дворецъ. Перейдя мно-

жество переходовъ, коридоровъ и лѣстницъ, они, наконецъ, очутились на маленькомъ усыпанномъ гравіемъ дворикѣ; высокая чугунная рѣшетка отдѣляла его съ одной стороны отъ сада, и зеленыя деревья его, словно любопытныя дѣти заглядывали во дворикъ; высокія островерхія черепичныя крыши вырисовывались на фонѣ яснаго неба и темныя мрачныя стѣны стараго замка чуть не со всѣхъ сторонъ обступили тѣсный дворъ, а флаговая башня, казалось, тянется къ небу, взбираясь этажъ за этажомъ все выше и выше, выше всѣхъ окружающихъ строеній и тамъ на самой ея вершинѣ высоко-высоко надо всѣмъ, развѣвался по вѣтру большой желтый флагъ.

У входа въ башню часовой взялъ на караулъ, завидя принца; другой часовой расхаживалъ взадъ и впередъ на первой площадкѣ лѣстницы и третій стоялъ у дверей, ведущихъ въ комнаты обращенныя въ импровизированную тюрьму.

— Мы охраняемъ эту гадину, какъ драгоцѣнность,—злобно замѣтилъ Отто, подходя къ комнатамъ Гаміани. Апартаментами Гаміани это небольшое помѣщеніе звалось потому, что ихъ занималъ когда-то итальянецъ Гаміани, докторъ шарлатанъ, сумѣвшій одурачить и вкрасться въ довѣріе одного изъ прежнихъ Грюневальдскихъ принцевъ. Помѣщеніе это состояло изъ нѣсколькихъ комнатъ, большихъ, высокихъ, въ которыхъ было много воздуха и свѣта, съ окнами выходившими въ садъ, но стѣны башни были толсты и прочны, какъ стѣны старой крѣпости, а въ окнахъ были толстыя желѣзныя рѣшетки. Принцъ Отто въ сопровожденіи канцлера, трусившаго за нимъ рысцей, чтобы не отставать отъ крупно шагавшаго принца, быстро прошелъ по небольшой библіотекѣ и гостиной и словно бомба ворвался въ спальную.

Сэръ Джонъ въ этотъ моментъ заканчивалъ свой утренній туалетъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, рѣзкій, безъ компромисовъ, человѣкъ способный, умный, наблюдательный, со смѣлымъ взглядомъ и крѣпкими здоровыми зубами, свидѣтельствовавшими о его физическомъ здоровьѣ, силѣ и смѣлости. Онъ совершенно спокойно и равнодушно отнесся къ этому неожиданному вторженію принца, съ которымъ онъ вѣжливо, но нѣсколько насмѣшливо раскланялся безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Чему долженъ я приписать честь этого посѣщенія?— спросилъ онъ

Вмѣсто прямого отвѣта на этотъ вопросъ, принцъ, гордо поднявъ голову и мѣряя англичанина гнѣвнымъ взглядомъ, сказалъ:

— Вы ѣли мой хлѣбъ, вы жали мою руку, вы были приняты подъ моимъ кровомъ, какъ уважаемый гость. Можете ли вы пожаловаться на то, что я не былъ любезенъ и внимателенъ къ вамъ? Было ли что, въ чемъ бы я отказалъ вамъ и въ чемъ бы я погрѣшилъ противъ васъ, какъ противъ своего гостя? И вотъ то, чѣмъ вы отплатили мнѣ за мое гостепріимство и за мою ласку!

И при этомъ онъ выразительно ударилъ рукой по свертку рукописи.

— Ваше высочество изволили прочесть эту рукопись?— спросилъ баронетъ.—Я весьма польщенъ, конечно; но эти наброски весьма несовершенны, въ нихъ многаго еще не достаетъ, и мнѣ теперь придется еще много добавить къ тому, что я уже написалъ. Теперь я буду имѣть возможность написать, что принцъ, котораго я обвинялъ въ лѣности и бездѣйствіи, ревностно работаетъ въ департаментѣ полиціи, гдѣ онъ принялъ на себя самыя непріятныя обязанности полицейскаго сыска; я буду имѣть возможность разсказать комическій инцидентъ моего ареста и странное посѣщеніе, которымъ вы изволили удостоить меня въ данный моментъ. Что же касается дальнѣйшаго, то имѣю честь сообщить вамъ, что я успѣлъ уже снестись съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, и если только вы не имѣете намѣренія умертвить меня, я въ самомъ непродолжительномъ времени буду снова свободенъ независимо отъ того, желаете вы этого или нѣтъ, потому что я не думаю, что будущая Грюневальдская имперія уже достаточно созрѣла для того, чтобы вступить въ войну съ Англіей. Я полагаю, что мы съ вами теперь даже нѣсколько болѣе квиты, и я не обязанъ давать вамъ никакихъ объясненій, потому что не правы вы, а не я. Мало того, если вы изволили прочесть мою рукопись съ пониманіемъ, то вы должны быть очень признательны и благодарны мнѣ. А теперь, такъ какъ я еще не окончилъ своего туалета, то я полагаю, что любезность тюремщика по отношенію къ заключенному подскажетъ вамъ удалиться хотя бы въ сосѣднюю комнату.

На столѣ лежалъ листъ бумаги. Отто присѣлъ и написалъ пропускъ на имя сэра Джона Кребтри.

— Приложите къ этой бумагѣ печать, господинъ канцлеръ,—

приказалъ онъ своимъ властнымъ царственнымъ тономъ, вставая со своего мѣста.

Грейзенгезангъ досталъ небольшой красный сафьянный портфель и приложилъ печать въ видѣ весьма непоэтичнаго клейкаго штемпеля, причемъ его смущенныя неуклюжія движенія отнюдь не способствовали умаленію комизма этой операціи. Сэръ Джонъ смотрѣлъ на все съ лукавой насмѣшливой веселостью; повидимому, вся эта процедура его очень забавляла, а Отто внутренно злился, сожалѣя уже, но, увы, слишкомъ поздно, о ненужной величественности и царственности своего жеста. Наконецъ, канцлеръ окончилъ свою партію комедіи и, не дожидаясь приказанія, поставилъ свою подпись подъ пропускомъ. Узаконенную такимъ образомъ бумагу онъ съ почтительнымъ поклономъ вручилъ принцу.

— Вы теперь пойдете и распорядитесь, чтобы одинъ изъ моихъ личныхъ экипажей заложили, и затѣмъ лично посмотрите, чтобы въ него были положены всѣ вещи сэра Джона Крэбтри; вы прикажете кучеру черезъ часъ подъѣхать къ Фазаннику и ждать тамъ. Сэръ Джонъ ѣдетъ сегодня въ Вѣну.

Канцлеръ почтительно откланялся и вышелъ, не торопясь, съ соблюденіемъ подобающаго ему достоинства.

— Вотъ, сэръ, вашъ пропускъ,—сказалъ принцъ, обращаясь къ баронету.—Я отъ всей души сожалѣю, что вамъ пришлось испытать здѣсь эту непріятную задержку.

— Такъ, значитъ, не будетъ войны съ Англіей!—шутливо отозвался сэръ Джонъ.

— Нѣтъ, сэръ, не будетъ,—сказалъ Отто,—но во всякомъ случаѣ, вы должны соблюдать вѣжливость по отношенію ко мнѣ. Теперь, какъ видите, обстоятельства измѣнились, и мы стоимъ другъ передъ другомъ, какъ два джентльмена. Не я отдавалъ распоряженіе о вашемъ арестѣ; я вернулся вчера поздно ночью съ охоты и ничего не зналъ о случившемся, такъ что вы не имѣли основанія быть на меня въ претензіи за вашъ арестъ, но вы можете быть благодарны мнѣ за ваше освобожденіе изъ-подъ ареста.

— А между тѣмъ вы все-таки читали мою рукопись,—замѣтилъ путешественникъ язвительно.

— Въ этомъ я былъ, конечно, не правъ, сэръ, — отвѣтилъ Отто съ достоинствомъ и совершенно спокойно,—и прошу у васъ

извиненія. Вы едва ли можете отказать мнѣ въ этомъ, уже изъ простого чувства уваженія къ себѣ, по отношенію къ человѣку, который, по вашему же собственному опредѣленію, является «p l e x u s'о м ъ (т. е. сплетеніемъ) с л а б о с т е й». А кромѣ того, и вина въ этомъ не всецѣло моя. Если бы эти бумаги ваши были просто невинной рукописью, это было бы съ моей стороны само большее нескромность. Но сознаніе вашей виновности превращаетъ эту нескромность въ обиду или оскорбленіе для васъ.

Теперь сэръ Джонъ смотрѣлъ на Отто одобрительно и на его слова отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ

— Ну, а теперь, сэръ, когда вы свободны располагать собою по вашему усмотрѣнію, я желалъ бы попросить васъ объ одномъ одолженіи, если хотите даже объ одномъ снисхожденіи,—добавилъ Отто съ горечью.—Я хочу просить васъ, выйдите со мной въ садъ и побесѣдуемъ тамъ съ глаза на глазъ послѣ того, какъ вы окончите вашъ туалетъ и сочтете это для себя удобнымъ.

— Съ той минуты, какъ я свободенъ,—отвѣтилъ сэръ Джонъ на этотъ разъ со всей подобающей вѣжливостью,—я всецѣло къ услугамъ вашего высочества; и если ваше высочество проститъ мнѣ мой, такъ сказать, безцеремонный туалетъ, то я готовъ послѣдовать за вами въ томъ видѣ, какъ я есть, сію же минуту.

— Благодарю,—сказалъ принцъ и, повернувшись, направился къ выходу.

Сэръ Джонъ послѣдовалъ за нимъ; такъ они спустились по лѣстницѣ башни на дворикъ и черезъ калитку къ рѣшеткѣ, вышли въ садъ, залитый утреннимъ солнцемъ, благоухающій свѣжимъ воздухомъ и ароматомъ, подымавшимся отъ цвѣточныхъ клумбъ на терассахъ сада, мимо которыхъ они шли. Они перешли мостъ черезъ рыбный прудъ, въ которомъ жирные карпы прыгали и рѣзвились, какъ пчелы въ ульѣ. Поднялись по нѣсколькимъ мраморнымъ лѣстницамъ, ведущимъ къ восходящимъ терассамъ сада, усѣяннымъ, словно снѣгомъ, осыпавшимся бѣлымъ цвѣтомъ отцвѣтающихъ плодовыхъ деревьевъ, ступая подъ звуки утренняго пѣнія цѣлаго хора веселыхъ птицъ. Принцъ Отто шелъ не останавливаяясь до тѣхъ поръ, пока они не вышли на самую высшую терассу сада; здѣсь была рѣшетка, отдѣлявшая садъ отъ парка, и почти у самой рѣшетки, въ чащѣ лавровъ и туй, бѣлѣла большая мраморная скамья, манившая отдохнуть.

Отсюда открывался видъ на цѣлое море зеленыхъ верхушекъ вязовъ сада, среди которыхъ каркали и суетились грачи, а тамъ дальше за этими деревьями виднѣлись крыши дворца, и надо всѣмъ развѣвался высоко надъ старой башней желтый флагъ на фонѣ голубого неба.

— Прошу васъ сѣсть, сэръ,—сказалъ Отто, когда они подошли къ скамьѣ.

Сэръ Джонъ молча исполнилъ его желаніе, а Отто въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ ходилъ взадъ и впередъ передъ нимъ, не садясь и, повидимому, занятый гнѣвными мыслями. Птицы кругомъ щебетали и трещали вперегонку, безъ умолка. Наконецъ, Отто заговорилъ, обращаясь прямо къ англичанину:

— Сэръ, вы совершенно чужой мнѣ человѣкъ и кромѣ обычныхъ, условныхъ общественныхъ данныхъ мнѣ ничего не извѣстно о васъ; я совершенно не знаю ни вашего характера, ни вашихъ намѣреній, но я знаю, что я никогда умышленно не сдѣлалъ вамъ ничего непріятнаго и ничѣмъ не досадилъ вамъ. Я знаю, что между нами есть разница положеній, но я желалъ бы не считаться съ нею въ данномъ случаѣ. Я желалъ бы,—если вы еще считаете меня вправѣ на такую долю уваженія,—я желалъ бы, чтобы вы смотрѣли на меня просто какъ на джентльмена. А теперь я скажу вамъ слѣдующее: я безусловно поступилъ дурно, что заглянулъ въ вашу рукопись, которую я теперь возвращаю вамъ, но если любопытство недопустимо, съ чѣмъ я охотно соглашаюсь, то предательство одновременно и подло, и жестоко! Я развернулъ этотъ свертокъ и что я увидѣлъ въ немъ? Что я прочелъ тамъ о моей женѣ? Ложь!—воскликнулъ онъ, вдругъ повысивъ голосъ.—Все это ложь! Нѣтъ и четырехъ словъ правды въ вашемъ памфлетѣ, въ вашемъ непозволительномъ памфлетѣ! И вы мужчина, вы старый человѣкъ! Вы могли бы быть отцомъ этой молодой женщинѣ! Вы джентльменъ, человѣкъ образованный, культурный, получившій хорошее воспитаніе и, слѣдовательно, благовоспитанный, и вы соскребли всю эту мерзость, всю эту грязь и гадость, всѣ низкія сплетни и возмутительные слухи и намѣреваетесь напечатать это, вынести все это на судъ публикѣ, въ книгѣ, которая станетъ ходить по рукамъ! И это называется у васъ рыцарскимъ чувствомъ?! Джентльменствомъ?! Но благодареніе Богу, у этой несчастной принцессы еще есть мужъ. Плохой, дурной, не заслуживающій

уважснія мужъ, но все же мужъ! Вы сказали, сэръ, что я плохой фехтовальщикъ, и я этого не оспариваю, и покорнѣйше прошу васъ дать мнѣ урокъ въ этомъ искусствѣ, сейчасъ здѣсь за рѣшеткой парка. Вотъ тамъ Фазаній домикъ, у котораго вы найдете ожидающій васъ экипажъ; если бы мнѣ случилось пасть, то,—какъ вамъ хорошо извѣстно,—вы даже написали объ этомъ,—никто моего присутствія или отсутствія здѣсь при дворѣ не замѣчаетъ, и я имѣю привычку постоянно исчезать изъ дворца и пропадать неизвѣстно гдѣ по нѣсколько сутокъ, такъ что въ глазахъ дворца это будетъ еще однимъ изъ моихъ обычныхъ исчезновеній, и задолго до того, какъ мое исчезновеніе будетъ замѣчено, вы успѣете благополучно переѣхать границу.

— Я прошу васъ замѣтить,—сказалъ сэръ Джонъ,—что то, чего вы желаете, совершенно невозможно.

— Ну, а если я васъ ударю?!—воскликнулъ принцъ съ внезапно вспыхнувшимъ во взорѣ выраженіемъ угрозы и дрожью въ голосѣ.

— Это былъ бы постыдный ударъ, такъ какъ онъ все равно ничего бы не измѣнилъ. Я не могу драться съ коронованной особой.

— И этого человѣка, которому вы не смѣете предложить и даже дать удовлетворенія, когда онъ его у васъ требуетъ, вы позволяете себѣ оскорблять?—воскликнулъ Отто.

— Простите меня,—возразилъ путешественникъ,—вы не правы. Именно потому, что вы коронованная особа, я не могу драться съ вами, какъ съ равнымъ себѣ, и по той же самой причинѣ я могу критиковать васъ, ваши дѣйствія и поступки, равно какъ и дѣйствія и поступки вашей жены. Вы во всѣхъ отношеніяхъ лицо официальное, человѣкъ общественный, а не частный; вы являетесь общественнымъ достояніемъ, съ головы до ногъ, со всѣми вашими помыслами и дѣяніями. Вы имѣете на своей сторонѣ законы, войска съ ихъ оружіемъ, и шпіоновъ и сыщиковъ съ ихъ подпольнымъ искусствомъ, а мы частные люди, мы имѣемъ только право громко говорить правду.

— Правду?! И ложь! — воскликнулъ принцъ, сдерживая гнѣвное движеніе.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Ваше высочество,—сказалъ сэръ Джонъ,—вы не должны требовать винограда отъ репейника; я старый циникъ, ни одна

живая душа ни на грошъ не дорожитъ мной, и въ цѣломъ свѣтѣ, послѣ сегодняшняго моего собесѣдованія съ вами, я не знаю человѣка, котораго бы я больше любилъ, чѣмъ васъ, ваше высочество! Какъ вы видите, я совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о васъ и имѣю далеко не обычное мужество открыто признаться въ этомъ. Все мною написанное я уничтожаю здѣсь, на вашихъ глазахъ, въ вашемъ саду, и прошу у васъ прощенія, а также прошу прощенія у принцессы. Мало того, я даю вамъ честное слово джентльмена, что, когда моя книга выйдетъ въ свѣтъ, въ ней не будетъ даже упомянуто о существованіи Грюневальда. А между тѣмъ это была яркая, характерная глава! О, еслибъ ваше высочество прочитали, что мною написано о другихъ дворахъ! Я, видите ли, старый воронъ, питающійся падалью, но въ сущ ности вѣдь не я въ томъ виноватъ, что свѣтъ такая омерзительная выгребная яма!

— Сэръ, не виноватъ ли въ томъ вашъ желчный, злобный глазъ?

— Чтожъ, это очень возможно!—согласился англичанинъ.— Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые ходятъ и разнюхиваютъ. Я не поэтъ, но я вѣрю въ лучшее будущее для человѣчества, и въ то же время я безусловно не довѣряю настоящему. «Тухлядь и гниль!» Вотъ основной припѣвъ моей пѣсенки. Но, съ другой стороны, повѣрьте мнѣ, ваше высочество, что, когда мнѣ случается повстрѣчаться съ чѣмъ-нибудь дѣйствительно хорошимъ и достойнымъ уваженія, я могу смѣло сказать, что никогда не отказываюсь признать это хорошее. И сегодняшній день я долго буду помнить и буду вспоминать о немъ съ чувствомъ глубокой благодарности судьбѣ за то, что я имѣлъ счастье встрѣтить монарха, не лишеннаго извѣстныхъ доблестей, и въ первый разъ въ моей жизни я, старый радикалъ и вашъ покорнѣйшій слуга, имѣю честь просить васъ искренно и чистосердечно дозволить мнѣ поцѣловать руку вашего высочества.

— Нѣтъ, сэръ Джонъ,—сказалъ Отто,—лучше обнимите меня!—И растроганный принцъ заключилъ на мгновеніе въ свои объятія стараго англичанина.

— А теперь, сэръ,—сказалъ Отто,—вотъ Фазаній домикъ, и за нимъ вы найдете ожидающій васъ экипажъ, который я прошу васъ принять отъ меня, равно какъ и пожеланія вамъ пріятнаго и счастливаго пути до Вѣны.

— По свойственной молодости горячности, ваше высочество упустилъ изъ вида одно обстоятельство, — сказалъ сэръ Джонъ,—а именно то, что я еще не ѣлъ со вчерашняго дня.

— Простите, Бога ради,—улыбнулся Отто,—но теперь вы самъ себѣ господинъ и потому можете ѣхать или оставаться, какъ вамъ будетъ угодно; только я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, что вашъ новый другъ можетъ оказаться менѣе силенъ, чѣмъ ваши недруги здѣсь, при этомъ дворѣ, и хотя принцъ Грюневальдскій всей душой за васъ и готовъ всячески помочь вамъ, но, какъ вамъ самимъ хорошо извѣстно, онъ не единственная власть и сила въ Грюневальдѣ...

— Это такъ, но тѣмъ не менѣе между той и вашей властью существуетъ громадная разница въ положеніи. — Гондремаркъ любитъ дѣйствовать неспѣша; его политика подпольная, закулисная, онъ избѣгаетъ и боится всякихъ открытыхъ выступленій, и послѣ того, какъ я видѣлъ, какъ умно и разумно вы умѣете дѣйствовать, я охотно поручу себя вашему покровительству. Какъ знать? Быть можетъ вамъ еще удастся одержать верхъ надъ нимъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ допускаете такую возможность?!—воскликнулъ принцъ.—Вы положительно вливаете новую жизнь въ мою душу!

— Вотъ что я вамъ скажу. Я брошу разъ навсегда зарисовывать портреты съ натуры,—сказалъ баронетъ.—Я просто слѣпой филинъ; я совершенно ложно обрисовалъ васъ; я непростительно ошибся въ васъ. А все же не забудьте, что прыжокъ или порывъ одно, а большой пробѣгъ другое! Дѣло въ томъ, что я все еще не совсѣмъ довѣряю вашей натурѣ; этотъ короткій носъ, эти волосы и глаза,—все это признаки для діагноза. И въ заключеніе, я все же долженъ сказать, что я кончу тѣмъ, съ чего я началъ.

— Я по вашему все же ноющая горничная?—сказалъ Отто.

— Нѣтъ, ваше высочество, я убѣдительно прошу васъ забыть все то, что я написалъ,—сказалъ сэръ Джонъ.—Я не похожъ на Пилата и главы этой уже не существуетъ! И если вы сколько-нибудь любите меня,—пусть все это убдетъ навсегда похоронено и забыто.

IV. Пока принцъ находится въ пріемной.

Весьма подбодренный своимъ утреннимъ подвигомъ, принцъ прошелъ въ пріемную жены, съ намѣреніемъ еще болѣе серьезнымъ и труднымъ, чѣмъ его свиданіе съ сэромъ Джономъ. Передъ нимъ раздвинулась портьера, дежурный камеръ-лакей провозгласилъ его имя, и онъ вошелъ со своей обычной, нѣсколько аффектированной развязной граціей, полный сознанія своего собственнаго достоинства. Въ комнатѣ собралось человѣкъ двадцать, преимущественно дамъ. Это было именно то общество, среди котораго принцъ Отто, какъ ему хорошо было извѣстно, былъ популяренъ и любимъ; и въ то время, какъ одна изъ фрейлинъ скользнула въ дверь смежной комнаты, доложить принцессѣ о приходѣ ея супруга, Отто сталъ обходить присутствующихъ, пожиная похвалы и одобренія и надѣляя всѣхъ милостивыми комплиментами и дружественными шутками со свойственной ему легкостью и граціей, которыя такъ нравились въ немъ женщинамъ. Если бы въ этомъ обмѣнѣ любезностей, остротъ и мѣткихъ шутокъ заключались всѣ его государственныя обязанности, принцъ Отто былъ бы несравненнымъ монархомъ. Одна дама за другой безпристрастно была почтена его вниманіемъ и награждена милостивыми словами.

— Madame,—говорилъ онъ одной,—объясните мнѣ пожалуйста въ чемъ вашъ секретъ, что съ каждымъ днемъ я вижу васъ все болѣе и болѣе прелестной и увлекательной!

— А ваше высочество съ каждымъ днемъ становитесь смуглѣе и смуглѣе,—возразила дама.—Между тѣмъ вашъ цвѣтъ лица вначалѣ не уступалъ моему; я буду имѣть смѣлость сказать, что какъ у васъ такъ и у меня цвѣтъ лица былъ великолѣпный, но я ухаживаю за своимъ лицомъ, а ваше высочество усердно загораете на охотѣ.

— Что прикажете дѣлать? Становлюсь настоящимъ негромъ, но это такъ и слѣдуетъ для раба, преклоняющагося передъ властью красоты!—сказалъ Отто.—А, мадамъ Графинская! Когда же нашъ слѣдующій любительскій спектакль?—обратился онъ къ слѣдующей дамѣ.—Я только что слышалъ, что я очень плохой актеръ.

— О ciel!—воскликнула госпожа Графинская.—Кто осмѣлился это сказать? Ваше высочество играете божественно!

— Вы вѣроятно правы въ этомъ отношенiи, сударыня, потому что невозможно лгать съ такимъ прелестнымъ лицомъ,—сказалъ принцъ.—Но тѣмъ не менѣе тотъ господинъ вѣроятно предпочелъ бы, чтобы я игралъ не какъ Богъ, а какъ актеръ.

Одобрительный шепотъ, цѣлый концертъ женскихъ неясныхъ воркующихъ звуковъ, привѣтствовали эту остроту принца; и Отто, какъ павлинъ, распускалъ свой хвостъ; эта теплая атмосфера женской лести и пустой болтовни нравилась ему; онъ положительно утопалъ въ ней какъ въ пуховыхъ подушкахъ.

— Madame фонъ Эйзенталь, ваша прическа сегодня прекрасна!—замѣтилъ онъ, обращаясь къ третьей дамѣ.

— Да, всѣ говорятъ,—отвѣтила одна изъ ея сосѣдокъ.

— Но если я имѣла счастье угодить этой прической самому Prince Charmant, то это значитъ гораздо больше, чѣмъ то, что говорятъ всѣ остальные вмѣстѣ!

При этомъ госпожа фонъ Эйзенталь сдѣлала принцу глубокiй реверансъ и въ то же время обожгла его однимъ изъ своихъ самыхъ горячихъ взглядовъ.

— Это, конечно, новѣйшая вѣнская мода?—спросилъ онъ.

— Самая послѣдняя новость въ области причесокъ, ваше высочество, и ради вашего возвращенiя я сдѣлала ее; проснувшись поутру, я почувствовала себя помолодѣвшей,—это было отъ предчувствiя, что мы васъ сегодня увидимъ. Ахъ, зачѣмъ ваше высочество, вообще такъ часто покидаете насъ?

— Ради удовольствiя возвращаться!—отвѣтилъ Отто.—Я видите ли какъ собака, которая непремѣнно должна зарыть свою кость, чтобы затѣмъ вернуться и насладиться ею.

— Фи, ваше высочество, кость! Какое сравненiе! Вы какъ я вижу, привезли изъ вашихъ лѣсовъ чисто охотничьи манеры,—засмѣялась одна изъ дамъ.

— Но замѣтьте, madame, что кость это то, что всего дороже для собаки!—сказалъ принцъ.—Ахъ, я вижу madame фонъ Розенъ!..

И, отойдя отъ группы дамъ, съ которыми онъ только что такъ весело чирикалъ, онъ направился къ амбразурѣ окна, въ которой стояла эта дама.

Графиня фонъ Розенъ все это время хранила молчанiе и ка-

залось, была удручена какой-то мыслью, но по мѣрѣ приближенія принца лицо ея какъ будто начинало сіять радостью. Она была высока и стройна, какъ нимфа, и держалась прямо, легко и граціозно, и лицо ея, довольно красивое даже въ спокойномъ состояніи, какъ-то начинало свѣтиться и искриться улыбками, мѣняясь подъ впечатлѣніемъ мысли и оживленія. Она хорошо пѣла въ свое время, и теперь, даже въ разговорѣ голосъ ея звучалъ красиво, разнообразно, иногда въ низкихъ глубокихъ теноровыхъ нотахъ, иногда переходя въ верхній регистръ, въ подобіе серебристаго, какъ говорятъ французы, «жемчужнаго смѣха» (un petit rire perlé). Не будучи молода, эта женщина еще сохранила значительную долю своихъ прежнихъ очарованій, которыя она обычно какъ будто старалась скрыть и вдругъ въ какой-нибудь моментъ нѣжности открывала передъ вами свою сокровищницу и озадачивала, поражала васъ своими богатствами, какъ ловкій фехтовальщикъ поражаетъ васъ своимъ оружіемъ. Сейчасъ это была только высокая фигура и лицо со слѣдами былой красоты и несомнѣннымъ отпечаткомъ бѣшенаго темперамента; а спустя минуту оно преображалось, какъ преображается бутонъ въ раскрывшійся цвѣтокъ: оно сіяло нѣжностью, свѣтилось радостью, искрилось задоромъ, и горѣло внутреннимъ чувствомъ. У этой женщины всегда былъ наготовѣ скрытый кинжалъ для отраженія робкихъ поклонниковъ. Принца Отто она встрѣтила взглядомъ, полнымъ нѣжности и веселья.

— Наконецъ-то вы пришли ко мнѣ, Prince Cruel!—сказала она смѣясь.—Бабочка вы, порхающая съ цвѣтка на цвѣтокъ, пестрая, легкая бабочка! Что же, развѣ я не достойна поцѣловать вашу руку?—спросила она глядя на него.

— Madame,—сказалъ онъ,—это я долженъ цѣловать вашу. И онъ склонился и поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Вы отказываете мнѣ во всякомъ снисхожденіи.—замѣтила она, улыбаясь.

— Скажите мнѣ какія у насъ новости здѣсь при дворѣ?—спросилъ Отто.—Я обращаюсь къ вамъ какъ къ живой газетѣ. Что здѣсь происходитъ?

— Что? Въ этомъ стоячемъ болотѣ?—усмѣхнулась она пренебрежительно.—Мнѣ кажется, что весь свѣтъ заснулъ и просидѣлъ въ своей дремотѣ. Мнѣ кажется, что онъ не пробуждался и въ немъ не было движенія, чуть не цѣлую вѣчность; послѣднее

событіе, произведшее на моей памяти сенсацію, было, когда моя гувернантка оттаскала меня за уши, или дала мнѣ затрещину. Впрочемъ, нѣтъ, я клевещу на себя и на вашъ заколдованный дворецъ! Послѣднее сенсаціонное событіе, вотъ оно! И она стала разсказывать, что-то, прикрываясь вѣеромъ, сопровождая свой разсказъ многозначительными взглядами, оснащая его лукавыми намеками и другими прикрасами искуснаго разсказчика. Остальные присутствующіе незамѣтно отошли подальше, такъ какъ подразумѣвалось, что графиня фонъ Розенъ была въ милости у принца. Но, несмотря на это, графиня тѣмъ не менѣе часто понижала тонъ до шопота, и головы разговаривавшихъ склонялись близко одна къ другой.

— А знаете ли, — сказалъ, наконецъ, Отто, смѣясь, — что вы единственная занимательная и интересная женщина въ цѣломъ свѣтѣ.

— О, вотъ до чего вы додумались!—воскликнула она.

— Да, madame,—я становлюсь умнѣе съ годами.

— Съ годами?—повторила она.—Ахъ, зачѣмъ вы упоминаете объ этихъ предателяхъ? Впрочемъ, я не вѣрю въ года! Календарь обманщикъ!

— Я думаю, что вы, пожалуй, правы,—сказалъ принцъ,—потому что за шесть лѣтъ, что мы съ вами друзья, я замѣтилъ, что вы все становились моложе.

— Ахъ, льстецъ!—воскликнула графиня, но затѣмъ продолжала уже другимъ тономъ.—Впрочемъ, зачѣмъ я это говорю? Вѣдь я даже въ то время когда протестую, думаю обратное. Съ недѣлю тому назадъ я имѣла довольно продолжительное совѣщаніе съ моимъ главнымъ совѣтникомъ,—съ зеркаломъ!—и оно отвѣтило мнѣ:—«Нѣтъ еще!»—Я такимъ образомъ аккуратно каждый мѣсяцъ изучаю свое лицо, и испытываю себя. О повѣрьте, это очень торжественные моменты! А знаете ли вы, что я сдѣлаю, когда зеркало мнѣ отвѣтитъ: — Да, прошло твое время, ты состарилась! Знаете вы, что я сдѣлаю тогда?

— Нѣтъ, я не умѣю угадывать,—сказалъ принцъ.

— И я также не умѣю; дѣло въ томъ, что выборъ такъ великъ! Есть самоубійство, картежная игра, азартныя игры; есть ханжество, есть манія составленія мемуаровъ, и есть политика. Я полагаю, что всего вѣроятнѣе я ухвачусь за послѣднюю.

— Это скучная штука,—замѣтилъ Отто.

— Нѣтъ,—возразила она,—это нѣчто, что мнѣ всего болѣе нравится. Прежде всего, это можно сказать, родной братъ болтовни, сплетень и пересудъ, словомъ, всего того, что такъ несомнѣнно занимательно. Напримѣръ, если бы я сказала вамъ, что принцесса и баронъ ежедневно выѣзжали вмѣстѣ верхами осматривать новыя пушки, то это будетъ, если хотите, или скандальной сплетней, или политикой, по желанію, въ зависимости отъ того, какъ я построю свою фразу,—такъ что я являюсь, такъ сказать, алхимиковъ, совершающимъ это превращеніе изъ простой сплетни въ политическое сообщеніе или обратно. Они бывали вездѣ и повсюду вмѣстѣ за все время вашего отсутствія»,—продолжала графиня, замѣтно проясняясь по мѣрѣ того, какъ она видѣла, что лицо принца омрачалось.—Вѣдь это не болѣе какъ самая обычная салонная болтовня, но если я добавлю: «Ихъ вездѣ привѣтствовали криками «Hoch»—то отъ этихъ двухъ трехъ словъ сплетня превращается въ политическое извѣстіе или сообщеніе.

— Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ,—сказалъ Отто.

— Я только что хотѣла предложить вамъ то же самое,—отозвалась фонъ Розенъ.—Или, вѣрнѣе, будемъ говорить о политикѣ. Знаете ли вы, что эта война чрезвычайно популярна, популярна до того, что принцессу Серафину привѣтствуютъ и превозносятъ!

— Все на свѣтѣ возможно, madame,—сказалъ принцъ,—и въ числѣ всего остального то, что мы идемъ навстрѣчу войнѣ; но я даю вамъ мое честное слово, что мнѣ неизвѣстно, съ кѣмъ мы будемъ воевать.

— И вы миритесь съ этимъ?!—воскликнула она.—Я, конечно, отнюдь не претендую на мораль и признаюсь чистосердечно, что всегда презирала глупую овцу или ягненка и питала романтическое чувство къ волку! И потому я говорю: пусть же будетъ положенъ конецъ этой роли безобиднаго ягненка. Покажите всѣмъ, что у насъ есть принцъ, потому что мнѣ надоѣло уже это бабье царство! Это царство прялки и веретена.

— Madame,—сказалъ Отто,—я всегда думалъ, что вы принадлежите къ той партіи.

— Я была бы душою вашей партіи, mon prince, если бы у васъ была таковая, — возразила она. — Неужели правда, что у васъ нѣтъ никакого честолюбія? Помните, въ Англіи былъ нѣкогда человѣкъ, котораго называли «дѣлателемъ королей», и

знаете ли, что мнѣ кажется, что и я могла бы сдѣлать, если не короля, то принца!

— Когда-нибудь, madame, — сказалъ на это Отто, — я, быть можетъ, попрошу васъ помочь мнѣ сдѣлать фермера.

— Что это, загадка?—спросила контесса.

— Да, загадка, и даже очень хорошая,—отвѣтилъ принцъ.

— Долгъ платежемъ красенъ, — засмѣялась она, — теперь и я вамъ загадаю загадку: гдѣ сейчасъ Гондремаркъ?

— Нашъ премьеръ-министръ? Конечно, въ министерствѣ, гдѣ же ему быть?—отвѣтилъ Отто.

— Именно, — подтвердила графиня и при этомъ указала незамѣтно вѣеромъ на дверь аппартаментовъ принцессы. — А вы, mon prince, мы съ вами только въ передней. Вы считаете меня недоброй, — добавила она, — но испытайте меня, и вы увидите! Задайте мнѣ какую хотите загадку, предложите мнѣ какой угодно вопросъ, и я вамъ говорю, что нѣтъ ничего такого, какъ бы чудовищно оно ни было, чего бы я не сдѣлала для того, чтобы оказать вамъ услугу! Нѣтъ такой тайны, которой бы я не выдала вамъ, если бы вы только потребовали этого отъ меня.

— Нѣтъ, madame, я слишкомъ уважаю моего друга, — отвѣтилъ принцъ, цѣлуя ея руку;—я бы лучше предпочелъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи всего. Мы здѣсь братаемся съ вами какъ солдаты вражескихъ армій на аванпостахъ, но пусть каждый изъ насъ останется вѣренъ своему оружію, вѣренъ своему долгу и присягѣ.

— Ахъ, — воскликнула она, — если бы всѣ мужчины были такъ великодушны, какъ вы, то, право, стоило бы быть женщиной!

Но если судить по виду это его великодушіе особенно разочаровало ее. Казалось, что она ищетъ средства загладить его, и, найдя это средство, сразу повеселѣла и просвѣтлѣла.

— А теперь, — промолвила она, — пусть мнѣ будетъ позволено отпустить моего государя! Это, конечно, бунтовщическое дѣяніе и что называется «un cas pendable»,—(дѣло достойное висѣлицы), но что прикажете дѣлать? Мой медвѣдь такъ ревнивъ!

— Довольно, madame!—воскликнулъ принцъ. — Царь про-

тягиваетъ вамъ свой скипетръ; мало того, онъ обѣщаетъ вамъ повиноваться вамъ во всемъ.

И послѣ этого принцъ снова сталъ обходить одну даму за другой, перепархивая какъ мотылекъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. Но графиня хорошо знала силу своего оружія; она оставила пріятную стрѣлу въ сердцѣ принца. Что Гондремаркъ ревновалъ въ этомъ была пріятная возможность отомстить! И госпожа фонъ Розенъ, по причинѣ этой ревности, являлась теперь для принца въ совершенно новомъ свѣтѣ.

V. Гондремаркъ въ комнатѣ ея высочества.

Графиня фонъ Розенъ была права. Великій и всесильный премьеръ-министръ Грюневальда уже давно заперся съ принцессой Серафиной. Туалетъ былъ уже оконченъ, и принцесса, изящно и со вкусомъ одѣтая, сидѣла передъ большимъ трюмо. Ея портретъ въ описаніи сэра Джона былъ правдивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являлся каррикатурой. Ея лобъ былъ, пожалуй, дѣйствительно слишкомъ высокъ и узокъ, но это шло къ ней; фигура ея была, пожалуй, нѣсколько сутуловата, но это едва замѣчалось минутами, а въ остальномъ всѣ мельчайшія детали этой фигуры были словно точеныя; ручки, ножки, уши, постановъ привлекательной головки, все было мило, красиво, миніатюрно и гармонично! И если ее нельзя было назвать красавицей, то во всякомъ случаѣ у нея нельзя было отнять оживленности, подвижности лица и выраженія, яркости красокъ и неуловимой многообразной прелести и привлекательности; а глаза ея, если они, дѣйствительно, были слишкомъ бѣгающіе, слишкомъ подвижные, то и это было не безцѣльно. Эти глаза были самой привлекательной частью ея лица; но они постоянно лгали противъ ея мыслей, потому что въ то время, какъ она въ глубинѣ своего недоразвившагося, неразмягченнаго сердца предавалась всецѣло мужскому честолюбію и жаждала власти, глаза ея то смотрѣли смѣло и дерзко, то заманчиво ласково, то гнѣвно и злобно, то обжигали, то ласкали и все время были лживы, какъ глаза коварной обольстительной сирены. И вся она была лжива и дѣланна, т. е. не естественна, а искусственна. Негодуя на то, что она родилась не мужчиной и не могла выдвинуться и про-

славиться своими дѣяніями или подвигами, она задумала по женски не гласно властвовать и покорять все своей волѣ и своему вліянію, а сама быть свободной какъ мысль! И, не любя мужчинъ, она любила заставлять мужчинъ покоряться ей. Это весьма обычное женское честолюбіе, и таковою, вѣроятно, была героиня Шиллеровской баллады «Перчатка», пославшая влюбленнаго въ нее рыцаря на арену львовъ. Но западни подстерегаютъ одинаково и мужчинъ, и женщинъ, и жизнь весьма искусно способствуетъ тому, чтобы въ эти западни попадались и тѣ, и другіе.

Подлѣ принцессы, въ низкомъ креслѣ, собравъ вокругъ себя свои громоздкіе члены, на подобіе жирнаго кота, сидѣлъ Гондремаркъ, высокоплечій, сутуловатый, съ покорнымъ заискивающимъ видомъ. Его тяжелыя синеватыя челюсти придавали его лицу какой-то особенно плотоядный характеръ, налитые желчью глаза смотрѣли хмуро, и при этомъ его стараніи угодить и быть пріятнымъ создавался какой-то странный контрастъ. Лицо его ясно выражало умъ, темпераментъ и какую-то разбойничью, пиратскую смѣлость и коварство, но отнюдь не мелкое мошенничество или мелкій обманъ. Его манеры, въ то время какъ онъ улыбаясь смотрѣлъ на принцессу, были изысканно вѣжливы и галантны, но отнюдь не изящны и не элегантны.

— Можетъ быть, — сказалъ онъ,—мнѣ теперь слѣдовало бы почтительнѣйше откланяться. Я не долженъ заставлять своего государя дожидаться въ пріемной, а потому давайте рѣшимъ вопросъ теперь же.

— А его никакъ нельзя отложить?—спросила она.

— Это совершенно невозможно,—отвѣтилъ Гондремаркъ.— Ваше высочество сами это видите. Въ начальномъ періодѣ мы легко могли извиваться, какъ змѣя, но когда дѣло дошло до ультиматума, то другого выбора нѣтъ, какъ быть смѣлыми, какъ львы. Если бы принцъ пожелалъ остаться въ отсутствіи еще нѣсколько дней, это было бы, конечно, лучше, но теперь мы зашли уже слишкомъ далеко, для того чтобы мочь откладывать или оттягивать свое рѣшеніе.

— Что могло привести его ко мнѣ, — подумала принцесса вслухъ, — и именно сегодня? Сегодня, а не въ другой какой-нибудь день!

— У такихъ людей, созданныхъ для помѣхи другимъ людямъ, есть, очевидно, свой инстинктъ, — замѣтилъ Гондремаркъ. — Но вы во всякомъ случаѣ преувеличиваете опасность. Подумайте только о томъ, сколько мы уже успѣли сдѣлать, и вопреки какимъ препятствіямъ, при какихъ затруднительныхъ условіяхъ! Неужели же этотъ «Пустоголовый»... Да нѣтъ!

И онъ, смѣясь, подулъ на кончики своихъ пальцевъ, какъ будто онъ сдувалъ съ нихъ пушинку.

— Но замѣтьте, что «Пустоголовый» все же принцъ Грюневальдскій.

— Съ вашего соизволенія только, и до тѣхъ поръ, пока вамъ будетъ благоугодно относиться къ нему снисходительно, пока вамъ угодно будетъ терпѣть его, — сказалъ баронъ. — Есть права рожденія, но есть и естественное право, право могущественнаго на могущество и сильнаго на силу! И если онъ вздумаетъ встать вамъ поперекъ дороги, то вамъ стоитъ только вспомнить басню о желѣзномъ и глиняномъ горшкѣ.

— О, вы называете меня горшкомъ? Вы не любезны, баронъ! — засмѣялась принцесса.

— Прежде, чѣмъ мы съ вами покончимъ съ великимъ дѣломъ созиданія вашей славы, мнѣ, вѣроятно, придется переименовать васъ еще многими титулами и именами, — сказалъ Гондремаркъ.

Принцесса покраснѣла отъ удовольствія при этомъ намекѣ.

— Но вѣдь Фридрихъ все еще принцъ, все еще князь въ своемъ княжествѣ, monsieur le flatteur,—сказала она.—Вы надѣюсь, не предлагаете революціи? Во всякомъ случаѣ не вы? Не правда ли?

— Madame, это ужъ сдѣлано! — воскликнулъ баронъ.— Вѣдь въ сущности принцъ царствуетъ только въ альманахѣ, а на дѣлѣ царствуетъ и правитъ въ странѣ моя принцесса.

И онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣжностью и восхищеніемъ, отъ чего сердце принцессы преисполнилось отрадной гордости. И, глядя на своего громаднаго раба, она упивалась одуряющимъ напиткомъ сознанія своей власти. Между тѣмъ онъ продолжалъ, со свойственной ему грубоватой и тяжеловатой насмѣшливостью, которая такъ не шла къ нему:

— У моей государыни есть только одинъ недостатокъ,

только одна слабость, грозящая опасностью для той блестящей великой карьеры, которую я предвижу для нея. Но смѣю ли я назвать ее, эти слабость? Будетъ ли мнѣ дозволено разрѣшить себѣ эту вольность? Но пусть будетъ что будетъ, я укажу на нее! Эта опасность въ васъ самихъ, это ваше слишкомъ мягкое сердце!

— Мужества у нея мало, у вашей принцессы, смѣлости мало, — сказала Серафина.—Предположимъ, что мы ошиблись въ разсчетѣ; предположимъ, что мы потерпимъ пораженіе?!.

— Потерпимъ пораженіе? Что вы говорите, madame! — возразилъ баронъ съ едва замѣтнымъ раздраженіемъ.—Развѣ могутъ собаки потерпѣть пораженіе отъ зайца? Наши войска расположены всѣ вдоль границы; въ пять часовъ времени, если не раньше, нашъ авангардъ, состоящій изъ 5000 штыковъ, будетъ у воротъ Бранденау; а въ цѣломъ Герольштейнѣ нѣтъ и полутора тысячи человѣкъ, могущихъ встать подъ ружье и обученныхъ военному строю. Это простая ариѳметика! О сопротивленіи не можетъ быть даже рѣчи!

— Если такъ, то это не великій подвигъ—подобное завоеваніе. И это вы называете славой? Вѣдь это все равно что побить ребенка, господинъ баронъ.

— Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о мужествѣ дипломатическомъ, madame, — сказалъ онъ. — Мы дѣлаемъ этимъ захватомъ, если хотите, важный шагъ; мы впервые обращаемъ вниманіе Европы на маленькое княжество Грюневальдъ и въ теченіе послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ сыграемъ на «либо панъ, либо пропалъ!» И вотъ тогда мнѣ придется всецѣло положиться на ваши совѣты и указанія, — добавилъ онъ почти мрачно. — Если бы я не видѣлъ васъ за работой, если бы я не зналъ плодотворности вашего ума, силы вашей воли и рѣшимости, признаюсь, я бы дрожалъ за будущія судьбы этого княжества и за послѣдствія начатаго нами; но именно въ этой области мужчины должны признать себя менѣе искусными. Всѣ величайшіе и мудрѣйшіе договоры, если они не велись собственнолично женщинами, то велись мужчинами, за спиной которыхъ стояли мудрыя женщины. Мадамъ Помпадуръ не имѣла способныхъ слугъ, она не нашла своего Гондремарка, но что это былъ за сильный политикъ! А Катерина Медичи? Какая

вѣрность взгляда! Какая безошибочность сужденія! Какое богатство способовъ для достиженія задуманной цѣли! Наконецъ, какая эластичность ума, какая изобрѣтательность и какая удивительная настойчивость и безбоязненность передъ неудачей. Но увы! Ея «Пустоголовые» были ея собственныя дѣти, и у нея была всего только одна мѣщанская слабость, эта добродѣтель обыденныхъ женщинъ, ея семейныя чувства, вслѣдствіе которыхъ она позволяла семейнымъ узамъ и привязанностямъ стѣснять свободу ея политическихъ замысловъ и дѣяній.

Этотъ своеобразный взглядъ на исторію, спеціально приспособленный, конечно, «ad usum Seraphinae» на благо или на пользованіе Серафины, однако, не подѣйствовалъ на этотъ разъ обычнымъ размягчающимъ сердце принцессы образомъ; ясно было, что ей, быть можетъ, только временно, разонравилось ея первоначальное рѣшеніе, что она въ данный моментъ внутренно возставала противъ него, и потому она продолжала прекословить совѣтчику, глядя на него изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ съ едва примѣтной ядовитой усмѣшкой въ углахъ губъ.

— Какіе мальчишки мужчины вообще! — замѣтила она.— Какіе они любители громкихъ словъ! Геройство, доблесть, мужество!.. Что вы называете мужествомъ?! Мнѣ кажется, что если бы вамъ пришлось чистить сковороды, господинъ фонъ Гондремаркъ, вы бы это сочли за мужество и назвали бы это «домашнимъ мужествомъ», «courage domestique».

— Да, madame, я бы и это назвалъ такъ,—сказалъ баронъ рѣшительно, — если бы я чистилъ ихъ хорошо, образцово, и я охотно называю звучныхъ именемъ всякую доблесть и всякое большое и хорошее дѣло! И, право, нечего опасаться, что въ этомъ отношеніи можно пересолить, потому что всѣ наши доблести далеко не такъ заманчивы сами по себѣ; людей всего больше прельщаетъ въ нихъ ихъ громкое названіе.

— Пусть такъ, — сказала она, — но я желала бы понять, въ чемъ собственно будетъ состоять наше мужество? Вѣдь мы же скромно испросили позволеніе, какъ малые дѣти у старшихъ! Наша бабушка въ Берлинѣ и нашъ дядюшка въ Вѣнѣ и вся наша семья погладили насъ по головкѣ и благословили на вы-

ступленіе, а вы говорите «мужество». Я положительно удивляюсь, слушая васъ!

— Моя принцесса сегодня не походитъ на себя, — отозвался, не смущаясь, баронъ.—Она, очевидно, забыла, въ чемъ кроется опасность; правда, что мы заручились одобреніемъ и съ той и съ другой стороны, но моей принцессѣ также хорошо извѣстно, на какихъ непріемлемыхъ, можно сказать, условіяхъ; и кромѣ того, ей извѣстно, какъ эти шепотомъ данныя одобренія и совѣты легко оказываются запамятованными, и какъ отъ нихъ безъ всякаго стѣсненія отрекаются, когда дѣло доходитъ до оффиціальныхъ договоровъ и трактатовъ. Опасность въ данномъ случаѣ весьма реальная, а отнюдь не воображаемая,— говорилъ онъ, и при этомъ внутренно бѣсился, что ему приходилось теперь раздувать тотъ самый уголь, который онъ только что такъ усердно старался затушить,—эта опасность не менѣе велика и не менѣе реальна потому только, что она не военная опасность. По той же самой причинѣ, намъ легче итти ей навстрѣчу. Если бы намъ приходилось только разсчитывать на войска вашего высочества, то хотя я вполнѣ раздѣляю надежды вашего высочества на образцовое поведеніе Альвенау, я все же не былъ бы спокоенъ, потому что намъ не слѣдуетъ забывать, что вѣдь онъ еще не успѣлъ зарекомендовать себя ни съ какой стороны въ роли главнокомандующаго. Но тамъ, гдѣ дѣло касается переговоровъ, тамъ все въ нашихъ рукахъ; и при вашемъ содѣйствіи меня не пугаетъ никакая опасность!

— Возможно, что все это и такъ, — сказала со вздохомъ Серафина,—но я вижу опасность, совсѣмъ въ другомъ. Меня пугаетъ народъ, этотъ ужасный, возмутительный народъ! Представьте себѣ, что произойдетъ возмущеніе или возстаніе? Вѣдь мы будемъ до нельзя смѣшны въ глазахъ цѣлой Европы, мы, задумавшіе вторженіе въ предѣлы сосѣдняго государства, рѣшившіеся на захватъ чужой земли, въ то время, какъ нашъ собственный престолъ колеблется подъ нами!

— Нѣтъ, государыня,—сказалъ Гондремаркъ самоувѣренно улыбаясь,—въ этомъ вы становитесь ниже самой себя, вы умышленно запугиваете себя. Спросите себя, чѣмъ собственно поддерживается недовольство въ народѣ? Непомѣрно тяжелыми для него налогами! Но разъ мы захватимъ Герольштейнъ, мы будемъ имѣть возможность ослабить эти налоги; сыновья вер-

нутся подъ родительскій кровъ съ ореоломъ славы побѣдителей; дома ихъ украсятся военной добычей, каждый изъ нихъ вкуситъ свою долю военныхъ почестей, и вы снова увидите себя среди счастливой семьи вашего народа, и люди станутъ говорить другъ другу и слушать, развѣся свои длинныя уши, такія рѣчи: «Какъ видно принцесса-то наша больше нашего знала и понимала, когда затѣяла эту войну; она была права, хотя мы тогда и не понимали, къ чему она клонила дѣло; у нее есть голова на плечахъ, и какъ видите, намъ теперь лучше живется, чѣмъ прежде». Но къ чему я говорю вамъ все это? Вѣдь моя принцесса сама указала мнѣ на все это и этими самыми доводами склонила меня на это смѣлое дѣло.

— Мнѣ кажется, господинъ фонъ-Гондремаркъ,—сказала Серафина нѣсколько ѣдко,—что вы часто приписываете ваши счастливыя мысли вашей принцессѣ.

Въ первую минуту Гондремаркъ нѣсколько растерялся подъ впечатлѣніемъ язвительности этихъ непривычныхъ для него нападеній со стороны принцессы, но въ слѣдующій же моментъ онъ снова совершенно овладѣлъ собой.

— Неужели?—спросилъ онъ. — Конечно, это весьма возможно, и если хотите, то даже вполнѣ естественно, потому что я замѣтилъ то же самое и у вашего высочества.

Это было сказано такъ смѣло, такъ открыто и казалось столь справедливо, что Серафина ничего не возразила на это, но вздохнула съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Ея гордость была задѣта, а честолюбіе встревожено, но теперь она какъ будто почувствовала успокоеніе, и настроеніе ея нѣсколько улучшилось.

— Пусть такъ,—сказала она,—но все это не идетъ къ дѣлу. Мы заставляемъ дожидаться Фридриха тамъ, въ пріемной, и до сихъ поръ все еще не выработали никакого плана сраженія и ни на чемъ не остановились. Ну же, господинъ соправитель, подайте мудрый совѣтъ, какъ мнѣ принять его теперь? И что намъ дѣлать въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ появиться въ совѣтѣ?

— Что касается меня,—отвѣтилъ баронъ,—то я предоставилъ бы рѣшеніе перваго вопроса всецѣло вашему высочеству въ настоящій моментъ. Я имѣлъ счастіе видѣть васъ съ нимъ и знаю, что никто лучше васъ съ нимъ управиться не сумѣетъ, а что не мнѣ учить васъ, что ему сказать и какъ его обезвредить

для нашего дѣла. Отправьте его къ его театральнымъ забавамъ, но только ласково, незамѣтно,—добавилъ баронъ.—Или, быть можетъ, моя государыня предпочла бы сослаться на головную боль?..

— Никогда!—воскликнула Серафина.—Женщина, которая можетъ разсчитывать на свои силы, точно такъ же, какъ мужчина, который умѣетъ владѣть оружіемъ, никогда не должна избѣгать встрѣчи! Доблестный рыцарь не долженъ посрамлять своего оружія!

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только умолять мою «belle dame sans merci»,—сказалъ онъ,—проявить въ данномъ случаѣ единственную недостающую ей добродѣтель и быть жалостливой къ бѣдному молодому человѣку: выказать интересъ и сочувствіе къ его охотничьимъ забавамъ, жаловаться на то, что политика и государственныя дѣла вамъ надоѣли, и что въ его пріятномъ обществѣ вы желаете искать отдохновеніе отъ всего того, что васъ такъ утомляетъ, и развлеченіе отъ сухихъ матерій и соображеній. Одобряетъ ли моя принцесса подобный планъ сраженія?

— Все это пустяки, важенъ только вопросъ о совѣтѣ, вотъ о чемъ слѣдуетъ подумать!

— Вы говорите о совѣтѣ?—воскликнулъ Гондремаркъ.—Позвольте,—и съ этимъ онъ всталъ со своего мѣста и принялся, каррикатурно подражая Отто, порхать по комнатѣ, передразнивая довольно недурно его голосъ и его движенія:—«Ну, что сегодня слышно, баронъ фонъ-Гондремаркъ? А, господинъ канцеляріусъ, у васъ новый парикъ?! Вы меня не обманете, я знаю рѣшительно всѣ парики въ цѣломъ Грюневальдѣ; у меня глазъ хозяйскій!.. А о чемъ говорится въ этихъ бумагахъ? О, да, да... я вижу!.. Ну, конечно, конечно!.. Я готовъ побиться объ закладъ, что никто изъ васъ не замѣтилъ этого новаго парика!.. Ахъ право, я рѣшительно ничего объ этомъ не знаю. Неужели ихъ въ Грюневальдѣ такъ много... а я и не подозрѣвалъ!.. И все это дѣловыя бумаги, вы говорите? Ну, что же, прекрасно, можете всѣ ихъ подписать, вѣдь у васъ есть на то и полномочіе и довѣрительная грамота. Видите, господинъ канцлеръ, я сразу замѣтилъ вашъ новый парикъ»... И такъ далѣе, все въ томъ же духѣ,—докончилъ баронъ, переходя къ своему обычному тону и голосу,—нашъ государь особымъ соизволеніемъ Божіимъ и осо-

бою милостію Божіею принцъ Грюневальдскій, именно такимъ образомъ рѣшаетъ и вершитъ государственныя дѣла и говоритъ со своими совѣтниками и министрами.

Но когда баронъ взглянулъ на Серафину, ожидая встрѣтить ея благосклонный одобрительный взглядъ, онъ къ удивленію своему увидѣлъ ледяной взглядъ и холодное, словно застывшее, лицо.

— Вы находите удовольствіе проявлять свое остроуміе, какъ я вижу, господинъ фонъ-Гондремаркъ,—сказала она,—и, повидимому, забыли, гдѣ вы находитесь въ данный моментъ; эти подражанія иногда вводятъ въ заблужденіе. Вашъ государь, принцъ Грюневальдскій, бываетъ иногда болѣе требователенъ, чѣмъ вамъ кажется.

Гондремаркъ внутренно проклиналъ ее отъ всей души. Изъ числа всякихъ оскорбленныхъ самолюбій, самолюбіе осаженнаго добровольнаго шута несомнѣнно самое болѣзненное, и когда на карту поставлены серьезные и важные интересы, то подобные маленькіе уколы становятся невыносимо чувствительными. Но Гондремаркъ былъ человѣкъ съ увѣреннымъ характеромъ и силой воли, и потому онъ не подалъ вида, что уколъ попалъ въ цѣль, и не прибѣгнулъ къ обычному пріему мелкихъ блудней или мелкихъ мошенниковъ, т. е. не пошелъ на попятный, а напротивъ того, смѣло продолжалъ вести дальше свою линію.

— Государыня,—сказалъ онъ,—если вашъ супругъ иногда оказывается болѣе требовательнымъ, какъ вы утверждаете, то вамъ не остается ничего болѣе, какъ схватить быка за рога.

— Это мы увидимъ,—сказала принцесса и стала оправлять свое платье, какъ бы готовясь подняться со своего мѣста

Раздраженіе, гнѣвъ, отвращеніе, досада были ей, какъ нельзя болѣе къ лицу; всѣ ѣдкія злобныя чувства красили ее, какъ самоцвѣтные камни украшаютъ уборъ, и потому въ этотъ моментъ она была особенно хороша, особенно прекрасна.

— Буду молить Бога, чтобы они поссорились,—мысленно рѣшилъ Гондремаркъ;—не то этотъ проклятый щенокъ, этотъ жеманный кокетъ еще, пожалуй, подведетъ меня. Однако, пора впустить его, мнѣ здѣсь сейчасъ больше дѣлать нечего. Кусь, кусь... сцѣпитесь, собачки мои!

И вслѣдъ за этими мыслями онъ весьма неловко преклонилъ

одно колѣно передъ принцессой и приложился къ ея рукѣ, сказавъ:

— Теперь моя принцесса должна отпустить своего вѣрнаго слугу, потому что мнѣ предстоитъ еще много дѣла до начала засѣданія совѣта.

— Идите!—сказала Серафина, и встала сама.

И въ тотъ моментъ, когда Гондремаркъ трусцой направился къ интимной двери, ведущей во внутреннія помѣщенія дворца, она концами пальцевъ дотронулась до звонка и приказала появившейся въ дверяхъ пріемной фрейлинѣ просить принца.

VI. Принцъ читаетъ лекцію о бракѣ съ критической иллюстраціей развода.

Съ цѣлымъ міромъ превосходнѣйшихъ намѣреній переступилъ Отто порогъ комнаты жены. Какъ отечественно, какъ любовно онъ былъ настроенъ, входя въ эту комнату! Какъ трогательны были тѣ слова, съ которыхъ онъ намѣревался начать, и которыя онъ заранѣе приготовилъ въ своемъ умѣ. И Серафина съ своей стороны была отнюдь не враждебно настроена. Ея обычная боязнь, или вѣрнѣе, враждебное чувство къ Отто, какъ къ вѣчной помѣхѣ въ ея великихъ, какъ ей казалось, планахъ и предначертаніяхъ, въ данный моментъ было поглощено мимолетнымъ недовѣріемъ къ самымъ этимъ планамъ и замысламъ. Кромѣ того, на этотъ разъ въ ней проснулось гнѣвное отвращеніе къ Гондремарку, который одновременно и возмущалъ, и отталкивалъ ее своимъ поведеніемъ. Въ сущности, она въ глубокинѣ души своей не любила барона. За его наглой раболѣпностью, за его обожаніемъ и восхищеніемъ сомнительно искреннимъ, которые онъ съ неделикатной деликатностью выставлялъ ей на видъ, постоянно привлекая на нихъ ея вниманіе усиленнымъ подчеркиваніемъ, она смутно угадывала грубость его натуры и его наглое честолюбіе. Она чувствовала къ нему то, что испытываетъ человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что онъ усмирилъ или поборолъ медвѣдя, но въ то же время чувствующій отвращеніе къ этому медвѣдю изъ-за свойственнаго ему непріятнаго запаха. А кромѣ всего этого, нѣчто похожее на ревность подсказывало

ей, что человѣкъ этотъ измѣняетъ ей и быть можетъ обманываетъ ее. Правда, и она сама только лукаво шутила и играла его любовью къ ней, но, быть можетъ, и онъ также лукаво шутилъ и игралъ ея честолюбіемъ, ея гордостью! Дерзость его послѣдней выходки съ передразниваніемъ принца и странная несообразность ея собственнаго положенія въ то время, какъ она сидѣла и смотрѣла на это, теперь лежала тяжелымъ гнетомъ на ея совѣсти; ей было болѣзненно стыдно и за него, и за себя. И потому она встрѣтила Отто съ чувствомъ, похожимъ почти на сознаніе виновности, и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовала его, какъ освободителя отъ неприглядныхъ мыслей и чувствъ.

Однако, судьбы каждаго свиданія чаще всего зависятъ отъ тысячей неуловимыхъ мелочей. Такъ случилось и на этотъ разъ: первый толчекъ такихъ случайностей произошелъ въ тотъ самый моментъ, когда принцъ вошелъ въ комнату. Онъ увидѣлъ, что Гондремарка уже не было, но кресло, на которомъ онъ только что сидѣлъ, было близко придвинуто въ интимной бесѣдѣ къ креслу принцессы, и ему стало больно, что этотъ человѣкъ не только былъ принятъ раньше него, но что онъ удалился отсюда такимъ секретнымъ интимнымъ образомъ. Стараясь побороть въ себѣ это болѣзненное чувство обиды, онъ нѣсколько рѣзко отпустилъ фрейлину, проводившую его къ принцессѣ.

— Прошу васъ, чувствуйте себя здѣсь у меня, какъ дома,— сказала Серафина свѣтски любезно, нѣсколько поколебленная рѣзкимъ повелительнымъ тономъ Отто въ обращеніи къ ея приближенной, а также и тѣмъ прищуреннымъ взглядомъ, какимъ онъ посмотрѣлъ на кресло, на которомъ сидѣлъ Гондремаркъ.

— Madame,—сказалъ въ отвѣтъ на это Отто,—я бываю здѣсь такъ рѣдко, что почти могу пользоваться правами посторонняго вамъ лица.

— Вы сами избираете свое общество, Фридрихъ, — сказала она.

— Объ этомъ я и пришелъ поговорить съ вами,—возразилъ онъ.—Уже четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами поженились; и эти четыре года не дали счастія, какъ мнѣ кажется, ни вамъ, ни мнѣ. Я прекрасно сознаю, что я не подходилъ для васъ въ качествѣ мужа. Я былъ уже не молодъ, у меня не было честолюбія, я ко всему относился шутя, и вы стали презирать меня; я не скажу даже, что безъ основанія. Но для того,

чтобы судить справедливо, надо разсматривать вопросъ съ обѣихъ сторонъ; я попрошу васъ припомнить, какъ я поступалъ все время по отношенію къ вамъ. Когда я увидѣлъ, что васъ забавляла роль правительницы на этой маленькой сценѣ, развѣ я не уступилъ вамъ тотчасъ же всю эту мою коробку игрушекъ, именуемую княжествомъ Грюневальдъ? И когда я понялъ, что я вамъ непріятенъ или противенъ, какъ супругъ, признайтесь, что я ни единой минуты не былъ навязчивымъ супругомъ! На это вы вѣроятно скажете мнѣ, что у меня нѣтъ чувствъ, нѣтъ предпочтеній и нѣтъ опредѣленныхъ цѣлей и желаній, что я всегда и во всемъ предаюсь на волю вѣтра, куда онъ дуетъ — туда иду и я, что все это въ сущности въ моемъ характерѣ; ни за чѣмъ не гнаться, ничего не отстаивать и ничѣмъ не дорожить! Но во всемъ этомъ справедливо только одно: что нетрудно оставить всякое дѣло несдѣланнымъ! Теперь я начинаю понимать, Серафина, что это опасно и неразумно. И если я былъ слишкомъ старъ и слишкомъ неподходящъ для васъ въ роли мужа, я все же долженъ былъ помнить, что я правитель этой страны, что я ея государь, а вы только ребенокъ, привезенный сюда въ гости. И по отношенію къ этому ребенку у меня тоже были обязанности, которыхъ я не выполнилъ, и которыми я не долженъ былъ пренебрегать.

Упоминаніе о старшинствѣ лѣтъ всегда вызываетъ обидное чувство.

— Обязанности! — засмѣялась Серафина. — Это слово въ вашихъ устахъ, Фридрихъ, положительно смѣшитъ меня! Что вамъ пришла за фантазія вдругъ заговорить о такихъ вещахъ? Идите, флиртуйте съ дѣвицами и дамами и будьте прелестнымъ принцемъ изъ дрезденскаго фарфора, Vieux-saxe, на котораго вы такъ похожи; забавляйтесь и развлекайтесь, mon enfant! А всякія обязанности и государственныя дѣла предоставьте намъ.

Это множественное число рѣзко царапнуло по нервамъ принца.

— Я и такъ уже слишкомъ много забавлялся, — сказалъ онъ, — если только это можетъ быть названо забавою, х[illegible]на это можно было бы много возразить. Вы вѣроятно, полагаете, что я безумно люблю охоту, но повѣрьте, были дни, когда я находилъ чрезвычайно много интереснаго въ томъ, что только изъ вѣжливости называется моимъ правительствомъ. Во вкусѣ и въ

пониманіи вещей, вы не можете мнѣ отказать, этого во мнѣ никто никогда не отрицалъ. Я всегда умѣлъ отличить счастливое веселье отъ скучной рутины, и мой выборъ, будь онъ только предоставленъ мнѣ, мой выборъ между охотой, австрійскимъ престоломъ и вами, не колебался бы ни минуты, повѣрьте мнѣ! Вы были дѣвочкой, почти ребенкомъ, когда васъ отдали мнѣ...

— Боже мой,—воскликнула Серафина,—да неужели здѣсь готовится любовная сцена?!.

— Успокойтесь, вы знаете, что я никогда не бываю смѣшонъ, — сказалъ Отто, — это, быть можетъ, мое единственное достоинство; это будетъ не любовная сцена, а просто супружеская сцена въ современномъ вкусѣ, сцена въ бракѣ à la mode. Но когда я вспоминаю о прекрасномъ времени первыхъ дней нашего брака, то простая вѣжливость, какъ мнѣ кажется, требуетъ, чтобы я говорилъ о немъ въ тонѣ сожалѣнія. Будьте справедливы, madame, вѣдь вы первая сочли бы въ высокой мѣрѣ неделикатнымъ съ моей стороны, если бы я вспоминалъ о томъ времени безъ приличествующаго въ данномъ случаѣ чувства сожалѣнія. А затѣмъ, будьте еще немного болѣе справедливы и признайтесь, хотя изъ простой вѣжливости, что и вы, хоть сколько нибудь сожалѣете о томъ прошломъ.

— Мнѣ положительно не о чемъ сожалѣть,—сказала она.— Право, вы меня удивляете! Я всегда думала, что вы совершенно счастливы.

— О, madame, счастье счастью рознь! Есть сотни и тысячи видовъ счастья,—сказалъ Отто.—Человѣкъ можетъ быть счастливъ и въ моментъ возмущенія и бунта, онъ можетъ быть счастливъ и во снѣ; вино, перемѣны, развлеченія и путешествія тоже дѣлаютъ человѣка счастливымъ; добродѣтель, какъ утверждаютъ, также даетъ людямъ счастье; я, конечно, не испыталъ этого, но повѣрить этому можно. А еще говорятъ, что въ старыхъ, спокойныхъ, сжившихся супружествахъ тоже есть своего рода хорошее, прочное счастье!.. Если хотите, и я счастливъ, но я скажу вамъ откровенно, я былъ много счастливѣе въ то время, когда я привезъ васъ сюда.

— Но...—протянула принцесса не безъ нѣкоторой принужденности,—вы какъ видно успѣли передумать послѣ того.

— Нѣтъ,—возразилъ Отто,—я сохранилъ въ душѣ все тѣ же чувства! Не знаю, помните ли вы, Серафина, какъ на пути

сюда вы увидѣли на полянкѣ кустъ дикихъ розъ; я вышелъ изъ экипажа и сорвалъ ихъ для васъ. То была узкая полянка между двухъ стѣнъ высокихъ деревьевъ; въ концѣ этой полянки садилось солнце, все золотое, лучезарное, а надъ нами пролетали грачи; я какъ сейчасъ помню, что на томъ кустѣ было всего девять розъ, и за каждую изъ нихъ вы подарили меня поцѣлуемъ. И тогда я мысленно сказалъ себѣ, что каждая роза и каждый поцѣлуй должны соотвѣтствовать одному году счастья и любви! Но когда прошло всего полтора года съ того времени, т. е. вмѣсто восемнадцати лѣтъ, только восемнадцать мѣсяцевъ, все уже было кончено между нами!.. И вы думаете въ самомъ дѣлѣ, Серафина, что мои чувства къ вамъ измѣнились съ того времени? Да?

— Я право ничего не могу вамъ сказать...—отвѣтила она, почти автоматически.

— Вы не можете, въ такомъ случаѣ я скажу вамъ: они не измѣнились ни на іоту, и я не стыжусь признаться въ этомъ вамъ, потому что нѣтъ ничего смѣшного въ любви мужа къ своей женѣ, даже и тогда, когда эта любовь себя признала безнадежной и не требуетъ ничего взамѣнъ. Я знаю, что я построилъ зданіе своего счастья на пескѣ, но, Бога ради, не дуйте на него жестокимъ дуновеніемъ упрека! Я вѣроятно построилъ его на моихъ недостаткахъ, но я вложилъ въ это зданіе всю мою душу и всю мою любовь; они и теперь лежатъ подъ развалинами этого зданія.

— О, какъ все это высоко поэтично!—сказала она съ легкимъ смѣшкомъ, но при этомъ, незнакомое ей чувство умиленія и какая-то непривычная мягкость проснулись въ ея душѣ.—Я хотѣла бы знать, къ чему вы клоните весь этотъ разговоръ?—спросила она, умышленно придавъ своему голосу нѣкоторую непріятную жестокость.

— Къ тому, чтобы высказать вамъ,—хотя, повѣрьте, что мнѣ это очень не легко,—что вопреки всему вашъ мужъ любитъ васъ! Но поймите меня,—крикнулъ Отто вдругъ почти злобно,—я отнюдь не молящій подачки супругъ! Нѣтъ, того, въ чемъ мнѣ отказываетъ ваше чувство, я никогда не принялъ бы отъ вашей жалости! Я не хочу просить и не хочу взять по праву,—мнѣ ничего отъ васъ не надо!.. Я не ревную, потому что полагаю, что у меня нѣтъ къ тому основанія, но такъ какъ

въ глазахъ свѣта я вашъ мужъ, то я спрашиваю васъ, честно ли и хорошо ли вы относитесь ко мнѣ? Я совершенно отошелъ въ сторону, я предоставилъ вамъ полную свободу, я далъ вамъ полную волю во всемъ, а вы, что дали вы мнѣ взамѣнъ? Что сдѣлали вы для меня?.. Вы во многомъ, особенно же въ нѣкоторыхъ вещахъ, поступали слишкомъ необдуманно. Такіе люди, какъ мы съ вами, да еще находясь въ явно ложномъ положеніи и стоя у всѣхъ на виду, должны быть особенно осмотрительны и осторожны, особенно благовоспитанны и сдержанны. Можетъ быть нелегко избѣжать сплетенъ и скандала, но и переносить скандалъ и позоръ крайне тяжело!

— Скандалъ!—воскликнула Серафина.—Позоръ! Такъ вотъ къ чему вы хотѣли придти!

— Я старался дать вамъ понять, что происходитъ въ моей душѣ,—сказалъ Отто;—я признался вамъ, что люблю васъ безнадежно, и повѣрьте, что такое признаніе очень горько для мужа; я обнажилъ передъ вами всю мою душу, именно для того, чтобы смочь говорить съ вами прямо и открыто, чтобы вы не видѣли въ моихъ словахъ намѣренія нанести вамъ обиду и оскорбленіе, но разъ я уже началъ говорить объ этомъ, то я скажу вамъ все, что я считаю нужнымъ сказать, и вы выслушаете меня!

— Я желаю знать, что все это значитъ?—крикнула она.

Принцъ Отто густо покраснѣлъ.

— Мнѣ приходится сказать вамъ то, чего бы я не хотѣлъ говорить вамъ,—промолвилъ онъ,—но я просилъ бы васъ поменьше видѣться и порѣже появляться съ барономъ Гондремаркомъ.

— Съ Гондремаркомъ? Почему?

— Потому что ваша близость съ нимъ даетъ поводъ къ скандалу, madame, — сказалъ Отто довольно твердо и спокойно,—а этотъ скандалъ для меня смертельно мучителенъ, и для вашихъ родителей онъ былъ бы невыносимъ, если бы они узнали о немъ.

— Вы первый говорите мнѣ объ этомъ! Очень вамъ благодарна,—сказала она.

— Да, вы имѣете основаніе быть мнѣ благодарной за это,—подтвердилъ онъ,—потому что изъ всѣхъ вашихъ друзей только я одинъ могъ сказать вамъ объ этомъ!

— Прошу васъ оставить моихъ друзей въ покоѣ,—рѣзко прервала она его.—Мои друзья люди совсѣмъ иного закала! Вы явились сюда и парадировали передо мной своими чувствами, но припомните, когда я видѣла васъ въ послѣднiй разъ за дѣломъ? И все это время я управляла за васъ вашимъ княжествомъ, и не видѣла отъ васъ ни малѣйшей поддержки или содѣйствiя въ этомъ трудномъ дѣлѣ, и, наконецъ, когда я стала изнемогать подъ тяжестью этой непосильной, не женской работы, а вамъ наскучили ваши забавы, вы являетесь сюда и дѣлаете мнѣ супружескую сцену, какъ какой-нибудь мелочный торговецъ своей женѣ! Вы забываете, что мое положенiе слишкомъ ненормально; вамъ слѣдовало бы понимать, по крайней мѣрѣ хотя бы то, что я не могу стоять во главѣ вашего правительства, и въ то же время вести себя, какъ маленькая дѣвочка, которая въ отсутствiи папаши, мамаши и гувернантки должна сидѣть смирно и ничѣмъ не проявлять себя... Сплетни! Скандалъ! Да вѣдь это та атмосфера, въ которой мы, владѣтельные принцы и принцессы и всѣ царствующiя особы живемъ! Вамъ это слѣдовало бы знать! Вы испугались сплетенъ и пересудовъ! Какая наивность! Право, вы, Фридрихъ, играете слишкомъ мерзкую роль. И что же, вы вѣрите этимъ слухамъ и сплетнямъ?

— Я не былъ бы здѣсь, madame, если бы я имъ вѣрилъ,— сказалъ принцъ.

— Только это я и хотѣла знать,—заявила она съ все возрастающимъ гнѣвомъ и чувствомъ возмущенiя;—ну а допустимъ, что вы бы имъ повѣрили, что бы вы сдѣлали тогда?

— Я счелъ бы себя обязаннымъ въ подобномъ случаѣ предполагать противное,—отвѣтилъ Отто.

— Я такъ и думала!—воскликнула Серафина съ усмѣшкой.—Вы, какъ я вижу, весь сотканы изъ обязанностей.

— Довольно, madame!—крикнулъ, наконецъ, Отто, потерявъ терпѣнiе.—Вы умышленно перетолковываете ложно мои слова и мое поведенiе; вы испытываете мое долготерпѣнiе, но ради вашихъ родителей и ради моего имени, которое вы носите, прошу васъ быть болѣе осмотрительной въ вашихъ дѣйствiяхъ и поступкахъ.

— Что это, просьба или требованiе, monsieur mon mari?— спросила она, глядя на него прищуренными глазами.

— Я прошу, хотя въ правѣ требовать, и даже приказывать!—отвѣтилъ принцъ сдержанно.

— Вы можете даже арестовать меня и посадить въ крѣпость, какъ гласитъ законъ,—сказала Серафина,—но вы ничего бы не выиграли этимъ со мной!

— Значитъ, вы намѣрены продолжать вести себя такъ же, какъ и до сего времени?—спросилъ Отто.

— Именно такъ, какъ и до сего времени! — подтвердила она,—и въ доказательство этого я пошлю пригласить ко мнѣ барона фонъ-Гондремарка тотчасъ же, какъ только эта глупая комедія, которую вы разыгрываете здѣсь, благополучно окончится. Надѣюсь, вы поняли меня; больше я ничего не имѣю сказать вамъ,—добавила она и встала.

— Если такъ,—сказалъ Отто, дрожа всѣми нервами отъ подавленнаго съ громаднымъ трудомъ гнѣва,—то я позволю себѣ просить васъ, madame, пройти со мной на другую половину моего скромнаго жилища. Это отниметъ у васъ очень немного времени, и къ тому же, это будетъ послѣдняя любезность, которую вамъ придется оказать мнѣ.

— Послѣдняя?!—воскликнула она.—Въ такомъ случаѣ, съ радостью!

Отто подалъ ей руку, и она приняла ее. Съ нѣкоторой изысканной аффектаціей съ той и другой стороны княжеская чета покинула комнату принцессы. Они слѣдовали тѣмъ же путемъ, какимъ незадолго до того прошелъ Гондремаркъ. Пройдя два или три длинныхъ коридора, выходящихъ окнами во дворъ, въ которыхъ никогда никого нельзя было встрѣтить, они очутились на половинѣ принца. Первая изъ его комнатъ съ этой стороны былъ оружейный залъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны самымъ разнообразнымъ стариннымъ оружіемъ разныхъ странъ и эпохъ; окна этого зала выходили на большую дворцовую террасу передняго фасада дворца.

— Вы привели меня сюда, чтобы убить?—спросила Серафина саркастически.

— Я привелъ васъ сюда, чтобы прослѣдовать дальше,—отвѣтилъ Отто сдержанно и спокойно.

Идя дальше, они пришли въ библіотеку; здѣсь не было никого, кромѣ стараго камердинера, который спокойно дремалъ въ креслѣ. Заслышавъ шаги, онъ вскочилъ на ноги, и, узнавъ

принца и принцессу, низко склоняясь передъ ними, освѣдомился, не будетъ ли какихъ приказаній.

— Вы подождете насъ здѣсь,—сказалъ принцъ, идя дальше подъ руку съ женой.

Слѣдующею комнатой была картинная галлерея; здѣсь на самомъ видномъ мѣстѣ висѣлъ большой портретъ Серафины въ темномъ охотничьемъ костюмѣ съ ярко красной розой въ волосахъ, какъ ее тогда любилъ видѣть Отто. Портретъ этотъ былъ писанъ по его заказу въ первые мѣсяцы ихъ брака. Отто молча указалъ ей на него, она слегка подняла брови и тоже ничего не сказала, и они молча прослѣдовали дальше въ небольшой, весь затянутый мягкимъ ковромъ, коридорчикъ, въ который выходило нѣсколько дверей. Одна изъ нихъ вела въ спальную принца, другая на половину Серафины; здѣсь Отто выпустилъ ея руку и, сдѣлавъ шагъ впередъ, энергичнымъ жестомъ задвинулъ засовъ этой послѣдней двери.

— Эта дверь, madame, уже давно была заперта съ той стороны,—сказалъ онъ.

— И одного засова было достаточно, — сказала она. — Это все?

— Прикажете васъ проводить?—спросилъ онъ кланяясь.

— Я предпочла бы,—сказала она какимъ-то страннымъ звенящимъ тономъ,—чтобы меня проводилъ баронъ фонъ Гондремаркъ.

Отто позвонилъ камердинера и совершенно спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, сказалъ:

— Если баронъ фонъ Гондремаркъ еще здѣсь, во дворцѣ, скажите ему, чтобы онъ пришелъ сюда, проводить принцессу.

И послѣ того какъ слуга удалился онъ снова обратился къ женѣ.

— Чѣмъ я могу еще быть вамъ полезенъ, madame?—спросилъ онъ.

— Благодарю, больше ничѣмъ. — Вы меня очень позабавили,—уронила она.

— Теперь я вернулъ вамъ полную свободу,—продолжалъ принцъ, не обративъ вниманія на ея слова.—Это былъ для васъ несчастный бракъ.

— Несчастный!?—сказала она.

— Но съ моей стороны было сдѣлано все для того, чтобы вы

этого не чувствовали, чтобы вамъ жилось легко;—теперь вамъ будетъ житься еще легче!—продолжалъ принцъ. Но вамъ все-таки придется продолжать носить имя моего покойнаго отца, ставшее теперь вашимъ. Я оставляю это имя въ вашихъ рукахъ, но я желалъ бы, такъ какъ вы моихъ совѣтовъ принимать не желаете,—чтобы вы больше думали о томъ и старались носить его съ честью.

— Фонъ Гондремаркъ, долго заставляетъ себя ждать,—замѣтила она.

— Ахъ Серафина, Серафина!—воскликнулъ Отто,—и этимъ окончилось ихъ свиданіе.

Она подошла къ окну и стала смотрѣть въ него, а минуту спустя старичекъ камердинеръ доложилъ о приходѣ барона фонъ-Гондремарка, который вошелъ, какъ-то растерянно озираясь, замѣтно измѣнившійся въ лицѣ, даже смущенный, вслѣдствіи этого необычайнаго приглашенія явиться. Принцесса повернулась къ нему отъ окна съ дѣланной, очаровательной улыбкой; ничто въ ея внѣшности, кромѣ нѣсколько разгорѣвшагося лица, не свидѣтельствовало о томъ, что она была взволнована и быть можетъ разстроена. Отто былъ блѣденъ, но совершенно спокоенъ и прекрасно владѣлъ собой.

— Баронъ фонъ Гондремаркъ,—обратился онъ къ вошедшему.—Окажите мнѣ услугу, проводить принцессу на ея половину.

Баронъ, все еще какъ въ воду опущенный, предложилъ руку принцессѣ, которая улыбаясь приняла ее, послѣ чего эта пара плавно удалилась черезъ картинную галлерею.

Когда они ушли, Отто понялъ всю глубину своей неудачи; онъ сознавалъ, что сдѣлалъ какъ разъ обратное тому, что онъ намѣревался сдѣлать; онъ пришелъ въ положительное недоумѣніе. Такое полнѣйшее фіаско, такое неоспоримое, такое несомнѣнное фіаско, было смѣшно даже ему самому. И онъ громко расхохотался въ припадкѣ злобы и бѣшенства. Послѣ этого наступилъ острый приступъ раскаянія и сожалѣнія, а затѣмъ, какъ только ему вспоминались отдѣльные выдающіеся моменты этого разговора,—раскаяніе и сожалѣніе снова уступали мѣсто злобѣ и возмущенію. Такъ смѣнялось въ его душѣ одно чувство другимъ, и мысли метались изъ стороны въ сторону, и онъ, то оплакивалъ свою непослѣдовательность и недостатокъ твердости,—то вспы-

хивалъ отъ негодованія и возмущенія, доходя до бѣлаго каленія и при этомъ испытывалъ благородную жалость къ самому себѣ.

Въ подобномъ состояніи духа онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, какъ леопардъ въ своей клѣткѣ. Въ эти минуты принцъ былъ близокъ къ взрыву; подобно заряженному пистолету онъ могъ выстрѣлить каждую минуту и въ слѣдующій же моментъ быть отброшеннымъ въ сторону. И теперь — шагая изъ конца въ конецъ по длинной комнатѣ, переживая въ душѣ своей самыя разнородныя чувства и теребя пальцами концы своего тонкаго носового платка, онъ былъ возбужденъ до высшей степени, и каждый нервъ въ немъ былъ болѣзненно напряженъ и натянутъ. Словомъ можно было сказать, что пистолетъ былъ не только заряженъ, но и взведенъ. И когда еще ко всему этому минутами примѣшивалась ревность, наносившая жгучіе удары хлыста по его самому нѣжному чувству, и пораждавшая рядъ огненныхъ видѣній передъ его мысленнымъ взоромъ, тогда судорога пробѣгавшая у него по лицу становилась зловѣщей. Онъ презиралъ всѣ измышленія ревности, но тѣмъ не менѣе они кололи его, задѣвая его за живое. Однако, даже во время злѣйшихъ вспышекъ гнѣва и негодованія, онъ упорно продолжалъ вѣрить въ невинность Серафины, и даже мысль о ея несоотвѣтственномъ, неподобающемъ поведеніи, являлась горчайшей примѣсью въ его чашѣ скорбей.

Вдругъ постучали въ дверь, и дежурный камергеръ подалъ ему записку. Онъ взялъ ее, скомкалъ въ рукѣ и продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, не отрываясь отъ своихъ мучительныхъ и часто безсвязныхъ мыслей. Такъ прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ онъ вполнѣ ясно сознавалъ, что у него въ рукѣ записка, и что ее слѣдуетъ прочесть. Онъ остановился, развернулъ ее и прочелъ. Это были всего нѣсколько словъ, спѣшно нацарапанныхъ карандашемъ, рукой Готтхольда; содержаніе было слѣдующее:

«Совѣтъ секретно созванъ сію минуту»

Г. фонъ Г.

Изъ того, что совѣтъ былъ созванъ ранѣе назначеннаго времени, да еще секретно, становилось ясно, что боялись его вмѣшательства. «Боялись», ага, это была отрадная для него мысль. Кромѣ того, Готтхольдъ, смотрѣвшій на него всегда какъ на

простака, теперь позаботился предупредить его; значитъ Готтхольдъ ждалъ чего-нибудь отъ него. Ну что же, пусть никто изъ нихъ не обманется. И принцъ, слишкомъ долго остававшійся въ тѣни, заслоненный человѣкомъ безумно любившимъ свою жену, теперь покажется всѣмъ имъ въ полномъ своемъ величіи. Отто позвонилъ своего камердинера и съ особой тщательностью занялся своимъ туалетомъ. Покончивъ съ этимъ занятіемъ, причесанный, надушенный и принаряженный, «Prince Charmant»—очаровательный принцъ—во всѣхъ отношеніяхъ, но съ нервно дрожащими ноздрями и потемнѣвшими отъ внутренняго волненія глазами, принцъ Отто, не сопровождаемый никѣмъ, отправился въ совѣтъ.

VII. Принцъ распускаетъ совѣтъ

Все было такъ какъ писалъ Готтхольдъ. Самовольное освобожденіе сэра Джона принцемъ, тревожныя донесенія Грейзенгезанга своимъ покровителямъ, и, наконецъ, сцена разыгравшаяся между Серафиной и принцемъ, все это вмѣстѣ взятое побудило заговорщиковъ рѣшиться на такой шагъ, который имъ подсказывала ихъ трусливая смѣлость. Передъ тѣмъ произошло нѣкоторое замѣшательство, нѣкоторое волненіе; посланные съ записками бѣгали туда и сюда, и наконецъ, въ половинѣ одиннадцатаго утра, т. е. за часъ до обычнаго времени, принятаго для засѣданій совѣта, всѣ члены Грюневальдскаго государственнаго совѣта собрались вокругъ стола въ залѣ засѣданій.

Это было не многочисленное собраніе. По настоянію Гондремарка, составъ членовъ совѣта испыталъ значительныя перемѣны; произведена была, какъ онъ выражался, «основательная чистка», и теперь, весь совѣтъ состоялъ можно сказать исключительно изъ однихъ покорныхъ орудій его воли. На отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, немного въ сторонѣ отведено было мѣсто для трехъ секретарей. Серафина лично предсѣдательствовала въ совѣтѣ; по правую ея руку помѣщался баронъ фонъ-Гондремаркъ, по лѣвую канцлеръ Грейзенгезангъ; ниже ихъ государственный казначей Графинскій и графъ Эйзенталь и двое безгласныхъ членовъ, имена которыхъ не стоитъ даже упоминать, и ко всеобщему удивленію честнаго собранія, здѣсь былъ на лицо и докторъ Готтхольдъ фонъ-Гогенштоквицъ. Онъ былъ назна-

ченъ принцемъ Отто членомъ совѣта исключительно для того, чтобы предоставить ему окладъ таковаго, и такъ какъ онъ обыкновенно никогда не присутствовалъ на засѣданіи ихъ совѣта, то при «основательной чисткѣ» о немъ забыли. Никому не пришло въ голову опротестовать это назначеніе тѣмъ или инымъ способомъ. И вотъ, его настоящее появленіе въ совѣтѣ, являлось теперь тѣмъ болѣе зловѣщемъ, что оно было совершенно непредвидѣннымъ. Гондремаркъ окинулъ его грознымъ взглядомъ и сердито хмурился всякій разъ, когда глядѣлъ въ его сторону; безгласные члены, видя столь явную къ нему немилость, старались отодвинуться подальше отъ него.

— Время не терпитъ, ваше высочество,—сказалъ Гондремаркъ,—разрѣшите приступить къ дѣлу?

— Да, немедленно!—сказала Серафина.

— Ваше высочество, извините меня, — сказалъ Готтхольдъ,—но я считаю долгомъ увѣдомить васъ о томъ, что вамъ быть можетъ еще неизвѣстно, а именно, что его высочество принцъ изволилъ вернуться сегодня утромъ.

— Принцъ не будетъ присутствовать на совѣтѣ,—вспыхнувъ сказала Серафина.—Господинъ канцлеръ дайте сюда депеши! Тутъ и депеша, которая должна быть отправлена немедленно въ Герольштейнъ, не такъ ли?

Секретарь подалъ бумаги канцлеру.

— Вотъ, ваше высочество,—пропищалъ Грейзенгезангъ.—Прикажете прочесть эту депешу?

— Нѣтъ, къ чему же, мы всѣ уже знакомы съ ея содержаніемъ,—замѣтилъ Гондремаркъ.—Вѣдь ваше высочество одобряетъ?

— Безусловно! Я незадумываясь готова ее подписать! — заявила принцесса.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ считать эту депешу прочитанной,—сказалъ баронъ.—Соблаговолите, ваше высочество, скрѣпить ее вашею подписью.

Серафина взяла перо и однимъ почеркомъ начертала подъ бумагой свое имя, послѣ чего передала ее Гондремарку. Гондремаркъ, Эйзенталь и одинъ изъ безгласныхъ подписали ее одинъ за другимъ не читая, и наконецъ, документъ перешелъ для подписи къ доктору Гогенштоквитцъ.

Онъ принялся не торопясь читать депешу.

— Мы не можемъ терять такъ много времени, господинъ докторъ! — грубо крикнулъ ему баронъ. — Если вы не желаете ставить вашей подписи по довѣрію къ вашей государынѣ, то передайте бумагу дальше, а если хотите можете выдти изъ-за стола!—добавилъ онъ, давъ волю своему бѣшенству.

— Я отклоняю ваше предложеніе, господинъ фонъ Гондремаркъ, а мой государь, какъ я къ сожалѣнію замѣчаю, продолжаетъ еще находиться въ отсутствіи,—спокойно отвѣтилъ докторъ, и снова принялся внимательно изучать бумагу, которую онъ не выпускалъ изъ своихъ рукъ. Видя это, всѣ присутствующіе метали на него гнѣвные взгляды и переглядывались между собой.

— Государыня и высокочтимые господа совѣтники,—сказалъ, наконецъ, докторъ,—то что я держу сейчасъ въ моей рукѣ, это ничто иное какъ объявленіе войны!

— Ну, да, ничто иное! — сказала Серафина вызывающе и вспыхнувъ на мгновеніе отъ сдержаннаго гнѣва.

— Господа, государь Грюневальда здѣсь, подъ однимъ кровомъ съ нами,—продолжалъ Готтхольдъ,—и я настаиваю на томъ, чтобы онъ былъ приглашенъ на это засѣданіе совѣта, гдѣ рѣшаются такіе важные вопросы. Приводить свои основанія я считаю излишнимъ, потому что вы всѣ ихъ отлично и сами понимаете и въ глубинѣ души вамъ всѣмъ совѣстно за этотъ задуманный вами обманъ и обходъ закона.

Всѣ присутствующіе разомъ заволновались, послышались сдержанные, возмущенные и неодобрительные возгласы.

— Вы осмѣливаетесь оскорблять принцессу! — громовымъ голосомъ крикнулъ Гондремаркъ.

— Я повторяю свой протестъ. Подобный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ вѣдома государя этой страны,—спокойно проговорилъ докторъ.

И въ самый разгаръ этого смятенія дверь залы распахнулась, докладчикъ возгласилъ: «Господа, принцъ!», и принцъ Отто вошелъ какъ всегда величественный, любезный и спокойный, чувствуя себя свободно и самоувѣренно, какъ всегда. Его появленіе было какъ масло, вылитое на взбаламученное море; всѣ моментально заняли снова свои мѣста, а Грейзенгезангъ, желая придать себѣ видъ человѣка занятаго дѣломъ, принялся съ особымъ усердіемъ перебирать бумаги въ своемъ портфелѣ, но въ своей

поспѣшности вновь очутиться на своихъ мѣстахъ, всѣ какъ одинъ забыли встать, когда вошелъ принцъ.

— Господа!—окликнулъ ихъ принцъ съ полу-упрекомъ и остановился.

Всѣ вскочили разомъ,точно въ испугѣ, и это замѣчаніе еще болѣе смутило всѣхъ, совершенно растерявшихся, болѣе слабыхъ духомъ членовъ совѣта.

Принцъ медленно прошелъ къ своему мѣсту, но прежде чѣмъ занять его, опять остановился, и строго глядя на Грейзенгезанга, спросилъ:

— Какимъ образомъ, господинъ канцлеръ, могло это случиться, что я не былъ предупрежденъ о перемѣнѣ времени засѣданія совѣта?

— Ваше высочество,—началъ было канцлеръ.—Ея высочество принцесса... и дальше онъ не договорилъ.

— Я поняла такъ,—сказала Серафина, стараясь выручить старика, что вы не намѣревались присутствовать на этомъ засѣданіи.

Ихъ глаза на мгновеніе встрѣтились и затѣмъ Серафина не выдержала и невольно опустила свой взглядъ, но при этомъ злоба въ ея сердце разгорѣлась только еще ярче отъ сознанія своей пристыженности и виновности.

— А теперь, господа,—сказалъ Отто садясь,—прошу васъ сѣсть. Я нѣкоторое время была въ отсутствіи; вѣроятно за это время накопились кое-какія запоздалыя дѣла и бумаги; но прежде чѣмъ заняться этими дѣлами, фонъ Графинскій, вы позаботитесь, чтобы мнѣ были немедленно доставлены четыре тысячи кронъ. Прошу это запомнить!—добавилъ онъ, видя что государственный казначей смотритъ на него съ недоумѣніемъ.

— Четыре тысячи кронъ?—спросила Серафина.—А можно васъ спросить зачѣмъ?

— Для моихъ личныхъ надобностей, madame,—отвѣтилъ улыбаясь Отто.

Гондремаркъ толкнулъ подъ столомъ Графинскаго, сопровождая это движеніе краснорѣчивымъ взглядомъ.

— Если ваше высочество благоволитъ указать назначеніе этой суммы,—начала было это маріонетка барона.

— Вы забываете, сударь, что вы здѣсь находитесь не для

того, чтобы допрашивать вашего государя, а для того, чтобы исполнять его приказанія,—сказалъ Отто.

Графинскій растерялся и взглянулъ на своего господина, прося его о помощи и заступничествѣ, и Гондремаркъ тотчасъ же поспѣшилъ выручить его, заговоривъ слащавымъ примирительнымъ голосомъ.

— Ваше высочество, вѣроятно, будете весьма удивлены,—началъ онъ,—и я скажу, не безъ основанія, конечно,—но господинъ Графинскій сдѣлалъ бы несомнѣнно гораздо лучше, если бы онъ прямо началъ съ того, что разъяснилъ вашему величеству настоящее положеніе дѣлъ. Всѣ рессурсы страны въ данный моментъ совершенно истощены и поглощены; но какъ мы надѣемся имѣть возможность доказать вашему высочеству,—деньги истрачены разумно. Черезъ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ я не сомнѣваюсь, что мы сумѣемъ исполнить ваше приказаніе, ваше высочество можетъ въ этомъ положиться на меня, но въ данный моментъ, я боюсь, что даже и въ такихъ мелочахъ, вашему высочеству придется помириться съ невозможнымъ. Повѣрьте, что наше желаніе угодить вамъ не подлежитъ сомнѣнію, но возможности къ тому не представляется.

— Скажите мнѣ, господинъ Графинскій, сколько у насъ въ данной моментъ наличности въ государственной казнѣ?—спросилъ Отто.

— Мы въ данное время нуждаемся, ваше величество, положительно въ каждой кронѣ!...—растерянно залепеталъ, протестуя казначей.

— Мнѣ кажется, сударь, что вы позволяете себѣ увиливать отъ отвѣта на мой вопросъ!—вспылилъ принцъ, сопровождая свои слова гнѣвнымъ взглядомъ. Затѣмъ обернувшись къ маленькому столику, онъ сказалъ:—господинъ секретарь, будьте любезны принести мнѣ роспись и отчетность государственнаго казначейства за послѣднее врем

Господинъ Графинскій поблѣднѣлъ какъ полотно; канцлеръ, ожидая, что теперь очередь будетъ за нимъ, повидимому бормоталъ про себя молитвы; Гондремаркъ насторожился и подстерегалъ, какъ жирный котъ, дальнѣйшія выступленія принца, а Готтхольдъ, съ свой стороны, смотрѣлъ на своего кузена съ удивленіемъ и радостнымъ недоумѣніемъ. Несомнѣнно, что онъ проявлялъ свою волю и дѣйствовалъ умно и настойчиво; но что

могъ означать весь этотъ разговоръ о деньгахъ въ такой серьезный моментъ? И затѣмъ для чего ему было тратить свои силы на нѣчто лично его касающееся?

— Я вижу,—сказалъ Отто, строго и спокойно глядя на присутствующихъ, уставивъ свой указательный палецъ на лежащій передъ нимъ документъ,—я вижу изъ этого, что у насъ имѣются сейчасъ въ наличности сумма въ двадцать тысячъ кронъ.

— Совершенно вѣрно, ваше высочество,—сказалъ Гондремаркъ,—но наши обязательства, изъ коихъ нѣкоторыя, къ счастью, не подлежатъ немедленному удовлетворенію, въ значительной мѣрѣ превышаютъ эту сумму; и въ настоящій моментъ положительно невозможно изъять изъ этой наличности даже одинъ флоринъ. Въ дѣйствительности наша казна пуста. Намъ уже представленъ къ уплатѣ очень крупный счетъ за военные припасы.

— Военные припасы?!—воскликнулъ Отто, превосходно прикидываясь удивленнымъ.—Но на сколько я помню, а память рѣдко мнѣ измѣняетъ, мы уплатили по этому счету еще въ январѣ.

— Послѣ того были сдѣланы еще новые заказы,—пояснилъ баронъ.—Къ прежнимъ заказамъ былъ еще добавленъ новый артиллерійскій обозъ, полная аммуниція и ружья на пятьсотъ человѣкъ, семьсотъ походныхъ вьюковъ и вьючныхъ муловъ; въ спеціальной запискѣ все это обозначено до мелочей. Прошу васъ, господинъ секретарь фонъ Гольтцъ, дайте сюда эту записку.

— Право, можно подумать, господа, что мы собираемся воевать!—усмѣхнувшись замѣтилъ Отто.

— Да мы и собираемся,—сказала Серафина

— Воевать?!—крикнулъ принцъ.—А позвольте васъ спросить, господа, съ кѣмъ? Въ Грюневальдѣ вѣками царилъ миръ. Скажите же мнѣ, кто позволилъ себѣ задѣть насъ, или нанести намъ оскорбленіе? Я хочу знать причины, вынуждающія насъ къ войнѣ.

— Вотъ здѣсь, ваше высочество, ультиматумъ, — сказалъ Готтхольдъ, передавая принцу бумагу, которую онъ все время не выпускалъ изъ рукъ;—онъ подписывался совѣтомъ въ тотъ

моментъ, когда ваше высочество такъ кстати изволили пожаловать сюда.

Отто взялъ и положилъ бумагу передъ собой, и въ то время, какъ онъ читалъ, онъ принялся барабанить пальцами по столу.

— И этотъ ультиматумъ предполагалось послать безъ моего вѣдома?—спросилъ онъ, глядя строго и вопросительно на присутствующихъ.

Одинъ изъ безгласныхъ членовъ совѣта, желая подслужиться, взялся отвѣтить.

— Докторъ фонъ-Гогенштоквицъ только что заявилъ о своемъ несогласіи и нежеланіи поставить свою подпись.

— Дайте мнѣ сюда всю предварительную переписку,— сказалъ принцъ.

Ему подали всѣ относящіяся къ этому вопросу бумаги, и онъ не торопясь сталъ прочитывать ихъ всѣ одну за другой отъ начала до конца, тогда какъ господа члены совѣта съ весьма глупыми лицами безмолвно уставились глазами въ сукно стола, а секретари на своемъ особомъ маленькомъ столикѣ обмѣнивались молча восхищенными взглядами, предвкушая раздоръ въ совѣтѣ, что являлось для нихъ рѣдкимъ и весьма забавнымъ развлеченіемъ.

— Господа,—сказалъ Отто, окончивъ свое чтеніе,—я съ огорченіемъ читалъ эту переписку. Эта наша претензія на Обермюнстероль явно несостоятельна и несправедлива; она не имѣетъ даже видимости, даже тѣни видимости справедливости. И во всемъ этомъ дѣлѣ, можно сказать, нѣтъ достаточно содержанія, даже и для послѣобѣденной бесѣды, а вы стараетесь выставить это какъ «casus belli».

— Несомнѣнно, ваше высочество, — согласился Гондремаркъ, который былъ слишкомъ уменъ, чтобы отстаивать то, чего нельзя было отстоять,—наша претензія на Обермюнстероль, ничто иное, какъ простой предлогъ!

— Прекрасно, — сказалъ принцъ, — господинъ канцлеръ, возьмите перо и пишите:—«Совѣтъ княжества Грюневальдъ»,— началъ онъ диктовать.—Я не стану упоминать здѣсь о моемъ вмѣшательствѣ,—сказалъ онъ, обращаясь съ ядовитой усмѣшкой къ присутствующимъ, а затѣмъ прибавилъ: — я уже не говорю о томъ странномъ умолчаніи и утайкѣ, съ какими все это дѣло было проведено помимо меня чисто контрабанднымъ мане-

ромъ, далеко не благовиднымъ, надо сознаться. Я удовольствуюсь тѣмъ, что успѣлъ вмѣшаться во время въ это дѣло. Итакъ, пишите,—продолжалъ онъ, снова принимаясь диктовать: — «по дальнѣйшемъ разсмотрѣніи фактовъ и причинъ, и принимая во вниманіе свѣдѣнія и объясненія, заключающіяся въ послѣдней депешѣ изъ Герольштейна, имѣетъ удовольствіе объявить, что онъ совершенно солидаренъ во взглядахъ и чувствахъ своихъ съ дворомъ великаго герцогства Герольштейнъ»... Вы написали? Прекрасно! Дайте мнѣ просмотрѣть... Такъ!.. Ну, теперь вы, согласно этому, составите депешу и немедленно отправите ее въ Герольштейнъ.

— Съ вашего разрѣшенія, ваше высочество, я хотѣлъ бы сказать,—началъ баронъ Гондремаркъ,—что ваше высочество такъ мало знакомы съ первоначальной исторіей этой переписки, что всякое вмѣшательство въ данномъ случаѣ можетъ быть только опаснымъ и вреднымъ. Подобная депеша, какую вы изволили сейчасъ составить, ваше высочество, доказала бы неосмысленность всей предыдущей политики Грюневальда.

— Политика Грюневальда! Грюневальдская политика!—воскликнулъ принцъ.—Право, можно подумать, что въ васъ нѣтъ ни малѣйшаго чувства юмора. Вѣдь то, что вы говорите, положительно смѣшно! Послѣ того, почему бы вамъ не удить рыбу въ кофейной чашкѣ?

— Почтительнѣйше позволю себѣ замѣтить, ваше высочество, что и въ кофейной чашкѣ можетъ оказаться ядъ. Дѣло въ томъ, что цѣль этой войны не только территоріальныя пріобрѣтенія, а еще того менѣе, жадность къ военной славѣ, потому что какъ ваше высочество совершенно справедливо изволили указать, Грюневальдъ слишкомъ малъ и незначителенъ, чтобы питать честолюбивые замыслы. Но дѣло въ томъ, что наше государственное тѣло, самый народъ вашъ, проявляетъ признаки серьезнаго недуга: республиканскія мечты, соціалистическія стремленія и многія разлагающія идеи распространились въ народѣ. Объединяясь группа съ группой, составилась поистинѣ грозная организація, которая не шутя потрясаетъ основы вашего трона, ваше высочество.

— Да, я уже слышалъ объ этомъ, господинъ фонъ-Гондремаркъ,—вставилъ совершенно спокойно принцъ,—но я имѣю серьезныя причины предполагать, что вамъ все это должно быть

гораздо ближе извѣстію.—И странная усмѣшка скользнула по губамъ принца при этихъ словахъ.

— Я весьма счастливъ этимъ, высказаннымъ мнѣ моимъ государемъ, довѣріемъ, — не смущаясь продолжалъ Гондремаркъ,—и именно въ виду этихъ внутреннихъ нашихъ безпорядковъ сложилась и наша настоящая внѣшняя политика. Необходимо было чѣмъ-нибудь отвлечь общественное вниманіе; занять чѣмъ-нибудь умы, дать занятіе бездѣльникамъ и лѣнтяямъ и сдѣлать что-нибудь, чтобы правленіе вашего высочества пріобрѣло извѣстную популярность въ народѣ, и если можно, дать вашему высочеству возможность уменьшить налоги—разомъ и на значительный процентъ. Предполагаемая экспедиція,—такъ какъ иначе, какъ гиперболически, ее нельзя назвать войной,—эта предполагаемая и задуманная нами экспедиція, по мнѣнію совѣта, казалось совмѣщала въ себѣ всѣ эти необходимыя условія; замѣтное улучшеніе общественнаго настроенія наблюдалось уже даже съ момента начала нашихъ приготовленій, и я не мало не сомнѣваюсь, что въ случаѣ успѣха, дѣйствіе его на народные умы превзойдетъ даже всѣ наши ожиданія.

— Вы очень ловкій человѣкъ, господинъ фонъ-Гондремаркъ,—сказалъ Отто,—вы положительно приводите меня въ восторгъ! Я до сего времени не умѣлъ вполнѣ оцѣнить ваши способности.

Серафина при этомъ разомъ повеселѣла и подняла свой взглядъ на барона, считая принца побѣжденнымъ; но Гондремаркъ все еще выжидалъ и не торопился радоваться, онъ ждалъ во всеоружіи, что будетъ дальше. Онъ отлично зналъ, что слабохарактерные люди чрезвычайно упорны и настойчивы, особенно когда они возмущаются противъ своихъ поработителей.

— Ну-съ, а схема территоріальной арміи, къ допущенію которой вамъ удалось меня склонить, имѣла въ тайнѣ цѣль служить тѣмъ же задачамъ?—спросилъ принцъ, глядя въ упоръ на Гондремарка.

— Я и по настоящее время считаю, что это дало благіе результаты,—сказалъ баронъ.—Привычка къ дисциплинѣ, къ сторожевой службѣ, къ развѣдочной службѣ, все это превосходныя успокаивающія средства. Но я сознаюсь вашему высочеству, что въ то время, когда былъ изданъ декретъ, я не подозрѣвалъ истинныхъ размѣровъ распространенія въ народѣ рево-

люціонныхъ идей и революціоннаго движенія, чего, впрочемъ, никто изъ насъ тогда не подозрѣвалъ, и никто не допускалъ мысли, что подобная территоріальная армія могла служить въ одинаковой мѣрѣ и цѣлямъ революціонеровъ, и даже быть, такъ сказать, частію ихъ плана.

— Быть частію ихъ плана?—спросилъ Отто.—Странно!.. На чемъ же вы это основываете?

— Предположенія мои, конечно, чисто гадательныя,—отвѣтилъ баронъ.—У главарей родилась мысль, что территоріальная армія, состоящая изъ самаго населенія,—изъ всего народа,—представляющая собою, такъ сказать, вооруженный народъ, можетъ въ случаѣ народнаго возстанія оказаться безучастной... или вѣрнѣе, ненадежной защитой для трона.

— Понимаю,—сказалъ принцъ,—да, я начинаю понимать.

— Ваше высочество начинаетъ понимать?—повторилъ Гондремаркъ съ особой слащавой любезностью.—Но осмѣлюсь ли просить, ваше высочество, докончить эту начатую вами фразу.

— Извольте. Я начинаю понимать всю исторію этой революціи,—сухо сказалъ Отто.—Ну-съ, а теперь скажите мнѣ, къ какому вы пришли заключенію?

— Я пришелъ къ такому заключенію, ваше высочество,—отвѣтилъ баронъ, принимая вызовъ, не сморгнувъ даже глазомъ.—Война эта пользуется сочувствіемъ населенія, она популярна, и если завтра слухъ объ этой войнѣ будетъ опровергнутъ, то это вызоветъ несомнѣнно непріятное разочарованіе во многихъ слояхъ общества, а при настоящемъ возбужденіи умовъ, даже этого можетъ быть достаточно для того, чтобы ускорить ходъ событій. Вотъ въ чемъ опасность! Революція, такъ сказать, нависла надъ нами; и, сидя здѣсь въ совѣтѣ, мы, можно сказать, сидимъ подъ Дамокловымъ мечомъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ слѣдуетъ общими силами найти какой-нибудь приличный выходъ изъ этого положенія,—сказалъ Отто.

Серафина, которая до этого времени съ самаго того момента, когда Готтхольдъ впервые выразилъ протестъ, не произнесла и двадцати словъ и сидѣла неподвижно, нѣсколько раскраснѣвшаяся, опустивъ глаза, и время отъ времени нервно постукивала ногой подъ столомъ. Все это время она обсуждала въ своемъ умѣ всѣ эти вопросы и геройски боролась съ душившимъ ее гнѣ-

вомъ, но теперь она не выдержала и, утративъ всякую власть надъ собой, дала полную волю своей досадѣ и своему нетерпѣнію.

— Выходъ!—крикнула она злобно.—Да онъ былъ найденъ и подготовленъ раньше, чѣмъ вы узнали о необходимости какого-нибудь выхода! Подпишите эту депешу, и пусть будетъ конецъ этой ненужной проволочкѣ.

— *Madame*, прошу замѣтить, что я сказалъ «Приличный выходъ»,—возразилъ на это Отто съ почтительнымъ поклономъ,—а эта война, съ моей точки зрѣнія и со словъ барона фонъ-Гондремаркъ, совершенно непріемлемый пріемъ. Если мы здѣсь плохо управляли Грюневальдомъ, то на какомъ же основаніи населеніе Герольштейна должно платиться за это своею кровью и своимъ достояніемъ за наши грѣхи? Нѣтъ, этого не будетъ, *madame*, во всякомъ случаѣ не будетъ до тѣхъ поръ, пока я живъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я придаю такое важное значеніе всему тому, что я услышалъ здѣсь сегодня въ первый разъ, что я не останавливаюсь даже надъ весьма естественнымъ вопросомъ, почему только сегодня, а не раньше? И я очень желалъ бы найти такое средство помочь бѣдѣ, которымъ я могъ бы воспользоваться съ честью для себя или во всякомъ случаѣ не теряя уваженія къ себѣ!

— Ну, а если это вамъ не удастся?—спросила она.

— Если это мнѣ не удастся, то я встрѣчу ударъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ на меня обрушиться,—сказалъ принцъ.—При первомъ явномъ возмущеніи моего народа, я созову народное собраніе и если оно того потребуетъ, отрекусь отъ престола.

Серафина злобно разсмѣялась.

— И это тотъ человѣкъ, за котораго мы здѣсь работали!—крикнула она.—Мы сообщаемъ ему о происшедшей перемѣнѣ, онъ заявляетъ намъ, что будетъ искать выхода или средства предотвратить бѣду, и это средство онъ видитъ въ отреченіи!! Государь, неужели въ васъ совсѣмъ нѣтъ стыда, что вы являетесь сюда въ послѣдній часъ, являетесь къ намъ, перенесшимъ весь зной и всю тягость дня, и однимъ взмахомъ рушите весь нашъ трудъ! Неужели вы сами не дивитесь себѣ? Я была здѣсь на своемъ мѣстѣ и всѣми силами старалась поддержать ваше достоинство. Я совѣтовалась съ мудрѣйшими людьми, какихъ я могла найти подлѣ себя въ то время, какъ вы увеселялись и охотились. Я съ предусмотрительностью создавала свои планы,

разрабатывала ихъ, и когда они, наконецъ, созрѣли и должны были перейти къ осуществленію, какъ разъ тогда являетесь вы на нѣсколько часовъ, чтобы разрушить все то, что было создано съ такимъ трудомъ, что стоило столькихъ усилій! И завтра вы снова будете гоняться за новыми удовольствіями и развлеченіями, и дозволите намъ опять думать и работать за васъ; и затѣмъ вы явитесь сюда вновь, и вновь уничтожите все то, чего у васъ не хватило усердія и умѣнія создать! О, это положительно невыносимо! Будьте же хоть скромны, сударь, не претендуйте на званіе, которое вы не можете и не умѣете съ честью поддержать! Я бы на вашемъ мѣстѣ не стала отдавать приказанія съ такимъ апломбомъ. Неужели вы не сознаете, что ихъ исполняютъ не изъ уваженія къ вамъ? Что вы такое? Развѣ вамъ здѣсь мѣсто, въ этомъ совѣтѣ серьезныхъ людей? Что вамъ тутъ дѣлать? Идите!—крикнула она.—Идите къ себѣ подобнымъ! Даже люди на улицѣ смѣются надъ вами, какъ надъ принцемъ!

При этомъ неожиданномъ и странномъ взрывѣ весь совѣтъ точно остолбенѣлъ.

— Madame, — сказалъ баронъ серьезно встревоженный, позабывъ даже свою обычную осторожность.—Сдержитесь!

— Обращайтесь ко мнѣ, баронъ!—крикнулъ принцъ.—Я не желаю допускать этихъ перешептываній!

Серафина разразилась слезами.

— Государь! — воскликнулъ баронъ, вставъ со своего мѣста.—Эта дама...

— Еще одно замѣчаніе, баронъ фонъ Гондремаркъ, и я прикажу васъ арестовать.

— Ваше высочество—мой господинъ и повелитель,—сказалъ Гондремаркъ, почтительно кланяясь.

— Совѣтую вамъ чаще вспоминать объ этомъ, — сказалъ Отто.—Господинъ канцлеръ, возьмите всѣ эти бумаги и отнесите ихъ въ мой кабинетъ. Господа, совѣтъ распущенъ!

Сказавъ это принцъ всталъ, поклонился и вышелъ изъ залы засѣданій въ сопровожденіи Грейзенгезанга и секретарей; почти въ тотъ же моментъ приближенныя дамы принцессы, вызванныя сюда поспѣшно дежурнымъ камергеромъ, вошли изъ другой двери въ залъ засѣданія, чтобы проводить принцессу въ ея апартаменты.

VII. Сторонники войны начинаютъ дѣйствовать.

Полчаса спустя Гондремаркъ былъ уже снова въ кабинетѣ Серафины, гдѣ они заперлись на ключъ.

— Гдѣ онъ теперь?—спросила принцесса, какъ только Гондремаркъ вошелъ въ комнату.

— Онъ сейчасъ въ своемъ кабинетѣ, madame, съ канцлеромъ и секретарями,—сказалъ баронъ,—и, чудо изъ чудесъ, онъ занимается государственными дѣлами!

— Ахъ!—вздохнула она.—Онъ, какъ видно, рожденъ для того, чтобы мучать меня! Боже, какое паденіе! Какое униженіе! Такой блестящій планъ и рушится изъ-за такихъ пустяковъ! Но теперь все безвозвратно потеряно и ничего тутъ не подѣлаешь.

— Нѣтъ, madame, ничего не потеряно; напротивъ того даже, можно сказать, кое-что найдено! Прежде всего вы нашли правильную оцѣнку его особы, вы увидѣли его такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, какъ вы видите все остальное, гдѣ не замѣшено ваше доброе сердце, и ваша снисходительность иногда излишняя; теперь вы видите его своимъ разсудочнымъ, безпристрастнымъ взглядомъ государственнаго человѣка, а не впечатлительной женщины. До тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ право вмѣшиваться—предполагаемое, могущее создаться государство могло представляться лишь въ далекомъ будущемъ. Я вступилъ на этотъ путь, предвидя всѣ его опасности, даже и къ тому, что теперь произошло я былъ готовъ; это не было для меня невѣроятной неожиданностью; но, madame, я зналъ двѣ вещи, и я былъ въ нихъ абсолютно увѣренъ: я зналъ, что вы рождены, чтобы повелѣвать, а я рожденъ, чтобы служить; я зналъ, что, благодаря рѣдкой случайности, рука нашла то орудіе, которое ей было нужно, и съ перваго момента нашей встрѣчи я былъ увѣренъ, какъ увѣренъ и сейчасъ, что никакой законный балагуръ или фигляръ не въ силахъ поколебать или разстроить этотъ союзъ.

— Вы говорите, что я рождена, чтобы повелѣвать!—воскликнула она.—А мои слезы, вы забыли?

— Вѣдь это были слезы Александра Македонскаго, madame!—воскликнулъ Гондремаркъ.—Эти слезы не только растрогали, онѣ потрясли меня! Была минута, когда я забылся,—даже я! Но неужели вы думаете, что я не замѣтилъ, что я не

восхищался вашимъ поведенiемъ вплоть до этого момента? Что я не оцѣнилъ вашего громаднаго самообладанiя? Видитъ Богъ, это было великолѣпно! Царственно! Это стоило посмотрѣть! Это надо было видѣть!

Онъ съ минуту молчалъ, желая произвести большiй эффектъ. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Глядя на васъ, я черпалъ мужество, во мнѣ росла увѣренность, что въ концѣ концовъ мы побѣдимъ, и я старался подражать вашему спокойствiю. Мнѣ казалось, что я говорилъ хорошо; всякiй человѣкъ, которому доступны вѣскiе аргументы, не могъ не убѣдиться въ правильности и разумности нашихъ дѣйствiй. Но, очевидно, этому не суждено было случиться, и клянусь вамъ, madame, я отнюдь не сожалѣю о томъ, что мнѣ не удалось его убѣдить. Позвольте мнѣ говорить съ вами открыто; разрѣшите мнѣ открыть передъ вами мое сердце! Въ своей жизни я любилъ двѣ вещи, двѣ великiя, достойныя любви вещи: эту страну, мою вторую родину, и мою государыню!

И онъ склонился низко и умиленно поцѣловалъ ея руку.

— И теперь мнѣ остается одно изъ двухъ: оставить мою службу здѣсь, покинуть эту страну, усыновившую меня, и государыню, которой я поклялся въ душѣ служить до послѣдняго моего издыханiя, или...—и онъ не договорилъ и замолкъ.

— Увы, баронъ фонъ Гондремаркъ, никакого «или» нѣтъ!—сказала Серафина.

— Нѣтъ, madame! Дайте мнѣ только время,—возразилъ Гондремаркъ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ, вы были еще дѣвочка, и не каждый мужчина предугадалъ бы скрытую въ васъ силу и мощь. Но мнѣ случилось всего дважды бесѣдовать съ вашимъ высочествомъ, и послѣ того я почувствовалъ, что нашелъ свою госпожу! Я думаю, madame, что у меня есть извѣстная доля ума и знаю, что у меня много честолюбiя. Но мой умъ—изъ разряда подчиненныхъ умовъ, нуждающихся въ руководствѣ и господствѣ чьемъ-нибудь, и для того, чтобы создать себѣ карьеру, я долженъ былъ найти кого-нибудь, кто бы былъ рожденъ для того, чтобы царствовать и повелѣвать, и я нашелъ васъ! Вотъ та почва и то основанiе, на которыхъ образовался нашъ союзъ. Каждый изъ насъ нуждался въ другомъ, и одинъ искалъ въ другомъ своего господина, а другой своего слугу! И получился и рычагъ, и точка опоры! Говорятъ, что

браки совершаются въ небесахъ, а если такъ, то такіе, чистые, серьезные, трудолюбивые и интеллектуальные союзы, рождающіеся для того, чтобы созидать государства, быть можетъ имперіи, тѣмъ болѣе должны совершаться въ небесахъ! Но это еще не все! Мы столкнулись другъ съ другомъ, когда оба уже созрѣли для великихъ замысловъ и идей, которые начали выливаться въ извѣстныя реальныя формы, выясняться и обрисовываться все ярче и осязательнѣе въ каждомъ нашемъ разговорѣ. И мы сроднились, и срослись, какъ близнецы. И я почувствовалъ, что вся моя жизнь до того момента, когда я встрѣтилъ васъ, была безцвѣтная и блѣдная, что я жилъ, словно въ потьмахъ. Скажите, ваше высочество, не было ли... я смѣло льщу себя мыслью, что то же самое было и съ вами! Потому что до этого вы не имѣли того зоркаго орлинаго взгляда, того широкого кругозора, того мощнаго полета мысли! Такимъ то образомъ мы подготовились къ нашимъ великимъ задачамъ, выносили ихъ и созрѣли для того, чтобы начать дѣйствовать.

— Это правда,—сказала она задумчиво,—я чувствую, что это такъ. Но замыселъ, но самая идея ваша; въ своемъ великодушіи вы нѣсколько несправедливы къ себѣ; а все, что я могла сдѣлать, это было дать вамъ надлежащее положеніе, предоставить вамъ нѣкоторую возможность дѣйствовать и въ качествѣ точки опоры—этотъ тронъ. Но я могу сказать, что все это я предоставила вамъ безъ оговорокъ, я горячо сочувствовала всегда всѣмъ вашимъ замысламъ; и вы могли быть увѣрены во мнѣ, въ моей поддержкѣ, увѣрены въ моемъ чувствѣ справедливости. Но мнѣ отрадно слышать, что я была вашей помощницей; повторите мнѣ это, повторите еще разъ, прошу васъ!

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—потому что этого мало.—Вы были все время не только моей помощницей, но вы создали меня, вы были моей вдохновительницей, источникомъ и началомъ каждой моей мысли, каждаго моего замысла. И когда мы вмѣстѣ подготовляли нашу политику, взвѣшивая и обсуждая каждый шагъ, какъ часто вы поражали и восхищали меня вашей проницательностью, вашей предусмотрительностью и вашей чисто мужской трудоспособностью, вашей смѣлостью и рѣшимостью. И вы знаете, что это не слова лести; ваша совѣсть вторитъ тому, что я вамъ говорю. Урвали ли вы отъ дѣла хоть одинъ день? Предавались ли вы забавамъ и развлеченіямъ? Молодая и пре-

красная, вы жили всѣ эти годы исключительно однимъ тяжелымъ умственнымъ трудомъ, изнуряющей умственной работой, терпѣливой и настойчивой обработкой различныхъ мелочей. Но вы получите свою награду! Паденіе Бранденау положитъ основаніе трону вашего будущаго царства. быть можетъ, вашей имперіи!

— Какія мысли таятся у васъ въ головѣ?—спросила принцесса.—Развѣ теперь не все погибло?

— Нѣтъ, моя принцесса!—И я вамъ скажу, что одна и та же мысль таится и въ моей и въ вашей головѣ!—отвѣтилъ онъ

— Клянусь вамъ, баронъ фонъ-Гондремаркъ, всѣмъ, что у меня есть святаго, у меня нѣтъ рѣшительно никакой мысли въ данный моментъ; я придавлена, я уничтожена...

— Вы говорите такъ, потому что смотрите на чувственную, страстную сторону своей богатой, благородной натуры, которая только что подверглась жестокому оскорбленію, въ которой еще живетъ горечь недавней обиды; но загляните въ вашъ разсудокъ—и спросите его, что онъ подсказываетъ вамъ; загляните въ свой умъ а не въ свое сердце, и скажите мнѣ.

— Я ничего, ничего не вижу и тамъ, ничего кромѣ возмущенія!—сказала она.

— Не совсѣмъ такъ. Вы видите тамъ одно слово, словно выжженное огненными буквами — и это слово — «Отреченіе»!

— О, — воскликнула Серафина. — Жалкій трусъ! Онъ все рѣшительно взвалилъ на мои плечи. И въ минуту испытанія и опасности, онъ поражаетъ меня въ спину. Нѣтъ въ немъ ничего; ни уваженія, ни любви, ни мужества! Свою жену, свое достоинство, свой тронъ и честь своихъ предковъ, онъ все забылъ!

— Да, — подтвердилъ Гондремаркъ. — Ужъ одно это слово «Отреченіе» чего стоитъ. Но въ немъ я вижу мерцаніе новой зари.

— Аа!.. Мнѣ кажется, что я читаю ваши мысли...,—промолвила принцесса.—Но это безуміе, чистѣйшее безуміе, баронъ! Я еще болѣе непопулярна, чѣмъ онъ, вы это знаете! Они могутъ мириться съ его слабостями, могутъ извинять его легкомысліе, и все же, хотя и осуждаетъ его, но любитъ, меня же народъ ненавидитъ!

— Такова неблагодарность толпы,—сказалъ Гондремаркъ.—

Но мы здѣсь шутимъ, а я желалъ бы высказать вамъ открыто мою мысль. Человѣкъ, который въ моментъ опасности, говоритъ объ отреченіи, въ моихъ глазахъ не болѣе какъ вредное животное. Я говорю рѣзко, madame, потому что говорю серьезно; теперь не время жеманиться и подыскивать мягкія выраженія. Трусъ въ извѣстномъ общественномъ положеніи—опаснѣе огня! Мы сейчасъ, находимся на кратерѣ вулкана, и если этому человѣку будетъ дана воля, то не пройдетъ недѣли, какъ Грюневальдъ захлебнется въ невинной крови! Вы знаете, что я говорю правду; мы съ вами не блѣднѣя смотрѣли на эту всегда возможную катастрофу. Для него это, конечно, быть можетъ ничто, потому что онъ въ случаѣ взрыва — преспокойно отречется. — Отречься! Боже правый! Какъ могъ выговорить подобное слово прирожденный государь! И тогда, что станется съ этой несчастной страной, съ этимъ народомъ порученнымъ его заботамъ и попеченіямъ,—съ этими сотнями и тысячами жизней мужчинъ и честью женщинъ!..

При этомъ голосъ Гондремарка какъ будто оборвался; но онъ очень скоро совладалъ съ своимъ волненіемъ и продолжалъ:

— Вы, madame, относитесь болѣе серьезно къ своимъ обязанностямъ, къ своей отвѣтственности. Мысленно я раздѣляю съ вами эти отвѣтственности; и въ виду ужасовъ, которые я предвижу, въ виду бѣдствій надвигающихся и нависшихъ надъ государствомъ, я говорю, а ваше сердце вторитъ за мною,—я говорю: мы зашли слишкомъ далеко, чтобы остановиться! Честь, долгъ, обязанности, и даже забота о сохраненіи нашихъ жизней, заставляютъ насъ итти впередъ!

Она смотрѣла на своего собесѣдника, и видно было, что она слушая его, думала свою крѣпкую думу.

— Я сознаю все это, — сказала она, — но я безсильна; власть въ его рукахъ, и сила также на его сторонѣ.

— Власть? Сила? И то и другое въ рукахъ арміи,—возразилъ Гондремаркъ,—и затѣмъ поспѣшилъ добавить прежде чѣмъ она успѣла вмѣшаться:—Намъ надо думать какъ спасти самихъ себя; я долженъ, во что бы то ни стало, какою бы то ни было цѣной спасти мою принцессу, а она должна спасти своего министра! И оба мы вмѣстѣ должны спасти этого самонадѣяннаго, хвастливаго и безумнаго человѣка, отъ его собственнаго безумія и безразсудства! Въ моментъ возстанія, онъ не-

минуемо долженъ будетъ первый стать жертвой народнаго гнѣва и возмущенія. Я вижу, какъ толпа рветъ его на части!—крикнулъ баронъ.—А Грюневальдъ, несчастный Грюневальдъ! Эта прекрасная, чудесная страна будетъ залита кровью, раззорена! Нѣтъ, государыня, вы, у которой въ рукахъ власть, вы должны воспользоваться ею; вы это можете и ваша совѣсть должна вамъ это подсказать.

— Научите меня какъ мнѣ воспользоваться моей властью!—воскликнула она.—Допустимъ, что я лишила бы его какимъ-нибудь образомъ свободы дѣйствій, подвергла бы его какому-нибудь ограниченію его личной свободы; вѣдь революція мгновенно обрушилась бы на насъ...

Гондремаркъ прикинулся разбитымъ этимъ доводомъ.

— Да, это правда,—сказалъ онъ,—вы болѣе дальновидны чѣмъ я!—Но все же, вѣроятно, есть какой-нибудь выходъ! Выходъ долженъ быть!

— Нѣтъ,—сказала принцесса. — Я вамъ съ самаго начала говорила, что для насъ теперь нѣтъ спасенія. Мы ничѣмъ не можемъ помочь горю. Всѣ наши надежды рухнули; рухнули изъза этого жалкаго бездѣльника, невѣжды, труса, которому ни съ того ни съ сего пришелъ капризъ вмѣшаться въ государственныя дѣла, быть можетъ, всего на нѣсколько часовъ, который, почемъ знать, завтра можетъ быть вернется вновь къ своимъ увеселеніямъ простого деревенскаго парня. А здѣсь, такой блестящій планъ разрушенъ! Все созданное съ такимъ трудомъ, съ такой заботой!

Для ловкаго Гондремарка всякій малѣйшій предлогъ, самая крошечная зацѣпка годились.

— Я нашелъ!—воскликнулъ онъ, ударивъ себя по лбу.—И какъ только я не подумалъ объ этомъ раньше! Какъ это раньше не пришло мнѣ въ голову! Государыня, быть можетъ, сами того не подозрѣвая, вы разрѣшили задачу!

— Что вы хотите этимъ сказать? Говорите!—сказала Серафина.

Гондремаркъ сдѣлалъ видъ будто собирается съ мыслями, и затѣмъ улыбаясь отвѣтилъ:

— Принцъ долженъ опять уѣхать на охоту.

— Ахъ, если бы онъ только это вздумалъ!—воскликнула Серафина, подавляя вздохъ.—Пусть бы ѣхалъ и оставался тамъ!

— Вотъ, именно!—подчеркнулъ баронъ.—Поѣхалъ бы и остался тамъ. Эти послѣднія слова онъ произнесъ такъ многозначительно, что принцесса измѣнилась въ лицѣ; а ея собесѣдникъ, сознавая страшное значеніе своей двухсмысленности, поспѣшилъ разъяснить:

— На этотъ разъ онъ можетъ отправиться на охоту не верхомъ, а въ коляскѣ, съ приличнымъ эскортомъ изъ нашихъ наемныхъ уланъ. Мѣстомъ назначенія его можетъ быть, напримѣръ, Фельзенбургъ. Эта мѣстность здоровая и живописная; скалы высокія и неприступныя, окна небольшія, всѣ задѣланныя тяжелыми надежными рѣшетками; этотъ замокъ какъ нарочно построенъ для подобнаго назначенія. Надзоръ за замкомъ мы поручимъ шотландцу Гордону; ужъ у него-то не будетъ никакихъ возраженій или вопросовъ совѣсти, да и кто хватится этого государя? Кому онъ нуженъ? На что онъ нуженъ? Онъ поѣхалъ охотиться; вернулся во вторникъ, а въ четвергъ, опять уѣхалъ; все это весьма обычно, и никого не удивитъ. А тѣмъ временемъ, война разыграется своимъ порядкомъ. Нашему принцу скоро наскучитъ одиночество, и ко времени нашего тріумфа и торжества или если бы онъ оказался слишкомъ упоренъ—немного позднѣе, мы ему возвратимъ свободу, и выпустимъ его на соотвѣтствующихъ выгодныхъ для насъ условіяхъ, и впослѣдствіи мы вновь увидимъ его забавляющагося своими любительскими спектаклями.

Серафина все время сидѣла мрачная, погруженная въ мысли.

— Да,—промолвила она вдругъ,—а депеша? Вѣдь онъ теперь пишетъ депешу.

— Она не пройдетъ ранѣе пятницы черезъ совѣтъ,—спокойно возразилъ Гондремаркъ;— а что касается какой-нибудь неоффиціальной записки или извѣщенія, то всѣ гонцы въ полномъ моемъ распоряженіи и въ полной зависимости отъ меня. Все это надежные, отборные люди. Я человѣкъ предусмотрительный, государыня.

— Да, повидимому, это дѣйствительно такъ, не безъ нѣкоторой ядовитости вымолвила она, испытывая при этомъ одинъ изъ своихъ минутныхъ приступовъ отвращенія къ этому человѣку. Спустя минуту она добавила:

— Мнѣ претитъ подобная крайность, баронъ фонъ-Гондремаркъ, должна вамъ откровенно въ этомъ признаться.

— И я вполнѣ раздѣляю ваши чувства, ваше высочество,— отозвался ловкій царедворецъ.—Но что прикажете дѣлать, если другого выхода нѣтъ! Иначе, мы совершенно беззащитны.

— Я это вполнѣ сознаю, но это слишкомъ сильное средство!—Вѣдь это государственное преступленіе!—промолвила Серафина, кивая въ сторону барона съ выраженіемъ чувства подавленнаго отвращенія.

— Дайте себѣ трудъ заглянуть поглубже въ этотъ вопросъ,—возразилъ Гондремаркъ. — Кто собственно совершилъ преступленіе?

— Онъ! Онъ!—вдругъ воскликнула молодая женщина.—Видитъ Богъ, что онъ! И я считаю его отвѣтственнымъ за него. Но все же.

— Вѣдь въ сущности ему не причинятъ ни малѣйшаго зла,— успокаивалъ Гондремаркъ.

— Я знаю,—сказала принцесса,—но все же это безсердечно!

И въ этотъ моментъ, какъ оно и всегда бывало съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, что судьба или другіе боги всегда благопріятствовали смѣлымъ людямъ, и являлись къ нимъ на помощь, оказывая имъ свое содѣйствіе, такъ точно и теперь, благосклонные боги явились на помощь мудрому и смѣлому министру. Одна изъ фрейлинъ принцессы постучалась въ дверь, прося разрѣшенія войти; оказалось, что слуга только что подалъ ей записку, которую ему поручено было вручить барону Гондремарку. Это была карандашемъ набросанная на листкѣ бумаги записка, которую хитрый и изворотливый Грейзенгезангъ, умудрился написать и отправить подъ самымъ носомъ Отто. И судя по самой отважности подобнаго поступка, можно было сказать съ увѣренностью, на сколько былъ перепуганъ самъ авторъ этой записки, обычно столь трусливый и приниженный. У Грейзенгезанга вообще былъ всегда только одинъ стимулъ, одна единственная побудительная причина, руководившая всѣми его дѣйствіями и поступками—это страхъ. Содержаніе записки было слѣдующее:

«На первомъ же совѣтѣ полномочія и право подписи будутъ отняты». Корнеліусъ Грейз.

Итакъ, послѣ трехъ лѣтъ безпрепятственнаго пользованія имъ, право подписи государственныхъ документовъ и бумагъ,

должно было быть отнято у Серафины. Это было уже даже болѣе чѣмъ обидой или оскорбленіемъ; это была такъ сказать всенародная пощечина, всенародное посрамленіе,—позоръ, котораго Серафина не въ силахъ была вынести. Она не задумалась надъ тѣмъ, какимъ образомъ ей досталось это право,—какъ она его получила, но взвилась на дыбы, какъ горячій конь подъ ударомъ арапника, и приготовилась къ прыжку, какъ раненый тигръ.

— Довольно!—крикнула она.—Я подпишу приказъ о его заключеніи.—Когда онъ можетъ быть увезенъ отсюда?

— Мнѣ необходимо не менѣе двѣнадцати часовъ, чтобы собрать надежныхъ людей, и кромѣ того, всего лучше сдѣлать все это ночью. Скажемъ, завтра въ полночь, если вамъ будетъ благоугодно,—сказалъ баронъ.

— Превосходно!—отозвалась она.—Мои двери всегда для васъ открыты, баронъ фонъ-Гондремаркъ,—и какъ только приказъ будетъ готовъ, принесите мнѣ его сюда для подписи.

— Государыня, — сказалъ баронъ, — одна вы изъ всѣхъ насъ не рискуете въ данномъ случаѣ своей головой. Поэтому, во избѣжаніе всякаго рода затрудненій и проволочекъ, я осмѣливаюсь почтительнѣйше предложить вамъ—и написать и подписать этотъ указъ, весь отъ начала до конца вашей рукой.

— Вы правы,—сказала принцесса.

Тогда онъ положилъ передъ нею на столъ черновикъ приказа и почтительно отошелъ въ сторону; она переписала приказъ, перечитала его и вдругъ злая, жестокая усмѣшка показалась у нея на лицѣ.

— Я и забыла про его маріонетку,—сказала она.—Пусть они составятъ другъ другу компанію,—добавила принцесса и приписала въ приказѣ имя доктора Готтхольда, который также приговаривался къ заключенію въ замкѣ.

— Ваше высочество всегда обо всемъ подумаете. Какъ видно, ваше высочество обладаете лучшей памятью, чѣмъ вашъ покорный слуга,—сказалъ баронъ,—и получивъ въ руки роковой документъ онъ, въ свою очередь, внимательно просмотрѣлъ его.

— Прекрасно!—сказалъ онъ.—Теперь остается только подписать.

— Вы появитесь сегодня въ гостиной, баронъ? — спросила она.

— Я полагаю, что это будетъ лучше,—отвѣтилъ онъ,—чтобы избѣгнуть публичнаго скандала. Дѣло въ томъ, что все что можетъ подорвать мое значеніе въ общественномъ мнѣніи, можетъ повредить намъ въ ближайшемъ будущемъ,—сказалъ Гондемаркъ.

— Вы правы,—согласилась принцесса, и она протянула ему руку, какъ старому другу, какъ равному себѣ.

IX. Цѣна рѣчной фермы. Тщетная слава предшествуетъ паденію.

Пистолетъ былъ, такъ сказать, разряженъ, и при обыкновенныхъ условіяхъ эта сильная, яркая сцена, разыгравшаяся въ залѣ совѣта, вѣроятнѣе всего, истощила совершенно весь запасъ энергіи и гнѣва, и возмущенія, какимъ могъ располагать Отто. При иныхъ обстоятельствахъ, онъ, вѣроятно, началъ бы послѣ того обсуждать и осуждать свое поведеніе въ совѣтѣ; сталъ бы припоминать все, что было сказано правдиваго и разумнаго Серафиной, и совершенно позабылъ бы все, что было ѣдкаго, обиднаго и несправедливаго въ ея словахъ, и спустя полчаса дошелъ бы несомнѣнно до того состоянія, въ какомъ добрый католикъ спѣшитъ къ исповѣдальнѣ, а добрый пьяница прибѣгаетъ къ бутылкѣ. Но на этотъ разъ два маловажныхъ обстоятельства поддерживали въ немъ бодрость духа. Во-первыхъ, ему оставалось еще рѣшить безконечное множество дѣлъ, а рѣшать дѣла, для человѣка столь безпечнаго и небрежнаго характера и привычекъ, какъ Отто, является лучшимъ успокаивающимъ совѣсть средствомъ, такъ какъ рѣшеніе дѣлъ отвлекаетъ вниманіе и мѣшаетъ человѣку углубляться въ свои мысли. Все послѣобѣденное время онъ усердно былъ занятъ дѣлами и вмѣстѣ съ канцлеромъ просматривалъ, прочитывалъ, подписывалъ и диктовалъ бумаги, утверждалъ и отсылалъ по значенію, словомъ, работалъ усиленно и съ увлеченіемъ. И это поддерживало въ немъ бодрость душевную, окружая его въ его собственныхъ глазахъ извѣстнымъ ореоломъ работоспособности и вызывая извѣстное чувство само-

одобренія. Во-вторыхъ, его самолюбіе еще не было удовлетворено; ему не удалось получить нужныя ему деньги, а завтра передъ полуднемъ ему придется разочаровать и огорчить бѣднаго Килліана Готтесхейма, и въ глазахъ этой семьи, которая и такъ была о немъ весьма не высокаго мнѣнія, но для которой онъ желалъ сыграть роль утѣшителя, великодушнаго покровителя, пасть теперь еще ниже, чѣмъ прежде; а для такого человѣка, какъ Отто, это было положительно хуже смерти. Онъ никакъ не могъ примириться съ подобнымъ положеніемъ. И даже въ то время, какъ онъ занимался дѣлами, работая усердно и разумно надъ разными мелкими, детальными вопросами своего княжества, онъ втайнѣ создавалъ въ умѣ своемъ планъ, съ помощью котораго онъ могъ бы вывернуться изъ этого положенія. Эта схема была столь же пріятна ему, какъ частному лицу, сколь постыдна для принца; въ ней его легкомысленная природа какъ будто нашла возможность вознаградить себя за серьезный усидчивый трудъ этого дня. И онъ невольно засмѣялся при мысли о задуманномъ имъ планѣ, а Грейзенгезангъ, глядя на него, дивился и приписалъ его веселое настроеніе побѣдоносному выступленію принца сегодня утромъ въ залѣ совѣта.

Подъ впечатлѣніемъ этой мысли старый царедворецъ осмѣлился высказать свое восхищеніе поведеніемъ своего государя:

— Ваше высочество напомнили мнѣ сегодня утромъ въ совѣтѣ вашего покойнаго родителя,—сказалъ старикъ.

— Что такое?—спросилъ принцъ, мысли котораго были заняты совсѣмъ другимъ.

— Я говорю о властномъ тонѣ вашего высочества въ совѣщаніи совѣта,—пояснилъ льстецъ.

— А, вы объ этомъ... да...—разсѣянно протянулъ Отто.

Но несмотря на это столь небрежное отношеніе къ словамъ канцлера, онъ все же почувствовалъ себя пріятно польщеннымъ, и послѣ того его мысли опять вернулись къ происшествіямъ этого утра и съ пріятнымъ чувствомъ самоодобренія остановились на отдѣльныхъ подробностяхъ его побѣды. «Я ихъ всѣхъ разомъ укротилъ!»—думалъ онъ не безъ нѣкоторой самодовольной гордости. Когда важнѣйшія дѣла были закончены, было уже поздно, и Отто оставилъ канцлера у себя обѣдать. Тотъ занималъ принца рядомъ старыхъ исторій и самыхъ новѣйшихъ комплиментовъ по адресу своего государя, къ которому онъ теперь

всѣми силами старался подольститься, на случай, если бы онъ одолѣлъ временщика и принцессу. Вся карьера канцлера съ самаго ея начала была основана исключительно на подслуживаніи; онъ положительно, какъ говорится, ползкомъ пролѣзъ въ чины и положеніе и тѣмъ же способомъ добрался и до высокихъ почестей и должностей; и въ силу этого, умъ его былъ развращенъ, и вся натура его была подленькая; онъ всегда былъ готовъ продать за грошъ каждаго, если это ему могло послужить на пользу; готовъ былъ снести и забыть какія угодно униженія и оскорбленія, лишь бы черезъ это выслужиться. Это былъ не человѣкъ, а жалкое созданье, и его инстинктъ пригодился ему и въ данномъ случаѣ. Для начала онъ пустилъ ядовитое замѣчаніе относительно умственныхъ способностей женщинъ, а затѣмъ пустился въ болѣе опредѣленную область полунамековъ и за третьимъ блюдомъ онъ уже весьма искусно и краснорѣчиво разбиралъ характеръ, склонности и способности принцессы Серафины, встрѣчая одобреніе ея супруга. Понятно, что именъ при этомъ не упоминалось никакихъ, но при этомъ секретъ, кто именно былъ идеальный абстрактный человѣкъ, котораго все время канцлеръ сопоставлялъ съ недостойною женщиной, оставался секретомъ, шитымъ бѣлыми нитками по черному. Этотъ чопорный, льстивый старикашка обладалъ удивительнымъ инстинктомъ, подсказывавшимъ ему всегда безошибочно, гдѣ можно было посѣять или натворить зло; и такъ онъ пролѣзалъ и проползалъ въ самую душу человѣка. И въ данномъ случаѣ онъ также старался всячески подкосить всякія благородныя и добрыя чувства въ душѣ своего повелителя, и при этомъ ни на одну секунду его уваженіе къ себѣ не заставило его призадуматься или встревожиться хоть сколько-нибудь. Отто, можно сказать, весь сіялъ и извнѣ и внутри отъ троякаго вліянія тонкой искусной лести, стараго Токая, и пріятнаго сознанія, что сегодня онъ могъ быть доволенъ собою. Теперь онъ видѣлъ себя въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Если даже этотъ Грейзенгезангъ, думалъ онъ, могъ замѣтить всѣ эти недостатки и недочеты въ характерѣ, въ личности и въ отношеніяхъ Серафины къ нему, и такъ подло сообщить обо всемъ этомъ враждебному лагерю, то онъ, отвергнутый супругъ и отстраненный отъ своей законной власти принцъ,

едва ли могъ заблуждаться и быть слишкомъ строгъ въ своей оцѣнкѣ дѣйствій и поступковъ жены.

Въ такомъ прекрасномъ сравнительно настроеніи духа Отто простился со льстивымъ старикомъ, слова котораго оказались столь пріятной музыкой для его слуха, и, приведя въ порядокъ свой туалетъ, принцъ прошелъ въ гостиныя и пріемные покои, гдѣ по вечерамъ обыкновенно собирался дворъ. Но уже на лѣстницѣ его охватило какъ бы раскаяніе, и когда онъ вошелъ въ большую широкую галлерею, ведущую въ залу, и увидѣлъ жену, то вся абстрактная лесть стараго царедворца развѣялась въ прахъ, сбѣжала, какъ струйки дождя съ листьевъ, и онъ сразу пробудился къ дѣйствительности. Серафина стояла на значительномъ разстояніи отъ него подъ большой зажженной люстрой, спиной къ нему. Но при видѣ одного только изгиба ея тальи его охватила почти болѣзненная физическая слабость. Такъ вотъ она, эта дѣвочка—жена, которая когда-то лежала въ его объятіяхъ, которую онъ клялся любить и беречь! Да, вотъ она! И она лучше всякаго успѣха, лучше любой побѣды!

И теперь она же помогла ему оправиться отъ этого непредвидѣннаго удара. Она направилась къ нему, плывя, какъ лебедь по гладкому паркету зала, сіяя самой ласковой и лучезарной улыбкой, до того дѣланной, что она казалась положительно оскорбительной.

— Фридрихъ, — сказала она любезно, — вы опоздали, мы васъ заждались здѣсь.

И это была та высокая комедія, которая такъ свойственна несчастнымъ бракамъ, и ея апломбъ вызвалъ въ немъ чувство отвращенія.

Въ этой гостиной въ обычные дни не соблюдался этикетъ; всѣ держались здѣсь совершенно свободно; оконныя ниши служили пріютомъ для воркующихъ парочекъ, у большого камина располагались люди, ведущіе обычный общій разговоръ, т. е., главнымъ образомъ, обсуждавшіе послѣдній скандалъ и сообщавшіе другъ другу слухи и сплетни. А дальше, въ дальнемъ концѣ у столовъ шла картежная игра. Туда на этотъ разъ направился принцъ Отто не торжественно, а незамѣтно, исподволь разсыпая любезности на пути, останавливаясь на минутку то съ однимъ, то съ другимъ, обмѣниваясь парой словъ, но упорно слѣдуя въ намѣченномъ направленіи. Подойдя къ игорному столу, онъ

всталъ противъ мадамъ фонъ Розенъ и какъ только увидѣлъ, что она его замѣтила, и глаза ихъ на мгновеніе встрѣтились, онъ молча удалился въ одну изъ оконныхъ нишъ. Вскорѣ и она поспѣшила туда же.

— Вы прекрасно сдѣлали, что вызвали меня изъ-за картъ,— сказала она.—Эти карты когда-нибудь разорятъ меня въ конецъ.

— Такъ бросьте ихъ,—посовѣтовалъ Отто.

— Чтобы я бросила карты!—воскликнула она и разсмѣялась.—Нѣтъ! Это моя судьба! Единственнымъ моимъ шансомъ было умереть отъ чахотки, а теперь мнѣ придется умереть на чердакѣ.

— Вы сегодня не весело настроены,—замѣтилъ Отто.

— Я проигралась,—отвѣтила она.—Вы не можете понять, что значитъ жадность.

— Значитъ, я пришелъ въ недобрый часъ,—сказалъ онъ.

— А вы желаете отъ меня какой-нибудь услуги! — воскликнула она, разомъ просіявъ и при этомъ удивительно похорошѣвъ.

— Мадамъ,—сказалъ принцъ,—я собираюсь создать свою партію и пришелъ къ вамъ, чтобы прежде всего завербовать васъ.

— Это уже сдѣлано!—заявила она.—Вы видите, я опять уже стала человѣкомъ.

— Я, можетъ быть, обманываюсь,—продолжалъ принцъ,— но мнѣ хочется вѣрить, и я вѣрю, что вы не желаете мнѣ зла, что вы не питаете ко мнѣ нерасположенія.

— Я, напротивъ того, желаю вамъ отъ души добра!—отвѣтила фонъ-Розенъ.—Я даже едва смѣю сказать вамъ, до какой степени.

— Въ такомъ случаѣ, если бы я попросилъ васъ оказать мнѣ услугу?—спросилъ принцъ.

— Просите, mon prince! И что бы это ни было, я заранѣе говорю, что я согласна!

— Я желалъ бы,—сказалъ Отто,—чтобы вы сегодня же, въ ночь, сдѣлали того фермера, о которомъ мы съ вами недавно говорили.

— Одному Богу извѣстно, что вы хотите этимъ сказать!— воскликнула графиня.—Я положительно не понимаю и даже не стараюсь понять; я знаю только одно, что нѣтъ предѣла моему

желанію угодить вамъ. Вы можете назвать это безуміемъ, но это такъ.

— Если позволите, я выражу это иными словами,—предложилъ Отто.—Но прежде, позвольте мнѣ одинъ вопросъ: крали вы когда-нибудь?

— Часто!—воскликнула она.—Я нарушала всѣ десять заповѣдей, и если бы ихъ завтра стало не десять, а больше, мнѣ кажется, что я не могла бы заснуть, прежде чѣмъ я бы не нарушила и остальныя.

— Дѣло въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о грабежѣ, о кражѣ со взломомъ, и я полагалъ, что это покажется вамъ забавнымъ,— сказалъ принцъ.

— Въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ практическаго опыта,— замѣтила она. — Но это пустяки; при добромъ желаніи, чего только нельзя сдѣлать! Я когда-то взломала рабочую шкатулку, чтобы выкрасть изъ нея письмо, когда я была еще дѣвочкой-подросткомъ, а затѣмъ взломала нѣсколько сердецъ и мое собственное въ томъ числѣ и выкрала изъ нихъ много драгоцѣнностей; но дверныхъ замковъ я еще не взламывала. Впрочемъ, и это, вѣроятно, не такъ трудно. Всѣ грѣхи до смѣшного незатруднительны! Ну, и такъ, что намъ придется взламывать?

— Государственное казначейство, madame,—сказалъ Отто.

И онъ въ краткихъ, но яркихъ словахъ набросалъ ей картину своего посѣщенія Рѣчной Фермы, съ умѣстнымъ, но не излишнимъ пафосомъ разсказалъ о своемъ обѣщаніи пріобрѣсти ферму и, наконецъ, объ отказѣ, полученномъ имъ на совѣтѣ сегодня утромъ, когда онъ потребовалъ необходимую для этой покупки сумму; и въ заключеніе далъ нѣсколько практическихъ указаній относительно расположенія оконъ въ казначействѣ и относительно кое-какихъ неудобствъ и препятствій, съ которыми можетъ быть придется считаться.

— И они отказали вамъ въ этихъ деньгахъ?—сказала графиня, когда принцъ кончилъ.—И вы приняли этотъ отказъ?!

— Но они привели мнѣ резонныя причины, — отозвался Отто, густо покраснѣвъ,—причины такого рода, что я не могъ отвергнуть ихъ, и теперь мнѣ приходится грабить казну моей родной страны. Не скажу, чтобы это было похвально или благородно, но во всякомъ случаѣ, это забавно!

— Забавно! Да!—воскликнула графиня. — И она вдругъ

задумалась и смолкла, и долгое время она не проронила ни слова, но затѣмъ совершенно серьезно спросила:—А сколько вамъ нужно?

— Трехъ тысячъ кронъ будетъ достаточно, — сказалъ Отто,—потому что у меня еще осталось кое-что изъ моихъ личныхъ денегъ.

— Прекрасно!—сказала фонъ-Розенъ, снова повеселѣвъ.— Разсчитывайте на меня, я ваша вѣрная соучастница. Но гдѣ мы встрѣтимся?

— Вы, конечно, знаете статую Летящаго Меркурія въ паркѣ?—сказалъ принцъ.—Тамъ скрещиваются три дорожки; на этомъ мѣстѣ поставлена скамейка, какъ разъ противъ фигуры; мѣстечко это очень удобное и божество къ намъ благосклонное!

— Ребенокъ! — полуумиленно, полушутя прошептала графиня и слегка ударила его своимъ вѣеромъ.—Но знаете ли вы, mon prince, что вы ужасный эгоистъ! Ваше удобное мѣстечко страшно далеко отъ меня! Вы должны дать мнѣ по крайней мѣрѣ побольше времени; я думаю, что никакимъ образомъ не сумѣю быть тамъ раньше двухъ часовъ ночи. Но во всякомъ случаѣ, когда часы пробьютъ два, ваша пособница будетъ на условленномъ мѣстѣ, и я надѣюсь, будетъ встрѣчена съ распростертыми объятіями. Ахъ, погодите, скажите мнѣ, думаете вы привести кого-нибудь съ собой?—освѣдомилась она.—О, не ради приличія, вы знаете, вѣдь я, je ne suis pas une prude! Но я должна знать объ этомъ.

— Я приведу съ собой одного изъ моихъ грумовъ,—сказалъ Отто;—я изловилъ его, когда онъ кралъ мой овесъ.

— А какъ его зовутъ?—спросила фонъ-Розенъ.

— Признаюсь, я этого не знаю; какъ видите, я еще не достаточно близко знакомъ съ обкрадывающими меня конюхами,— засмѣялся принцъ;—я просто хотѣлъ испытать свои способности въ новой для меня профессіи.

— Какъ я? Не правда ли? Но вотъ о чемъ я прошу васъ: сдѣлайте такъ, чтобы я васъ застала уже на мѣстѣ, чтобы мнѣ не пришлось ожидать васъ; не откажите мнѣ въ любезности немного подождать меня тамъ, на скамейкѣ. Такъ значитъ рѣшено! Вы будете ждать меня! Вѣдь въ этой экспедиціи мы съ

вами будемъ не принцъ и графиня, а нѣкая дама и землевладѣлецъ — хозяинъ фермы. А вашъ другъ и пріятель, конюхъ воръ, пусть стоитъ за фонтаномъ, и никакъ не ближе! Значитъ, вы обѣщаете? Да?

— Madame, приказывайте все, что вамъ будетъ угодно. Въ данномъ случаѣ вы капитанъ, а я только суперкаргъ! — засмѣялся Отто.

— Ну, хорошо, донеси насъ, Богъ, благополучно въ портъ!— сказала она.—Надѣюсь, сегодня не пятница?!

Но что-то въ ея манерѣ поразило Отто, что-то неуловимое, что-то такое, что возбудило въ немъ какъ бы тѣнь подозрѣнія.

— Не странно ли,—замѣтилъ онъ, вдругъ ставъ совершенно серьезнымъ,—что въ такомъ дѣлѣ я избралъ союзницу и соучастницу изъ враждебнаго лагеря.

— Безумецъ!—шепнула она.—Да вѣдь это ваша единственная мудрость, умѣть разспознавать вашихъ друзей. И вдругъ въ полумракѣ оконной ниши она поймала его руку и поцѣловала ее порывисто и страстно.—А теперь идите,—сказала она,—уходите отсюда сейчасъ же!

И онъ ушелъ, нѣсколько озадаченный, унося въ душѣ опасеніе, что былъ на этотъ разъ слишкомъ смѣлъ. Въ данный моментъ эта женщина ослѣпила его, какъ драгоцѣнный алмазъ; и даже сквозь завѣсу его упорной живучей любви къ женѣ онъ почувствовалъ какъ бы сильный толчекъ или потрясеніе. Но, спустя минуту, онъ освободился отъ этого страха; страхъ этотъ прошелъ у него такъ же быстро, какъ и налетѣлъ на него.

Въ этотъ вечеръ и принцъ и графиня рано покинули гостиную. Принцъ, тщательно продѣлавъ передъ своимъ камердинеромъ всю церемонію раздѣванія, отпустилъ его, а затѣмъ, немного погодя, вышелъ по маленькой потайной лѣсенкѣ заднимъ ходомъ въ садъ и отправился разыскивать своего грума.

И на этотъ разъ все вокругъ конюшенъ было тихо и темно. Отто опять прибѣгнулъ къ условному сигналу, и снова на этотъ условный стукъ выглянулъ тотъ же грумъ и едва не лишился чувствъ отъ испуга, при видѣ принца.

— Добрый вечеръ, пріятель, — сказалъ весело Отто,—я хочу, чтобы ты мнѣ принесъ не мѣшокъ овса, а мѣшокъ изъ-подъ овса—пустой мѣшокъ,—и чтобы ты шелъ со мной. Мы пробудемъ въ отсутствіи вѣроятно всю ночь.

— Но, ваше высочество, на меня оставлены нынче эти малыя конюшни; здѣсь кромѣ меня нѣтъ никого,—сказалъ запинаясь грумъ.

— Все равно,—отвѣтилъ принцъ,—иди за мной! Вѣдь ты ужъ вовсе не такой ярый служака.

Но, замѣтивъ, что бѣдняга трясся, какъ въ лихорадкѣ, Отто успокаивающе положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Если бы я желалъ причинить тебѣ зло, или наказать тебя за твои продѣлки, развѣ бы я пришелъ сюда самъ?

Парень сразу и успокоился и образумился. Онъ сходилъ за требуемымъ мѣшкомъ и въ одну минуту принесъ его; затѣмъ Отто повелъ его за собой по разнымъ дорожкамъ, тропинкамъ и аллеямъ парка, все время ласково разговаривая и бесѣдуя съ нимъ, и, наконецъ, оставилъ его у фонтана, гдѣ пучеглазый Тритонъ безпрерывно выплевывалъ изо рта тонкую струйку воды, падавшую въ переполненную дрожащей и трепещущей водой чашу, въ которой и самъ онъ пріютился и застылъ. Оставивъ здѣсь своего спутника, принцъ направился къ круглой лужайкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ скрещивались три дорожки, и гдѣ на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ стояла на цыпочкахъ, на пуэнтахъ, выражаясь по балетному, недурная копія Летящаго Меркурія Джанъ-Болоньи, бѣлѣя въ звѣздномъ сумеркѣ ночи. Ночь была тихая, безвѣтренная; маленькій серпъ новолунья только что выплылъ изъ за вершинъ высокихъ деревьевъ парка; но этотъ тоненькій серпъ былъ еще слишкомъ малъ и стоялъ еще слишкомъ низко на небѣ, чтобы мочь соперничать своимъ свѣтомъ съ сонмомъ слабѣйшихъ себя свѣтилъ, и хмурое лицо земли заливалъ нѣжный звѣздный свѣтъ, смягчавшій всѣ контуры, всѣ рѣзкія линіи, всѣ темные и мрачные тона и пятна. Тамъ, вдали, въ концѣ аллеи, извивавшейся по мѣрѣ удаленія въ разныя стороны, Отто могъ видѣть часть освѣщенной лампіонами дворцовой террассы, по которой безмолвно и равномѣрно расхаживалъ часовой, а еще дальше, — за террасой, виднѣлся уголокъ столицы, съ скрещивающимися линіями уличныхъ фонарей. Но здѣсь вокругъ него, молодыя деревья стояли залитыя мѣстами слабымъ отблескомъ звѣздъ, мѣстами совершенно темные, таинственные и неподвижные, и среди этой ненарушимой тишины и безмолвія парка, среди этой полной неподвижности окружаю-

щихъ кустовъ и деревьевъ подскочившій для полета бѣлый мраморный богъ, казался живымъ существомъ.

И въ этомъ прозрачномъ безмолвіи ночи мысли Отто вдругъ какъ-то страшно прояснились; его совѣсть и сознаніе вдругъ засвѣтились какъ циферблатъ городскихъ башенныхъ часовъ. Онъ старался отвратить отъ нихъ свое мысленное око, но увы, какой-то палецъ точно стрѣлка настойчиво указывалъ ему на рядъ проступковъ и ошибокъ, при видѣ которыхъ, у него захватило дыханіе. Что-же онъ дѣлаетъ здѣсь? Онъ поджидаетъ соучастницу своего преступленія! Свою собщницу въ дурномъ, постыдномъ дѣлѣ! Правда казна была растрачена безразсудно, но не по его ли винѣ? Не онъ-ли допустилъ эту растрату своимъ невмѣшательствомъ? А теперь онъ запутывалъ еще болѣе финансы своей страны, которыми онъ по лѣности своей не занимался, которыми онъ уже давно не управлялъ, какъ не управлялъ и страной. И вотъ, онъ собирается растратить государственныя деньги и на этотъ разъ на свою личную прихоть, на себя лично; хотя эта трата и не представляетъ собою ничего неблагороднаго или предосудительнаго сама по себѣ, но предосудительно оно уже потому, что это было не на нужды государства. А человѣка, котораго онъ пристыдилъ за то, что онъ кралъ у него овесъ, онъ теперь дѣлалъ соучастникомъ кражи государственныхъ денегъ! И кромѣ всего этого, здѣсь еще была замѣшана madame фонъ Розенъ, на которую онъ смотрѣлъ съ высока, съ извѣстнымъ непривѣтливымъ презрѣніемъ безупречнаго мужчины къ порочной женщинѣ. Потому что онъ считалъ ее опустившейся ниже всякаго рода предразсудковъ, онъ избралъ ее для того, чтобы заставить ее пасть еще ниже; онъ заставилъ ее поставить на карту все ея шаткое и сомнительное положеніе въ обществѣ, сдѣлавъ ее соучастницей позорнаго поступка и государственнаго преступленія. А это было много постыднѣе всякаго обольщенія!

И Отто принялся ходить очень быстро взадъ и впередъ и свистѣлъ при этомъ все время не переставая, чтобы заглушить внутренній голосъ, раскрывавшій ему неприглядную истину. Когда, наконецъ, онъ заслышалъ шаги въ самой темной и узкой изъ трехъ аллей, онъ съ положительнымъ чувствомъ облегченія кинулся навстрѣчу графинѣ. Бороться одному, одинъ на

одинъ, со своей совѣстью, такъ тяжело слабому человѣку, въ которомъ еще не угасло все хорошее, и въ такой моментъ особенно драгоцѣненъ такой товарищъ, въ которомъ мы увѣрены, что онъ хуже чѣмъ мы и который въ смыслѣ морали и нравственности стоитъ еще ниже насъ.

Но навстрѣчу принцу шелъ молодой мальчикъ миніатюрнаго сложенія, со странной походкой и манерой, въ шляпѣ съ большими полями, несшій, повидимому, съ чрезвычайнымъ усиліемъ, тяжелый мѣшокъ. Отто поспѣшно отступилъ назадъ, но юноша поднялъ вверхъ руку, какъ бы дѣлая сигналъ, и запыхавшись добѣжалъ, словно съ напряженіемъ послѣднихъ силъ, до того мѣста, гдѣ остановился принцъ и, опустивъ мѣшокъ на землю, онъ упалъ на скамью въ полномъ изнеможеніи. При этомъ, голова его слегка откинулась назадъ, и звѣздный свѣтъ упалъ на его лицо, въ которомъ Отто тотчасъ же призналъ черты madame фонъ Розенъ.

— Это вы, графиня?! — воскликнулъ принцъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтила она, задыхаясь, — это молодой графъ фонъ Розенъ, мой младшій братъ.—Превосходный парень... Но дайте ему отдышаться, Бога ради!..

— Ахъ, madame!..

— Называйте же меня графомъ!—прошептала она.—Уважайте, пожалуйста, мое инкогнито!

— Итакъ, графъ, — началъ Отто, — позвольте мнѣ просить васъ, благородный юноша, тотчасъ же отправиться со мной, для того, чтобы осуществить задуманное дѣло.

— Сядьте рядомъ со мною, здѣсь, — сказала она похлопывая рукой по свободному концу скамьи. — Я послѣдую за вами черезъ нѣкоторое время. Я такъ ужасно устала; посмотрите, какъ бьется мое сердце, — и она взяла его руку и приложила ее къ своему сердцу. — Ну, гдѣ же вашъ воръ?

— На своемъ посту, за фонтаномъ, — сказалъ Отто,—прикажете представить его вамъ? Онъ, повидимому, прекрасный сотоварищъ.

— Нѣтъ, — сказала она, — не торопите меня. Мнѣ нужно еще прежде поговорить съ вами. Это не то чтобы я не любила вашего вора, я обожаю всякого, у кого хватаетъ смѣлости поступать дурно. Добродѣтели и добродѣтельные люди, меня ни-

когда не прельщали, вплоть до того момента, когда я полюбила своего принца,—и она разсмѣялась серебристымъ музыкальнымъ смѣхомъ. — Да и то я полюбила васъ вовсе не за ваши достоинства и добродѣтели, если сказать правду,—добавила она.

Отто былъ чрезвычайно сконфуженъ; помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— Ну, а теперь, отдохнули?

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣтила фонъ Розенъ,—дайте мнѣ перевести духъ!

— Что васъ такъ утомило?—Этотъ мѣшокъ? И скажите, пожалуйста, почему вамъ понадобился такой мѣшокъ? Вы могли въ этомъ отношеніи положиться на мою предусмотрительность. А къ тому же этотъ мѣшокъ далеко не пустъ. Дорогой графъ, я хотѣлъ бы узнать какимъ хламомъ вы нагрузили его? Впрочемъ, всего проще взглянуть самому, — добавилъ Отто, и протянулъ руку къ мѣшку.

Но фонъ Розенъ остановила его.

— Нѣтъ, Отто,—сказала она,—нѣтъ, не дѣлайте этого, я сейчасъ скажу, я скажу вамъ все, безъ малѣйшей утайки. Все уже сдѣлано! Я уже успѣла ограбить казначейство, одна, безъ посторонней помощи. Здѣсь три тысячи двѣсти кронъ, я надѣюсь, что этого будетъ довольно!

Ея смущеніе было такъ очевидно, что Отто невольно задумался и смотрѣлъ ей въ лицо, не отнимая отъ мѣшка протянутой къ нему руки, которую графиня все еще держала въ своей.

— Вы? Вы одна это сдѣлали?—вымолвилъ онъ, наконецъ.— Какъ?! Какимъ образомъ? — И вдругъ выпрямившись и отступивъ на шагъ назадъ, онъ воскликнулъ: — О, madame, теперь я понимаю! Какого же вы должны быть низкаго мнѣнія о принцѣ!

— Ну, нѣтъ, это была ложь!—крикнула она. — Нѣтъ, эти деньги мои, лично мои, доставшіеся мнѣ самымъ честнымъ путемъ. А теперь они ваши! То, что вы предлагали, было недостойнымъ поступкомъ, а я дорожу вашей честью, принцъ! Я поклялась себѣ, что я спасу ее, даже помимо вашей воли! И я убѣдительно прошу васъ, позволить мнѣ спасти вашу честь.

И вдругъ совершенно другимъ, ласковымъ, чарующимъ голосомъ она продолжала:

— О, Отто, умоляю васъ, позвольте мнѣ, дайте мнѣ спасти вашу честь! Примите эту малость отъ вашего бѣднаго друга, который такъ любитъ васъ!

— Madame, madame, — бормоталъ Отто, чувствуя себя до нельзя несчастнымъ. — Я не могу, я не долженъ. Позвольте мнѣ уйти!

И онъ наполовину привсталъ со своего мѣста, но въ мгновеніе ока она лежала передъ нимъ на землѣ, обнимая его колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ!—шептала она. — Нѣтъ, вы не уйдете! Вы не можете уйти! Неужели вы до такой степени презираете меня! Все это хламъ, онъ мнѣ не нуженъ! Онъ мнѣ ненавистенъ! Я все равно проиграла бы все это за карточнымъ столомъ, и у меня ничего бы отъ этого не осталось! Поймите, что для меня это прекрасное помѣщеніе денегъ, которое спасетъ меня отъ окончательнаго раззоренія. Отто!—воскликнула она, почувствовавъ, что онъ сдѣлалъ слабую попытку высвободиться отъ нея.—Если вы оставите меня здѣсь одну, съ моимъ позоромъ и униженіемъ, я умру на этомъ мѣстѣ!

Въ отвѣтъ на это принцъ громко застоналъ.

— Подумайте только, что я теперь переживаю, каковы мои страданія и мои муки! Если вы такъ страдаете отъ чувства деликатности, то поймите, что же должна испытывать я въ моментъ подобнаго униженія, когда отказываются принять отъ меня даже простую дружескую услугу... Да, вы предпочли бы даже украсть, чѣмъ взять отъ меня,—вотъ насколько вы презираете меня! Вы предпочитаете растоптать мое сердце, чѣмъ принять отъ меня маленькое одолженіе! О, какъ вы безпощадны, какъ вы жестоки!!! Сжальтесь надо мной!.. Отто, Отто, изъ состраданія, изъ простого состраданія къ женщинѣ, молю васъ не отвергайте моей услуги.—И она продолжала обнимать его колѣни.—Но вотъ ея рука поймала его руку, и она принялась покрывать эту руку горячими, страстными, безумными поцѣлуями, и отъ этихъ поцѣлуевъ у него закружилась голова.

— О,—воскликнула она,—теперь я понимаю! Теперь я вижу, почему вы такъ упорствуете,—потому что я стара, что я не хороша, недостаточно прекрасна! О, ужасъ, о, униженіе! И она разразилась неудержимыми рыданіями.

Теперь принцу приходилось утѣшать и успокаивать ее и

прежде, чѣмъ онъ успѣлъ потратить много словъ, деньги были имъ приняты. Этотъ конецъ былъ неизбѣженъ! Развѣ могъ устоять этотъ слабый человѣкъ передъ такою женщиною. И едва только было получено согласіе, какъ мадамъ фонъ Розенъ мгновенно успокоилась; рыданія прекратились, и она стала благодарить принца своимъ музыкальнымъ пѣвучимъ голосомъ и заняла свое прежнее мѣсто на противоположномъ концѣ скамейки, на почтительномъ разстояніи отъ Отто.

— Теперь вы сами видите,—сказала она,—почему я васъ просила, чтобы вашъ воръ остался подальше отъ насъ, и почему я пришла сюда одна.—Вы понимаете, какъ я дрожала за свои сокровища!

— Madame,—отозвался Отто,—и въ голосѣ его звучали слезы, — онъ удерживался, чтобы не зарыдать, — пощадите меня!—Вы слишкомъ добры, слишкомъ великодушны!

— Вы положительно удивляете меня, принцъ, — сказала она.—Вѣдь вы избѣгли крупнаго безумства,—громадной ошибки; вы получили возможность исполнить обѣщаніе, данное вами старому крестьянину арендатору фермы; вы нашли превосходное помѣщеніе денегъ для вашего друга; вы предпочли оказаться сердечнымъ и великодушнымъ вмѣсто того, чтобы подчиниться пустому предразсудку,—и послѣ всего этого, вы какъ будто чего-то стыдитесь! Вы осчастливили женщину, которая вамъ беззавѣтно предана и послѣ того вы тоскуете какъ горлица, потерявшая своего голубка! Полноте, ободритесь! Воспряньте духомъ! Я знаю, что поступить совершенно правильно не легко, что такого рода подвиги почти всегда дѣйствуютъ угнетающе на нашу отъ природы испорченную натуру,—но вѣдь вы не обязаны и впредь поступать такъ же, и потому простите себѣ на этотъ разъ вашъ добродѣтельный поступокъ, и посмотрите мнѣ прямо въ лицо, да постарайтесь улыбнуться!

И онъ взглянулъ ей прямо въ лицо. Когда мужчина хоть на мгновеніе былъ въ объятіяхъ женщины, онъ уже видитъ ее въ другомъ, въ совершенно особомъ свѣтѣ—онъ ее видитъ какъ бы въ ореолѣ, а тѣмъ болѣе въ такое время ночи, при звѣздномъ сіяніи, въ таинственной тишинѣ дремлющаго парка, на фонѣ темнаго полумрака она покажется вамъ непремѣнно дивно хороша! На волосахъ играетъ мягкій звѣздный свѣтъ, ложась капризными причудливыми бликами; глаза вамъ кажутся небес-

лыми, а весь овалъ лица и всѣ черты какъ-то сливаются при трепетномъ сіяніи далекихъ звѣздъ; вамъ она представляется какимъ-то художественнымъ эскизомъ, прелестнымъ наброскомъ, въ которомъ фантазія сливается съ дѣйствительностью, въ которомъ чувствуется какая-то неуловимая, неясная, но чарующая прелесть. И когда Отто взглянулъ ей въ лицо онъ какъ-то разомъ утѣшился въ томъ, что потерпѣлъ пораженіе, и не устоялъ; онъ точно ожилъ и заинтересовался этою женщиной.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я не хочу быть неблагодарнымъ!

— Вы обѣщали меня позабавить, — смѣясь припомнила она,—но позабавила васъ я!—Да, бурная у насъ съ вами вышла сцена!

Теперь засмѣялся и онъ; но звукъ и ея и его смѣха едва ли могъ быть названъ успокоительнымъ.

— Теперь, скажите мнѣ, что вы дадите мнѣ въ замѣнъ, за мою превосходную декламацію и силу убѣжденій?—спросила фонъ Розенъ.

— Все что вы пожелаете!—отвѣтилъ онъ.

— Все! Чего бы я не пожелала? Вы мнѣ ручаетесь въ томъ вашею честью?.. Ну, предположимъ, что я потребовала бы корону? И она обдала его при этомъ огненнымъ взглядомъ, горѣвшимъ радостью и торжествомъ.

— Ручаюсь своей честью,—повторилъ Отто.

— Что же, потребовать у васъ корону?—спросила фонъ Розенъ.—Нѣтъ! Что бы я стала съ нею дѣлать? Грюневальдъ такое крошечное государство, мое честолюбіе мѣтитъ гораздо выше. Я спрошу у васъ...—а впрочемъ, я вижу, что мнѣ рѣшительно ничего не нужно. Нѣтъ, лучше я сама дамъ вамъ нѣчто,—я дамъ вамъ позволеніе поцѣловать меня одинъ разъ, не больше.

Отто приблизился къ ней, и она подняла къ нему свое лицо. Оба они блаженно улыбались, оба готовы были разсмѣяться какъ дѣти. Все это было такъ невинно, такъ шаловливо и игриво, и принцъ былъ положительно ошеломленъ тѣмъ страшнымъ потрясеніемъ, какое испытало все его существо въ тотъ моментъ, когда губы ихъ встрѣтились. Одна секунда и тотъ и другой отодвинулись подальше другъ отъ друга и нѣкоторое время ни тотъ ни другой не вымолвилъ ни слова. Но Отто смутно сознавалъ, что въ этомъ безмолвіи, въ этомъ молчаніи кроется опасность; но онъ

не находилъ словъ, онъ не зналъ что сказать. Наконецъ, графиня какъ будто пробудилась отъ сна и сказала:

— А что касается вашей жены...—и при этомъ голосъ ея звучалъ такъ чисто, такъ спокойно.

Эти слова заставили Отто очнуться. Онъ вздрогнулъ и пришелъ въ себя.

— Я не хочу ничего слышать о моей женѣ, ничего неодобрительнаго!—крикнулъ онъ нѣсколько рѣзко, но тотчасъ же овладѣлъ собой и добавилъ болѣе мягко и почти ласково:—Я скажу вамъ, мой другъ, мою единственную тайну:—я люблю мою жену.

— Вамъ слѣдовало дать мнѣ докончить начатую мной фразу,—сказала улыбаясь фонъ Розенъ.—Неужели вы думаете, что я безъ умысла упомянула ея имя? Я видѣла, что вы потеряли голову,—и я тоже! Но теперь, не позволяйте словамъ приводить васъ въ смущеніе и замѣшательство. Вѣдь слова это мое единственное достояніе—мое оружіе, мой щитъ, мой мечъ! И если вы не слѣпой безумецъ, то вы увидите и вскорѣ убѣдитесь, что я своими руками возвожу крѣпости для защиты вашей добродѣтели! Во всякомъ случаѣ, я желаю дать вамъ понять, что я не умираю отъ любви къ вамъ. Для меня любовь, это пріятное, улыбающееся мнѣ занятіе, но отнюдь не драма и не трагедія! Ну, а теперь, дослушайте что я хотѣла сказать вамъ о вашей женѣ:—она не есть и никогда не была любовницей Гондремарка; можете быть въ этомъ вполнѣ увѣрены, потому, что если бы это было, онъ навѣрное сталъ бы похваляться этимъ, я его знаю!—Покойной ночи принцъ!

И въ одно мгновеніе, она скрылась въ узкой тайной аллеѣ, а Отто остался одинъ съ мѣшкомъ денегъ и собирающимся взлетѣть мраморнымъ божкомъ.

X. Пересмотрѣнное мнѣніе Готтхольда и полное паденіе.

Графиня покинула принца, подаривъ его лаской и пощечиной одновременно. Желанное слово, сказанное о его женѣ и добродѣтельная развязка этого свиданія, вѣроятно привели бы его въ восхищеніе. Но тѣмъ не менѣе, въ тотъ моментъ, когда онъ поднялъ мѣшокъ съ деньгами и направился къ тому мѣсту, гдѣ его ожидалъ его грумъ, онъ ощущалъ какое-то чувство неловкости,

сознавая, что многія чувствительныя мѣста его совѣсти были болѣзненно задѣты. Сбиться съ надлежащаго пути и затѣмъ быть направленнымъ на истинный путь является для человѣческаго и особенно для мужского самолюбія такъ сказать двойнымъ испытаніемъ. То, что онъ самъ убѣдился въ своей слабости и возможной невѣрности, потрясло его до глубины души; и въ этотъ самый моментъ слышать о вѣрности жены, несмотря на всѣ искушенія и соблазны окружающіе ее со всѣхъ сторонъ,—слышать объ этомъ отъ женщины, которая не любила ее,—было такъ горько и такъ тяжело, что онъ едва могъ вынести этотъ ударъ.

Онъ успѣлъ уже сдѣлать половину пути отъ Летящаго Меркурія къ фонтану, гдѣ его ждалъ грумъ. Тогда мысли его начали нѣсколько проясняться, и при этомъ, онъ былъ чрезвычайно удивленъ—убѣдившись, что въ его душѣ говоритъ сейчасъ какое-то злобное чувство. Онъ остановился какъ бы досадуя на что-то, и съ сердцемъ, ударилъ рукой по маленькому кустику на краю аллеи. Изъ куста разомъ вылетала при этомъ цѣлая стая вспугнутыхъ отъ сна воробьевъ, которые мгновенно разсыпались и разлетались во всѣ стороны и исчезли въ густой чащѣ сада. Принцъ безсмысленно смотрѣлъ имъ въ слѣдъ, и когда всѣ они разлетались, уставился такъ же безсмысленно на далекія звѣзды.

— Я золъ,—подумалъ онъ,—но по какому праву? На какомъ основаніи?—спрашивалъ онъ себя и тутъ же отвѣчалъ: безъ всякаго права и безъ всякаго основанія! Но тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ золъ на всѣхъ и на все. Онъ проклиналъ въ душѣ и фонъ Розенъ, но въ тотъ же моментъ раскаявался и упрекалъ себя въ неблагодарности и несправедливости. Мѣшокъ съ деньгами казался ему ужасно тяжелъ, онъ положительно оттягивалъ ему руку.

Когда онъ, наконецъ, дошелъ до фонтана, то частію отъ досады и частію изъ фанфаронства, онъ сдѣлалъ непростительную неосторожность. Онъ отдалъ мѣшокъ съ деньгами смѣло и открыто вороватому груму.

— Сохрани эти деньги у себя для меня. Завтра я зайду къ тебѣ за ними; здѣсь очень большая сумма,—добавилъ онъ,—но я

довѣряю ее тебѣ и изъ этого ты видишь, что я не осудилъ тебя безповоротно.

И онъ самодовольно удалился, какъ будто совершивъ какой-нибудь великодушный поступокъ. Надо сказать, что это было дѣло далеко не легкое; это была отчаянная попытка ворваться снова въ неприступную крѣпость самоуваженія, и какъ почти всѣ такія отчаянныя попытки,—она оказалась безплодной въ результатѣ. Онъ вернулся къ себѣ и легъ въ постель, но до самаго разсвѣта безпокойно ворочался и метался изъ стороны въ сторону, а затѣмъ когда уже начало свѣтать совершенно неожиданно для себя заснулъ тяжелымъ, свинцовымъ сномъ, а когда проснулся,—то было уже десять часовъ утра. Пропустить условное время, не явиться на назначенное имъ самимъ свиданіе со старикомъ Килліаномъ Готтесхеймомъ, послѣ всего того, что было сдѣлано ради этого, было бы слишкмъ ужасно; и онъ сталъ торопиться, что было мочи. Онъ розыскалъ грума, который по чудесной случайности оказался вѣрнымъ человѣкомъ на этотъ разъ, вскочилъ на коня, и всего за нѣсколько минутъ до полудня вошелъ въ комнату для посѣтителей въ скромной гостиницѣ «Утренняя Звѣзда».

Килліанъ Готтесхеймъ былъ уже здѣсь, въ своемъ воскресномъ нарядѣ, въ которомъ онъ смотрѣлъ еще сухощавѣе и сухопарѣе, чѣмъ въ домашнемъ платьѣ; надъ разложенными на столѣ документами и бумагами, какъ часовой на часахъ стоялъ нотаріусъ изъ Бранденау; а хозяинъ гостиницы и его слуга, должны были служить свидѣтелями при совершеніи купчей и уплаты денегъ за ферму. Чрезвычайная почтительность съ какой этотъ важный баринъ—хозяинъ гостиницы—относился къ Отто, произвела на старика крестьянина несомнѣнное впечатлѣніе, и даже удивляла его, но только когда Отто взялъ перо и поставилъ свою подпись на бумагѣ, у старика вдругъ раскрылись глаза, и онъ понялъ всю правду.

— Его высочество!—воскликнулъ онъ задыхаясь.—Его высочество! И затѣмъ повторялъ этотъ возгласъ про себя, въ полъ-голоса безчисленное множество разъ, какъ бы желая хорошенько убѣдить себя въ этомъ и, наконецъ, обратился къ свидѣтелямъ.

— Господа, вамъ я и всѣ люди могутъ позавидовать. Вы имѣете счастіе жить въ излюбленной Богомъ странѣ, въ странѣ, которой Богъ далъ такого государя! Потому что, говорю вамъ,

что изъ всѣхъ благородныхъ и великодушныхъ людей, какихъ я когда-либо видѣлъ и знавалъ,—говорю вамъ по чести и совѣсти, вашъ государь—первый! Потому что онъ великодушнѣйшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ. Я человѣкъ старый, господа, и видѣлъ не мало всего, и добраго и дурного на своемъ вѣку; я пережилъ и великій голодъ и видѣлъ за это время не мало хорошихъ людей, но лучшаго человѣка, чѣмъ вашъ государь, я не видалъ!

— Мы всѣ это знаемъ!—воскликнулъ хозяинъ гостиницы.—Мы всѣ это отлично знаемъ въ Грюневальдѣ, и если бы мы чаще имѣли счастіе видѣть его высочество, всѣ мы были бы много счастливѣе!

— Да, это добрѣйшій и великодушнѣйшій принцъ,—началъ было грумъ, сопровождавшій Отто, но вдругъ закрылъ лицо руками, подавляя рыданіе вырвавшееся изъ его груди. Всѣ обернулись въ его сторону удавленные его волненіемъ, въ томъ числѣ и самъ Отто, который былъ глубоко растроганъ, видя этого человѣка столь признательнымъ за его снисходительность.

Затѣмъ пришла очередь нотаріусу сказать свое похвальное слово принцу, и онъ сказалъ:

— Я не знаю, что вамъ готовитъ въ будущемъ судьба, но этотъ день можетъ назваться свѣтлымъ днемъ въ ряду дней вашего царствованія, ваше высочество. Привѣтственные крики арміи были бы менѣе краснорѣчивы, чѣмъ волненіе и умиленіе этихъ простыхъ чистосердечныхъ людей. И при этомъ Бранденаускій нотаріусъ, почтительно поклонился, привскочилъ, отступилъ шагъ назадъ, и взялъ понюшку табаку съ видомъ человѣка, который нашелъ благопріятный случай и удачно воспользовался имъ.

— Да, молодой господинъ,—сказалъ убѣжденно Килліанъ.—Простите мнѣ эту вольность называть васъ господиномъ,—много добрыхъ дѣлъ сдѣлали вы, въ этомъ я ничуть не сомнѣваюсь, многихъ людей вы порадовали и осчастливили, но никогда не сдѣлали лучше и больше того, что вы сдѣлали сегодня или во всякомъ случаѣ ни одно изъ вашихъ добрыхъ дѣлъ и великодушныхъ поступковъ не призоветъ на вашу голову столько благословеній! И какъ бы велико ни было ваше счастье и успѣхи въ тѣхъ высшихъ сферахъ, гдѣ вы призваны вращаться,—повѣрьте мнѣ, что благословеніе и молитвы скромнаго старика не ока-

жутся лишними! А они будутъ сопровождать васъ повсюду пока я живъ.

Эта трогательная сцена, можно сказать, походила на овацію; и когда принцъ вышелъ изъ гостиницы «Утренняя Звѣзда», у него была на душѣ только одна мысль, пойти туда, гдѣ онъ всего вѣрнѣе могъ разсчитывать встрѣтить похвалы. Его поведеніе вчера въ залѣ совѣта представлялось ему блестящимъ выступленіемъ, и при этомъ онъ вспомнилъ о Готтхольдѣ. И рѣшилъ пойти и розыскать его.

Готтхольдъ какъ всегда былъ въ библіотекѣ. При появленіи Отто, онъ нѣсколько досадливо положилъ перо, которымъ писалъ, и не совсѣмъ любезнымъ тономъ воскликнулъ:

— А-а, вотъ и ты явился! Ну?

— Ну,—передразнилъ его Отто, не придавая значенія его тону.—Мнѣ кажется, что мы произвели цѣлую революцію.

— Это, именно, то чего я очень опасаюсь,—отозвался докторъ, глядя хмуро.

— Какъ?—удивился Отто.—Опасаться? Теперь, когда я сознаіъ свою силу и слабость другихъ, когда я рѣшилъ править государствомъ самъ?..

На это Готтхольдъ ничего не сказалъ, а только опустилъ глаза и сталъ медленно поглаживать свой подбородокъ.

— Ты этого не одобряешь?—воскликнулъ Отто.—Въ такомъ случаѣ ты просто флюгеръ.

— Наоборотъ, мои наблюденія подтвердили мои опасенія; ничего изъ этого не выйдетъ, Отто, слышишь ли ты меня? Ничего не выйдетъ, говорю, я тебѣ.

— Изъ чего ничего не выйдетъ?—спросилъ принцъ, почувствовавъ при этомъ болѣзненный уколъ въ самое сердце.

— Изъ всей этой затѣи—сказалъ Готтхольдъ.—Ты не пригоденъ, ты не приспособленъ для серьезной дѣятельной дѣловой жизни; у тебя нѣтъ живучести намѣреній, нѣтъ настойчивости, выдержки, нѣтъ привычки къ упорному, часто безуспѣшному труду, нѣтъ удержу и терпѣнія, а все это безусловно необходимо. Твоя жена въ этомъ отношеніи несравненно лучше тебя; и хотя она находится въ скверныхъ рукахъ, все же она умѣетъ держать себя совсѣмъ иначе, чѣмъ ты. Она, во всякомъ случаѣ, дѣловая женщина, а ты, дорогой мой мальчикъ, ты, просто вездѣ и всюду остаешься самимъ собой. Тебя я отсылаю обратно къ

твоимъ забавамъ и развлеченіямъ. Какъ улыбающійся добродушный наставникъ я даю тебѣ пожизненный отпускъ. Да,—продолжалъ онъ,—для каждаго изъ насъ приходитъ такой день, когда мы принуждены бываемъ снова вернуться къ нашей собственной философіи. Я дошелъ до того, что начиналъ сомнѣваться отчасти рѣшительно во всемъ! И если бы въ атласѣ познаній были два предмета, въ которые я меньше всего вѣрилъ, изъ числа всѣхъ существующихъ на свѣтѣ познаній, то это были бы политика и мораль. Я долженъ тебѣ сказать, что у меня была какая-то предательская, можно сказать, змѣею вкрадывавшаяся въ мою душу, нѣжность и любовь къ твоимъ порокамъ, потому что всѣ они были отрицательные и льстили моей философіи, такъ что я называлъ ихъ почти добродѣтелями. Но вотъ, оказывается, что я былъ не правъ, Отто, да, я отрекаюсь отъ своей скептической философіи, и я вижу твои недостатки теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ; я вижу, что они непростительны и что имъ нѣтъ извиненія. Ты непригоденъ быть супругомъ. И даю тебѣ мое честное слово, что я предпочелъ-бы видѣть человѣка, умѣло дѣлающаго зло, чѣмъ пытающагося неумѣло и ощупью дѣлать добро.

Отто молчалъ, въ высшей степени раздраженный и разгнѣванный, а докторъ продолжалъ, переведя духъ:

— Я начну съ менѣе важнаго факта, съ твоего поведенія по отношенію къ твоей женѣ. Я слышалъ, ты былъ у нее и у васъ произошло объясненіе. Быть можетъ это было хорошо, быть можетъ дурно, я не знаю, и судить объ этомъ я не берусь; во всякомъ случаѣ ты раздражилъ ее, возбудилъ ея неудовольствіе, ея гнѣвъ. Въ залѣ совѣта, она оскорбляетъ тебя, ты отплачиваешь ей такимъ же оскорбленіемъ, и это дѣлаетъ мужчина по отношенію къ женщинѣ, мужъ по отношенію къ женѣ, публично! При постороннихъ свидѣтеляхъ! Вслѣдъ за этимъ ты намѣреваешься отнять у нее право подписи; вѣсть объ этомъ бѣжитъ, распространяется съ быстротой огня, упавшаго на пороховую дорожку; какъ ты думаешь, можетъ она когда-либо простить тебѣ это? Женщина молодая, женщина честолюбивая, сознающая свои способности, которыя несомнѣнно превышаютъ твои, и ты думаешь, что она проститъ тебѣ это? Никогда! А въ концѣ концовъ, въ такой критическій моментъ твоихъ супружескихъ

отношеній, ты въ тотъ-же вечеръ, у всѣхъ на глазахъ удаляешься въ оконную нишу съ этой госпожей фонъ Розенъ. Я, конечно, не допускаю мысли, чтобы въ этомъ было что нибудь предосудительное, но во всякомъ случаѣ, это было явное, обидное и безполезное проявленіе твоего неуваженія и пренебреженія къ женѣ. Всѣмъ извѣстно, что это непристойная женщина...

— Готтхольдъ, — остановилъ его Отто,—я не хочу слышать ничего дурного о графинѣ!

— Ну, ты во всякомъ случаѣ не услышишь о ней ничего хорошаго!— огрызнулся Готтхольдъ.—И если ты хочешь, чтобы репутація твоей жены была безупречной, то ты прежде всего долженъ былъ бы позаботиться о томъ, чтобы очистить свой дворъ отъ всякихъ особъ, пользующихся сомнительной репутаціей.

— Это вѣчная несправедливость кличекъ и поговорокъ!— воскликнулъ Отто. — Это пристрастіе женщинъ къ женщинѣ, когда въ нихъ говоритъ зависть — вотъ изъ чего слагаются часто репутаціи! И если она, какъ ты говоришь, сомнительной репутаціи, то кто же такое этотъ Гондремаркъ?.. Будь она мужчина...

— Это было бы все равно,—возразилъ Готтхольдъ грубо.— Когда я вижу мужчину уже въ годахъ, когда отъ него можно требовать разсудительности, говорящаго однѣ двухсмысленности и хвастающаго своими пороками и своей порочностью, то я отплевываюсь отъ него, и говорю ему: «Вы, милый другъ, даже не джентльменъ». Ну, а она даже не дама!

— Она мой лучшій другъ, и я желаю, чтобы ее уважали! — сказалъ Отто.

— Если она твой другъ, то тѣмъ хуже для тебя. Этимъ дѣло не кончится, можешь быть увѣренъ!

— Аа! — воскликнулъ Отто. — Вотъ оно ваше милосердіе людей добросовѣстныхъ! Всякое зло приписывается плоду, если на немъ есть пятнышко. Но я могу тебѣ сказать, что госпожа фонъ Розенъ гораздо выше и лучше своей репутаціи, и что ты къ ней чудовищно несправедливъ.

— Ты можешь сказать лишь это?—грубо спросилъ док-

торъ.—Такъ что же, ты ее испробовалъ? Ты переступилъ съ ней границы?

Вся кровь кинулась въ лицо Отто.

— Аа!—крикнулъ Готтхольдъ.—Теперь посмѣй взглянуть въ лицо твоей женѣ! И краснѣй передъ нею за себя. Эта женщина, которую ты взялъ за себя и затѣмъ потерялъ! Она воплощеніе женской красоты, вся ея душа отражается въ ея глазахъ! Это настоящая женщина, Отто!

— Ты, я вижу, измѣнилъ свое мнѣніе о Серафинѣ,—сказалъ Отто.

— Измѣнилъ!—воскликнулъ докторъ, ярко покраснѣвъ.— А развѣ я былъ когда-нибудь иного мнѣнія о ней? Признаюсь, я восхищался ею тамъ, въ залѣ совѣта, когда она сидѣла молча и неподвижно, и только нога ея нервно стучала подъ столомъ по ковру; я любовался ею, какъ любовался бы ураганомъ! И будь я одинъ изъ тѣхъ людей, которые рѣшаются на бракъ, то именно она, а не другая была бы той приманкой, тѣмъ соблазномъ, который могъ бы меня заставить рѣшиться на что-нибудь подобное! Она манитъ, какъ Мексико манило Кортеса; предпріятіе трудное, опасное, и туземцы враждебные, я скажу даже жестокіе, но метрополія вымощена золотомъ, и легкій вѣтерокъ дышетъ райскими ароматами. Да, мнѣ кажется, что я могъ бы пожелать быть этимъ завоевателемъ! Но волочиться за фонъ Розенъ! Нѣтъ, воля твоя, этого я понять не могу, и никогда не пойму! Никогда! Чувственность? Я отвергаю эту чувственность! Что она въ сущности изъ себя представляетъ? Зудъ! Любопытство!..

— Да ты кому это говоришь?—воскликнулъ Отто.—Я думаю, что ты лучше чѣмъ кто-либо знаешь, что я люблю свою жену!

— О, люблю! — засмѣялся Готтхольдъ. — Любовь великое слово, оно, конечно, встрѣчается во всѣхъ словаряхъ и всѣ охотно злоупотребляютъ имъ, но если бы ты ее, дѣйствительно, любилъ, она платила бы тебѣ тоже любовью. Скажи мнѣ, что она требуетъ? Немного рвенія, немного напряженія—вотъ и все!

— Тяжело любить за двоихъ, — промолвилъ принцъ.

— Тяжело? А въ этомъ пробный камень! Я хорошо знаю своихъ поэтовъ!—воскликнулъ докторъ.—Мы всѣ лишь прахъ,

лишь пыль и пламя! Мы всѣ слишкомъ безводны, чтобы выносить палящій зной жизни; любовь, какъ тѣнь большой скалы, должна намъ дать прохладу и пріютъ, и отрадный отдыхъ, да и не только возлюбленному, но и его любовницамъ и дѣтямъ, которыми они награждаютъ ихъ; и даже друзья ихъ должны находить отдыхъ и покой на краю этого невозмутимаго мира! Та любовь не любовь, которая не можетъ создать себѣ прочнаго домашняго очага! А ты, ты зовешь любовью ссоры и свары и вѣчную воркотню и упреки, выискиваніе вины и обидъ! Ты зовешь любовью перечить ей во всемъ, попрекать въ лицо, — открыто обвинять и оскорблять! Это любовь!?

— Готтхольдъ, припомни, ты не справедливъ! Вѣдь я тогда отстаивалъ интересы моей страны,—сказалъ Отто.

— Это хуже всего! Ты не могъ даже понять, что ты былъ не правъ!—воскликнулъ докторъ.—Ты не сообразилъ, что дойдя до того, до чего они уже дошли, отступленіе было невозможно, что оно было равносильно окончательной гибели!

— Какъ? Вѣдь ты же самъ поддержалъ меня!—воскликнулъ Отто.

— Да, и я былъ такой же безумецъ какъ ты, — возразилъ Готтхольдъ.—Но теперь мои глаза раскрылись. И если ты станешь продолжать такъ, какъ ты началъ, если ты отставишь отъ должности и обезславишь этого негодяя Гондремарка, если ты самъ огласишь разладъ въ твоей семьѣ, то вѣрь мнѣ, Грюневальдъ постигнетъ величайшій ужасъ. Случится это чудовищное, это безобразное явленіе — революція! Да, другъ мой, революція!

— Ты говоришь страннымъ языкомъ для яраго краснаго,—замѣтилъ Отто.

— Я красный, я республиканецъ, но не революціонеръ!—возразилъ докторъ.—Чудовищная вещь Грюневальдская революція! И только одинъ человѣкъ можетъ спасти отъ нея эту несчастную страну—и этотъ человѣкъ,—это двуличный Гондремаркъ, онъ и никто другой! Умоляю тебя, помирись съ нимъ! Ужъ, конечно, не ты спасешь отъ этого страну! Ты никогда не сумѣешь и не сможешь остановить или предотвратить это народное бѣдствіе.—Ты, который ничего не можешь сдѣлать, какъ говоритъ твоя жена, кромѣ какъ злоупотреблять своимъ саномъ и своимъ положеніемъ, ты, который тратилъ часы драгоцѣннаго

времени на выпрашиваніе денегъ, которыхъ тебѣ все же не дали! И на что, Бога ради, были тебѣ нужны эти деньги? Зачѣмъ тебѣ деньги? Что это за идіотская тайна?

— Говорю тебѣ, что они мнѣ были нужны не на дурное дѣло. Они мнѣ были нужны, чтобы купить ферму,—капризнымъ тономъ разсерженнаго ребенка отвѣтилъ Отто.

— Чтобы купить ферму! — воскликнулъ Готтхольдъ. — Купить ферму!

— Ну, да! Что жъ тутъ такого?—спросилъ принцъ.—А если хочешь знать, я уже купилъ ее.

При послѣднихъ словахъ его докторъ положительно привскочилъ на своемъ стулѣ.

— Купилъ! Да какъ же ты ее купилъ?

— Какъ?—повторилъ Отто и вдругъ запнулся и густо покраснѣлъ.

— Ну, да, я тебя спрашиваю, какъ ты могъ ее купить, откуда взялъ ты деньги?

Лицо принца разомъ замѣтно омрачилось.

— Это ужъ мое дѣло,—сказалъ онъ.

— Ты видишь, что ты самъ стыдишься своего поступка,—замѣтилъ Готтхольдъ.—И въ такую тяжелую минуту, когда твоя страна въ нуждѣ и быть можетъ на краю гибели, ты покупаешь ферму, вѣроятно, для того, чтобы на всякій случай имѣть пріютъ послѣ твоего отреченія! Я думаю, что эти деньги ты укралъ! Вѣдь достать деньги существуютъ всего только два способа, а не три: ихъ можно или заработать или украсть!.. А теперь, послѣ того какъ ты счастливо сочеталъ въ себѣ Карла V съ Золоторучкой Томомъ, ты являешься сюда ко мнѣ и хочешь, чтобы я поддержалъ тебя въ твоемъ самообольщеніи! Но говорю тебѣ, я выведу все это дѣло на чистую воду, и пока я не узнаю, какимъ способомъ уладилось у тебя это дѣло съ деньгами, до тѣхъ поръ, извини меня, я при встрѣчѣ съ тобой, буду прятать руки за спину. Человѣкъ можетъ быть жалкимъ принцемъ, но онъ долженъ быть безупречнымъ человѣкомъ, безупречнымъ джентльменомъ!

Отто блѣдный какъ полотно всталъ и, все еще сдерживаясь, слегка дрожащимъ, но спокойнымъ голосомъ проговорилъ:

— Готтхольдъ, ты забываешь, что даже мое терпѣніе имѣетъ границы. Берегись, сударь мой, говорю тебѣ, берегись!

— Ты, кажется, угрожаешь мнѣ, Отто?—мрачно спросилъ докторъ.—Признаюсь, это было бы страннымъ финаломъ для нашего разговора.

— Развѣ ты видѣлъ когда-нибудь, чтобы я употреблялъ свою власть для своихъ частныхъ видовъ или цѣлей или прибѣгалъ къ ней для сведенія своихъ личныхъ счетовъ? — спросилъ принцъ.—По отношенію къ каждому частному человѣку твои слова являлись бы непростительнымъ, кровнымъ оскорбленіемъ, но потому что я твой другъ и принцъ, ты себѣ позволяешь безнаказанно кидать мнѣ ихъ въ лицо, а мнѣ остается только отвернуться или же покорно стушеваться да еще благодарить тебя за твою откровенность. Отъ меня требуется больше чѣмъ прощеніе,—отъ меня требуютъ еще и восхищенія подобнымъ геройскимъ подвигомъ; восхищенія тѣмъ, что у тебя хватило смѣлости сказать все это въ лицо такому грозному монарху, хватило смѣлости разыграть роль Натана передъ Давидомъ!.. Да, но я скажу вамъ, сударь мой, что вы вырвали съ корнемъ своей безжалостной рукой долголѣтнюю прочную дружбу и сердечную привязанность! Вы совершенно обездолили меня, вы лишили меня моей послѣдней привязанности, порвали мою послѣднюю дружескую связь! Я призываю Бога въ свидѣтели, я думалъ, что я поступилъ хорошо, поступилъ какъ должно, и вотъ моя награда! Теперь я совершенно одинокъ! Въ цѣломъ свѣтѣ у меня нѣтъ никого, я одинъ, совсѣмъ одинъ! Вы говорите, что я не джентльменъ, а между тѣмъ, хотя я превосходно понимаю, въ какую сторону клонятся ваши симпатіи, я терпѣливо вынесъ всѣ ваши упреки и ни въ чемъ васъ не упрекнулъ.

— Отто! Ты положительно помѣшался!—воскликнулъ докторъ, вскочивъ со своего мѣста.—Потому что я спросилъ тебя, откуда ты добылъ эти деньги, и потому что ты отказался...

— Довольно, господинъ Гогенштоквицъ, я не спрашиваю больше вашего совѣта въ моихъ дѣлахъ и прошу васъ въ нихъ отнынѣ не вмѣшиваться больше,—сказалъ Отто.—Я уже слышалъ отъ васъ все, что я хотѣлъ, и даже то, чего я не хотѣлъ бы слышать, и этого съ меня вполнѣ довольно! Вы достаточно попирали ногами и мою гордость, и мое самолюбіе; вы, можно ска-

зать, втоптали меня въ грязь! Чего же болѣе? И на все это я вамъ скажу: возможно, что я не могу управлять страной, возможно также, что я не умѣю любить—все это вы мнѣ сказали, повидимому, съ полнымъ и искреннимъ убѣжденіемъ. Но Богъ надѣлилъ меня все же одной способностью,—это способность прощать мои обиды! Да, я умѣю прощать и прощаю вамъ! И даже въ этотъ моментъ, когда въ моей душѣ еще кипитъ горечь обиды, когда во мнѣ еще говоритъ чувство возмущенія, я сознаю свои вины и свои ошибки и нахожу оправданія для васъ. И если впредь я желаю быть избавленъ отъ подобныхъ разговоровъ, то отнюдь не потому, что я питаю къ вамъ непріязненныя чувства, нѣтъ, могу васъ увѣрить, что нѣтъ, а потому, что ни одинъ человѣкъ на землѣ не могъ бы вынести еще разъ подобной нотаціи! Вы смѣло можете похвалиться, сударь, что заставили плакать своего государя, что вы сумѣли довести его до слезъ!.. И того человѣка, котораго вы столько разъ попрекали его счастьемъ, ни разу не давъ себѣ труда заглянуть ему въ душу, вы теперь довели до крайняго предѣла горечи и безотраднаго одиночества...

Видя, что докторъ раскрылъ ротъ, собираясь, вѣроятно, протестовать, Отто поспѣшилъ остановить его:

— Нѣтъ, я не желаю ничего больше слышать! Какъ вашъ принцъ, я требую, чтобы послѣднее слово осталось за мной, и это послѣднее слово будетъ: «прощеніе»!

Сказавъ это, Отто повернулся и быстрыми шагами вышелъ изъ библіотеки. Докторъ остался одинъ, и въ душѣ его одновременно бушевали самыя разнохарактерныя и противорѣчивыя чувства; чувство огорченія, раскаянія и насмѣшки; онъ расхаживалъ взадъ и впередъ передъ своимъ столомъ и, вздымая руки къ потолку, мысленно спрашивалъ себя въ сотый разъ, кто же изъ нихъ двоихъ былъ больше виноватъ въ этомъ печальномъ разрывѣ.

Затѣмъ онъ досталъ изъ одного изъ шкафовъ бутылку стараго рейнскаго вина и большой старинный бокалъ богемскаго рубиноваго хрусталя и, наполнивъ его до краевъ, почти разомъ осушилъ его до дна. Этотъ первый бокалъ какъ будто согрѣлъ и укрѣпилъ его силы; а послѣ второго онъ сталъ смотрѣть на все случившееся какъ бы съ высоты залитаго солнцемъ холма, или

съ пологого ската высокой горы. Спустя еще немного, успокоенный этимъ ложнымъ утѣшителемъ, докторъ смотрѣлъ уже на жизнь со всѣми ея треволненіями сквозь радужную золотистую призму; невольно краснѣя и улыбаясь, онъ вздохнулъ съ отраднымъ облегченіемъ и признался съ добродушнымъ умиленіемъ, что былъ, пожалуй, ужъ слишкомъ грубъ и откровененъ въ своей бесѣдѣ съ бѣднымъ Отто. «Вѣдь и онъ тоже говорилъ правду»,— подумалъ кающійся ученый;—«онъ былъ правъ, я дѣйствительно, хотя, конечно, по своему, по монашески, такъ сказать, боготворю его жену и очень можетъ быть, что къ нему я былъ отчасти несправедливъ и во всякомъ случаѣ черезчуръ жестокъ». И, покраснѣвъ еще гуще, докторъ какъ бы съ утайкой, хотя въ громадной галлереѣ библіотеки не было ни одной души живой, кромѣ него, налилъ еще одинъ бокалъ благороднаго вина и выпилъ его разомъ до дна «за Серафину»!

XI. Спасительница фонъ-Розенъ: дѣйствіе первое—она проводитъ барона.

Въ довольно поздній часъ дня, или чтобы быть болѣе точнымъ, ровно въ три часа пополудни, госпожа фонъ Розенъ выплыла изъ своей опочивальни. Она спустилась внизъ по широкой лѣстницѣ въ садъ и черезъ садъ прошла дальше. Накинувъ на голову черную кружевную мантилью, она небрежно волочила по землѣ длинный шлейфъ своего чернаго бархатнаго платья.

Въ концѣ этого длиннаго, нѣсколько запущеннаго, быть можетъ, не безъ умысла сада, спина спиной съ домомъ графини стоялъ большой мрачный домъ, въ которомъ премьеръ-министръ Грюневальда вершилъ свои дѣла и предавался своимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Это небольшое разстояніе, считавшееся достаточнымъ для соблюденія приличій, согласно невзыскательнымъ требованіямъ миттвальденскаго кодекса нравственности, графиня прошла быстро и увѣренно, спокойно отперла имѣвшимся при ней ключемъ небольшую калитку, служившую въ то же время и заднимъ ходомъ въ домъ, и, граціозно взбѣжавъ вверхъ по лѣстницѣ, безцеремонно вошла въ рабочій кабинетъ Гондремарка. Это была очень большая и очень высокая комната. Кругомъ по стѣнамъ тянулись шкафы съ книгами; столъ

былъ заваленъ бумагами, на стульяхъ и даже на полу, повсюду были бумаги; тамъ и сямъ на стѣнахъ висѣли картины, все больше соблазнительнаго, нескромнаго содержанія. Яркій огонь пылалъ въ большомъ, монументальномъ каминѣ изъ синихъ изразцовъ, а дневной свѣтъ падалъ сверху черезъ большой стеклянный куполъ посрединѣ потолка. Среди этой обстановки возсѣдалъ великій премьеръ, баронъ фонъ Гондремаркъ, въ одной жилеткѣ, безъ мундира; онъ покончилъ свои дневныя дѣла, и теперь для него насталъ часъ отдыха. Здѣсь онъ былъ положительно неузнаваемъ: не только выраженіе его лица, но, казалось, и самая природа его совершенно измѣнились, онъ весь какъ будто переродился. Гондремаркъ въ домашней обстановкѣ являлся, такъ сказать, прямою противоположностью Гондремарка оффиціальнаго, Гондремарка, находящагося при исполненіи своихъ обязанностей. Теперь у него былъ видъ добродушнаго толстяка жуира, который какъ нельзя лучше шелъ къ нему. Черты его лица носили отпечатокъ ума и грубой наглости, смягченной добродушіемъ; то же самое сказывалось теперь и во всей его манерѣ; казалось, что вмѣстѣ со своей сдержанностью и льстивостью онъ одновременно сбросилъ съ себя и лукавство и притворство и присущій ему обыкновенно въ присутствіи постороннихъ мрачный и угрюмый видъ, заставлявшій его всегда казаться особенно тяжеловѣснымъ и неуклюжимъ. Теперь въ выраженіи его лица не было ничего мрачнаго и зловѣщаго; онъ просто отдыхалъ, грѣя спину у огня камина, какъ громадное, благородное животное.

— Ага!—воскликнулъ онъ радостно.—Наконецъ-то!

И сдѣлалъ шагъ навстрѣчу госпожи фонъ Розенъ. Но графиня молча вошла въ комнату, кинулась въ стоявшее на ея пути большое и глубокое кресло и скрестила вытянутыя впередъ ножки. Вся закутанная въ кружево и бархатъ съ красиво обрисовывающими ея далеко выдвинутыя впередъ ножки тонкими, черными шелковыми чулками, кокетливо выдѣлявшимися на снѣжно бѣломъ фонѣ ея юбокъ, съ пышной округлостью ея тонкаго, стройнаго, почти дѣвическаго стана, она представляла собою странный контрастъ съ этимъ громоздкимъ тяжеловатымъ черноволосымъ сатиромъ, грѣвшимся у огня.

— Сколько разъ вы посылали за мною?—крикнула она.— Это, наконецъ, компрометируетъ меня!

На это Гондремаркъ добродушно разсмѣялся.

— Ну, разъ мы заговорили объ этомъ,—сказалъ онъ,—то, какого чорта вы дѣлали все это время? Вѣдь васъ до самаго утра не было дома!

— Я раздавала милостыню, — сказала она, двусмысленно усмѣхаясь.

Баронъ опять громко и весело захохоталъ.

Дѣло въ томъ, что въ своемъ домашнемъ обиходѣ это былъ большой весельчакъ.

— Какое счастье, что я не ревнивъ!—замѣтилъ онъ.—Ты знаешь мое правило: свобода дѣйствій и удовольствій обыкновенно идутъ рука объ руку, а чему я вѣрю, тому я вѣрю! Ты знаешь, что я вѣрю не особенно многому, но все же кое-чему я вѣрю! А теперь перейдемъ къ дѣламъ. Читала ты мое письмо?

— Нѣтъ,—сказала она,—у меня голова болѣла.

— Ахъ, такъ! Ну, въ такомъ случаѣ у меня есть для тебя интересныя новости!—воскликнулъ Гондремаркъ, замѣтно оживляясь.—Понимаешь, я положительно съ ума сходилъ отъ желанія тебя видѣть всю ночь вчера и все это утро, а тебя какъ на зло не было дома! А потомъ ты чуть не до этихъ поръ спала. Дѣло въ томъ, что вчера днемъ я, наконецъ, довелъ свое большое дѣло до желаннаго конца; нашъ корабль благополучно вернулся въ портъ! Теперь всего еще одно послѣднее усиліе, вѣрнѣе, одинъ послѣдній ударъ, и я перестану таскать и носить все подъ ноги этой самомнящей принцессы Ратафіи. Да, теперь можно сказать дѣло сдѣлано, и вся эта предварительная работа кончена! Я получилъ желанное предписаніе; мало того, у меня теперь въ рукахъ ея собственноручный приказъ; я храню его у себя на груди. Ровно въ двѣнадцать ночи сегодня принца Пустоголоваго возьмутъ, вынутъ потихохоньку изъ кроватки и какъ младенца малаго, какъ bambino, стащатъ и усадятъ въ повозку; а на слѣдующее утро онъ уже будетъ любоваться сквозь рѣшетки своего окна въ романтическомъ Фельзенбургѣ на роскошный видъ окрестностей этого живописнаго замка. Тогда, прощай «Пустоголовый»! Война пойдетъ своимъ чередомъ, а эта глупая дѣвченка принцесса вся у меня въ рукахъ. Долгое время я былъ

лицомъ необходимымъ, теперь я буду единственнымъ! Долго я несъ на своихъ плечахъ эту сложную интригу, какъ Самсонъ несъ на своихъ плечахъ городскія ворота Газы, но теперь я сброшу съ себя эту ношу и встану передъ народомъ выпрямившись во весь ростъ!.

Графиня вскочила на ноги, нѣсколько поблѣднѣвъ отъ волненія.

— И это правда?!—воскликнула она.

— Я тебѣ сообщаю фактъ, совершившійся фактъ,—подтвердилъ онъ,—шутка сыграна.

— Нѣтъ, я никогда этому не повѣрю! — запротестовала она.—Указъ? Собственноручный указъ? Нѣтъ, нѣтъ Гейнрихъ, это невѣроятно! Это совершенно невозможно! На это она никогда не рѣшится.

— Ну, клянусь тебѣ!—сказалъ Гондремаркъ.

— О, что значатъ твои клятвы, или мои! Ну, чѣмъ ты можешь поклясться? Виномъ, женщинами и пѣснями? Да? Все это не ахти какія страшныя клятвы! Такая клятва никого не вяжетъ,—засмѣялась она. Затѣмъ она подошла совсѣмъ близко къ нему и положила свою руку ему на плечо.

— Ты знаешь, я охотно тебѣ вѣрю во всемъ, — сказала она.—Я знаю насколько ты ловокъ и искусенъ, но что касается этого указа, нѣтъ! Нѣтъ, Гейнрихъ, этому я никогда не повѣрю! Мнѣ кажется, что я скорѣе умру, чѣмъ повѣрю подобной вещи. У тебя есть какая-то задняя мысль; угадать ее я сейчасъ не въ состояніи, но я понимаю, что ты хочешь ввести меня въ обманъ и ни единое слово изъ того, въ чемъ ты теперь хочешь меня увѣрить, не походитъ на правду.

— Хочешь, я тебѣ покажу этотъ указъ?—спросилъ онъ.

— Хочу, но ты не покажешь, потому что такого указа у тебя нѣтъ!—настаивала она.

— Ахъ, ты неисправимая маловѣрка! — воскликнулъ онъ.— На этотъ разъ я берусь тебя убѣдить! Ты сейчасъ своими глазами увидишь этотъ указъ. Онъ направился къ креслу, на которое онъ сбросилъ свой придворный мундиръ и изъ кармана его онъ вытащилъ бумагу и протянулъ ее графинѣ.—На, читай сама!

Она жадно схватила бумагу, и глаза ея вспыхнули яркимъ недобрымъ огнемъ въ то время, какъ она ее пробѣгала.

— Ты подумай,—воскликнулъ баронъ,—вѣдь это гибнетъ династія!—И это я скосилъ ее! И послѣ нее я и ты, мы двое наслѣдуемъ все, все, что они не умѣли удержать въ своихъ рукахъ!

Казалось, что Гондремаркъ при этомъ становился еще больше, еще объемистѣе, онъ какъ будто выросталъ и ширился вмѣстѣ со своимъ честолюбіемъ.—И онъ вдругъ снова громко разсмѣялся и протянулъ руку за бумагой.

— Дай мнѣ сюда это смертоносное оружіе, этотъ кинжалъ разящій династію.

Но вмѣсто того, чтобы исполнить его приказаніе, она вдругъ быстрымъ движеніемъ спрятала бумагу за спину и, подкравшись поближе къ нему, глядя ему прямо въ глаза испытующимъ взглядомъ, проговорила рѣшительно и властно:

— Нѣтъ, прежде я желаю выяснить одинъ вопросъ: скажи пожалуйста, ты что-же считаешь меня за дуру, или можетъ быть думаешь что я слѣпа?—Ты думаешь, что я не понимаю, что она могла дать эту бумагу только одному человѣку,—своему любовнику! Да, только своему любовнику, только ему одному, она не могла бы отказать въ этомъ, а всякому другому она отказала бы на отрѣзъ, если бы у него хватило смѣлости потребовать отъ нея подобный указъ. И вотъ ты стоишь здѣсь передъ мной—ея союзникъ, ея соучастникъ, ея любовникъ и ея господинъ!—О, я этому легко могу повѣрить, потому что я знаю твою силу—да! Но что же такое представляю собою въ данномъ случаѣ я?..—крикнула она.—Я, которую ты все время обманывалъ, которой ты прикрывался, какъ ночной воръ прикрывается плащемъ!

— Ревность! Сцена ревности? — удивленно воскликнулъ Гондремаркъ.—Анна! Да ты ли это? Вотъ чему бы я никогда не могъ повѣрить. Успокойся, увѣряю тебя всѣмъ, что есть самаго достовѣрнаго на свѣтѣ, что я никогда не былъ ея любовникомъ; я могъ бы быть имъ, я полагаю, но до сего времени я не разу не рискнулъ сдѣлать ей признанія. Она, видишь ли ты, представляется мнѣ чѣмъ-то совсѣмъ не реальнымъ; это какой-то подростокъ, дѣвчонка, какая-то жеманная кукла! Она то хочетъ, то не хочетъ: на нее никогда ни въ чемъ нельзя положиться; каждую минуту у нея какая-нибудь новая фантазія или причуда.—

Уговорить ее вообще не трудно, но положиться, понадѣяться на нее нельзя! До сихъ поръ, я умѣлъ заставлять ее поддаваться мнѣ безъ содѣйствія любви, и приберегалъ это оружіе на самый крайній, рѣшительный моментъ, въ томъ случаѣ, если бы какое-нибудь отчаянное средство могло мнѣ понадобиться. И я говорю тебѣ, Анна,—добавилъ онъ строго и серьезно, — въ этомъ ты должна переломить себя, и подобныхъ, никогда не бывавшихъ у тебя, приступовъ ревности больше не допускать. Между нами не должно быть никакихъ возмущеній, никакихъ вздорныхъ волненій и препирательствъ. Я держу это жалкое маленькое существо подъ гипнозомъ моего обожанія къ ней,—и если только она пронюхала бы о нашихъ съ тобой отношеніяхъ, вѣдь ты знаешь она такая сумашедшая, такая «prude»—и при этомъ такая собака на сѣнѣ,—что она способна не взирая ни на что, испортить намъ всю игру!

— Все это прекрасно,—отозвалась графиня,—но я спрашиваю васъ съ кѣмъ вы проводите всѣ ваши дни? И чему прикажете вы мнѣ вѣрить вашимъ ли словамъ, или вашимъ поступкамъ?

— Анна, да я тебя не узнаю, чортъ бы тебя побралъ! Да неужели же ты сама не видишь?—воскликнулъ Гондремаркъ.—Вѣдь ты же меня знаешь. Развѣ это похоже на меня, чтобы я могъ увлечься такой недотрогой? Мнѣ положительно горько и обидно думать, что послѣ того какъ мы столько лѣтъ были близки съ тобой, ты все еще можешь считать меня какимъ-то трубадуромъ. И если есть на свѣтѣ нѣчто, что мнѣ особенно противно и отвратительно, такъ это именно вотъ такія фигурки изъ берлинской шерсти, какъ эта принцесса. Мнѣ нужна настоящая женщина, изъ плоти и крови, изъ нервовъ и мускуловъ, съ крѣпкимъ, сильнымъ выносливымъ тѣломъ и крѣпкой и сильной волей,—такая какъ ты! Ты мнѣ пара! Ты какъ будто нарочно была создана для меня; ты меня забавляешь не какъ кукла или игрушка, а развлекаешь, затягиваешь и опьяняешь какъ азартная игра! И какой мнѣ расчетъ притворяться съ тобой или обманывать тебя? Если бы я не любилъ тебя, то на что ты мнѣ? Вѣдь это же ясно какъ Божій день!

— Такъ ты дѣйствительно любишь меня, Генрихъ?—спросила она смѣясь.—Дѣйствительно? Да?

— Да говорю же я тебѣ, что люблю! — воскликнулъ онъ пылко какъ юноша.—Я люблю тебя больше всего и больше всѣхъ на свѣтѣ, послѣ себя. Если бы я потерялъ тебя, я положительно растерялся бы окончательно; я былъ бы совершенно выбитъ изъ колеи!

— А если такъ,—сказала фонъ Розенъ, спокойно складывая указъ и кладя его въ свой карманъ,—то я готова тебѣ повѣрить и принять участіе въ этомъ заговорѣ. Можешь положиться на меня. Такъ, значитъ ровно въ полночь? Вѣдь такъ ты сказалъ? И ты конечно поручилъ это дѣло Гордону? Превосходно! Онъ ничѣмъ не смутится, и къ тому же онъ чужестранецъ, ему рѣшительно все равно, кто здѣсь будетъ управлять государствомъ принцъ или принцесса, ты или я.

Гондремаркъ недовѣрчиво слѣдилъ за ней; что-то въ ея поведеніи, казалось ему подозрительнымъ.

— Зачѣмъ ты взяла указъ?—спросилъ онъ.—Дай его сюда.

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—я намѣрена оставить его у себя. Потому что это я должна приготовить всю эту продѣлку. Вы не сможете сдѣлать это дѣло безъ меня; вамъ иначе придется прибѣгнуть къ насилію, а вѣдь это едва ли желательно. Для того, чтобы быть вамъ дѣйствительно полезной, я должна имѣть этотъ указъ у себя въ рукахъ. Гдѣ я найду Гордона? У него на квартирѣ? Хорошо!

Она говорила съ нѣсколько лихорадочнымъ самообладаніемъ.

— Анна, — сказалъ онъ мрачно и сурово тѣмъ строгимъ желчнымъ тономъ, и съ тѣмъ же выраженіемъ лица и манерою, которые были свойственны ему въ роли придворнаго временщика, заслонившаго теперь болѣе добродушнаго и болѣе чистосердечнаго Гондремарка домашняго обихода и часовъ отдохновенія,—я прошу тебя отдать мнѣ эту бумагу. Разъ,—два,— и три!

— Берегись, Генрихъ!—сказала она, горделиво выпрямясь и глядя ему прямо въ лицо.—Я не потерплю никакихъ требованій и предписаній. Я тебѣ не покорная раба! Мнѣ нельзя приказывать—ты кажется знаешь, что приказывать я сама умѣю!

Въ этотъ моментъ оба они имѣли видъ двухъ опасныхъ животныхъ, готовыхъ помѣряться силами другъ съ другомъ; оба молчали и это напряженное молчаніе длилось довольно долго. Затѣмъ она вдругъ поспѣшила заговорить первая; и разсмѣяв-

шись чистымъ, звонкимъ, откровеннымъ смѣхомъ она сказала почти ласковымъ голосомъ:—Да не будь же ты такимъ ребенкомъ! Ты меня положительно удивляешь. Если все то, въ чемъ ты меня сейчасъ увѣрялъ, правда, то ты не можешь имѣть никакого основанія не довѣрять мнѣ, точно также какъ я не могу имѣть никакого разсчета подвести тебя. Самое трудное во всей этой затѣѣ, это выманить принца изъ дворца безъ шума и скандала. Ты отлично знаешь, что его слуги преданы ему тѣломъ и душой. Его камергеръ—это его рабъ, онъ положительно боготворитъ своего принца, и стоитъ только ему крикнуть какъ вся ваша затѣя полетитъ къ чорту!

— Необходимо осилить всю эту челядь,—сказалъ баронъ, невольно слѣдуя за ея мыслью.—У насъ на это хватитъ людей, и всѣ эти его приверженцы должны исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ.

— И весь вашъ планъ тоже вмѣстѣ съ ними!—докончила графиня.—Ты думаешь, что все это можетъ обойтись безъ шума? Что эти люди могутъ исчезнуть безслѣдно, и что никто не хватится ихъ? Никто не спроситъ о нихъ? Вѣдь не беретъ же онъ ихъ всѣхъ съ собой на охоту! Малому ребенку это сразу бросилось бы въ глаза; весь дворъ, а затѣмъ и весь городъ догадаются въ чемъ тутъ дѣло! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; этотъ планъ положительно не выдерживаетъ критики; это идіотство продѣлать нѣчто подобное! Безъ сомнѣнія его придумала эта индюшка Ратафія! Нѣтъ, ты выслушай меня:—ты знаешь, конечно, что принцъ за мной ухаживаетъ?

— Да, знаю,—сказалъ Гондремаркъ. — Бѣдный пустоголовый, видно мнѣ на роду написано стоять ему вездѣ и во всемъ поперекъ дороги.

— Ну, такъ вотъ,—продолжала она,—я могу выманить его одного подъ предлогомъ тайнаго свиданія, куда-нибудь въ дальній уголокъ парка, ну скужемъ, хотя бы къ статуѣ Летящаго Меркурія. Гордонъ можетъ спрятаться со своими людьми гдѣнибудь поблизости въ чащѣ деревьевъ; карета можетъ ожидать за греческимъ храмомъ; и все обойдется безъ крика, безъ суматохи, безъ топота ногъ, просто и мило. Принцъ выйдетъ въ полночь на свиданіе и исчезнетъ! Ну, что ты на это скажешь? Пригодная ли я для тебя союзница? Могутъ ли мои beaux yeux, при случаѣ сослужить тебѣ службу? Ахъ, Генрихъ, мой тебѣ

совѣтъ, старайся не потерять твоей Анны! У нея тоже есть не малая власть!

Гондремаркъ громко хлопнулъ ладонью по мрамору каминной доски:

— Чародѣйка!—воскликнулъ онъ, восхищенный, весь просіявъ.—Другой такой какъ ты не сыщешь! Нѣтъ тебѣ равной на всякія дьявольскія продѣлки въ цѣлой Европѣ! У тебя всякое дѣло катиться какъ по рельсамъ!

— Ну, такъ поцѣлуй же меня покрѣпче, и отпусти меня поскорѣе! Мнѣ нельзя прозѣвать моего принца,—сказала она.

— Постой, постой! Не такъ скоро! — остановилъ ее баронъ.—Я хотѣлъ бы, клянусь тебѣ моей душой, вполнѣ повѣрить тебѣ; но вѣдь ты и войдешь и выйдешь, и всякаго вокругъ пальчика обернешь. Ты такой увертливый и ловкій чертенокъ, что я право боюсь. Нѣтъ, какъ хочешь, я не могу, Анна, я не смѣю!

— Ты мнѣ не довѣряешь, Генрихъ?—гнѣвно крикнула она, и въ тонѣ ея было что-то вызывающее, что-то похожее на угрозу.

— Это не совсѣмъ подходящее слово,—«не довѣряешь»,—но я тебя знаю и разъ ты уйдешь отсюда, съ этой бумагой въ карманѣ, кто можетъ сказать, что ты съ нею сдѣлаешь? И не только я, но даже и ты сама, ты этого не знаешь! Ты сама видишь,—добавилъ онъ, покачивая головой,—вѣдь ты измѣнчива, капризна и притворна, какъ обезьянка.

— Клянусь тебѣ спасеніемъ моей души!—воскликнула она..

— Мнѣ отнюдь не интересно слышать какъ ты клянешься,—сказалъ баронъ.

— Ты полагаешь, что у меня нѣтъ никакой религіи? Ты очень ошибаешься! Ты думаешь, что у меня нѣтъ чести, нѣтъ совѣсти! Ну, хорошо, смотри же, я не стану съ тобою спорить, но говорю тебѣ въ послѣдній разъ:—оставь указъ въ моихъ рукахъ, и принцъ будетъ арестованъ безъ шума, безъ хлопотъ, безъ скандала; если же ты возьмешь отъ меня указъ, то такъ же вѣрно какъ то, что я теперь стою передъ тобой, и говорю съ тобой,—я испорчу вамъ всю вашу затѣю. Одно изъ двухъ:—или вѣрь мнѣ, или бойся меня! Предоставляю тебѣ выборъ.

Съ этими словами она достала изъ кармана указъ и протянула его ему.

Баронъ въ величайшемъ затрудненіи и въ нерѣшимости

стоялъ передъ этой женщиной, которую даже онъ, не могъ, ни сломить, ни побѣдить, ни покорить своей волѣ. Онъ стоялъ передъ ней и мысленно взвѣшивалъ обѣ опасности. Была минута, когда онъ уже протянулъ руку къ бумагѣ, но сейчасъ же опять опустилъ ее.

— Ну,—сказалъ онъ,—если это называется по твоему довѣріемъ...

— Ни слова больше,—остановила она его,—не порти своей роли и теперь, такъ какъ ты въ этомъ дѣлѣ велъ себя, какъ подобаетъ порядочному человѣку, не зная даже въ чемъ дѣло. Я такъ и быть соблаговолю разъяснить тебѣ свои причины, т. е. тѣ причины, которыя заставляли меня настаивать на томъ, чтобы ты оставилъ указъ въ моихъ рукахъ. Я сейчасъ прямо отсюда направлюсь къ Гордону; но скажи мнѣ на милость, на какомъ основаніи сталъ бы онъ мнѣ повиноваться и исполнять мои приказанія? А затѣмъ какъ могу я заранѣе назначить часъ? Возможно, что это будетъ въ полночь, но возможно также и тотчасъ послѣ того, какъ стемнѣетъ. Все это дѣло случая, все зависитъ отъ обстоятельствъ; а чтобы дѣйствовать разумно и успѣшно, я должна имѣть полную свободу дѣйствій, и держать въ своихъ рукахъ всѣ пружины этого задуманнаго вами предпріятія. Ну, вотъ, а теперь бѣдный Вивіанъ уходитъ!—какъ говорится въ комедіяхъ. Посвяти же меня въ рыцари свои!

И она раскрыла ему свои объятія, лучезарно улыбаясь ему, своей манящей, многообѣщающей улыбкой.

— Ну,—сказалъ онъ, поцѣловавъ ее съ особымъ удовольствіемъ,—у каждаго человѣка бываетъ свое безуміе, и свой конекъ, и я благодарю Бога за то, что мое не хуже того, что оно есть! А теперь впередъ!.. Можно сказать, что я далъ ребенку зажженную ракету. Но что же дѣлать!..

XII. Спасительница фонъ-Розенъ: дѣйствіе второе—она предупреждаетъ принца.

Первымъ побужденіемъ госпожи фонъ-Розенъ, когда она вышла изъ дома барона Гондремарка, было возвратиться на свою виллу и пріодѣться. Что бы тамъ ни вышло изъ всей этой затѣи, она рѣшила непремѣнно повидаться и побесѣдовать съ принцессой. И передъ этою женщиной, которую она такъ не любила, гра-

фиия желала появиться во всеоружіи своей красоты. Для нее это было дѣломъ всего нѣсколькихъ минутъ. У г-жи фонъ-Розенъ былъ на этотъ счетъ, т. е. на счетъ женскаго туалета, такъ сказать, командирскій глазъ; съ перваго взгляда она умѣла уловить и замѣтить, чего не достаетъ въ туалетѣ, и что слѣдуетъ добавить или отбавить въ немъ; она отнюдь не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя часами сидятъ въ нерѣшимости, роясь въ своихъ нарядахъ и уборахъ, и не знаютъ, что надѣть и чѣмъ себя украсить, и въ концѣ концовъ послѣ столь долгихъ размышленій появляются въ обществѣ безвкусно выряженныя. Одинъ бѣглый взглядъ въ зеркало, небрежно спущенный локонъ, граціозно взбитые на вискахъ волосы, клочечекъ тонкихъ старинныхъ кружевъ, чуть-чуть румянъ и красивая желтая роза на груди,—и все, какъ нельзя лучше! Точно картина, вышедшая изъ рамы.

— Такъ хорошо,—рѣшила графиня.—Скажите, чтобы мой экипажъ ѣхалъ за мною во дворецъ; черезъ полчаса онъ долженъ ожидать меня тамъ,—приказала она мимоходомъ лакею.

На улицѣ начинало уже темнѣть, и въ магазинахъ стали зажигаться огни, особенно въ тѣхъ, что вытянулись длиннымъ непрерывнымъ рядомъ витринъ и оконъ вдоль тѣнистой аллеи главной улицы столицы принца Отто. Отправляясь на свой великій подвигъ графиня чувствовала себя весело настроенной; ее и радовало и интересовало задуманное предпріятіе; и это настроеніе, это возбужденіе придавало еще большую прелесть ея красотѣ, и она это хорошо знала. Она шла по тѣнистой аллеѣ главной улицы; остановилась передъ сверкающимъ брилліантами магазиномъ ювелира, полюбовалась нѣкоторыми камнями, затѣмъ замѣтила и одобрила выставленный въ другомъ магазинѣ дамскій нарядъ, и когда, наконецъ, дошла до густой липовой аллеи, подъ высокими тѣнистыми сводами которой мелькали торопливые и лѣнивые прохожіе, то сѣла на одну изъ скамей и стала обдумывать, предвкушая и оттягивая предстоящія ей удовольствія. Вечеръ былъ свѣжій, но госпожа фонъ-Розенъ не чувствовала холода, ее согрѣвала внутренняя теплота. Въ этомъ тѣнистомъ уголкѣ ея мысли свѣтились и сверкали лучше и ярче брилліантовъ тамъ, въ витринѣ ювелира; шаги прохожихъ, раздававшіеся у нее въ ушахъ, сливались для нее въ своеобразную музыку.

Что она сдѣлаетъ теперь?—спрашивала она себя.—Бумага, отъ которой теперь зависѣло все, лежала у нее въ карманѣ, и вмѣстѣ съ нею въ ея карманѣ, можно сказать, лежала и судьба Отто, и Гондремарка, и Ратафіи, и даже самаго государства, словомъ, всего этого маленькаго княжества. И все это вѣсило такъ мало на ея вѣсахъ, какъ пыль; стоило ей положить свой маленькій пальчикъ на ту или другую чашку вѣсовъ, чтобы вскинуть на воздухъ все, что лежало на другой чашкѣ! И она радовалась и упивалась своимъ громаднымъ значеніемъ и своею властью, и смѣялась при мысли о томъ, какъ безсмысленно и безцѣльно можно было растратить эту громадную власть. Дурманъ и опьяненіе власти, эта болѣзнь кесарей, охватывала минутами ея разсудокъ. «О, безумный свѣтъ! Глупая игрушка пустыхъ случайностей, иногда—пустого женскаго каприза или прихоти!»—подумала она и довольно громко разсмѣялась.

Ребенокъ съ пальцемъ во рту остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нее и смотрѣлъ съ смутнымъ любопытствомъ на эту смѣющуюся барыню. Она подозвала его, приглашая его подойти поближе, но ребенокъ попятился назадъ. Моментально, со свойственной большинству женщинъ въ подобныхъ случаяхъ необъяснимой и безпричинной настойчивостью, она рѣшила приручить маленькаго дикаря; и дѣйствительно, не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ малышъ вполнѣ дружелюбно сидѣлъ у нея на колѣняхъ и игралъ съ золотою цѣпочкою ея медальона.

— Если бы у тебя былъ глиняный медвѣдь и фарфоровая обезьянка,—спросила она ребенка, двусмысленно улыбаясь,—которую изъ двухъ игрушекъ ты предпочелъ бы разбить?

— У меня нѣтъ ни медвѣдя, ни обезьянки, — сказалъ ребенокъ.

— Но вотъ тутъ у меня есть свѣтленькій флоринъ,—сказала она,—на который можно купить и то, и другое. Я подарю тебѣ обѣ эти игрушки, если ты мнѣ скажешь, которую изъ двухъ ты не пожалѣешь разбить. Ну же? Отвѣть скорѣе,—медвѣдя или обезьянку?

Но безштанный оракулъ только пялилъ глаза на блестящую монету, которую нарядная барыня держала въ рукѣ, и не могъ отвести отъ нее своихъ большихъ вытаращенныхъ глазъ. Никакія ласки и увѣщанія не могли подвигнуть этотъ оракулъ дать хоть какой-нибудь отвѣтъ. Тогда графиня поцѣловала малютку,

подарила ему флоринъ, спустила его на землю и, вставъ со скамьи, пошла дальше своей легкой эластичной походкой

— Котораго же изъ двухъ я разобью? — спрашивала она себя; и при этомъ она съ особеннымъ наслажденіемъ провела рукой по своимъ пышнымъ, тщательно причесаннымъ, волосамъ, и, лукаво улыбаясь прищуренными тлазами, снова спросила себя:—котораго?—и она взглянула на небо, словно ища тамъ указанія или отвѣта.—Развѣ я люблю ихъ обоихъ? Немножко?.. Страстно?.. Или нисколько?.. Обоихъ, или ни того, ни другого?! Мнѣ кажется обоихъ!—рѣшила она,—Но во всякомъ случаѣ, этой Ратафіи я досажу порядкомъ, будетъ она меня помнить!..

Тѣмъ временемъ графиня миновала чугунныя ворота, поднялась къ подъѣзду и уже поставила ногу на первую ступень широкой, украшенной флагами террасы. Теперь уже совершенно стемнѣло. Весь фасадъ дворца свѣтился ярко освѣщенными рядами высокихъ оконъ, и вдоль балюстрады фонари и лампіоны горѣли ярко и красиво. На самомъ краю западнаго горизонта еще свѣтился блѣдный отблескъ заката, янтарно-желтый и зеленоватый, какъ цвѣтъ свѣтляковъ; и она остановилась на дворцовой террасѣ и стала слѣдить, какъ тамъ вдали догорали и блѣднѣли эти послѣднія свѣтлыя точки.

— Подумать только,—размышляла она,—что здѣсь стою я, какъ воплощенная судьба, какъ воплощенный рокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и Провидѣніе, и спасительница,—смотря по моему желанію,—и я стою, и сама не знаю, въ какую сторону склонить мои вѣсы, за кого мнѣ вступиться, и кого погубить! Какая другая женщина на моемъ мѣстѣ, не считала бы себя связанной обѣщаніемъ, но я, благодареніе Богу, рождена безъ предразсудковъ! Я чувствую себя свободной отъ всякихъ обязательствъ, и мой выборъ свободенъ!

Окна комнатъ Отто тоже свѣтились, какъ и остальныя окна дворца; графиня взглянула на нихъ и вдругъ почувствовала приливъ неизъяснимой нѣжности, которая помимо ея воли подымалась и росла въ ея душѣ.—Бѣдный, милый безумецъ!—подумала она.—Каково-то теперь у него на душѣ, теперь, когда онъ пойметъ и почувствуетъ, что всѣ отрекаются отъ него... Эта дѣвчонка положительно заслуживаетъ того, чтобы онъ увидѣлъ этотъ ея собственноручный указъ! Да, пусть онъ увидитъ его, и пускай рѣшитъ самъ.

И не раздумывая больше ни секунды, она вошла во дворецъ и послала сказать принцу, что она проситъ его принять ее немедленно по спѣшному дѣлу. Ей сказали, что принцъ находится въ своихъ аппартаментахъ и желаетъ быть одинъ, что онъ никого не приказалъ допускать къ себѣ. Но графиня все-таки приказала передать ему свою карточку. Немного погодя, камердинеръ принца вернулся и доложилъ, что его высочество очень проситъ извинить его, но что онъ въ настоящій моментъ никого принять не можетъ, потому что чувствуетъ себя нездоровымъ.

— Въ такомъ случаѣ я напишу ему,—сказала фонъ-Розенъ, и набросала на листкѣ бумаги нѣсколько строкъ карандашемъ; она писала принцу, что дѣло, по которому она хочетъ его видѣть, есть дѣло чрезвычайной важности, не терпящее отлагательства, что это вопросъ жизни и смерти.—«Помогите мнѣ, принцъ, никто, кромѣ васъ, мнѣ въ этомъ помочь не можетъ»,— гласила ея приписка.

На этотъ разъ человѣкъ вернулся съ большой поспѣшностью и пригласилъ графиню фонъ-Розенъ слѣдовать за нимъ.

— Его высочество изволилъ изъявить особенное удовольствіе видѣть графиню у себя,—объявилъ слуга, отворяя передъ нею дверь.

Графиня застала принца въ оружейной, той самой большой комнатѣ, въ которой всѣ стѣны были увѣшаны стариннымъ оружіемъ, и которую особенно любилъ принцъ. При неровномъ свѣтѣ пылавшаго въ каминѣ огня, это оружіе свѣтилось, то здѣсь, то тамъ, странными, капризными отблесками, придавая что-то фантастическое обстановкѣ этого зала. Отто сидѣлъ въ глубокомъ низкомъ креслѣ передъ каминомъ; лицо его носило слѣды слезъ и глубокаго душевнаго волненія, оно было красиво и печально, даже трогательно. Отто даже не всталъ и не пошелъ ей навстрѣчу, какъ всегда, а только привсталъ и поклонился, и приказалъ слугѣ удалиться.

То чувство безотчетной нѣжности, которое замѣняло графинѣ всѣ сердечные порывы, и даже совѣсть, охватило ее теперь съ удвоенной силой, при видѣ этой безмолвной пришибленности, этого убитаго горемъ милаго, печальнаго принца. Едва только слуга успѣлъ уйти и запереть за собою дверь, едва только она осталась съ глаза на глазъ съ принцемъ, какъ, сдѣлавъ рѣши-

тельный шагъ впередъ и сопровождая свои слова великолѣпнымъ жестомъ, графиня воскликнула:

— Воспряньте духомъ, принцъ! Надо бороться!

Отто съ недоумѣніемъ поднялъ на нее глаза.

— Madame,—сказалъ онъ,—вы прибѣгнули къ громкимъ словамъ, чтобы заставить меня открыть передъ вами мою дверь, вы сказали, что дѣло идетъ о жизни и смерти. Скажите же мнѣ, прошу васъ, кому грозитъ опасность, и кто здѣсь въ Грюневальдѣ можетъ быть столь жалокъ и столь несчастенъ,—добавилъ онъ съ горечью,—что даже принцъ Отто Грюневальдскій можетъ помочь ему!

— Кто, спрашиваете вы? Прежде всего я назову вамъ имена заговорщиковъ,—сказала фонъ-Розенъ,—и по нимъ вы быть можетъ догадаетесь и объ остальномъ. Тѣ, что злоумышляютъ на близкое вамъ лицо,—это принцесса и баронъ фонъ-Гондремаркъ!

Но, видя, что Отто продолжаетъ молчать, она воскликнула:

— Они угрожаютъ вамъ, ваше высочество! —И она указала пальцемъ на принца.—Ваша негодница и мой негодяй порѣшили вашу судьбу!—продолжала она.—Но они забыли спросить васъ и меня! Мы можемъ составить съ ними partie carrée, mon prince,—и въ любви, и въ политикѣ! Объ этомъ они видно забыли! Правда, у нихъ на рукахъ тузъ, но мы можемъ побить его козыремъ!

— Madame,—сказалъ на это Отто,—объясните мнѣ, прошу васъ, въ чемъ собственно дѣло; я положительно не могу ничего взять въ толкъ изъ того, что вы мнѣ сейчасъ сказали. Я васъ не понимаю.

— Вотъ, смотрите своими глазами! Прочтите это, и тогда вы ужъ навѣрное поймете!—воскликнула графиня, и съ этими словами она передала ему указъ.

Онъ взялъ его, посмотрѣлъ недоумѣвающимъ взглядомъ и вздрогнулъ; затѣмъ, не проронивъ ни единаго звука, онъ закрылъ рукой свое страшно поблѣднѣвшее лицо, и такъ застылъ въ этой позѣ.

Она ждала, что онъ скажетъ что-нибудь, но онъ молчалъ.

— Какъ!—воскликнула она.—И это васъ не возмущаетъ?! Вы встрѣчаете этотъ низкій поступокъ, склонивъ передъ нимъ голову съ покорностью раба?! Да поймите же, наконецъ, что одинаково безсмысленно искать вина въ кринкѣ молока, или

искать любви у этой безсердечной куклы! Пора покончить съ этой смѣшной иллюзіей, пора, наконецъ, стать мужчиной!.. Противъ союза львовъ, устроимъ заговоръ мышей! Намъ сейчасъ ничего не стоитъ разрушить ихъ козни. Вѣдь вчера вы были достаточно смѣлы, когда въ сущности у васъ почти ничего не стояло на картѣ, когда дѣло шло о пустякахъ, а теперь, теперь, когда на картѣ стоитъ ваша свобода, быть можетъ, ваша жизнь,—теперь вы молча опускаете крылья!!.

Вдругъ принцъ Отто всталъ, и на его лицѣ, вспыхнувшемъ румянцемъ отъ внутренняго волненія, выразилась рѣшимость.

— Madame фонъ-Розенъ,—сказалъ онъ,—я васъ прекрасно понимаю, и повѣрьте, я вамъ глубоко благодаренъ; вы еще разъ доказали мнѣ на дѣлѣ ваше расположеніе и вашу доброту ко мнѣ; мнѣ право очень больно сознавать, что я долженъ принести вамъ разочарованіе, что я долженъ обмануть ваши ожиданія. Вы, очевидно, ждете отъ меня энергичнаго сопротивленія, отпора. Но зачѣмъ, для чего буду я сопротивляться, что я этимъ выиграю?! Послѣ того, какъ я прочелъ эту бумагу, этотъ собственноручный ея указъ, послѣдняя искра надежды на счастье, даже на возможность мечты о счастьѣ, угасла для меня. Мнѣ кажется празднымъ дѣломъ говорить о потерѣ чего бы то ни было отъ имени Отто Грюневальдскаго; все, что я могъ потерять, я уже потерялъ! Вы знаете, что у меня нѣтъ партіи, нѣтъ сторонниковъ, нѣтъ своей политики; у меня даже нѣтъ честолюбія, словомъ, у меня нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы я могъ гордиться или дорожить. Свобода! Жизнь! Да на что мнѣ онѣ? Такъ скажите же мнѣ, для чего и ради чего мнѣ бороться? Или вамъ просто хочется видѣть, какъ я буду кусаться, и царапаться, и визжать, какъ пойманный въ капканъ хорекъ? Нѣтъ, madame, передайте тѣмъ, кто прислалъ васъ сюда, что я готовъ отправиться въ заточенье, когда имъ будетъ угодно. Я желаю только одного. Я желаю избѣжать всякаго скандала.

— Такъ вы рѣшили итти въ ссылку? Рѣшили добровольно сойти съ ихъ дороги, и въ угоду имъ, итти покорно и безпрекословно въ тюрьму!

— Я не могу сказать, что иду вполнѣ добровольно,—возразилъ печально Отто,—нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, я иду съ полной готовностью; признаюсь вамъ, я всегда желалъ перемѣны въ своей жизни, особенно же въ послѣднее время, а теперь, какъ

видите, мнѣ предлагаютъ ее! Неужели же мнѣ отказаться отъ нее? Благодареніе Богу, я еще не настолько лишенъ чувства юмора, чтобы дѣлать трагедію изъ подобнаго фарса!—И онъ небрежно бросилъ указъ на столъ.—Вы можете извѣстить ихъ о моей готовности,—добавилъ онъ величественно и спокойно и отвернулся отъ стола.

— О,—воскликнула она, — вы гнѣваетесь больше, чѣмъ хотите сознаться!

— Я гнѣваюсь? О, madame!—воскликнулъ Отто.—Вы бредите! У меня нѣтъ никакого основанія для гнѣва. Мнѣ доказали во всѣхъ отношеніяхъ и мою слабость, и мою безхарактерность, и мое безволіе, и мою совершенную непригодность для жизни. Мнѣ доказали, что я ничто иное, какъ сочетаніе слабостей и сумма всевозможныхъ недочетовъ, безсильный принцъ и даже сомнительный джентльменъ! Да вѣдь даже и вы, при всей вашей снисходительности ко мнѣ, вы уже дважды упрекнули меня весьма строго въ томъ же, въ чемъ меня обвиняютъ и другіе: въ безволіи и безсиліи! Могу ли я послѣ того еще гнѣваться?! Я могу конечно глубоко чувствовать недоброе ко мнѣ отношеніе, но я достаточно честенъ, чтобы признать справедливость причинъ, приведшихъ къ этому государственному перевороту.

— Это еще откуда у васъ? Скажите, откуда вы все это взяли?—воскликнула удивленная фонъ-Розенъ.—Вы думаете, что вы вели себя нехорошо? Но развѣ вы не были молоды и красивы? Развѣ вы не имѣли права на жизнь, какъ всякій другой? Права на радости жизни? А эти добродѣтели мнѣ ненавистны! Все это ханжество или разсчетъ! Развѣ у васъ нѣтъ благородства, нѣтъ великодушія, нѣтъ благороднѣйшихъ порывовъ и благородныхъ чувствъ!.. Вы свои добродѣтели доводите до послѣдней крайности, принцъ, и это они губятъ васъ! А эта удивительная неблагодарность съ ея стороны, развѣ она не возмутительна! Она бьетъ васъ тѣмъ оружіемъ, которое вы же дали ей въ руки!

— Поймите меня, madame фонъ-Розенъ, — возразилъ принцъ, краснѣя гуще прежняго,—въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о благодарности, ни о гордости. Волею судебъ и неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ, и несомнѣнно движимая вашей безпредѣльной добротой и расположеніемъ ко мнѣ, вы оказались приплетенной въ мои семейныя дѣла—дѣла, касающіяся только

меня одного. Вы не имѣете представленія о томъ, что вынесла и выстрадала моя жена, ваша государыня, и потому не вамъ да и не мнѣ судить ее. Я признаю себя глубоко виноватымъ и передъ ней, и передъ своей страной и народомъ; но если бы даже этого не было, то и тогда я назвалъ бы человѣка пустымъ хвастуномъ, если бы онъ говорилъ о своей любви къ женщинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отступалъ назадъ передъ небольшимъ униженіемъ, передъ уколомъ его самолюбію. Во всѣхъ прописяхъ говорится о томъ, что человѣкъ долженъ быть готовъ умереть въ угоду возлюбленной имъ женщинѣ, такъ неужели же онъ можетъ отказаться пойти въ тюрьму ради того, чтобы угодить ей!

— Любовь! Да причемъ тутъ любовь! — воскликнула графиня.—Что общаго между любовью и пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ?—И она призывала и потолокъ, и стѣны въ свидѣтели своего возмущенія и недоумѣнія. — Одному Богу извѣстно, что я думаю о любви не меньше другихъ и ставлю ее очень высоко; я любила не разъ и всегда любила горячо; моя жизнь можетъ служить тому доказательствомъ; но я не признаю любви, по крайней мѣрѣ, для мужчины, тамъ, гдѣ она не встрѣчаетъ взаимности! Безъ взаимнаго отвѣтнаго чувства, любовь не болѣе какъ призракъ, сотканный луннымъ свѣтомъ, самообольщеніемъ, самообманомъ.

— Я смотрю на любовь болѣе отвлеченно и болѣе широко, madame, хотя я увѣренъ, что не болѣе нѣжно, чѣмъ вы; вы женщина, которой я обязанъ такъ много, которая проявила ко мнѣ столько душевной доброты,—сказалъ принцъ.—Однако, все это безполезныя слова! Вѣдь мы здѣсь не для того, чтобы поддерживать пренія, достойныя трубадуровъ, не такъ ли?

— Да, но вы все же забываете объ одномъ, а именно, что если она сегодня составила заговоръ съ Гондремаркомъ противъ вашей свободы, а быть можетъ, и самой жизни вашей, то завтра она можетъ съ нимъ устроить заговоръ и противъ вашей чести.

— Противъ моей чести?—повторилъ принцъ.—Какъ женщина, вы положительно удивляете меня! Если мнѣ не удалось заслужить ея любовь, если я не сумѣлъ заставить ее полюбить себя и я не сумѣлъ сыграть роль мужа, то какое же право я имѣю требовать что-нибудь отъ нея? И какая честь можетъ устоять послѣ столь полнаго пораженія! Я даже не понимаю, о какой моей чести можетъ быть еще рѣчь; вѣдь я становлюсь ей со-

вершенно чужимъ. Если жена моя меня совсѣмъ не любитъ, то почему мнѣ не итти въ ссылку и не дать ей этимъ той полной свободы, которой она ищетъ, которой она хочетъ? И если она любитъ другого человѣка, то гдѣ мнѣ можетъ быть лучше и спокойнѣе, чѣмъ въ той тюрьмѣ? Въ сущности, кто же виноватъ въ этомъ, какъ не я самъ? Вы говорите въ данномъ случаѣ, какъ большинство женщинъ, когда дѣло касается не ихъ лично, а другихъ ихъ сестеръ; вы говорите языкомъ мужчинъ! Предположимъ, что я самъ поддался бы искушенію (а вы лучше чѣмъ кто-либо знаете, что это очень легко могло случиться), я, можетъ быть, дрожалъ бы за свою судьбу, но я все же надѣялся бы на ея прощеніе, и въ такомъ случаѣ мой грѣхъ передъ ней былъ бы все же только измѣной въ чаду любви къ ней. Но позвольте мнѣ сказать вамъ,—продолжалъ Отто съ возрастающимъ возбужденіемъ и одушевленіемъ,—позвольте мнѣ сказать вамъ, madame, что тамъ, гдѣ мужъ своей пустотой, ничтожествомъ, своимъ легкомысліемъ и непростительными прихотями истощилъ терпѣніе жены, тамъ я не допущу, чтобы кто-либо, будь то мужчина или женщина, смѣлъ осуждать ее и клеймить ее. Она свободна, а человѣкъ, котораго она считаетъ достойнымъ ея, ждетъ ее!

— Потому что она не любитъ васъ!—крикнула графиня.— Вотъ вся причина! Но вы знаете, что она вообще совсѣмъ неспособна на подобныя чувства.

— Вѣрнѣе, я былъ рожденъ не способнымъ внушить ихъ къ себѣ,—сказалъ Отто.

На это фонъ Розенъ вдругъ разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Безумецъ!—воскликнула она.—Вотъ до чего доводитъ человѣка ослѣпленіе любви! Да я первая люблю васъ!

— Ахъ, madame,—возразилъ, печально улыбаясь, принцъ,— вы полны состраданія ко мнѣ, и этимъ объясняется все! Но мы напрасно тратимъ слова. Мое рѣшеніе принято; у меня есть даже, если хотите, извѣстная цѣль. И чтобы отплатить вамъ такой же откровенностью, я скажу вамъ, что, поступая такъ, какъ я намѣренъ поступить, я поступаю согласно моимъ интересамъ. Повѣрьте, у меня тоже есть извѣстная склонность къ приключеніямъ, а кромѣ того, вамъ хорошо извѣстно, что здѣсь, при дворѣ, я находился въ ложномъ положеніи, и общественное мнѣніе громко заявляло объ этомъ; такъ позвольте же мнѣ вос-

пользоваться этимъ представляющимся мнѣ выходомъ изъ моего непріятнаго и тяжелаго положенія.

— Если вы безповоротно рѣшили,—сказала фонъ Розенъ,— то зачѣмъ я стану отговаривать васъ, я вамъ открыто признаюсь, что отъ этого я только останусь въ выигрышѣ. Идите съ Богомъ въ ссылку, въ тюрьму и знайте, что вы унесете съ собой мое сердце, или во всякомъ случаѣ, большую его долю, чѣмъ бы я того сама хотѣла. Я буду не спать по ночамъ, думая о вашей печальной судьбѣ; но не бойтесь, я не желала бы передѣлать васъ; вы такой прекрасный, такой героическій безумецъ, что я невольно любуюсь вами; вы приводите меня въ умиленіе, принцъ!

— Увы, madame!—воскликнулъ Отто.—Между нами есть нѣчто, что меня очень смущаетъ и тревожитъ особенно въ эти минуты—это ваши деньги. Я былъ не правъ, я сдѣлалъ дурно, что взялъ ихъ, но вы обладаете такимъ удивительнымъ даромъ убѣжденія, что устоять противъ васъ положительно нельзя. И я благодарю Бога, что еще могу предложить вамъ нѣчто равноцѣнное. Онъ подошелъ къ камину и взялъ съ него какіе-то документы и бумаги.—Вотъ это документы и купчая на ту ферму. Тамъ, куда я теперь отправляюсь, они, конечно, мнѣ будутъ безполезны, а у меня теперь нѣтъ никакого другого средства расплатиться съ вами и нечѣмъ даже отблагодарить васъ за вашу доброту ко мнѣ. Вы ссудили меня безъ всякихъ формальностей, повинуясь исключительно побужденіямъ вашего добраго сердца, но теперь наши роли, можно сказать, измѣнились; солнце принца Отто Грюневальдскаго уже совсѣмъ близко къ закату, но я настолько знаю васъ, что вѣрю, что вы еще разъ откинете въ сторону всѣ формальности и примите то, что этотъ принцъ еще въ состояніи дать вамъ. Повѣрьте мнѣ, что если мнѣ еще суждено испытывать какое-нибудь утѣшеніе въ предстоящей моей жизни, то это утѣшеніе я буду находить въ мысли, что старый крестьянинъ обезпеченъ до конца своей жизни, и что самый великодушный и безкорыстный другъ мой не понесъ убытковъ изъ-за меня.

— Но Боже мой, неужели вы не понимаете, что мое положеніе возмутительно, невыносимо! — воскликнула графиня. — Дорогой принцъ, вѣдь я на вашей погибели созидаю свое благополучіе!

— Тѣмъ болѣе было благородно ваше усиліе склонять меня

къ сопротивленію,—сказалъ Отто.—Это, конечно, не можетъ измѣнить нашихъ отношеній, и потому я въ послѣдній разъ позволю себѣ употребить по отношенію къ вамъ свою власть въ качествѣ вашего государя и просить васъ, взять эти, обезпечивающія васъ, бумаги въ уплату моего долга.—И съ присущей ему граціей и чувствомъ достоинства принцъ насильно заставилъ ее взять бумаги.

— Мнѣ ненавистно даже прикосновеніе къ нимъ, къ этимъ бумагамъ,—сказала фонъ Розенъ.—Ахъ, принцъ, если бы вы только знали, какъ мнѣ васъ жаль!

Наступило непродолжительное молчаніе.

— А въ какое время, madame (если вамъ это извѣстно), должны меня арестовать?—спросилъ Отто.

— Когда это будетъ угодно вашему высочеству!—отвѣтила графиня.—А если бы вы пожелали изорвать этотъ указъ, то и никогда!

— Я предпочелъ бы, чтобы это совершилось скорѣе,—проговорилъ онъ.—Я хочу только успѣть написать одно письмо, которое прошу доставить принцессѣ.

— Хорошо,—сказала госпожа фонъ Розенъ.—Я вамъ совѣтовала, я просила васъ сопротивляться, но если вы, вопреки всему, рѣшили быть безгласны и покорны, какъ овца стригущему ее, то мнѣ остается только итти и принять необходимыя мѣры для вашего ареста. Что за горькая насмѣшка судьбы! Я, которая готова была бы отдать жизнь, чтобы спасти васъ отъ этого, я же должна руководить всѣми подробностями этого ареста. Дѣло въ томъ, что я взялась...—она на минуту замялась,—я взялась устроить все это дѣло, надѣясь, повѣрьте мнѣ, мой дорогой другъ, надѣясь быть вамъ полезной. Клянусь вамъ въ томъ спасеніемъ моей души! Но разъ вы не хотите воспользоваться моими услугами, то хоть, по крайней мѣрѣ, окажите мнѣ сами услугу въ этомъ печальномъ дѣлѣ. Когда вы будете готовы и когда вы сами того пожелаете, приходите къ статуѣ Летящаго Меркурія, къ тому самому мѣсту, гдѣ мы вчера встрѣтились съ вами. Для васъ это будетъ не хуже, а для всѣхъ насъ, я говорю вамъ вполнѣ откровенно, это будетъ гораздо лучше! Вы согласны?

— Конечно! Какъ могли вы въ томъ сомнѣваться, дорогая графиня! Если ужъ я разъ рѣшился на самое главное, то стану

ли я спорить или говорить о подробностяхъ. Идите съ Богомъ и примите мою самую искреннюю, самую горячую благодарность; послѣ того, какъ я напишу нѣсколько строкъ, въ которыхъ я прощусь съ ней, я одѣнусь и немедленно поспѣшу къ указанному мѣсту. Сегодня ночью я не встрѣчу тамъ столь опаснаго молодого кавалера, — добавилъ онъ, улыбаясь съ присущей ему милой любезностью.

Когда госпожа фонъ Розенъ ушла, Отто призвалъ на помощь все свое самообладаніе; онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ затруднительнымъ, горькимъ и обиднымъ положеніемъ, изъ котораго онъ хотѣлъ, если возможно, выйти съ честью, сохранивъ свое чувство достоинства. Что касается самаго важнаго факта, то въ этомъ отношеніи онъ ни минуты не колебался и не раздумывалъ. Онъ вернулся къ себѣ послѣ своего разговора съ Готтхольдомъ до того разстроенный, разбитый душевно, до того потрясенный и измученный, до того жестоко униженный и пристыженный, что теперь онъ встрѣтилъ эту мысль о заточеніи почти съ чувствомъ облегченія. Это былъ во всякомъ случаѣ шагъ, который ему казалось можно было считать безупречнымъ, и кромѣ того, это былъ выходъ изъ его мучительнаго общественнаго положенія.

Онъ сѣлъ и взялъ перо въ руки, чтобы написать письмо Серафинѣ; и вдругъ въ его душѣ вспыхнулъ гнѣвъ. Длинная вереница его снисхожденій, его попустительствъ, его долготерпѣніе вдругъ воскресли въ его памяти; и все это теперь у него передъ глазами превратилось въ нѣчто чудовищное; но еще болѣе чудовищными представлялись ему та холодность, тотъ черствый эгоизмъ и та жестокость, какія были необходимы для того, чтобы вызвать подобное поведеніе. И перо такъ сильно дрожало теперь въ его рукѣ, что онъ принужденъ былъ подождать, прежде чѣмъ начать писать. Теперь онъ и самъ былъ удивленъ, даже пораженъ тѣмъ, какъ это его покорность судьбѣ вдругъ разомъ исчезла и уступила мѣсто чувству глубокаго возмущенія; и несмотря на всѣ свои усилія, онъ уже не могъ вернуть ее себѣ, ни вернуть себѣ прежнее спокойствіе духа. Онъ прощался съ принцессой въ нѣсколькихъ раскаленныхъ, какъ раскаленное до-бѣла желѣзо, словахъ, прикрывая клокотавшее въ его душѣ возмущеніе и отчаяніе именемъ любви и называя свое бѣшенство прощеніемъ...

Затѣмъ онъ окинулъ прощальнымъ взглядомъ свои комнаты; выйдя въ садъ, онъ взглянулъ на дворецъ, который столько лѣтъ былъ его дворцомъ и отнынѣ пересталъ принадлежать ему, и поспѣшилъ къ назначенному мѣсту, сознавая себя добровольнымъ плѣнникомъ любви или собственной гордости.

Онъ вышелъ изъ дворца тѣмъ маленькимъ интимнымъ ходомъ, которымъ онъ бывало такъ часто уходилъ въ менѣе торжественныя минуты. Привратникъ выпустилъ его, ничуть не удивленный его уходомъ. Отрадная прохлада ночи и ясное звѣздное небо встрѣтили его за порогомъ его родного дома, который онъ теперь покидалъ вѣроятно навсегда. Отто оглянулся кругомъ и глубоко вдохнулъ въ себя ночной воздухъ, пропитанный ароматомъ земли. Онъ поднялъ глаза къ небу, и безпредѣльный небесный сводъ подѣйствовалъ какъ-то успокоительно на его душу. Его крошечная, ничтожная, чванливо раздутая жизнь разомъ съежилась до ея настоящихъ размѣровъ, и онъ вдругъ увидѣлъ себя, этого великаго мученика съ пламенѣющимъ въ груди сердцемъ—крошечной былинкой, едва примѣтной подъ безпредѣльнымъ, холоднымъ, яснымъ небомъ. При этомъ онъ почувствовалъ, что его жгучія обиды уже больше не жгли его душу, что волновавшія его чувства улеглись въ его груди, что терзавшія его мысли, какъ будто разлетѣлитъ или заснули. Чистый свѣжій ночной воздухъ здѣсь, подъ открытымъ небомъ, и тишина уснувшей природы своимъ безмолвіемъ какъ будто отрезвили его, и онъ невольно облегчилъ свою душу, прошептавъ: «я прощаю ее, и если ей нужно мое прощеніе, то я даю его ей отъ всей души!.. Богъ съ ней!»..

И быстрымъ легкимъ шагомъ онъ бодро прошелъ черезъ садъ, вышелъ въ паркъ и дошелъ до статуи Летящаго Меркурія. Въ этотъ моментъ какая-то темная фигура отдѣлилась отъ пьедестала и приблизилась къ нему.

— Прошу извиненія, сударь,—сказалъ мягкій мужской голосъ,—но я позволю себѣ спросить васъ, не ошибаюсь ли я, принимая васъ за его высочество, принца Отто? Мнѣ было сказано, что принцъ разсчитываетъ найти меня здѣсь.

— Мнѣ кажется, что со мной говоритъ господинъ Гордонъ?—спросилъ Отто.

— Да, полковникъ Гордонъ, — отозвался офицеръ. — Это столь щекотливое дѣло, столь деликатное и столь непріятное для

человѣка, на котораго оно возложено, что для меня является громаднымъ облегченіемъ, что все идетъ такъ гладко до сихъ поръ. Экипажъ здѣсь, онъ ждетъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда; разрѣшите мнѣ, ваше высочество, слѣдовать за вами?

— Въ настоящее время я дожилъ, полковникъ, до того счастливаго момента въ моей жизни, когда мнѣ приходится получать разрѣшеніе, а не отдавать приказанія,—сказалъ принцъ.

— Весьма философское замѣчаніе, ваше высочество,—промолвилъ полковникъ,—чрезвычайно умѣстное и мѣткое. Положительно его можно было бы приписать Плутарху. Къ счастью, я совершенно чуждъ по крови и вашему высочеству, и всѣмъ въ этомъ княжествѣ. Но даже и при этихъ условіяхъ это возложенное на меня порученіе мнѣ очень не по душѣ. Однако, какъ теперь уже измѣнить этого нельзя, такъ какъ съ моей стороны, мнѣ кажется, должное уваженіе къ особѣ вашего высочества ничѣмъ не было нарушено, насколько это въ моей власти, а ваше высочество принимаетъ все это такъ хорошо, что я начинаю надѣяться, что мы прекрасно проведемъ время въ дорогѣ; да положительно прекрасно, я въ томъ увѣренъ! Вѣдь, въ сущности, тюремщикъ тотъ же сотоварищъ по заключенію, если присмотрѣться поближе!

— Могу я васъ спросить, г. Гордонъ, что побудило васъ принять на себя эти опасныя и, какъ мнѣ кажется, неблагодарныя обязанности?—спросилъ Отто.

— Весьма простая причина, какъ мнѣ кажется, — совершенно спокойно отвѣтилъ наемный офицеръ.—Я покинулъ родину и пріѣхалъ служить сюда, чтобы заработать копѣйку, а на этомъ посту мнѣ обѣщано двойное жалованіе.

— Ну, что же, я не стану васъ осуждать, милостивый государь,—сказалъ принцъ,—у каждаго человѣка свои соображенія. А вотъ и экипажъ!

Дѣйствительно, на перекресткѣ двухъ аллей парка стоялъ экипажъ, запряженный четверкой, замѣтный среди темноты по зажженнымъ фонарямъ, а нѣсколько дальше, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ожидавшаго экипажа, въ тѣни деревьевъ выстроилось человѣкъ двадцать уланъ въ конномъ строю, назначенныхъ для эскорта принца.

XIII. Спасительница фонъ Розенъ: дѣйствіе третье— она раскрываетъ глаза Серафинѣ.

Когда госпожа фонъ Розенъ вышла отъ принца, то она прямо поспѣшила къ полковнику Гордону и, не удовольствовавшись передачей своихъ распоряженій и предписаній, лично проводила полковника къ статуѣ Летящаго Меркурія. Понятно, что полковникъ предложилъ ей руку, и разговоръ между этими двумя заговорщиками завязался громкій и оживленный. Дѣло въ томъ, что графиня въ этотъ вечеръ была, можно сказать, въ угарѣ торжества и сильныхъ впечатлѣній; все ей удавалось какъ нельзя лучше, и смѣхъ и слезы одинаково просились у нее сегодня наружу. Глаза ея горѣли и сіяли гордостью и удовольствіемъ, румянецъ котораго обыкновенно недоставало ея лицу, теперь горѣлъ у пей на щекахъ, дѣлая ее необычайно красивой; еще немножко и Гордонъ былъ бы у ея ногъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ думала она и вмѣстѣ съ тѣмъ презрительно отворачивалась отъ этой мысли.

Притаившись въ темныхъ кустахъ, она съ особымъ интересомъ слѣдила за всей процедурой ареста, жаднымъ слухомъ ловя каждое слово обоихъ мужчинъ и прислушиваясь къ ихъ удаляющимся шагамъ. Вскорѣ послѣ того послышался шумъ колесъ экипажа и топотъ копытъ сопровождавшаго его эскорта, явственно раздававшійся въ чистомъ ночномъ воздухѣ, и мало-по-малу и этотъ шумъ, постепенно удаляясь, замеръ вдали. Принцъ уѣхалъ.

Госпожа фонъ Розенъ взглянула на часы и рѣшила, что у нея остается то, что она приберегла себѣ сегодня на закуску, какъ самый лакомый кусокъ изо всей программы сегодняшняго дня. Съ этой мыслью она поспѣшила вернуться во дворецъ и, опасаясь, что Гондремаркъ успѣетъ прибыть туда раньше ее и помѣшать ея намѣренію, она, не теряя ни минуты, приказала доложить о себѣ принцессѣ, съ настоятельной просьбою принять ее безотлагательно. Такъ какъ ей прекрасно было извѣстно, что ей, какъ графинѣ фонъ Розенъ, просто неминуемо будетъ отказано въ этомъ несвоевременномъ пріемѣ, то она приказала доложить о себѣ, какъ о посланной барона, въ качествѣ каковой и была тотчасъ же допущена къ принцессѣ.

Серафина сидѣла одна за маленькимъ столомъ, на которомъ былъ сервированъ обѣдъ, и дѣлала видъ, будто она кушаетъ, но на самомъ дѣлѣ у нее куски останавливались въ горлѣ, и, кромѣ того, она не чувствовала ни малѣйшаго аппетита. Щеки ея поблѣднѣли и осунулись, вѣки отяжелѣли; она не ѣла и не спала со вчерашняго дня; даже туалетъ ея не отличался обыкновенной тщательностью, а напротивъ того, былъ нѣсколько небреженъ. Словомъ, она была и нездорова, и не весела, и не авантажна, и на душѣ у нея было какъ-то тяжело, потому что совѣсть ея не давала ей покоя. Переступивъ порогъ, графиня сразу сравнила ее съ собой и отъ сознанія своего превосходства въ этотъ моментъ, красота ея засіяла побѣднѣе и лучезарнѣе прежняго. Такова ужъ была эта женщина, любившая и умѣвшая всегда и вездѣ побѣждать и властвовать.

— Вы являетесь сюда, madame, отъ имени барона фонъ Гондремарка?—протянула принцесса.—Прошу садиться, я васъ слушаю. Что вы имѣете сказать?

— Что я имѣю сказать,—повторила фонъ Розенъ.—О, много, очень много! Много такого, чего бы я предпочла не говорить вамъ, и много такого, о чемъ придется умолчать, хотя я бы охотно вамъ это сказала! У меня, видите ли, ваше высочество, такой нравъ, что мнѣ всегда хочется сдѣлать то, что бы не слѣдовало дѣлать, или что я не должна была бы дѣлать! Но будемъ кратки! Я вручила принцу вашъ указъ; въ первый моментъ онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ: «Ахъ, воскликнулъ онъ,—неужели это возможно! Дорогая, madame фонъ Розенъ, я не могу этому повѣрить; я долженъ услышать объ этомъ изъ вашихъ устъ. Моя жена, бѣдная дѣвочка, попавшая въ дурныя руки. Она во многомъ заблуждается, но она не глупая, и не жестокая».—«Mon prince,—отвѣтила я ему на это,—она дѣвочка и потому жестока; дѣти давятъ мухъ, дѣти обрываютъ имъ крылья».—Но ему бѣдному, очевидно, было такъ трудно понять вашъ поступокъ.

— Madame фонъ Розенъ,—сказала Серафина самымъ спокойнымъ и сдержаннымъ тономъ, но съ замѣтнымъ наростаніемъ гнѣва въ голосѣ и въ выраженіи лица, — кто прислалъ васъ сюда и съ какою цѣлью? Потрудитесь передать мнѣ то, что вамъ было поручено.

— О, madame, я полагаю, что вы прекрасно понимаете

меня,—возразила графиня.—Я не обладаю вашимъ философскимъ складомъ ума, я ношу свое сердце у всѣхъ на виду, какъ брелокъ; оно такое маленькое, и я часто перевѣшиваю его съ правой руки на лѣвую, это всѣ знаютъ,—и она весело засмѣялась.

— Изъ вашихъ словъ я должна, повидимому, заключить, что принцъ былъ арестованъ? — спросила Серафина, возвращаясь къ главной темѣ разговора и перебивая свою собесѣдницу, и при этомъ она встала изъ-за стола, желая этимъ дать понять графинѣ, что аудіенція кончена.

Но госпожа фонъ Розенъ оставалась все въ той же небрежно граціозной позѣ въ низкомъ креслѣ, въ которомъ она сидѣла до сихъ поръ, и въ отвѣтъ на вопросъ принцессы отвѣтила:

— Да, пока вы здѣсь спокойно обѣдали!—и въ голосѣ ея звучалъ ѣдкій, вызывающій упрекъ.

— Вы выполнили возложенное на васъ порученіе,—сказала принцесса, стараясь сохранить свое спокойствіе и свое чувство собственнаго достоинства,—и я васъ больше не задерживаю.

— О, нѣтъ, madame, — возразила графиня, прошу меня извинить, я еще далеко не кончила, я еще далеко не все сказала вамъ. Я очень много вынесла сегодня, служа вамъ, — и говоря это, она раскрыла свой вѣеръ, и хотя пульсъ ея бился медленно и лѣниво, ея волненіе сказывалось исключительно только въ необычайномъ блескѣ ея глазъ, въ яркомъ румянцѣ ея щекъ и въ томъ почти дерзкомъ, торжествующемъ выраженіи, съ какимъ она теперь смотрѣла на принцессу. Между этими двумя женщинами были старые счеты, соперничество во многихъ отношеніяхъ, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось графинѣ фонъ Розенъ; и на этотъ разъ она рѣшила вкусить полностью радость торжества и побѣды надъ своею соперницей.

— Вы мнѣ не слуга, madame фонъ Розенъ,—сказала Серафина.

— Нѣтъ, madame, я вамъ, дѣйствительно, не слуга, никогда ею не была и не намѣрена быть! Мы обѣ служимъ одному и тому же человѣку, какъ это вамъ должно быть извѣстно, а если же вамъ неизвѣстно, то я имѣю честь васъ объ этомъ увѣдомить. Ваше поведеніе до того легкомысленно, до того легкомысленно... И она стала шевелить своимъ вѣеромъ, граціозно перекидывая его изъ стороны въ сторону, такъ что отъ этого движенія полу-

чалось впечатлѣніе порхающей бабочки. — Вы, быть можетъ, сами того не сознаете, а это тѣмъ опаснѣе,—добавила она и, сложивъ свой вѣеръ, она положила его себѣ на колѣни и нѣсколько измѣнила свою небрежную позу на болѣе строгую.— Право, я была бы очень огорчена видѣть въ подобныхъ условіяхъ и въ такомъ странномъ двухсмысленномъ положеніи любую молодую женщину. Вы вступили въ жизнь со всѣми преимуществами, какихъ только можно было желать: съ преимуществами положенія, рода, состоянія; вы вступили въ бракъ, вполнѣ соотвѣтствующій вашему сану, съ человѣкомъ привлекательнѣйшей наружности и прекраснѣйшей души; при всемъ томъ, вы недурненькая. И что вы со всѣмъ этимъ сдѣлали?! Посмотрите вы на себя и спросите себя, до чего вы дошли! Бѣдная дѣвочка, страшно даже подумать о томъ, что вы съ собою сдѣлали! Да, ничто не можетъ принести женщинѣ столько вреда, какъ легкомысліе и необдуманность ея поступковъ,—наставительно замѣтила фонъ Розенъ въ заключеніе и снова раскрыла свой вѣеръ и принялась имъ обмахиваться съ самодовольнымъ видомъ, въ которомъ ясно чувствовалось сознаніе своего превосходства.

— Я не позволю вамъ продолжать такъ забываться со мной! — гнѣвно крикнула Серафина. — Мнѣ положительно кажется, что вы потеряли разсудокъ.

— О, нѣтъ,—возразила госпожа фонъ Розенъ,—во всякомъ случаѣ мой разсудокъ еще настолько здравъ, что позволяетъ мнѣ сознавать, что сегодня вы не посмѣете довести со мной дѣло до явнаго разрыва, и что я могу этимъ воспользоваться для своихъ цѣлей. Я хочу вамъ сказать, что оставила моего бѣднаго prince charmant, плачущимъ изъ-за безчувственной деревянной куклы, не стоющей ни единой его слезы! У меня сердце мягкое, и я люблю своего бѣдненькаго, хорошенькаго принца. Вы никогда не сумѣете этого понять, но я настолько его люблю, что желала бы подарить ему эту куклу, чтобы осушить его слезы, чтобы увидѣть его счастливымъ и довольнымъ. Онъ такъ этого стоитъ! У него такая нѣжная душа и такое удивительно вѣрное сердце... Ахъ, вы недозрѣлая слива!—воскликнула графиня, разомъ захлопнувъ свой вѣеръ и указывая имъ на Серафину, и вѣеръ задрожалъ теперь въ ея рукѣ, а глаза ея горѣли, и голосъ звучалъ задушевно, тепло и красиво.—Ахъ, деревянная кукла! Развѣ у васъ есть сердце въ груди! Развѣ у васъ есть въ жилахъ кровь!

Развѣ въ васъ есть что-нибудь живое, человѣческое? А этотъ человѣкъ, безумное дитя, этотъ человѣкъ любитъ васъ! И такой любви вы не встрѣтите другой разъ въ вашей жизни! Повѣрьте мнѣ, это бываетъ не часто! Красавицы и умницы часто тщетно ищутъ такой любви и очень, очень рѣдко находятъ ее; а вы, жалкій подростокъ, топчете ногами этотъ драгоцѣнный алмазъ! Если бы вы только знали, какъ вы глупы съ вашимъ смѣшнымъ честолюбіемъ! Прежде чѣмъ браться управлять государствомъ, вамъ слѣдовало бы научиться какъ себя вести у себя дома, въ своей семьѣ! Потому что домъ—это истинное царство женщины!

И графиня на минуту смолкла и разсмѣялась страннымъ жуткимъ смѣхомъ, придававшемъ ея красивому лицу тоже какое-то странное, жуткое выраженіе.—Я скажу вамъ, такъ и быть, одну изъ тѣхъ вещей, которыя должны были оставаться не сказанными,—продолжала графиня,—а именно, фонъ Розенъ лучшая женщина, чѣмъ вы, принцесса, хотя вы, конечно, никогда не дадите себѣ труда понять это и не захотите съ этимъ согласиться Но вотъ вамъ для примѣра одно маленькое доказательство: когда я вручила вашъ указъ принцу и посмотрѣла на него, на его милое, блѣдное лицо, вся душа во мнѣ перевернулась, и,—о, я откровенна, сударыня, я не люблю скрывать того, что я дѣлаю, —и я предложила ему найти утѣшеніе въ моихъ объятіяхъ, я предложила ему уничтожить этотъ позорный, этотъ возмутительный указъ!—И говоря эти слова, она сдѣлала шагъ впередъ, простирая впередъ руки красивымъ царственнымъ движеніемъ, и вся она была въ этотъ моментъ такая величественная и гордая, и полная сознанія своей силы и мощи.—Да, я раскрыла передъ нимъ свои объятія и обѣщала дать ему забвеніе и отдыхъ.

Серафина при этомъ невольно попятилась, а фонъ Розенъ насмѣшливо воскликнула:

— О, не бойтесь, madame, я не вамъ предлагаю это надежное убѣжище. Въ цѣломъ мірѣ есть только одинъ человѣкъ, который въ немъ нуждается, и этого человѣка вы убрали съ своей дороги!—«Если это будетъ для нее радостью, я радъ былъ бы принять даже мученическій вѣнецъ,—сказалъ принцъ,—я готовъ цѣловать свои терніи!»—И я говорю вамъ чистосердечно, я отдала ему въ руки вашъ указъ и умоляла его противиться! Теперь вы, предавшая своего мужа, можете предать и меня Гондремарку! Но мой принцъ никого не хотѣлъ предать, никого! И

поймите,—крикнула графиня,—поймите, что только благодаря его кротости и долготерпѣнію, благодаря его безконечной самоотверженной любви къ вамъ, вы теперь еще сидите здѣсь, въ его дворцѣ, изъ котораго вы изгнали его, изъ дворца, гдѣ онъ родился и жилъ, гдѣ жилъ и его отецъ, и всѣ его предки! Поймите, что въ его власти было перемѣнить игру; я дала ему эту власть. Но онъ не воспользовался ею! Если бы онъ только захотѣлъ, онъ могъ написать подобный же указъ и уничтожить вашъ; онъ могъ обвинить васъ передъ лицомъ всего народа въ предательствѣ и государственной измѣнѣ. Онъ прирожденный принцъ Грюневальда, а вы чужая здѣсь! И онъ не захотѣлъ и добровольно пошелъ въ изгнанье и въ тюрьму вмѣсто васъ!

Теперь заговорила принцесса, и въ голосѣ ея слышалось подавленное горе и отчаяніе.

— Ваша запальчивость и ваши обвиненія поражаютъ и огорчаютъ меня, но я не могу сердиться на васъ за нихъ, потому что онѣ во всякомъ случаѣ дѣлаютъ честь вашему доброму сердцу. Мнѣ дѣйствительно слѣдовало узнать все, о чемъ вы мнѣ сейчасъ говорили, и я снизойду до того, что скажу вамъ, что я съ громаднымъ сожалѣніемъ и неохотой вынуждена была рѣшиться на этотъ шагъ. Повѣрьте, я во многомъ цѣню принца и отдаю должное многимъ его качествамъ. Я признаю его весьма пріятнымъ и привлекательнымъ во многихъ отношеніяхъ. Это было большимъ несчастьемъ для насъ обоихъ, быть можетъ, въ томъ была даже отчасти моя вина, что мы такъ мало подходили другъ другу. Но я очень цѣню и уважаю въ немъ нѣкоторыя его качества. И будь я частное лицо, я, вѣроятно, смотрѣла бы на него такъ же, какъ смотрите вы. Я знаю, что трудно считаться съ требованіями государственныхъ соображеній, и повѣрьте, я съ глубокимъ возмущеніемъ покорилась требованіямъ высшаго долга. Какъ только я получу возможность, безнаказанно для государственныхъ интересовъ, вернуть свободу принцу, я обѣщаю вамъ сдѣлать это немедленно; обѣщаю вамъ немедленно позаботиться объ этомъ. Многіе на моемъ мѣстѣ не простили бы вамъ вашей вольности, но я стараюсь забыть о ней.

И она взглянула на графиню почти съ состраданіемъ.—Я не такъ уже безчеловѣчна, какъ вы полагаете,—добавила она.

— И вы можете сопоставлять и сравнивать всѣ эти госу-

дарственные передряги и безпорядки съ любовью человѣка?!— воскликнула фонъ Розенъ.

— Но вѣдь эти государственные безпорядки являются вопросомъ жизни и смерти для многихъ сотенъ людей, и для принца, и, быть можетъ, для васъ самой въ томъ числѣ, madame фонъ Розенъ!—сказала принцесса съ достоинствомъ.—Я научилась, хотя я еще очень молода, научилась въ тяжелой школѣ умѣть отводить своимъ личнымъ чувствамъ всегда самое послѣднее мѣсто.

— О, святая простота!—воскликнула фонъ Розенъ.—Да неужели же это возможно, что вы ничего не знаете и не подозрѣваете? Неужели вы не видите той интриги, въ которой вы запутались, какъ муха въ паутинѣ?! Нѣтъ, право, мнѣ васъ жаль, сердечно жаль! Вѣдь, въ сущности, мы обѣ женщины! Бѣдная дѣвочка! Неужели же это въ самомъ дѣлѣ возможно! Такая наивность! Такое младенческое невѣдѣніе!.. Впрочемъ, кто рожденъ женщиной, тотъ рожденъ неразумной и безразсудной! И хотя я ненавижу женщинъ вообще за ихъ мелочность, за ихъ узкость взглядовъ, за ихъ глупость и безсердечіе, но во имя этого общаго нашего безумія я прощаю васъ!.. — И немного погодя она продолжала уже совершенно инымъ тономъ:

— Ваше высочество,—сказала она и при этомъ сдѣлала глубокій, чисто театральный реверансъ,—я намѣрена оскорбить васъ и выдать головой человѣка, котораго называютъ моимъ любовникомъ и не только моимъ, но и... И если вашему высочеству будетъ угодно воспользоваться тѣмъ оружіемъ, которое я сейчасъ дамъ вамъ въ руки, безъ всякихъ оговорокъ и условій, вы легко можете погубить меня; я это знаю и предоставляю себя всецѣло на вашу волю. О, Боже, что это за французская комедія или мелодрама разыгрывается у насъ здѣсь! Вы предаете! Я предаю! Мы предаемъ! Теперь очередь за мной, я должна подавать реплику. Такъ вотъ она: письмо!—И госпожа фонъ Розенъ вынула изъ-за корсажа нераспечатанное письмо.—Взгляните на него, madame, вы видите, оно еще не распечатано; печать не тронута, и оно не вскрыто; такимъ, какъ вы видите его, я нашла его на моемъ столикѣ у моей кровати сегодня утромъ; я не читала его, потому что была не въ настроеніи, потому что я получаю этихъ писемъ такъ много, что они меня совсѣмъ не интересуютъ и не забавляютъ; такого вниманія я удостаиваюсь

уже слишкомъ часто; чаще всего я ихъ бросаю въ каминъ. Но ради васъ самихъ, ради моего бѣднаго prince charmant, и даже ради этого великаго государства, тяжесть котораго ложится такимъ страшнымъ грузомъ на вашу совѣсть, распечатайте это письмо и прочтите его.

— Неужели я должна понять изъ вашихъ словъ, что въ этомъ письмѣ есть нѣчто, касающееся меня?—спросила принцесса.

— Вы видите, что я его еще не вскрывала и не читала,— отвѣтила фонъ Розенъ;—но письмо это принадлежитъ мнѣ, оно мнѣ адресовано, и я прошу васъ ознакомиться съ его содержаніемъ.

— Я не могу заглянуть въ него раньше, чѣмъ это сдѣлаете вы, — возразила Серафина настойчиво. — Вѣдь это частное письмо, и въ немъ можетъ быть что-нибудь, чего мнѣ не слѣдуетъ знать.

Тогда графиня при Серафинѣ сорвала конвертъ, мелькомъ пробѣжала глазами содержаніе письма и отбросила его отъ себя. Принцесса взяла его въ руки и сразу узнала почеркъ Гондремарка. Затѣмъ она прочла съ болѣзненнымъ возмущеніемъ и чувствомъ горькой обиды слѣдующія строки:

«Драгоцѣнная моя Анна, приходи сейчасъ же. Ратафія сдѣлала то, что отъ нея требовалось: ея супругъ будетъ запрятанъ въ тюрьму сегодня же; это обстоятельство, какъ ты сама хорошо понимаешь, отдаетъ ее всецѣло въ мою власть. Теперь эта мартышка, эта жеманница, въ моихъ рукахъ. Le tour est joué! Теперь она будетъ послушно ходить въ хомутѣ, не то я буду знать, какъ съ ней управиться. Приходи скорѣе!

Генрихъ».

— Овладѣйте собою, madame! Сдѣлайте надъ собой усиліе!—сказала фонъ Розенъ, не на шутку встревоженная при видѣ разомъ побѣлѣвшаго, какъ салфетка, лица Серафины. — Поймите, что вы тщетно стали бы бороться съ Гондремаркомъ. Сила онъ, а не вы! У него есть другіе рессурсы, болѣе важные и значительные, чѣмъ фаворъ при дворѣ. Онъ въ дворѣ не нуждается, но дворъ очень нуждается въ немъ, потому что, если онъ только захочетъ, онъ завтра же сотретъ весь этотъ дворъ съ лица земли однимъ своимъ словомъ. Я не предала бы его, если

бы я не знала Генриха. Онъ настоящій мужчина и всегда играетъ съ подобными вамъ, какъ съ маріонетками, которыхъ онъ заставляетъ плясать подъ свою музыку. Но теперь вы, по крайней мѣрѣ, видите, ради чего вы пожертвовали моимъ принцемъ, madame! Вы такая умная, такая дальновидная, такая дѣловая женщина, которую первый умный и ловкій мужчина льстивыми словами одурачилъ и провелъ, какъ глупаго ребенка! Madame, подать ли вамъ вина? Я была жестока, простите!

— Нѣтъ, вы были не жестоки, вы были цѣлительны,—сказала Серафина съ блѣдной улыбкой.—Благодарю васъ, мнѣ не надо ничьихъ услугъ. Меня это все поразило только въ первый моментъ, вслѣдствіе неожиданности; будьте добры, дайте мнѣ нѣсколько минутъ времени; мнѣ нужно собраться съ мыслями... мнѣ нужно подумать...—И она взялась за голову обѣими руками и погрузилась въ созерцаніе невыразимаго хаоса мыслей и чувствъ, бушевавшихъ въ ней.

— То, что я сейчасъ узнала, я узнала какъ разъ тогда, когда мнѣ это особенно важно было знать,—сказала она;—я не поступила бы такъ, какъ поступили вы, но тѣмъ не менѣе я вамъ очень благодарна. Я весьма обманулась въ баронѣ Гондремаркѣ.

— О, madame, оставьте барона Гондремарка, подумайте лучше о принцѣ! Онъ вамъ ближе долженъ быть!—досадливо воскликнула фонъ Розенъ.

— Вы опять говорите, какъ частный человѣкъ, а не какъ лицо общественное и офиціальное,—сказала принцесса.—Я васъ не осуждаю, но поймите, что мои мысли отвлечены болѣе важными вопросами. Но я вижу, однако, что вы дѣйствительно другъ моему,—она замялась,—другъ ему... другъ принцу Отто,—выговорила она, наконецъ.—Я вручу вамъ сейчасъ же указъ о его освобожденіи. Дайте мнѣ письменный приборъ, вонъ тамъ, съ того стола... такъ, благодарю. — И она написала другой собственноручный указъ, крѣпко опираясь рукой на столъ, такъ какъ рука ея сильно дрожала.—Но помните, madame,—сказала она, передавая фонъ Розенъ указъ объ освобожденіи принца,—что этимъ указомъ вы не должны ни пользоваться, ни даже упоминать о немъ въ настоящій моментъ, то есть раньше, чѣмъ я не переговорю съ барономъ; всякій поспѣшный шагъ можетъ быть пагубнымъ для всѣхъ насъ. Я положительно теряюсь въ мысляхъ

и предположеніяхъ. Эта неожиданность выбила меня изъ колеи, я такъ потрясена...

— Я обѣщаю вамъ не пользоваться этимъ указомъ до того момента, когда вы сами дадите мнѣ на то ваше разрѣшеніе,— сказала фонъ Розенъ;—хотя я бы очень желала увѣдомить о немъ принца, это было бы для него такимъ утѣшеніемъ. Ахъ, да, я и забыла, вѣдь онъ оставилъ вамъ письмо. Дозвольте мнѣ принести его вамъ. Кажется, эта дверь на половину принца?—и она хотѣла отворить ее.

— Дверь замкнута,—сказала Серафина, густо покраснѣвъ.

— О! О!—воскликнула графиня и отошла отъ двери.

Наступило довольно неловкое молчаніе.

— Я сама принесу сюда это письмо,—сказала Серафина,— а васъ я попрошу теперь меня оставить; я очень благодарна вамъ, но чувствую потребность остаться одной и буду весьма признательна, если вы уйдете.

На это графиня отвѣтила глубокимъ реверансомъ и удалилась.

XIV. Въ которой повѣствуется о причинѣ и взрывѣ революціи въ Грюневальдѣ.

Несмотря на присущее ея характеру мужество и на свой смѣлый и рѣшительный умъ, въ первый моментъ, когда она, наконецъ, осталась одна, Серафина принуждена была ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Ея маленькій міръ, вся ея вселенная рухнула разомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Она въ сущности никогда не любила и никогда не вѣрила вполнѣ Гондремарку и постоянно допускала возможность, что его дружба окажется ненадежной; но отъ этого до того, что ей пришлось сейчасъ узнать о немъ, до полнаго отсутствія въ немъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ доблестей, которыя она чтила и уважала въ немъ, до низкаго интригана, пользовавшагося ею для своихъ личныхъ цѣлей, разстояніе было громадное и разочарованіе потрясающее. Проблески свѣта и моменты полнаго мрака смѣнялись одни другими въ ея бѣдной головѣ. То она вѣрила всему, что слышала и что узнала, то она отрицала возможность того, что ей пришлось узнать. Сама едва сознавая, что она дѣлаетъ, Серафина стала

искать глазами письмо, но фонъ Розенъ, которая не забыла захватить съ собой документы и бумаги отъ принца, не забыла также захватить и письмо отъ принцессы. Дѣло въ томъ, что фонъ Розенъ была старый вояка, и въ моменты самаго сильнаго волненія умъ ея не затуманивался, а какъ будто еще болѣе обострялся. Мысль объ этомъ возмутительномъ письмѣ привела ей на память другое письмо, письмо Отто. Она встала и поспѣшно прошла на половину принца; въ головѣ у нея все еще путались мысли. Когда она вошла въ оружейную принца, ту комнату, гдѣ онъ чаще всего проводилъ то время, когда бывалъ дома, въ ней шевельнулось какое-то странное дѣтское чувство страха. Здѣсь находился, ожидая возвращенія своего господина, старый камердинеръ Отто. При видѣ чужого лица смотрѣвшаго, какъ ей казалось, на ея растерянное, разстроенное лицо, въ ней заговорилъ гнѣвъ, и она сердито приказала:

— Уйдите!

И когда старикъ повернулся и покорно пошелъ къ двери, она вдругъ остановила его.

— Постойте,—сказала она,—передайте, чтобы какъ только баронъ фонъ Гондремаркъ прибудетъ во дворецъ, чтобы его пригласили пожаловать сюда,—онъ застанетъ меня здѣсь.

— Слушаю-съ, я передамъ въ точности,—сказалъ старикъ.

— Да, тутъ должно быть письмо для меня...—начала она и вдругъ оборвала.

— Ваше высочество найдете это письмо на томъ столѣ,—сказалъ старый слуга.—Мнѣ не было дано никакихъ распоряженій относительно его, иначе бы вашему высочеству не пришлось самой безпокоиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—закричала она.—Благодарю васъ, я найду, я желаю быть одна.

И какъ только дверь за старикомъ затворилась, какъ только она осталась одна, Серафина бросилась къ столу и схватила письмо какъ добычу. Въ мысляхъ у нея все еще было смутно и туманно; ея разсудокъ, какъ мѣсяцъ въ облачную ночь, то скрывался за тучами, то выплывалъ изъ нихъ и ярко свѣтился на мгновеніе, а затѣмъ опять его заслоняли облака; такъ и ея мысли то становились ясными, то ихъ заволакивалъ какъ будто

какой-то туманъ; и минутами она понимала, что читаетъ, а минутами смыслъ словъ ускользалъ отъ нея.

«Серафина,—писалъ принцъ,—я не напишу здѣсь ни слова упрека; я видѣлъ вашъ собственноручный указъ и я ухожу, покоряясь вашей волѣ. И что оставалось мнѣ дѣлать? Я истратилъ, я израсходовалъ на васъ напрасно весь запасъ горѣвшей во мнѣ любви, и больше у меня ея не осталось! Сказать вамъ, что я вамъ прощаю, безполезно; теперь мы съ вами разстались, наконецъ, навсегда, по вашей волѣ, и этимъ вы освободили меня отъ моихъ добровольныхъ узъ. Я ухожу въ заточеніе свободнымъ человѣкомъ. Я ушелъ теперь изъ вашей жизни, и вы можете, наконецъ, вздохнуть свободно, хотя мнѣ казалось, что насколько это отъ меня зависѣло, я никогда не мѣшалъ вамъ жить и дышать свободно; теперь вы избавились отъ супруга, который позволялъ вамъ покидать и игнорировать себя, и отъ принца, который передалъ вамъ свою власть и свои права, которыми вы воспользовались для того, чтобы столкнуть его съ того трона, на который онъ васъ возвелъ, а также избавились вы и отъ влюбленнаго, который полагалъ свою гордость въ томъ, что всегда выступалъ вашимъ защитникомъ у васъ за спиной и никому не позволялъ не только оскорблять, но даже и злословить васъ за глаза. Чѣмъ вы мнѣ за все это отплатили, вамъ, вѣроятно, подскажетъ когда-нибудь ваше собственное сердце, гораздо громче, чѣмъ это могли бы сдѣлать мои слова. Настанетъ день, когда ваши пустыя мечты разлетятся какъ дымъ, и вы увидите себя всѣми покинутой; вы останетесь одна, и никто не пожалѣетъ васъ, никто не заступится за васъ. Тогда вы вспомните

Отто».

Она читала эти послѣдніе строки съ чувствомъ невыразимаго ужаса. Да, этотъ день уже насталъ! Она была одна. Она была лжива, неискренна, она была безсердечна и жестока,—и теперь раскаяніе грызло ее. Но затѣмъ болѣе рѣзкой нотой врывался въ ея душу, заглушая на время все остальное, голосъ честолюбія, голосъ ея оскорбленной гордости. Она была одурачена! Она оказалась безпомощной! Она обманулась сама, пытаясь обойти своего мужа! Да, не она обошла, а ее обошли! И всѣ эти годы она жила, питаясь грубой лестью; она вдыхала въ себя ядъ обмана, была шутомъ, дергунчикомъ, въ рукахъ ловкаго негодяя!

Она, Серафина!.. И ея быстрый сообразительный умъ видѣлъ уже передъ собой послѣдствія; она ясно предвидѣла свое паденіе, свой публичный позоръ и посрамленіе; она видѣла теперь всю гнусность, весь позоръ, все безразсудство и безуміе своего поведенія, и всю свою хвастливую чванливость и напыщенность своихъ тщеславныхъ замысловъ, ставшихъ посмѣшищемъ и басней во всей Европѣ, при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Теперь ей вдругъ припомнились всѣ тѣ гнусные толки и сплетни, которыми она пренебрегала въ своемъ царственномъ величіи, но теперь увы! у нея уже не хватало смѣлости презирать ихъ, или встрѣчать ихъ съ высоко и надменно поднятымъ челомъ. Слыть любовницей этого человѣка! Можетъ быть потому... И она невольно закрыла глаза, чтобы не видѣть ужасающаго будущаго. Съ быстротою мысли она сорвала со стѣны сверкающій кинжалъ и радостно воскликнула:—Нѣтъ, я увернусь, я уйду отъ всего этого! Уйду изъ этого міроваго театра съ его громаднѣйшей сценой, на которой всѣ люди подвизаются какъ актеры на подмосткахъ, на которыхъ зрители смотрятъ и однимъ апплодируютъ, а глядя на другихъ, качаютъ головами, жужжатъ и перешептываются. И среди этихъ послѣднихъ она теперь видѣла и себя, безпощадно бичуемую всѣми. Но слава Богу, еще одна дверь оставалась передъ нею открытой; у нея былъ еще одинъ выходъ, и какой бы то ни было цѣной, путемъ какихъ угодно мукъ и страданій она задушитъ этотъ жуткій смѣхъ издѣвательствъ. Она не станетъ посмѣшищемъ для всѣхъ. И она закрыла глаза, вознесла въ одномъ глубокомъ вздохѣ молитву Богу и вонзила оружіе себѣ въ грудь. Но при удивительной остротѣ укола она невольно вскрикнула и какъ будто пробудилась и пришла въ себя; она очнулась къ сознанію дѣйствительности. Маленькое алое пятнышко крови, явилось единственнымъ признакомъ этого поступка, вызваннаго безумнымъ, безнадежнымъ отчаяніемъ. Но физическая боль отъ укола какъ-то разомъ натянула ея нервы, подѣйствовала почти отрезвляюще, и весь ея планъ самоубійства разомъ рухнулъ.

Въ этотъ самый моментъ равномѣрные, размѣренные шаги приближались по картинной галлереѣ; и въ этихъ знакомыхъ шагахъ она сразу узнала шаги барона, которые она такъ часто радостно привѣтствовала, и даже въ этотъ моментъ звукъ этихъ

размѣренныхъ увѣренныхъ шаговъ подѣйствовалъ на нее возбуждающе какъ призывъ къ битвѣ.

Она спрятала кинжалъ въ складкахъ своей юбки и, выпрямившись во весь ростъ, стояла прямо и гордо, сіяя злобой и готовая встрѣтить врага лицомъ къ лицу.

Дежурный лакей доложилъ, и на приказаніе просить баронъ вошелъ какъ всегда увѣренно и спокойно. Для него Серафина являлась ненавистной задачей, заданной ему строгимъ учителемъ, какъ стихи Виргилія для лѣниваго ученика, и потому у него не было ни времени, ни желанія замѣчать ея красоту, но на этотъ разъ, когда онъ вошелъ и увидѣлъ ее стоящей во всемъ блескѣ волновавшихъ ее страстей, въ немъ вдругъ проснулось новое чувство къ ней, чувство невольнаго восхищенія и на ряду съ этимъ мимолетная искорка желанія. И то и другое онъ замѣтилъ въ себѣ не безъ нѣкотораго удовольствія; вѣдь это было тоже оружіе, тоже средство для достиженія цѣли! «Если мнѣ придется играть влюбленнаго,—подумалъ онъ при этомъ, а эта мысль всегда очень заботила его,—то я, пожалуй, сумѣю теперь сыграть это съ нѣкоторымъ подъемомъ. Это хорошо!» Тѣмъ временемъ онъ съ своей обычной тяжеловатой граціей склонился передъ принцессой.

— Я предлагаю,—сказала она страннымъ, самой ей совершенно чуждымъ голосомъ,—освободить принца и не вступать въ войну съ сосѣдями.

— Ахъ, madame, я такъ и зналъ, что это будетъ; я это предвидѣлъ! Я зналъ, что ваше сердце возмутится противъ этого, какъ только мы дойдемъ до дѣйствительно крайне непріятнаго, но совершенно необходимаго шага. Повѣрьте мнѣ, madame, я достоинъ быть вашимъ союзникомъ, говорю это не хвастаясь. Я знаю, что вы имѣете такія качества, которыя мнѣ совершенно чужды, и ихъ-то я считаю за лучшія оружія въ нашемъ арсеналѣ; это прежде всего—женщина въ королевѣ! Жалость, нѣжность, любовь и смѣхъ, т. е. веселье; та чарующая улыбка, которая можетъ счастливить и награждать людей. Я умѣю только приказывать; я хмурый, мрачный и гнѣвный, а вы не только обладаете способностью привлекать и чаровать, любить и жалѣть, но вы еще умѣете и управлять этими чувствами и подавлять ихъ

тамъ, гдѣ это является необходимымъ, тамъ, гдѣ этого требуетъ вашъ разсудокъ. Сколько разъ я восторгался въ васъ этимъ, даже въ вашемъ присутствіи, и я не разъ высказывалъ это вамъ. Да, вамъ!—добавилъ онъ съ особою нѣжностью, подчеркивая эти слова и какъ будто уносясь мыслью къ минутамъ болѣе интимныхъ восторговъ и восхищеній. Но теперь, madame...

— Но теперь, господинъ фонъ Гондремаркъ, время для такихъ декларацій прошло!—крикнула она.—Я хочу знать преданы вы мнѣ или вѣроломны? Загляните въ свою душу и отвѣтьте мнѣ; я не хочу больше слышать одни пустыя слова, я хочу знать, что у васъ на душѣ!

— «Моментъ насталъ»,—подумалъ про себя Гондремаркъ.— Вы, madame?!—воскликнулъ онъ, подавшись немного назадъ, какъ бы въ испугѣ и въ то же время съ недовѣрчивой, почти робкой радостью въ голосѣ.—Вы сами приказываете мнѣ заглянуть въ мою душу?!

— Неужели вы думаете, что я боюсь вашего отвѣта?— крикнула принцесса и посмотрѣла на него такими горящими глазами, съ вспыхнувшимъ яркой краской лицомъ и такой необъяснимой улыбкой, что баронъ откинулъ въ сторону всѣ свои сомнѣнія и рѣшился выступить въ новой роли передъ принцессой.

— Ахъ, madame!—воскликнулъ онъ, опускаясь на одно колѣно.—Серафина! Такъ вы мнѣ разрѣшаете? Значитъ, вы угадали мою завѣтную тайну? Неужели это такъ? Я съ радостью отдамъ свою жизнь въ ваши руки! Я люблю васъ страстно, безумно, безразсудно! Люблю, какъ равную себѣ, какъ возлюбленную, какъ боевого товарища, какъ боготворимую, страстно желанную, очаровательную женщину! О, желанная невѣста!— воскликнулъ онъ, впадая въ патетическій тонъ,—невѣста разума моего, невѣста души моей, невѣста страсти моей! Сжальтесь, сжальтесь надъ моей любовью, если не надо мной, вашимъ покорнымъ рабомъ!

Она слушала его съ удивленіемъ, съ бѣшенствомъ, съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Его слова вызывали въ ней чувство гадливости и омерзѣнія, а видъ его въ тѣ минуты, когда онъ, такой огромный и неуклюжій, ползалъ передъ ней на колѣняхъ на полу, вызывалъ въ ней злобный дикій смѣхъ, какимъ мы иногда смѣемся подъ вліяніемъ кошмара во снѣ.

— Стыдитесь!—воскликнула она.—Неужели вы не понимаете и не чувствуете, что это глупо, пошло, смѣшно и отвратительно! Что бы сказала на это графиня?!.

И великій политикъ, величественный и грозный баронъ фонъ Гондремаркъ остался еще нѣкоторое время стоять на колѣняхъ, въ такомъ душевномъ состояніи, которое невольно вызвало бы въ насъ жалость, если бы мы могли вполнѣ его себѣ представить. Его гордость въ бронѣ его желѣзной воли, можно сказать, кипѣла и истекала кровью. О, если бы онъ могъ вымарать все это признаніе! Если бы онъ могъ уйти, скрыться, провалиться въ землю! Если бы онъ только не называлъ ее своей невѣстой, своей возлюбленной! У него шумѣло въ ушахъ, а въ головѣ, точно рой пчелъ, жужжали мысли, сшибались, сталкивались и всплывали на поверхность одни за другими отдѣльныя слова и выраженія его признанія. Спотыкаясь, поднялся онъ на ноги, и въ первый моментъ, когда нѣмая пытка, наконецъ, вырывается у человѣка наружу и когда она ищетъ себѣ выраженія въ словахъ, когда языкъ помимо нашей воли и разсудка выдаетъ самые сокровенные помыслы и чувства человѣка, у него вырвалась фраза, о которой онъ потомъ сожалѣлъ въ теченіе цѣлыхъ долгихъ шести недѣль.

— Ага!—крикнулъ онъ нагло и дерзко.—Графиня?! Такъ вотъ въ чемъ весь секретъ вашего возбужденія, ваше высочество! Да, теперь я его понимаю! Графиня—помѣха вамъ! Она вамъ стала поперекъ дороги? Ха, ха!!!

И эта лакейская дерзость, эта наглость словъ была еще умышленно подчеркнута вызывающимъ тономъ взбѣсившагося хама. При этомъ на Серафину нашло какое-то затменіе, какъ будто черная грозовая туча гнѣва и бѣшенства затмила на мгновеніе ея разсудокъ; она не помнила, что она сдѣлала въ этотъ моментъ, но только она слышала свой крикъ. Дикій яростный крикъ раненой тигрицы, и когда туманъ, застилавшій ей глаза и разсудокъ, снова разсѣялся, она отшвырнула отъ себя окровавленный кинжалъ, который до сего момента судорожно сжимала ея рука, сама того не чувствуя и не сознавая. Въ тотъ же самый моментъ она увидѣла Гондремарка съ широко раскрытымъ ртомъ, отшатнувшагося назадъ, зажимая обѣими руками рану, изъ которой сочилась кровь. Но затѣмъ съ градомъ ужас-

нѣйшихъ проклятій, какихъ она еще никогда въ своей жизни не слыхала, этотъ ужасный, громадный человѣкъ кинулся на нее, совершенно озвѣрѣвъ отъ бѣшенства; но въ тотъ моментъ, когда она отступала передъ нимъ, онъ вцѣпился въ нее обѣими руками и прежде, чѣмъ она успѣла оттолкнуть его, онъ пошатнулся и упалъ на полъ. Она не успѣла даже испытать чувства страха при его нападеніи, какъ онъ уже упалъ у самыхъ ея ногъ.

Спустя секунду онъ еще разъ приподнялся, опершись на одинъ локоть, а она стояла неподвижно, вся побѣлѣвъ, какъ холстъ, съ остановившимся взглядомъ, полнымъ ужаса, и смотрѣла на него.

— Анна!—крикнулъ онъ, приподнявшись.—Анна, помоги!..

И съ этими словами голосъ его оборвался, и онъ упалъ навзничъ, повидимому, безъ всякихъ признаковъ жизни. Тогда Серафина стала бѣгать и метаться взадъ и впередъ по комнатѣ; она ломала руки и задыхающимся голосомъ выкрикивала безсвязныя слова. Въ мысляхъ и чувствахъ ея царилъ сплошной хаосъ и ужасъ и какое-то мучительное желаніе проснуться, очнуться отъ этого страшнаго кошмара, который давилъ и душилъ ее.

Въ этотъ моментъ послышался стукъ въ дверь; тогда она однимъ прыжкомъ подскочила къ двери и стала крѣпко держать ее, навалившись на нее плечомъ и всѣмъ корпусомъ; она держала ее со всей силой безумія и отчаянія, пока, наконецъ, ей не удалось задвинуть засовъ. Послѣ этого она какъ будто нѣсколько поуспокоилась. Она вернулась къ тому мѣсту, гдѣ упалъ баронъ, и смотрѣла на свою жертву. Стукъ въ дверь становился громче и какъ бы настойчивѣе.—«Онъ умеръ»,—рѣшила Серафина, глядя на Гондремарка,—«я его убила!» Она, которая своей слабой нерѣшительной рукой едва сумѣла нанести себѣ уколъ, изъ котораго вышло всего нѣсколько капель крови, какъ могла она убить однимъ ударомъ этого колосса! Откуда взялась у нея такая сила?

А между тѣмъ, стукъ въ дверь становился все громче, все тревожнѣе, все менѣе и менѣе соотвѣтствующій обычному спокойному теченію жизни въ этомъ дворцѣ. Какъ видно тамъ за дверью ее ждалъ скандалъ, огласка и Богъ вѣсть какія ужасныя послѣдствія, предугадать которыя она боялась. Теперь уже за

дверью слышались голоса, и среди нихъ она узнала голосъ канцлера. Онъ или кто другой, не все ли равно, кто-нибудь долженъ узнать первый.

— Господинъ фонъ-Грейзенгезангъ здѣсь?—спросила она, возвысивъ голосъ такъ, чтобы ее могли слышать за дверью.

— Ваше высочество, я тутъ!—отозвался старикъ.—Мы слышали здѣсь крикъ и паденіе. Не случилось ли у васъ какого-нибудь несчастія?

— Ничего подобнаго,—увѣренно и твердо отвѣтила Серафина,—съ чего вы взяли! Я желаю говорить съ вами, отошлите отсюда всѣхъ остальныхъ.

Она вынуждена была переводить дыханіе между каждой отдѣльной фразой, но теперь мысли ея были совершенно ясны. Она спустила обѣ половинки тяжелой бархатной портьеры прежде, чѣмъ отворить дверь и впустить канцлера. Такимъ образомъ, ничей любопытный глазъ не могъ заглянуть въ комнату и случайно замѣтить то, что здѣсь произошло. Впустивъ раболѣпнаго и трусливаго канцлера, она снова задвинула засовъ дверей и успѣла выйти изъ-за опущенной портьеры одновременно со старикомъ, запутавшимся въ тяжелыхъ складкахъ бархата.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ.—Баронъ!..

— Я убила его,—сказала Серафина,—ну, да, убила!

— Ахъ, какъ это прискорбно!..—вымолвилъ старикъ.—И такъ необычайно... совершенно необычайно. У насъ не бывало еще подобныхъ инцидентовъ... Ссоры любовниковъ, — продолжалъ онъ скорбнымъ тономъ,—конечно, возобновляются, но...— и онъ не договорилъ.—Но, дорогая принцесса, во имя святого благоразумія скажите мнѣ, что же мы теперь будемъ дѣлать? Вѣдь это чрезвычайно серьезный случай... чрезвычайно серьезный... съ точки зрѣнія морали, это ужасный, потрясающій случай! Я позволю себѣ на мгновеніе, ваше высочество, обратиться къ вамъ, какъ къ дочери, любимой и уважаемой дочери, и не утаю отъ васъ, что этотъ прискорбный случай съ точки зрѣнія нравственности весьма предосудительный. А главная бѣда, что у насъ теперь здѣсь мертвое тѣло! Что мы съ нимъ будемъ дѣлать?..

Все это время Серафина пристально смотрѣла на стараго царедворца; ея надежда найти въ немъ совѣтника и помощника

въ эту тяжелую минуту ея жизни, въ этомъ убійственномъ положеніи, разомъ разлетѣлась и замѣнилась презрѣніемъ къ этому старому болтуну. Она брезгливо посторонилась отъ этой жалкой безпомощности мужчины, и въ тотъ же моментъ къ ней вернулось все ея обычное присутствіе духа, ея обычная рѣшимость и разсудительность.

— Убѣдитесь, умеръ ли онъ!—приказала она, не считая нужнымъ давать никакихъ объясненій этому жалкому человѣку, а тѣмъ болѣе оправдываться или защищаться передъ нимъ. Кромѣ словъ: «убѣдитесь, умеръ ли онъ»—она ничего больше не сказала и молча, гордо выпрямясь во весь ростъ, она стояла и ждала отвѣта.

Съ самымъ сокрушеннымъ видомъ канцлеръ приблизился къ неподвижно распростертому на полу барону, и въ тотъ моментъ, какъ онъ склонился надъ нимъ, Гондремаркъ раскрылъ глаза и перевелъ ихъ съ одной стороны на другую.

— Онъ живъ!—радостно воскликнулъ канцлеръ.—Madame, онъ еще живъ!—обратился онъ уже прямо къ принцессѣ.

— Такъ помогите ему,—приказала она, не измѣняя ни своей позы, ни тона голоса,—перевяжите его рану!

— Но у меня нѣтъ ничего подъ руками, никакихъ перевязочныхъ средствъ,—возразилъ канцлеръ.

— Да развѣ вы не можете воспользоваться для этого, ну хоть вашимъ платкомъ, вашимъ галстухомъ, ну, словомъ чѣмъ нибудь!—досадливо воскликнула она.—И, говоря это, она однимъ ловкимъ сильнымъ движеніемъ оторвала воланъ своего легкаго кисейнаго платья и, пренебрежительно швырнувъ его на полъ, добавила:—Возьмите это!—И при этомъ она впервые взглянула прямо въ лицо Грейзенгезангу.

Старый канцлеръ воздѣвалъ руки къ небу и въ страхѣ отворачивалъ голову отъ принцессы, стараясь смотрѣть въ сторону. Сильныя руки барона во время его паденія оборвали нѣжную отдѣлку корсажа, воланъ съ подола оторвала сама Серафина, чтобы перевязать имъ рану, и только теперь Грейзенгезангъ замѣтилъ это.

- Ваше высочество!—воскликнулъ онъ въ ужасѣ.—Въ какомъ невѣроятномъ безпорядкѣ вашъ туалетъ!

— Возьмите воланъ,—сказала она все такъ же гордо и над-

менно,—перевяжите рану, надо задержать кровь! Вѣдь пока вы тутъ разглядываете мой туалетъ, этотъ человѣкъ можетъ умереть, можетъ изойти кровью.

Грейзенгезангъ тотчасъ же обернулся къ раненому и сталъ неумѣло и неловко перевязывать рану, стараясь задержать кровь.

— Онъ еще дышетъ,—повторялъ онъ,—значитъ, еще не все потеряно; онъ еще не умеръ...

— Ну, а теперь,—приказала принцесса, все время не трогавшаяся съ мѣста и стоявшая гордо выпрямясь, какъ статуя на своемъ пьедесталѣ,—если это все, что вы можете для него сдѣлать, идите и приведите сюда людей для того, чтобы его сейчасъ вынести отсюда и тотчасъ же отнести домой.

— Madame!—воскликнулъ канцлеръ.—Если это печальное зрѣлище хоть на одно мгновеніе представится глазамъ населенія столицы, то... то все государство погибнетъ! Все падетъ разомъ! О, Боже!.. Какъ тутъ быть?

— Во дворцѣ должны быть крытыя носилки,—сказала Серафина.—Ужъ это ваше дѣло, чтобы его доставили въ его домъ благополучно. Я возлагаю это на васъ. Вы мнѣ отвѣтите за это вашей жизнью.

— Понимаю, понимаю, ваше высочество,—безпомощно и плаксиво залепеталъ старикъ,—я это слишкомъ хорошо понимаю. Но какъ это сдѣлать? Откуда я возьму людей? Какихъ людей? Развѣ что кого-нибудь изъ слугъ принца. Они всѣ были ему лично преданы, всѣ его любили... эти, пожалуй, не выдадутъ...

— Нѣтъ, не ихъ. Зачѣмъ звать слугъ принца?—воскликнула Серафина.—У меня есть свои люди, возьмите, напримѣръ, моего Сабра.

— Сабра! Что вы, ваше высочество! Этотъ Сабра, этотъ масонъ!.. Да если онъ только хоть однимъ глазомъ увидитъ и догадается о томъ, что здѣсь случилось,—да онъ сейчасъ же ударитъ въ набатъ! Насъ всѣхъ прирѣжутъ, какъ овецъ къ празднику, сію же минуту начнется рѣзня!

Слушая его, Серафина, не вздрогнувъ, измѣрила мысленно всю глубину своего паденія.

— Такъ возьмите кого хотите, кого знаете, мнѣ все равно,—сказала она,—только пусть принесутъ сюда скорѣе носилки.

Когда Грейзенгезангъ вышелъ и Серафина осталась одна, она подбѣжала къ барону и съ замираніемъ сердца старалась остановить кровь. Но прикосновеніе къ тѣлу этого великаго шарлатана вызывало въ ней чувство глубокаго возмущенія; она содрогалась съ головы до пятъ. Въ ея глазахъ, столь не опытныхъ въ распознаваніи значенія ранъ, рана барона Гондремарка казалась смертельной; но она совладала съ собой и, не взирая на внутреннюю дрожь, пробѣгавшую по всѣмъ ея членамъ; она съ большимъ умѣніемъ и ловкостью, чѣмъ старый канцлеръ, забинтовала и заткнула сочащуюся кровью рану. Безпристрастный зритель навѣрное залюбовался бы барономъ въ этотъ моментъ, когда онъ лежалъ на полу въ глубокомъ обморокѣ. Онъ смотрѣлъ такимъ величественнымъ, крупнымъ и статнымъ; это была такая мощная махина, теперь лежавшая неподвижно, и черты этого умнаго, строгаго лица, съ котораго въ настоящій моментъ сбѣжало непріятное льстивое и лукавое выраженіе, и напускная мрачность и суровость, теперь казались такими правильными, строгими, спокойными, даже почти красивыми. Серафина видѣла его совсѣмъ другимъ; она смотрѣла на него пристрастнымъ взглядомъ ненависти и злобы. Она глядѣла на свою жертву, распростертую на полу, слегка вздрагивавшую, съ обнаженной широкой, богатырской грудью, и она поражала ее своимъ безобразіемъ, и мысли ея невольно на мгновеніе перенеслись къ Отто, который въ эту минуту живо предсталъ ея воображенію.

Тѣмъ временемъ во дворцѣ поднялся непривычный суетливый шумъ; всюду слышались голоса, раздавались поспѣшные шаги; кто-то бѣжалъ куда-то, окликалъ кого-то, подъ высокими сводами лѣстницъ гулкимъ эхо раздавались какіе-то смутные звуки суеты и смятенія. Вслѣдъ затѣмъ въ галлереѣ четко раздались быстрые тяжелые шаги нѣсколькихъ паръ ногъ, тяжело ступавшихъ по паркету. То возвращался канцлеръ въ сопровожденіи четверыхъ лакеевъ принца, несшихъ носилки. Когда они вошли въ оружейную, они съ невольнымъ удивленіемъ и недоумѣніемъ уставились сперва на принцессу, пораженные ея растерзаннымъ видомъ, затѣмъ на раненаго Гондремарка, все еще находившагося въ обморочномъ состояніи. Никто изъ нихъ не проронилъ ни слова; этого они не посмѣли себѣ позволить,

но зато въ мысляхъ ихъ проносились самыя оскорбительныя предположенія. Гондремарка общими силами всунули въ носилки и занавѣски на окнахъ опустили; носильщики подняли ихъ и вынесли изъ дверей, а канцлеръ, блѣдный какъ мертвецъ, пошелъ въ двухъ шагахъ за носилками.

Какъ только это шествіе вышло изъ комнаты, Серафина подбѣжала къ окну и, прижавшись лицомъ къ стеклу, смотрѣла на терассу, гдѣ огни фонарей соперничали между собой, а дальше на длинный двойной рядъ уличныхъ фонарей по обѣимъ сторонамъ аллеи, соединявшей городъ и дворецъ, а надо всѣмъ этимъ темная ночь, и кое-гдѣ на небѣ крупныя яркія звѣзды. Вотъ маленькое шествіе вышло изъ дворца, пересѣкло плацъ-парадъ и вступило въ ярко освѣщенную, залитую свѣтомъ аллею, представлявшую собою главную улицу столицы. Она видѣла мѣрно колыхающіяся носилки съ ихъ четырьмя носильщиками и насилу плетущагося за ними въ глубокомъ раздумьѣ канцлера. Серафина слѣдила за этимъ шествіемъ, которое медленно подвигалось впередъ, и тоже думала, думала странныя думы. Она не спускала глазъ съ того, что видѣла передъ собой, но мысленное ея око одновременно устремлялось и вправо, и влѣво, обозрѣвая крушеніе всей ея жизни и всѣхъ ея надеждъ и разсчетовъ. Въ цѣломъ свѣтѣ не оставалось теперь ни единаго человѣка, которому она могла бы довѣриться; никого, кто бы дружески протянулъ ей руку, или на кого она могла бы разсчитывать какъ на сколько-нибудь безкорыстно преданное ей существо. Съ паденіемъ Гондремарка распадалась и разметалась въ прахъ и ея партія, и ея кратковременная популярность, и всѣ ея планы и мечты. И вотъ она сидѣла теперь, скорчившись, на подоконникѣ, прижавшись лбомъ къ холодному стеклу окна, въ разодранномъ платьѣ, висѣвшемъ на ней жалкими лохмотьями, едва прикрывавшими ее, а въ головѣ у нее проносились однѣ горькія и обидныя мысли. Тѣмъ временемъ послѣдствія быстро назрѣвали; въ обманчивой тишинѣ ночи уже пробуждалось, шевелилось и предательски подкрадывалось къ ней народное возмущеніе, грозное возстаніе и неминуемое ея паденіе! Вотъ носилки вышли изъ чугунныхъ воротъ и двинулись по улицамъ города. Какимъ вѣтромъ, какимъ необъяснимымъ чудомъ перелетѣли изъ дворца или передались по воздуху необычайное

смущеніе и тревога, взволновавшія нѣсколько времени тому дворецъ, какимъ образомъ передалось это смутное предчувствіе бѣды или чего-то неладнаго мирнымъ гражданамъ города, трудно себѣ объяснить. Но разные толки и слухи громкимъ шепотомъ уже носились по городу и переходили изъ устъ въ уста. Мужчины выходили изъ дома сами не зная собственно зачѣмъ, незамѣтно сходились они въ кучки; вскорѣ эти отдѣльныя кучки, разсѣявшіяся вдоль бульвара, образовали одну толпу, и съ каждой минутой эта толпа подъ свѣтомъ рѣдкихъ фонарей и подъ тѣнью густыхъ развѣсистыхъ липъ все возрастала и становилась все чернѣе и чернѣе, все многочисленнѣе и многочисленнѣе.

И вотъ черезъ эту неизвѣстно зачѣмъ собравшуюся, словно чего-то ожидающую толпу должны были пройти приближавшіяся къ ней закрытыя носилки, представлявшія собою столь необычайное зрѣлище сами по себѣ, — носилки, за которыми то плелся, то трусилъ, какъ собаченка за хозяиномъ, столь важный сановникъ, какъ самъ канцлеръ Грейзенгезангъ. Гробовое молчаніе воцарилось въ тотъ моментъ, какъ это необычайное шествіе проходило черезъ толпу, разступившуюся, чтобы дать носилкамъ дорогу; но едва только они прошли, какъ толпа зашептала, зашушукалась и зашипѣла, какъ перекипающій черезъ край горшокъ съ похлебкою. Теперь вся эта толпа, образовавшаяся изъ отдѣльныхъ кучекъ, на мгновеніе какъ бы остолбенѣла, точно громомъ пораженная, и затѣмъ, какъ будто по командѣ, двинулась всей массой за закрытыми носилками съ опущенными занавѣсками на окнахъ; двинулась чинно, медленно, точно провожающіе въ похоронной процессіи. Но вскорѣ выборные, тѣ, что были нѣсколько посмѣлѣе остальныхъ, стали осаждать канцлера вопросами. Никогда еще во всей своей жизни не имѣлъ онъ такой настоятельной надобности во всемъ своемъ искусствѣ притворства и лживости, благодаря которымъ онъ такъ хорошо прожилъ всю свою жизнь, а между тѣмъ теперь-то это искусство какъ разъ и измѣняло ему. Онъ сбивался, запинался, потому что его главный господинъ и владыка, «страхъ», предавалъ его. Къ нему приставали, настаивали, и онъ становился непослѣдователенъ, трусилъ, сбивался, и вдругъ изъ колышащихся носилокъ раздался стонъ, громкій протяжный стонъ. Въ тотъ же моментъ въ толпѣ поднялся шумъ и

крики: вся она заволновалась и загудѣла, какъ потревоженный рой пчелъ. Предусмотрительный и чуткій канцлеръ мгновенно сообразилъ въ чемъ дѣло; онъ, такъ сказать, уловилъ своимъ чуткимъ слухомъ задержку передъ боемъ часовъ и угадалъ опасность прежде, чѣмъ пробилъ часъ рокового переворота. И на секунду, всего быть можетъ на одну секунду, онъ позабылъ о себѣ, и за это ему вѣроятно простится много грѣховъ! Онъ дернулъ одного изъ носильщиковъ за рукавъ и, задыхаясь, шепнулъ ему:

— Пусть принцесса бѣжитъ! Все погибло!

А въ слѣдующій моментъ онъ уже извивался и крутился въ толпѣ, какъ катящійся шаръ, который сбиваютъ ногою, и всячески отстаивалъ свою жалкую старческую жизнь.

Пять минутъ спустя въ оружейную принца ворвался, какъ ураганъ, слуга съ выпученными, обезумѣвшими глазами и крикнулъ:

— Все погибло! Канцлеръ прислалъ сказать, чтобы вы бѣжали!

Въ этотъ самый моментъ Серафина, взглянувъ въ окно, увидѣла, что черная масса шумящей и озвѣрѣвшей толпы уже хлынула въ желѣзныя ворота и начинала наводнять освѣщенную фонарями аллею, ведущую ко дворцу.

— Благодарю васъ, Георгъ,—сказала она, повидимому, спокойно,—благодарю васъ. Идите!—И такъ какъ слуга продолжалъ все еще стоять, вѣроятно ожидая какихъ-нибудь приказаній, она повторила еще разъ:—Идите! Спасайтесь сами! Я сама позабочусь о себѣ!

И она спустилась внизъ въ садъ по той же самой интимной лѣстницѣ половины принца, по которой ровно два часа тому назадъ спустился ея мужъ, покидая, какъ и она теперь, навсегда этотъ дворецъ. По этой самой лѣстницѣ сходила теперь Амалія-Серафина, послѣдняя принцесса Грюневальда, и по ней же еще такъ недавно уходилъ изъ этого дворца навсегда и Отто-Іоханъ-Фридрихъ, послѣдній принцъ Грюневальдскій.

ЧАСТЬ III

СЧАСТЬЕ ВЪ НЕСЧАСТЬИ.

I. Принцесса Золушка.

Привратникъ, привлеченный шумомъ и тревогой, царившими во дворцѣ, ушелъ, оставивъ дверь незапертой, мало того, даже совершенно раскрытой, и черезъ нее на Серафину глянула темная ночь. Въ то время какъ она бѣжала внизъ по террасамъ сада, шумъ голосовъ и громкій топотъ сотенъ ногъ ворвавшихся во дворъ и на плацъ-парадъ и быстро приближавшихся ко дворцу слышался все ближе и ближе и становился все громче и громче. Этотъ натискъ толпы походилъ на атаку кавалеріи; надъ общимъ шумомъ и гуломъ выдѣлялся звонъ стекла разбиваемыхъ фонарей, а еще громче раздавалось изъ толпы ея собственное имя съ самыми оскорбительными эпитетами и прилагательными, выкрикиваемое наглыми голосами, быть можетъ сотнями голосовъ. У дверей Кордегардіи прозвучалъ сигналъ; затѣмъ раздался одинъ залпъ, заглушенный дикими криками освирѣпѣвшей толпы, и однимъ дружнымъ натискомъ Миттвальденскій дворецъ былъ взятъ приступомъ. Подгоняемая этими дикими голосами, принцесса неслась по саду, по темнымъ тѣнистымъ аллеямъ и залитымъ звѣзднымъ свѣтомъ мраморнымъ ступенямъ лѣстницъ все впередъ и впередъ, по направленію къ парку. Затѣмъ черезъ весь паркъ, который въ этомъ мѣстѣ не такъ широкъ, какъ въ другихъ, прямо въ темный лѣсъ, примыкающій къ нему почти вплотную. Такимъ образомъ, Серафина разомъ, однимъ махомъ, такъ сказать, покинула уютный, ярко освѣщенный безчисленными веселыми огнями дворецъ, съ его вечерними собраніями и развлеченіями и разомъ перестала быть царствующей особой, передъ которой преклонялся весь дворъ. Она упала съ высоты своего земного величія и даже съ высоты цивилизаціи и комфорта и очутилась въ жалкомъ положеніи одино-

кой бродяжки, оборванной Золушки въ темномъ, глухомъ лѣсу среди ночи.

Она шла все прямо передъ собой, по прорубленной въ лѣсу просѣкѣ, поросшей кустами терновника, репейникомъ и всякой дикой растительностью, но здѣсь ей, по крайней мѣрѣ, свѣтили звѣзды. А тамъ дальше впереди было казалось совершенно темно изъ-за сплетавшихся между собой косматыхъ вѣтвей высокой сосновой чащи, образовавшей почти непроницаемый сводъ надъ ея головой. Въ это время здѣсь царила кругомъ мертвая тишина; всѣ ужасы ночи казалось водворились здѣсь въ этой укрѣпленной цитадели лѣса; но Серафина продолжала подвигаться впередъ, ощупью, поминутно натыкаясь на стволы деревьевъ и жадно напрягая свой слухъ, чтобы уловить хоть какой-нибудь звукъ, но, увы, напрасно!

Но вотъ она замѣтила, что почва лѣса какъ будто подымается въ гору, и это обрадовало ее; она надѣялась выйти на болѣе открытое мѣсто. И, дѣйствительно, вскорѣ она увидѣла себя на скалистой вершинѣ, выдававшейся надъ цѣлымъ моремъ темныхъ сосенъ, надъ ихъ красивыми, зубчатыми верхушками. Кругомъ, куда ни погляди, всюду вырисовывались вершины горъ и холмовъ, высокія и низкія, а между ними опять черныя долины сосновыхъ лѣсовъ, а надъ головой открытое тоже темное небо, сверкающее блескомъ безчисленныхъ звѣздъ, а тамъ на краю западнаго горизонта смутные силуэты горъ. Чудесная красота ночного неба невольно зачаровала бѣглянку; теперь ея глаза свѣтились такъ же, какъ звѣзды, свѣтились непривычнымъ, невѣдомымъ ей восторгомъ; и она испустила тяжелый вздохъ и облегчила имъ свою наболѣвшую грудь; ей казалось, что она погрузилась въ упоительную прохладу и лучистое сіянье далекаго неба, совершенно такъ же, какъ она погрузила бы свою горячую руку въ воду холоднаго ручья; ея трепетно бившееся сердце стало биться ровнѣе и спокойнѣе. Лучезарное солнце, побѣдно шествующее надъ нами, заливающее своими золотыми и живительными лучами поля и луга и озаряющее своимъ сіяньемъ безбрежное пространство полдневной лазури небесъ, являющееся благодѣтелемъ милліоновъ людей,—ничего не говоритъ горю одинокаго человѣка, тогда какъ блѣдный мѣсяцъ, подобно скрипкѣ, воспѣваетъ и оплакиваетъ только частныя наши радости и горести. Только однѣ звѣзды, эти мигающія и

мерцающія искорки, весело шепчущія намъ что-то таинственное и невѣдомое, только онѣ навѣваютъ намъ неясные сны и предчувствія и дѣйствуютъ на насъ успокоительно, какъ участіе близкаго нѣжнаго друга. Онѣ, улыбаясь, внимаютъ нашимъ горестямъ и скорбямъ, какъ разумные старики, много видавшіе на своемъ вѣку, полные снисхожденія, терпимости и примиренія, и, благодаря удивительной двойственности своего масштаба, благодаря тому, что онѣ такъ малы для глаза и такъ необъятно велики въ нашемъ воображеніи, онѣ являются какъ бы прообразомъ одновременно двойственнаго характера человѣческой природы и человѣческой судьбы.

И принцесса сидѣла и съ восторгомъ смотрѣла на несравненную красоту этихъ звѣздъ и почерпала въ нихъ успокоеніе и совѣтъ. Яркими живыми картинами, отчетливо какъ на холстѣ, вырисовывались теперь передъ ея мысленными очами отдѣльные эпизоды минувшаго вечера; она видѣла передъ собой графиню съ ея подвижнымъ, выразительнымъ вѣеромъ; громоздкаго громаднаго барона Гондремарка на колѣняхъ передъ ней, и кровь на ярко вылощенномъ паркетѣ, и стукъ въ дверь, и колыханіе носилокъ вдоль аллеи, идущей отъ дворца, и канцлера, и крики, и шумъ штурмующей дворецъ толпы. Но все это казалось ей теперь далекимъ, фантастическимъ, и сама она все время не переставала живо ощущать миръ и спокойствіе и цѣлительную тишину этой чарующей прекрасной ночи. Она взглянула въ сторону Миттвальдена, и изъ-за вершины, скрывавшей его теперь отъ ея глазъ горы, она увидѣла красное зарево, зарево пожара. — «Лучше такъ!» — подумала при этомъ она. — «Лучше сидѣть здѣсь, чѣмъ погибнуть въ трагическомъ величіи при свѣтѣ пламени пылающаго дворца!» Она не чувствовала ни малѣйшей искры жалости къ Гондремарку, ни малѣйшей мысли или заботы о Грюневальдѣ. Тотъ періодъ ея жизни, когда она всѣмъ на свѣтѣ готова была пожертвовать ради того и другого или, вѣрнѣе, ради своего личнаго честолюбія, былъ окончательно забытъ, о немъ напоминало развѣ мимолетное содраганіе ея оскорбленнаго, ея поруганнаго самолюбія. Теперь у нея была только одна мысль:—бѣжать! и еще другая, менѣе ясная, менѣе опредѣленная, на половину отвергнутая, но тѣмъ не менѣе властная,—бѣжать въ направленіи Фельзенбурга. На ней лежала обязанность освободить Отто, такъ ей

подсказывало ея сердце или вѣрнѣе ея холодный разсудокъ, а сердце ухватывалось за эту обязанность съ особой страстностью, потому что теперь ее охватила жажда ласки, потребность сердечной доброты и участія.

Наконецъ, она очнулась, словно пробудилась отъ долгаго сна. Она встала и стала спускаться подъ гору, гдѣ темный лѣсъ вскорѣ обступилъ ее со всѣхъ сторонъ и скрылъ ее въ своей зеленой чащѣ. И снова она шла торопливо все впередъ и впередъ, наугадъ, ничего не слыша впереди себя, ничѣмъ не направляемая. Лишь тамъ и сямъ сквозь просвѣты между сосенъ мигали двѣ—три звѣздочки, лишь тамъ да сямъ одно какое-нибудь дерево выдѣлялось среди своихъ сосѣдей необычайной мощью и рѣзкостью своихъ очертаній, да тутъ и тамъ гуща кустовъ въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ образовывала среди окружающей темноты еще болѣе темное, совсѣмъ черное, жуткое пятно; или же въ рѣдкомъ мѣстѣ лѣса вдругъ получалось болѣе свѣтлое туманно-сумеречное пятно и это какъ будто еще болѣе подчеркивало давящій мракъ и безмолвіе лѣса. Временами эта безформенная тьма какъ будто вдругъ сгущалась еще болѣе, и тогда ей начинало казаться, что ночь своими черными недобрыми глазами со всѣхъ сторонъ жадно смотритъ на нее, провожая каждый ея шагъ, подстерегая каждое ея движеніе. Тогда она останавливалась, и безмолвіе лѣса росло и росло до того, что начинало спирать ей дыханіе. Тогда она принималась бѣжать, спотыкаясь, падая, цѣпляясь за кусты, но все спѣша впередъ и впередъ, словно чувствуя за собою погоню. И вдругъ ей стало казаться, что и весь лѣсъ двинулся съ мѣста и теперь бѣжитъ вмѣстѣ съ ней. Шелестъ и шумъ ея собственныхъ шаговъ и движеній, раздававшійся среди царящей здѣсь жуткой тишины, пробуждалъ повсюду слабое, сонное эхо, наполняя и самый воздухъ, и обступившую ее со всѣхъ сторонъ густую чащу лѣса смутными, безформенными ужасами.. Ее преслѣдовалъ паническій страхъ. страхъ деревьевъ, простиравшихъ къ ней со всѣхъ сторонъ свои косматыя, колючія вѣтви, страхъ темноты, населенной безчисленными чудовищами, призраками и безобразными лицами. Она задыхалась и бѣжала, чтобы уйти отъ этихъ ужасовъ, а между тѣмъ ея бѣдный безпомощный разсудокъ, загнанный всѣми этими страхами въ свою послѣднюю цитадель, еще слабо свѣтился оттуда и шепталъ ей, что

ей надо остановиться, и она чувствовала, что онъ правъ, но не въ силахъ была повиноваться ему, потому что ее толкала впередъ какая-то непостижимая, злая сила, и она бѣжала и бѣжала все дальше и дальше, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ.

Она была положительно близка къ помѣшательству, когда передъ нею вдругъ открылась узкая просѣка, и одновременно съ этимъ шумъ ея шаговъ сталъ какъ будто громче и отчетливѣе, и она увидѣла впереди какія-то смутныя очертанія и фигуры. Еще минута, и передъ нею развернулись бѣлѣвшія среди ночи поля и луга. Но вдругъ земля подъ ней какъ будто разступилась, и она упала, но тотчасъ же опять вскочила на ноги; при этомъ весь ея организмъ испыталъ какое-то необъяснимое, безпричинное потрясеніе, и въ слѣдующій за тѣмъ моментъ она потеряла сознаніе. Когда Серафина опять пришла въ себя, то увидѣла, что она стоитъ чуть не по колѣни въ ледяной водѣ шумнаго потока, несшагося откуда-то съ горъ; она прислонилась къ мокрой скалѣ, съ которой небольшимъ водопадомъ низвергался этотъ потокъ; брызги его, разлетавшіяся во всѣ стороны, смочили ея волосы; она взглянула кверху и увидѣла бѣлый пѣнящійся каскадъ, а внизу шумящую воду въ неглубокомъ басейнѣ, образовавшемся въ мѣстѣ паденія потока, и на этой водѣ дрожали звѣзды, а по обѣ стороны потока, словно часовые на посту, стояли высокія темныя сосны, спокойно отражаясь въ водѣ и любуясь звѣзднымъ сіяніемъ. Теперь, когда мысли ея нѣсколько успокоились, когда волновавшіе и терзавшіе ее страхи улеглись, Серафина съ радостью прислушивалась къ плеску водопада, низвергавшагося въ дрожащій бассейнъ. Вся промокшая, она стала выбираться изъ воды, но, сознавая теперь свою слабость и полное истощеніе силъ, она поняла, что пуститься снова бродить по темной чащѣ лѣса въ такомъ состояніи грозило гибелью ея жизни или ея разсудку, тогда какъ здѣсь, вблизи потока, гдѣ звѣзды лили съ высоты свой ласковый свѣтъ, гдѣ теперь изъ-за лѣса только что выплывалъ блѣдный мѣсяцъ, здѣсь она могла спокойно и безъ тревоги ожидать разсвѣта и начала дня.

Прогалина, образовавшаяся здѣсь въ темной чащѣ лѣса, гдѣ стройныя сосны разступились, чтобы дать дорогу шумливому потоку, шла круто подъ гору, извиваясь далеко, далеко, между двухъ стѣнъ сосноваго лѣса. Прогалина эта была гораздо шире,

чѣмъ это было нужно для потока, и мѣстами темный лѣсъ то выдвигался впередъ, суживая въ этомъ мѣстѣ береговую полосу луговъ, то отступалъ назадъ, давая мѣсто открытымъ полянкамъ и лужайкамъ, на которыхъ мирно дремалъ лунный свѣтъ. На одной изъ такихъ полянъ Серафина остановилась и стала терпѣливо дожидаться утра. Она медленно ходила по ней взадъ и впередъ; взглядъ ея невольно поднялся кверху на горы, откуда несся съ такой быстротой веселый потокъ, перескакивая на своемъ пути съ уступа на уступъ и образуя цѣлый рядъ каскадовъ, а затѣмъ спокойно бѣжалъ дальше въ своихъ зеленыхъ берегахъ по ровной пологой полянкѣ, широко разливаясь между тростниковъ и какъ бы отдыхая въ этомъ затишьѣ; онъ безмолвно глядѣлъ на далекое небо, неустанно любуясь его красотой, которую такъ заманчиво отражали въ себѣ его тихія, спокойныя въ этомъ мѣстѣ воды. Съ вечера было свѣжо и прохладно, но ночь была мягкая и теплая, а изъ глубины лѣса вѣяло пріятнымъ тепломъ, словно отъ дыханія мирно спящаго тамъ великана; на травѣ тяжелыми, алмазными каплями лежала роса, и безчисленныя бѣлыя маргаритки на лугу плотно свернули свои вѣжные лепестки и какъ будто дремали сомкнувъ свои ясныя золотыя очи. Это была первая ночь, которую принцесса Серафина проводила подъ открытымъ небомъ; и теперь, когда страхи ея улетѣлись, она чувствовала себя растроганной до глубины души ласковымъ миротворнымъ спокойствіемъ этой тихой, ясной ночи. А тамъ высоко въ небесахъ безчисленная звѣздная рать кротко, ласково и любовно смотрѣла со своей недосягаемой высоты на бѣдную, странствующую, бездомную бродяжку-принцессу, и свѣтлый ручей у ея ногъ не находилъ для нея иныхъ словъ, кромѣ словъ нѣжнаго утѣшенія.

И вдругъ Серафина почувствовала чудесное перерожденіе всего, что она видѣла вокругъ себя. То, что представилось теперь ея глазамъ, было до того великолѣпно, что пожаръ Миттвальденскаго дворца, по сравненію съ этимъ, былъ не болѣе какъ вспышка игрушечнаго пистона. Даже самыя сосны какъ будто иначе глядѣли теперь на нее, и трава, еще совсѣмъ молодая, казалось, начала робко улыбаться, а вся восходящая лѣстница потока съ его рѣзвыми каскадами и паденіями какъ

будто вдругъ повеселѣла, и отъ нея повѣяло какой-то особенной отрадной свѣжестью. Все кругомъ приняло необычайно торжественный и нарядный видъ. Это постепенное радостное перерожденіе во всемъ начало мало-по-малу проникать и въ нее, начало дѣйствовать благотворно и на ея душу, наполняя ее какимъ-то страннымъ, никогда еще не испытаннымъ ею трепетомъ. Серафина посмотрѣла вокругъ себя, и на нее какъ будто глянула, какъ будто заглянула ей въ глаза вся природа, таинственная, многозначительно приложившая палецъ къ устамъ. Серафина взглянула на небо—тамъ уже почти не было звѣздъ, а тѣ, что еще виднѣлись кое-гдѣ, замѣтно блѣднѣли, догорали и гасли, словно таяли въ прозрачномъ голубомъ эфирѣ. Самое небо стало теперь не то, какимъ оно было раньше: цвѣтъ его былъ теперь какой-то удивительный; прежній густо-синій цвѣтъ какъ будто расплылся, смягчился и просвѣтлѣлъ, точно его смѣнилъ свѣтлый лучистый туманъ или дымка, которой нѣтъ названія, и которую никогда больше видѣть нельзя, кромѣ какъ только въ моментъ нарождающагося утра, какъ предвѣстникъ близкаго разсвѣта.

— О,—воскликнула Серафина, и радость захватила ей дыханіе,—о, вѣдь это разсвѣтъ!

И въ одну секунду, подобравъ свои юбки, она перебралась черезъ потокъ и побѣжала впередъ, внизъ по прогалинѣ, гдѣ еще царилъ предразсвѣтный сумракъ и туманъ. И въ то время, какъ она бѣжала, въ сосѣднихъ кустахъ и въ лѣсу трещали и звенѣли щебечущіе голоса безчисленныхъ птицъ, звучавшіе лучше всякой музыки; сладко проспавъ всю ночь въ своемъ крошечномъ, напоминающемъ блюдечко гнѣздышкѣ, пріютившемся гдѣ-нибудь въ развѣтвленіи двухъ толстыхъ сучковъ, проспавъ, плотно прижавшись другъ къ другу, точно двое влюбленныхъ, эти счастливыя пташки просыпались теперь, быстроглазые и веселые, чуткіе и восторженные пѣвцы; они просыпались и радостно привѣтствовали нарождающійся день. И сердце принцессы дрожало и рвалось къ нимъ, полное любви и умиленія, а они со своихъ маленькихъ и высокихъ вѣточекъ срывались изъ-подъ самаго лѣсного купола, какъ камень летѣли и, можно сказать, почти падали къ ея ногамъ на зеленый мохъ и траву, чуть не задѣвая ее своими крылышками, въ то время какъ она,

эта принцесса въ лохмотьяхъ, мелькала между деревьевъ, мчась впередъ.

Вскорѣ она добралась до вершины лѣсистаго холма и теперь могла видѣть далеко передъ собой и слѣдить за безмолвнымъ, побѣднымъ шествіемъ дня. Тамъ, далеко на востокѣ, разливался блѣдный свѣтъ, который затѣмъ замѣтно бѣлѣлъ; повсюду мракъ точно дрогнулъ и спѣшилъ уступить мѣсто свѣту; звѣзды всѣ ужъ погасли, словно уличные фонари въ городѣ съ наступленіемъ дня. Бѣлый свѣтъ сталъ переходить въ сіяющій серебряный, а серебряный, какъ будто раскаляясь, постепенно становился золотымъ, а золото разгоралось и становилось огнемъ, яркимъ пылающимъ огнемъ, а затѣмъ повсюду разливался румяный, розовый отблескъ зари. Наконецъ, проснувшійся день дохнулъ своимъ долгимъ живительнымъ, но еще холоднымъ дыханіемъ на всю природу и на многія мили въ окружности темный лѣсъ тоже глубоко вздохнулъ, и по немъ пробѣжала какъ бы легкая дрожь. Еще моментъ и солнце вдругъ разомъ выкатилось изъ-за горизонта, точно выплыло на поверхность, и первая стрѣла лучезарнаго свѣтила ударила прямо въ лицо пораженной и очарованной принцессѣ, которая при этомъ вдругъ почувствовала нѣчто похожее на робость, смѣшанную съ восторгомъ. Кругомъ повсюду тѣни выползали изъ своихъ тайниковъ и ложились, разстилались впередъ по землѣ. День насталъ, яркій, блестящій, сіяющій, и солнце тамъ на востокѣ продолжало побѣдно свое шествіе, подымаясь медленно и величественно все выше и выше.

Серафина, однако, переутомилась; она чувствовала, что ослабѣваетъ, и опустилась на траву, прислонясь спиной къ дереву; теперь веселый лѣсъ какъ будто смѣялся надъ ней, надъ ея ночными страхами. Теперь и эти ужасы, и радостная перемѣна близящагося разсвѣта были пережиты; но подъ палящимъ взоромъ яркаго дня она чувствовала себя снова тревожно, она оглядывалась кругомъ, боясь не призрачныхъ ужасовъ ночи, а живыхъ людей. И она невольно тяжело вздыхала. На нѣкоторомъ разстояніи впереди ее, среди низкорослаго лѣса, она увидѣла подымающуюся къ небу и тающую въ воздухѣ тонкую струйку дыма, то появлявшуюся на золотисто-голубомъ фонѣ неба, то минутами исчезавшую. Тамъ навѣрное были люди, собравшіеся вокругъ очага. Руки человѣческія сложили эти

сучья, человѣческое дыханіе раздуло маленькій огонекъ въ яркое пламя и теперь это пламя весело озаряетъ лицо того, кто его вызвалъ къ жизни. При этой мысли она почувствовала себя такой одинокой, озябшей, затерянной въ этомъ необъятномъ Божіемъ мірѣ. И теперь поразившіе и оживившіе ее, какъ искры электрическаго тока, первые золотые лучи восходящаго солнца, и нечеловѣческая красота этихъ лѣсовъ начинали досаждать ей, раздражали, даже пугали ее. И кровъ, и уютъ дома, пріятное уединеніе въ комнатѣ, равномѣрный умѣренно яркій огонь камина, удобная мебель, словомъ, все то, что краситъ и придаетъ пріятность жизни культурнаго человѣка, начинало тянуть ее къ себѣ неудержимо. Теперь столбъ дыма, очевидно, подъ вліяніемъ движенія воздуха началъ клониться въ сторону на подобіе крыла и, какъ бы принявъ это измѣненіе въ направленіи дымка за призывъ или приглашеніе, Серафина снова вступила въ лабиринтъ лѣсной чащи съ намѣреніемъ добраться до жилья.

Здѣсь, въ лѣсу, еще было сумрачно и прохладно, какъ при началѣ разсвѣта; сюда еще не успѣли проникнуть горячіе обогрѣвающіе и освѣщающіе все своимъ свѣтомъ лучи солнца, и ее охватила голубоватая мгла и холодокъ ночной росы. Но тутъ и тамъ верхушка высокой сосны уже свѣтилась подъ яркими лучами золотившаго ее солнца, и тамъ, и сямъ, гдѣ прерывалась цѣпь холмовъ, яркіе лучи солнца побѣдно врывались въ царство тѣни и мглы и длинной широкой полосой ложились между частыми стволами деревьевъ, словно прокладывая въ лѣсу золотую дорогу. Серафина спѣшила по лѣсной тропинкѣ, и хотя теперь дымка ей больше не было видно, но она придерживалась желаемаго направленія по солнцу. Вотъ еще и новые признаки подтвердили ей присутствіе и близость человѣка; это были срубленные стволы, бѣлыя щепки, связанныя въ вязанки зеленыя вѣтки и полѣницы дровъ. Это придало ей мужества, и она смѣлѣе и бодрѣе пошла впередъ. Наконецъ, она вышла на расчищенное отъ лѣса мѣсто, откуда подымался дымокъ. У самаго ручья, который весело перепрыгивалъ черезъ небольшіе пороги, стояла избушка и на порогѣ, въ самыхъ дверяхъ, виднѣлась фигура загорѣлаго дровосѣка съ грубыми жесткими чертами лица. Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину и смотрѣлъ на небо.

Серафина, не задумываясь, прямо направилась къ нему,— прекрасное, но дикое и странное видѣніе съ блестящими гла-

зами, въ жалкихъ лохмотьяхъ когда-то драгоцѣннаго наряда, съ парою бриллiантовъ въ ушахъ, сверкавшихъ, какъ капли росы на солнцѣ. На ходу, отъ движенiя, одна изъ ея небольшихъ грудей то показывалась, то скрывалась подъ тонкимъ кружевомъ ея разорваннаго лифа. Въ такое время дня, да еще прямо изъ лѣса, гдѣ все молчало, не успѣвъ пробудиться отъ сна, это видѣнiе смутило дровосѣка, и онъ попятился отъ принцессы, какъ отъ какой-нибудь лѣсной волшебницы.

— Я озябла,—сказала Серафина,—и я устала. Дайте мнѣ отдохнуть и обогрѣться у вашего очага.

Дровосѣкъ видимо смутился, но ничего не отвѣтилъ и стоялъ, какъ столбъ, глядя изъ подлобья на свою необычайную посѣтительницу.

— Я заплачу,—сказала Серафина и тотчасъ же раскаялась въ этихъ словахъ, быть можетъ уловивъ въ его взглядѣ искорку скрытаго страха или необъяснимаго ужаса, мелькнувшаго въ его испуганныхъ глазахъ. Но какъ всегда ея мужество только возрасло при этой первой неудачѣ. Не дожидаясь приглашенiя, она оттолкнула его въ сторону и вошла въ избу, а онъ послѣдовалъ за нею въ суевѣрномъ страхѣ и недоумѣнiи.

Въ избѣ или, вѣрнѣе, въ лачугѣ было неуютно и темно, но на большомъ камнѣ, служившемъ очагомъ, весело трещали сучья, и красивое яркое пламя веселило взглядъ. При видѣ огня, Серафина какъ-то сразу успокоилась; она опустилась на земляной полъ и присѣла на немъ у самаго очага, слегда вздрагивая и подставляя пламени свои ручки и лицо. А дровосѣкъ стоялъ надъ ней все въ такомъ же недоумѣнiи и не сводилъ съ нее глазъ; онъ не могъ надивиться на лохмотья дорогого наряда, на обнаженныя плечи и руки, на клочки тонкаго кружева и сверкающiе бриллiанты въ ушахъ своей странной гостьи и не находилъ словъ.

— Дайте мнѣ поѣсть,—сказала принцесса,—здѣсь у огня.

Онъ молча повернулся и минуту спустя поставилъ передъ ней глиняный кувшинъ съ простымъ домашнимъ кислымъ виномъ, краюху хлѣба, кусокъ сыра и большую пригоршню сырыхъ луковыхъ головокъ. Хлѣбъ былъ черствый и кислый, сыръ походилъ на кожаную подошву, и даже лукъ, занимающiй здѣсь мѣсто трюфелей, едва ли былъ кушаньемъ, достойнымъ принцессы, особенно въ сыромъ видѣ. Но тѣмъ не менѣе она поѣла всего, и если

нельзя сказать, что съ аппетитомъ, то во всякомъ случаѣ съ мужествомъ, а поѣвъ, она не побрезгала и содержимымъ глинянаго кувшина. Во всю свою жизнь, она ни разу еще не пробовала грубой пищи и никогда еще не пила изъ кружки, изъ которой только что передъ ней, въ ея присутствіи, пилъ другой человѣкъ. Но надо сказать правду, что мужественная и рѣшительная женщина всегда скорѣе примиряется съ перемѣной обстоятельствъ, чѣмъ даже самый мужественный мужчина. Въ продолженіе всего этого времени дровосѣкъ ни на минуту не переставалъ исподтишка наблюдать за ней, и въ глазахъ его отражались попеременно разныя низкія мысли и суевѣрный страхъ, и алчность, и Серафина читала эти мысли на его лицѣ и сознавала, что ей надо какъ можно скорѣе уходить отсюда.

Она встала и подала ему монету въ одинъ флоринъ.

— Достаточно вамъ этого?—спросила она.

И вдругъ онъ заговорилъ; способность рѣчи разомъ вернулась къ нему.

— Я желаю получить больше этого,—сказалъ онъ.

— Очень жалѣю, но это все, что я имѣю,—отвѣтила принцесса,—все, что я могу вамъ дать.—И съ этими словами она спокойно вышла изъ лачуги, пройдя мимо него.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ сердце ея дрогнуло, потому что она видѣла, что онъ протянулъ къ ней руку, чтобы удержать ее, и при этомъ его блуждающій взглядъ упалъ на топоръ. Протоптанная тропинка вела на западъ отъ избы, и Серафина, не задумываясь, пошла по ней. Она не оглядывалась назадъ, но какъ только за поворотомъ тропинки она почувствовала, что скрылась, наконецъ, изъ глазъ дровосѣка, она тотчасъ свернула съ тропинки въ цѣлину и, скользя между стволами, какъ змѣйка, бросилась бѣжать что было мочи. Она бѣжала до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не почувствовала себя въ безопасности, тогда только она остановилась и перевела духъ.

Тѣмъ временемъ солнце поднялось уже высоко, и его горячіе лучи проникали повсюду, даже въ самую чащу лѣса и пронизывали ее въ тысячѣ мѣстахъ, и заливали свѣтомъ и тепломъ этотъ пріютъ тѣни и прохлады, и горѣли алмазами въ капляхъ росы въ травѣ и на мху. Смола этихъ громадныхъ деревьевъ наполняла воздухъ душистымъ ароматомъ; казалось, что не только каждый стволъ, но и каждый сукъ, и каждая изъ этихъ безчисленныхъ

зеленыхъ иглъ выдѣляли изъ себя этотъ цѣлебный ароматъ; пригрѣтые жаркимъ солнышкомъ въ это веселое ясное утро, они какъ будто курили фиміамъ Своему Творцу. Время отъ времени по лѣсу пробѣгалъ вѣтерокъ, и тогда эти душистые великаны начинали качаться, и тѣни и свѣтъ дрожали и мигали на травѣ, какъ проворныя ласточки, и въ лѣсу пробуждался вдругъ шелестъ и шепотъ сотней и тысячъ зеленыхъ вѣтвей, пробуждался и затѣмъ снова смолкалъ надолго.

А Серафина все шла и шла, то въ гору, то подъ гору, то по солнцу, то въ тѣни, то высоко по голому хребту горъ, среди камней и утесовъ, гдѣ грѣлись на солнцѣ проворныя юркія ящерицы, и пробирались подъ папоротниками лѣнивыя змѣи; то низомъ по ущельямъ и оврагамъ, поросшимъ густымъ лѣсомъ, куда не проникало солнце, и гдѣ старые стволы стояли, какъ колонны древнихъ храмовъ. То она шла извилистой лѣсной тропой въ лабиринтѣ лѣсистой долины, то опять подымалась на вершину холма или горы, откуда ей открывался видъ на дальнія цѣпи горъ, гдѣ она видѣла громадныхъ птицъ, парящихъ въ воздухѣ, или тамъ, вдали, пріютившееся на пригоркѣ селеніе, и она обходила кругомъ, чтобы миновать его. Спустившись снова внизъ, она слѣдила за теченіемъ рѣчекъ, пѣнистыхъ горныхъ потоковъ, шумно бѣжавшихъ по долинѣ; видѣла, гдѣ они зарождались чуть замѣтными ручейками или били родничками изъ земли; видѣла, какъ мѣстами цѣлая семья такихъ ручейковъ сливалась въ одинъ общій потокъ, образуя въ мѣстѣ своего сліянія маленькое озеро, въ которомъ прилетали купаться воробьи; въ другомъ мѣстѣ такіе же ручейки, падая со скалы хрустальными струйками звенѣли и журчали по камнямъ; и на все это Серафина смотрѣла, спѣша все впередъ и впередъ, смотрѣла съ жаднымъ восхищеніемъ, съ удивленіемъ, и сердце ея замирало отъ радости. Все это было для нея такъ ново, такъ глубоко трогало и волновало ее, все такъ благоухало, такъ манило, такъ влекло и ея чувства, и ея воображеніе, и все это какъ будто утопало въ голубой лазури сіяющаго небеснаго свода, раскинувшагося надо всѣмъ высокимъ свѣтлымъ куполомъ.

Наконецъ, когда она почувствовала себя совсѣмъ усталой, она подошла къ большому мелкому болотному озерку, среди котораго виднѣлись большіе камни, какъ островки, а по берегамъ росли тростники; все дно было устлано иглами сосенъ, тѣхъ со-

сен, что своими горбатыми узловатыми корнями образовывали мысы, вдающіеся въ эту лужу, а сами глядѣлись въ ея водяную поверхность, какъ въ зеркало, отражавшее ихъ красивый темно-зеленый нарядъ, ихъ стройные силуэты и гордыя вершины. Серафина подползла къ самой водѣ и съ удивленіемъ увидѣла въ ней свое отраженіе; это былъ какой-то блѣдный, тощій призракъ съ большими блестящими и ясными глазами, призракъ, на которомъ еще уцѣлѣли лоскутья придворнаго наряда. Но вотъ вѣтерокъ зарябилъ воду, и ея образъ задрожалъ и заколыхался вмѣстѣ съ водой. Она видитъ свое лицо; то она видитъ его обезображеннымъ морщинками, и это смѣшитъ ее; она улыбается, и вода отражаетъ эту улыбку; Серафина видитъ ее, и теперь ея лицо кажется милымъ и добрымъ, какимъ она его никогда не видала раньше. Она долго сидитъ у воды, пригрѣтая солнышкомъ, и шутливо жалобится надъ своими маленькими исцарапанными и израненными руками, и удивляется, видя ихъ такими грязными. Теперь ей положительно не вѣрится, что она могла пройти такое громадное разстояніе, и что она столько времени шла въ такомъ ужасномъ видѣ и до сихъ поръ не подумала привести себя хоть немного въ порядокъ. Серафина вздохнула и принялась совершать свой туалетъ, съ помощью большого лѣсного зеркала такъ ласково улыбавшагося ей. Она начала съ того, что обмыла всю грязь и слѣды крови отъ ссадинъ и царапинъ и брызги крови, попавшія на нее во время ея приключенія въ оружейной принца. Обмывшись, она сняла съ себя всѣ драгоцѣнности и бережно завернула ихъ въ платокъ, въ свой тоненькій носовой платокъ; послѣ того она привела въ порядокъ, насколько это было возможно, тѣ лохмотья, которыя еще уцѣлѣли на ней отъ ея бывшаго дорогого наряда, и поправила волосы. Когда она распустила ихъ, то посмотрѣла на себя въ такомъ видѣ и невольно улыбнулась. «Они пахнутъ, какъ лѣсныя фіалки»,—припомнила она, что когда-то ей сказалъ Отто, и при этомъ воспоминаніи она приблизила ихъ къ своему лицу, и потянула въ себя воздухъ, словно желая убѣдиться въ справедливости того, что говорилъ принцъ, и при этомъ она уныло покачала головкой и усмѣхнулась про себя блѣдной, печальной улыбкой. Нѣтъ, она не только усмѣхнулась, но даже тихонько засмѣялась, и вдругъ на ея смѣхъ, точно эхо, отвѣтилъ серебристый дѣтскій смѣхъ. Она подняла голову, обернулась и увидѣла двухъ малютокъ, съ

любопытствомъ смотрѣвшихъ на нее. Это были маленькая дѣвочка и еще болѣе маленькій мальчикъ, прижимавшійся къ ней, точно игрушечныя дѣтки; стояли они съ улыбающимися личиками на самомъ краю озерка, подъ высокой развѣсистой сосной; совсѣмъ какъ въ сказкѣ. Серафина никогда не любила дѣтей, но теперь эти малютки испугали ее до того, что у нее сердце забилось, какъ у пойманной птички.

— Кто вы такіе? Откуда вы взялись? — крикнула она сердито.

Малыши вмѣсто отвѣта прижались плотнѣе другъ къ другу и какъ стояли обнявшись, такъ и стали обнявшись пятиться назадъ, не спуская съ нея глазъ. Теперь ей стало жалко, что она такъ безъ всякой причины напугала своимъ сердитымъ окрикомъ этихъ бѣдныхъ малютокъ, такихъ крошечныхъ и такихъ безобидныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ чуткихъ и впечатлительныхъ. Она невольно уподобила ихъ птичкамъ и опять взглянула на нихъ; они были, пожалуй, немного больше птичекъ, но много безобиднѣе и невиннѣе ихъ; на ихъ открытыхъ дѣтскихъ личикахъ она ясно читала изумленіе и чувство страха и боязни, и ей стало жаль этихъ малышей; ей захотѣлось теперь приласкать ихъ, и она поднялась на ноги, чтобы подойти къ нимъ.

— Подите сюда, дѣтки,—сказала она,—не бойтесь меня!— И она сдѣлала шагъ впередъ по направленію къ нимъ. Но, увы! При первомъ ея движеніи малютки повернулись и, ковыляя какъ молодые утята, бросились бѣжать отъ принцессы. Видя это, сердце молодой женщины сжалось щемящею болью; ей было всего только двадцать два, впрочемъ нѣтъ, скоро двадцать три года, и ни одно живое существо не любило ее, ни одно, кромѣ Отто! Но и онъ можетъ ли, даже онъ, простить ей когда-нибудь то, что она сдѣлала? Слезы душили ее, но она напрягла всѣ свои силы, чтобы подавить ихъ. Только не плакать! Если она расплачется теперь здѣсь, въ этомъ лѣсу, одна, это можетъ окончиться для нея помѣшательствомъ,—мелькнуло у нея въ головѣ, и она поспѣшила отогнать отъ себя черныя мысли, поспѣшила отбросить ихъ отъ себя, какъ горящую бумагу, и, закрутивъ наскоро свои длинные и густые волосы тяжелымъ узломъ на затылкѣ, подгоняемая ужаснымъ опасеніемъ, съ шибко-бьющимся сердцемъ, она снова пустилась въ путь, стараясь заглушить движеніемъ осаждавшія и пугавшія ее мысли.

Часовъ около десяти утра она какими-то судьбами вышла на большую проѣзжую дорогу, пролегавшую въ этомъ мѣстѣ по горѣ, между двухъ стѣнъ зеленаго стройнаго лѣса. Дорога шла въ гору, вся залитая солнцемъ; тутъ было такъ тепло, такъ привѣтливо и такъ хорошо, а Серафина чувствовала смертельную усталость и, подолгу не задумываясь надъ возможными послѣдствіями, а скорѣе ободренная этимъ присутствіемъ цивилизаціи, этимъ сооруженіемъ рукъ человѣческихъ, она расположилась на травѣ, подъ тѣнью развѣсистаго дерева, на самомъ краю дороги, и почти тотчасъ же заснула. Въ первую минуту она боролась со сномъ; ей казалось, что онъ долженъ перейти въ глубокій обморокъ, но затѣмъ она невольно поддалась ему, и онъ ласково принялъ ее въ свои успокаивающія объятія.

И вотъ эта бѣдная, измученная, истомленная и истрадавшаяся молодая женщина хоть на время была укрыта и избавлена отъ всѣхъ ея мучительныхъ тревогъ и волненій, горя и печалей, и бѣдная душа ея, наконецъ, вкусила покой, а молодое тѣло нашло желанный отдыхъ здѣсь, на краю большой проѣзжей дороги. Въ роскошныхъ лохмотьяхъ, въ золотистомъ уборѣ ея густыхъ, разсыпавшихся по плечамъ, волосъ, она лежала здѣсь, забывъ про цѣлый міръ, а птицы со всѣхъ сторонъ слетались изъ лѣсу посмотрѣть на нее и носились надъ ней, и сзывая другихъ птицъ совѣщались съ ними на своемъ птичьемъ языкѣ, обсуждая это странное, необычайное явленіе въ ихъ зеленомъ лѣсномъ царствѣ.

Между тѣмъ солнце продолжало свой дневной путь. Тѣнь, ложившаяся на откосъ дороги отъ ногъ Серафины, замѣтно стягивалась и подымалась все выше и выше, и собиралась уже совершенно исчезнуть, когда стукъ колесъ приближающагося экипажа взволновалъ сторожевыхъ птицъ, и онѣ принялись быстро сновать взадъ и впередъ поперекъ дороги, извѣщая своихъ сородичей о новомъ событіи. Дорога въ этомъ мѣстѣ дѣлала очень крутой подъемъ, а потому экипажъ приближался чрезвычайно медленно, и прошло добрыхъ десять минутъ, прежде чѣмъ изъ-за подъема показался пожилой господинъ, шедшій степенной, старческой, хотя и довольно бодрой походкой, по закраинѣ дороги, поросшей низкой мягкой зеленой травой. Онъ шелъ не торопясь, съ видимымъ удовольствіемъ оглядываясь по сторонамъ; время отъ времени онъ пріостанавливался на минуту, доставалъ изъ

кармана записную книжку и вписывалъ въ нее нѣсколько строкъ карандашемъ. Если бы поблизости оказался кто-нибудь, желающій понаблюдать за нимъ, то увидѣлъ бы, что этотъ пожилой господинъ бормочетъ что-то вполголоса про себя, точно стихотворецъ, подбирающій рифмы и созвучія. Шумъ колесъ экипажа все еще слышался довольно слабо; какъ видно экипажъ приближался очень медленно и былъ еще довольно далеко; путешественникъ на много опередилъ его, отдавъ возницѣ приказаніе слѣдовать за нимъ шагомъ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Самъ же пожилой господинъ подходилъ все ближе и ближе къ тому мѣсту, гдѣ на краю дороги расположилась Серафина; думы его были далеко, и онъ больше смотрѣлъ на небо, на верхушки лѣса, чѣмъ на дорогу, шагая почти механически. Но вотъ онъ подошелъ совсѣмъ близко къ принцессѣ, которая все еще крѣпко спала, и только теперь взглядъ его случайно упалъ на спящую. Увидѣвъ ее, онъ невольно остановился, спряталъ въ карманъ свою записную книжку и осторожно приблизился къ ней. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ она спала, лежалъ большой, старый жерновъ, на который нашъ путешественникъ присѣлъ и принялся спокойно разглядывать принцессу. Она лежала на боку, свернувшись, скорчившись, въ полномъ изнеможеніи; голова ея покоилась на ея обнаженной рукѣ; другая же рука была вытянута и лежала безсильно, скатившись на траву. Ея прекрасное молодое тѣло производило впечатлѣніе выкинутаго или брошеннаго кѣмъ-нибудь по дорогѣ ненужнаго предмета и казалось безжизненнымъ. Даже дыханіе ея не волновало ея груди и беззвучно вылетало изъ ея устъ. Все говорило о смертельной усталости, о полномъ изнеможеніи этого бѣднаго молодого тѣла. Глядя на нее, путешественникъ грустно усмѣхнулся. И словно передъ нимъ лежала мраморная фигура, онъ принялся оцѣнивать ея красоту и недостатки: въ этой безсознательной, непринужденной позѣ красота ея формъ поразила его; легкій румянецъ разгорѣвшагося во снѣ лица шелъ къ ней, какъ красивый уборъ изъ яркихъ цвѣтовъ.

— Клянусь честью,—подумалъ онъ, я никогда не предполагалъ, что она можетъ быть такъ красива! И какая досада, подумаешь, что я обязался ни единымъ словомъ не упоминать о ней!

При этомъ онъ слегка коснулся спящей кончикомъ своей палки. Отъ этого прикосновенія Серафина проснулась и, слегка

вскрикнувъ, сѣла и блуждающимъ взглядомъ уставилась въ неподвижно сидѣвшаго на камнѣ путешественника.

— Надѣюсь, ваше высочество изволили хорошо почивать?— спросилъ онъ, дружелюбно кивая головой. Но она издавала въ отвѣтъ только какіе-то несвязные звуки.

— Успокойтесь, придите въ себя,—сказалъ пожилой господинъ, подавая ей благой примѣръ своимъ поведеніемъ. — Мой экипажъ здѣсь близко, и если вы пожелаете, то на мою долю, вѣроятно, выпадетъ, какъ я надѣюсь, странная честь увоза владѣтельной принцессы.

— Сэръ Джонъ!—промолвила она, наконецъ, узнавъ своего собесѣдника.

— Къ услугамъ вашего высочества!—отозвался онъ.

Она разомъ вскочила на ноги и какъ будто вдругъ встрепенулась и ожила.

— О!—воскликнула она.—Вы изъ Миттвальдена?

— Да, я выѣхалъ оттуда сегодня утромъ, — отвѣтилъ сэръ Джонъ,—и если есть на свѣтѣ человѣкъ, который менѣе всего захочетъ туда вернуться, кромѣ, конечно, вашего высочества, то это я,—добавилъ англичанинъ.

— А баронъ?—начала было она и замолчала, не договоривъ.

— Madame,—сказалъ, улыбаясь своею нѣсколько саркастической улыбкой сэръ Джонъ, — ваше намѣреніе было прекрасно, и я могу сказать, вы настоящая Юдиѳь; но по прошествіи всего этого времени вы, вѣроятно, все-таки будете рады услышать, что онъ живъ, и что ему даже не грозитъ никакой серьезной опасности. Я справлялся о его здоровьѣ сегодня поутру, передъ моимъ отъѣздомъ, и узналъ, что ему довольно хорошо, но что онъ очень сильно страдаетъ. Я слышалъ его стоны въ третьей комнатѣ.

— А принцъ?—спросила она.—Слышно о немъ что-нибудь въ городѣ?

— Говорятъ,—отвѣтилъ ей на это сэръ Джонъ, все съ той же пріятной медлительностью,—что объ этомъ вашему высочеству всего лучше должно быть извѣстно: ни въ городѣ, ни во дворцѣ его никто не видѣлъ.

— Да,—сказала принцесса,—но, сэръ Джонъ, вы сейчасъ были такъ великодушны, что упомянули о вашемъ экипажѣ и предлагали мнѣ воспользоваться имъ, такъ будьте же столь

добры, умоляю васъ, отвезти меня въ Фельзенбургъ. У меня тамъ есть очень важное, очень спѣшное дѣло.

— Я ни въ чемъ не могу отказать вамъ, ваше высочество,— отозвался сэръ Джонъ весьма серьезно и сдержанно.—Все, что въ моей власти и все, что я могу сдѣлать для васъ, я сдѣлаю съ величайшей готовностью и съ полнымъ удовольствіемъ. Какъ только мой экипажъ подъѣдетъ сюда, онъ будетъ въ полномъ вашемъ распоряженіи и отвезетъ васъ, куда вы только прикажете. Но, — вдругъ добавилъ онъ, снова переходя къ своему обычному слегка насмѣшливому тону,—я замѣчаю, что вы ничего не спросили меня о дворцѣ.

— Меня онъ не интересуетъ,—сказала она,—мнѣ безразлично, какая участь постигнетъ его. Если я не ошибаюсь, мнѣ казалось, что я видѣла его въ огнѣ нынче ночью.

— Удивительно! Невѣроятно! — воскликнулъ баронетъ. — Возможно ли, чтобы мысль о гибели сорока новыхъ туалетовъ оставляла васъ совершенно спокойной и равнодушной? Если такъ, то я положительно преклоняюсь передъ вашимъ геройствомъ и мужествомъ. И государство, вѣроятно, тоже преклоняется передъ нимъ. Когда я уѣзжалъ, новое правительство ужъ засѣдало въ городской ратушѣ,—новое правительство, въ числѣ котораго вы нашли бы два знакомыхъ вамъ лица, а именно: Сабра, который, если не ошибаюсь, воспитался на службѣ вашего высочества, насколько помню, въ должности выѣздного лакея, не правда ли? И затѣмъ нашъ старый пріятель, бывшій канцлеръ фонъ Грейзенгезангъ, состоящій теперь, какъ и подобаетъ, на низшей ступени общественнаго положенія, такъ какъ при такого рода государственныхъ переворотахъ первые всегда становятся послѣдними, а послѣдніе первыми.

— Сэръ Джонъ, — сказала Серафина, повидимому, вполнѣ просто и искренно,—я увѣрена, что вы дѣйствуете изъ самыхъ лучшихъ побужденій, но, право, все это меня теперь нисколько не интересуетъ.

Баронетъ до того былъ сбитъ съ толку и выбитъ изъ колеи этими ея словами, что онъ съ непритворной радостью завидѣлъ, наконецъ, свой экипажъ и крикнулъ кучеру подъѣхать. При этомъ, желая придать себѣ хоть сколько-нибудь развязный видъ, предложилъ принцессѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы сказать что-нибудь,—предложилъ пойти навстрѣчу экипажу. Она

выразила свое согласіе, и они пошли. Когда экипажъ остановился, онъ предупредительно подсадилъ Серафину со всей, присущей придворному человѣку любезностью, затѣмъ самъ помѣстился рядомъ съ ней и принялся изъ разныхъ сумочекъ и кармашковъ кареты, чрезвычайно хорошо приспособленной для дальнихъ путешествій, доставать фрукты, паштеты съ трюфелями, бѣлый хлѣбъ, дорожный стаканчикъ и хорошее старое вино. Всѣмъ этимъ онъ принялся подчивать Серафину съ внимательной заботливостью отца, уговаривая ее отвѣдать того и другого, увѣщевая ее всѣми мѣрами подкрѣпить свои силы, и за все это время, какъ бы сдерживаемый законами гостепріимства, онъ не позволилъ себѣ ни единой, даже самой легкой, насмѣшки. Дѣйствительно, его доброжелательство къ ней казалось настолько искреннимъ и непритворнымъ, что Серафина была глубоко тронута имъ, и сердечно благодарна сэру Джону.

— Сэръ Джонъ,—сказала она, наконецъ,—я знаю, что въ душѣ вы ненавидите и презираете меня: почему же вы такъ добры ко мнѣ?

— Ахъ, сударыня,—отозвался онъ, не пытаясь протестовать противъ взведеннаго на него обвиненія,—это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что я имѣю честь быть другомъ вашего уважаемаго супруга и большимъ его почитателемъ.

— Вы!—воскликнула она съ непритворнымъ удивленіемъ.— А мнѣ говорили, что вы писали самыя возмутительнѣйшія вещи о насъ обоихъ.

— Да, это совершенно вѣрно, и именно на этой почвѣ, какъ это ни странно, родилась и выросла наша дружба, — сказалъ сэръ Джонъ.—Я написалъ особенно много жестокаго, или если вы предпочитаете это выраженіе, «возмутительнаго» о вашей прекрасной особѣ, и вашъ супругъ, несмотря на это, вернулъ мнѣ свободу, снабдилъ меня пропускомъ, распорядился предоставить въ мое распоряженіе свой экипажъ, который приказалъ тотчасъ же заложить и подать къ фазаньему домику, и затѣмъ съ чисто юношескимъ порывомъ и благородствомъ побужденія, вызвалъ меня драться съ нимъ. Зная его супружескую жизнь и ваше къ нему отношеніе, признаюсь, я счелъ этотъ его поступокъ въ высшей степени благороднымъ и прекраснымъ. При этомъ я не могу забыть простоты, искренности и сдержанной горячности этого порыва и тѣхъ скорбныхъ нотъ, которыя зву-

чали въ его голосѣ, когда онъ, желая убѣдить меня драться съ нимъ, сказалъ: «Вы не бойтесь, въ случаѣ, если бы я былъ убитъ, никто не хватится меня, вѣдь я здѣсь никому не нуженъ». Какъ видно, вы впослѣдствіи подумали то же самое. Но, простите, я уклонился,—когда я сталъ доказывать ему, что не могу съ нимъ драться, то онъ воскликнулъ: «Даже и въ томъ случаѣ, если я ударю васъ?»—и это вышло у него такъ горячо, такъ искренно и такъ забавно! Я очень сожалѣю, что не могу занести этой сцены въ мою книгу, но я скажу вамъ, что принцъ Отто положительно покорилъ меня; я почувствовалъ къ нему величайшее уваженіе, и въ угоду ему, тутъ же на его глазахъ, уничтожилъ все, что мною было написано нелестнаго, или какъ вы говорите, «возмутительнаго» о васъ. И это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ услугъ, которыми вы обязаны вашему мужу.

Серафина сидѣла молча, прижавшись въ углу кареты, и когда сэръ Джонъ кончилъ, она продолжала молчать еще нѣкоторое время. Она легко мирилась съ ложнымъ и невыгоднымъ для нее мнѣніемъ тѣхъ лицъ, кого она презирала, или кѣмъ она пренебрегала; она не обладала присущей Отто потребностью похвалъ и одобреній своихъ поступковъ; она шла прямо и неуклонно своимъ путемъ, высоко поднявъ голову, не взирая на клевету и порицанія. Но сэру Джону, послѣ того, что онъ сказалъ, и въ качествѣ друга ея мужа, она была готова держать отвѣтъ.

— Что вы думаете обо мнѣ, сэръ Джонъ? — вдругъ спросила она.

— Я уже сказалъ вамъ,—отвѣтилъ онъ уклончиво,—я думаю, что вамъ слѣдуетъ выпить еще одинъ стаканчикъ моего добраго вина.

— Полноте,—сказала она,—это не похоже на васъ: вы никогда кажется не боялись говорить людямъ въ глаза правду. Вы только-что сказали, что цѣните и уважаете моего мужа, такъ ради него, прошу васъ, будьте правдивы и откровенны со мной.

— Я восторгаюсь вашей смѣлостью и вашимъ мужествомъ, madame,—сказалъ баронетъ,—а въ остальномъ, какъ вы сами угадали и даже высказали, наши натуры не симпатизируютъ другъ другу.

— Вы упомянули, кажется, о скандалѣ, о нелестныхъ отзы-

вахъ обо мнѣ; скажите, этотъ скандалъ и эти отзывы были очень возмутительны?

— Въ весьма достаточной мѣрѣ!—отозвался сэръ Джонъ.

— И вы имъ вѣрили?—снова спросила она.

— О, madame,—уклончиво промолвилъ сэръ Джонъ,—зачѣмъ такой вопросъ?

— Благодарю васъ за отвѣтъ!—воскликнула Серафина.—Ну, а теперь послушайте меня, я скажу вамъ, и готова поручиться за это своею честью, готова поклясться спасеніемъ моей души, что, вопреки всѣмъ слухамъ, вопреки всѣмъ очевидностямъ на свѣтѣ, я была всегда самая вѣрная жена своему мужу!

— Мы вѣроятно не сойдемся съ вами въ опредѣленіи,—замѣтилъ сэръ Джонъ.

— О,—воскликнула принцесса,—я сознаюсь, что я относилась къ нему возмутительно, я это знаю, но я говорю не объ этомъ! И такъ какъ вы утверждаете, что восхищаетесь моимъ мужемъ, что считаете себя его другомъ, то я настаиваю на томъ, чтобы вы поняли меня! Я хочу сказать, что могу смѣло смотрѣть въ лицо моему мужу, не краснѣя.

— Весьма возможно, madame,—сказалъ сэръ Джонъ,—да я и не осмѣливался думать иначе.

Вы не желаете мнѣ вѣрить! — воскликнула она, ярко вспыхнувъ.—Вы считаете меня преступной женой? Вы думаете, что онъ былъ моимъ любовникомъ?

— Madame,—возразилъ баронетъ, — когда я на глазахъ вашего мужа изорвалъ все, что я написалъ о васъ и о вашихъ семейныхъ дѣлахъ, я обѣщалъ вашему уважаемому супругу впредь не заниматься и не интересоваться болѣе вашими супружескими отношеніями и въ послѣдній разъ позволю себя увѣрить васъ, что я отнюдь не желаю быть вашимъ судьей.

— Но вы не желаете также и оправдать меня! О, я это прекрасно вижу, — воскликнула Серафина. — Но о н ъ оправдаетъ меня, я въ томъ увѣрена! Онъ лучше меня знаетъ!

Сэръ Джонъ невольно улыбнулся.

— Вы улыбаетесь при видѣ моего отчаянія? — спросила принцесса.

— Нѣтъ, при видѣ вашего женскаго хладнокровія и вашей увѣренности,—сказалъ сэръ Джонъ.—Едва ли бы мужчина нашелъ въ себѣ достаточно смѣлости для такого восклицанія при

данныхъ условіяхъ, тогда какъ у васъ оно вышло, я хочу сказать, оно вырвалось, совершенно естественно и непосредственно, и я ничуть не сомнѣваюсь, что это сущая правда. Но замѣтьте, madame, разъ вы ужъ дѣлаете мнѣ честь говорить со мной серьезно о такихъ вещахъ,—я не чувствую никакого сострадапія къ тому, что вы называете вашимъ отчаяніемъ. Вы все время были въ высшей степени эгоистичны, можно сказать, прямо-таки возмутительно эгоистичны, и теперь вы пожинаете плоды этого эгоизма. Если бы вы хоть всего одинъ только разъ подумали о своемъ мужѣ, вмѣсто того, чтобы думать исключительно только объ одной себѣ, вы бы не были теперь такъ совершенно одни, такой несчастной бѣглянкой на большой дорогѣ, съ руками, замаранными человѣческой кровью, и вамъ не пришлось бы выслушивать отъ стараго брюзги англичанина такой правды, которая горче всякой клеветы и всякихъ пересудъ.

— Благодарю васъ,—сказала она, вся дрожа, — все это истинная правда; не потрудитесь ли вы приказать остановить экипажъ.

— Нѣтъ,—рѣшительно возразилъ сэръ Джонъ,—не раньше, чѣмъ вы совершенно успокоитесь и овладѣете собой.

За этимъ послѣдовало довольно продолжительное молчаніе. Экипажъ тѣмъ временемъ продолжалъ катиться то лѣсомъ, то между голыхъ скалъ.

— Ну, а теперь, надѣюсь, вы согласитесь, что я въ достаточной мѣрѣ успокоилась,—сказала, наконецъ, Серафина съ легкимъ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ. — Прошу васъ, какъ джентльмена, приказать остановить лошадей и позволить мнѣ выйти.

— Мнѣ кажется, что вы поступаете неразумно,—замѣтилъ сэръ Джонъ.—Прошу васъ продолжать пользоваться моимъ экипажемъ.

— Сэръ Джонъ,—возразила принцесса,—если бы смерть сидѣла вотъ на этомъ камнѣ и подстерегала меня, клянусь вамъ, я предпочла бы пойти ей навстрѣчу. Я не осуждаю васъ, напротивъ того, я благодарю васъ, потому что теперь я вижу, какою я представляюсь другимъ, и въ какомъ свѣтѣ меня видятъ люди; до сихъ поръ я объ этомъ мало думала и вѣроятно заблуждалась,

подъ вліяніемъ льстивыхъ людей, но мнѣ трудно дышать, сидя рядомъ съ человѣкомъ, который можетъ думать обо мнѣ такъ дурно. Нѣтъ, о нѣтъ, это свыше моихъ силъ!—крикнула она и разомъ смолкла.

Сэръ Джонъ дернулъ шнуръ, надѣтый петлей на руку кучера, и когда тотъ остановилъ лошадей, онъ вышелъ и предложилъ руку принцессѣ, чтобы помочь ей выйти. Но она не приняла его руки, а легко и проворно соскочила на землю безъ посторонней помощи.

Дорога, которая долгое время шла низомъ, извиваясь въ долинѣ, теперь достигла высшей точки гребней горъ, по которымъ она шла дальше, извиваясь, какъ змѣя, переползая съ одного гребня на другой, по обрывистому скалистому кряжу, служившему сѣверной границей Грюневальда. То мѣсто, гдѣ они остановились, находилось на выдающемся мѣстѣ кряжа, на большой скалистой вершинѣ, гдѣ торчало нѣсколько старыхъ косматыхъ сосенъ, извѣдавшихъ не мало горя отъ вѣтровъ и непогоды. Тамъ вдали голубая долина Герольштейна раскинулась на громадномъ протяженіи и сливалась тамъ, на краю горизонта, съ небесной лазурью; а впереди, прямо передъ сэромъ Джономъ и Серафиной тянулась и развертывалась дорога; рядомъ смѣлыхъ загзаговъ она шла вверхъ, туда, гдѣ виднѣлась на высокой скалѣ старая темная башня, заслонявшая собою дальнѣйшій пейзажъ.

— Вонъ тамъ,—сказалъ баронетъ, указывая на башню,—ваша тюрьма, Фельзенбургъ. Желаю вамъ пріятнаго пути, и весьма сожалѣю, что не могу ничѣмъ больше служить вамъ.

Онъ почтительно поклонился, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Серафина осталась одна на краю дороги; глаза ея смотрѣли впередъ, не видя ничего передъ собою. О сэрѣ Джонѣ она уже успѣла окончательно забыть; она теперь ненавидѣла его, и этого съ нее было достаточно, чтобы совершенно забыть о его существованіи. Все, что она презирала или ненавидѣла, мгновенно превращалось для нея въ минимальнѣйшую величину, совершенно изглаживалось изъ ея мыслей и переставало существовать для нея. Но у нее была теперь иная забота: ея послѣднее свиданіе съ Отто, котораго она до сихъ поръ не могла еще ему простить, теперь представлялось ей въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ.

вѣдь онъ пришелъ къ ней тогда еще весь дрожа отъ только-что пережитаго оскорбленія, не успѣвъ еще отдышаться послѣ тяжелой борьбы, въ которой онъ геройски отстаивалъ ея честь.

Теперь, когда она знала все это, ихъ разговоръ, всѣ его слова получали совсѣмъ новый смыслъ и значеніе. Да, несомнѣнно, онъ любилъ ее, онъ защищалъ ее и готовъ былъ защищать ея честь цѣною своей жизни! Значитъ, это было смѣлое, благородное чувство, а не слабоволіе, не легкая блажь избалованнаго ребенка. А она сама, развѣ она не была способна любить? Оно во всякомъ случаѣ могло казаться такъ, и при этомъ у нее въ горлѣ стояли слезы; она глотала эти слезы и чувствовала неудержимое влеченіе, непобѣдимое желаніе увидѣть Отто, объяснить ему все, на колѣняхъ просить его простить ей ея горькую ошибку и ея вину передъ нимъ; она хотѣла умолять его о жалости, и если все другое было теперь ужъ безвозвратно потеряно для нее, если она не могла больше надѣяться загладить прошлое, то по крайней мѣрѣ она хотѣла во что бы то ни стало вернуть ему свободу, которой она лишила его.

И она быстро пошла впередъ по большой дорогѣ, и по мѣрѣ того, какъ эта дорога извивалась то въ ту, то въ другую сторону вокругъ скалистыхъ утесовъ, то спускалась подъ откосъ въ ущелье, то снова взбиралась на самыя вершины каменистаго кряжа, Серафина минутами то видѣла передъ собой темную башню, то теряла ее изъ вида, и затѣмъ она опять какъ будто грозно выростала передъ ней, возвышаясь высоко на крутой одинокой скалѣ, какъ мрачный великанъ, окутанный прозрачнымъ горнымъ воздухомъ въ румяномъ отблескѣ золотившаго его солнца.

II. Разсужденія о христіанской добродѣтели.

Когда Отто сѣлъ въ свою подвижную тюрьму, т. е. въ карету, которая должна была отвезти его въ Фельзенбургъ, онъ уже нашелъ въ ней другого пассажира, плотно прижавшагося въ уголокъ передняго сидѣнья. Но такъ какъ этотъ пассажиръ низко опустилъ голову, а яркіе каретные фонари свѣтили впередъ, но не освѣщали самой кареты, то принцъ могъ только различить, что этотъ неожиданный спутникъ былъ мужчина. Вслѣдъ за плѣннымъ принцемъ вошелъ въ карету и полковникъ

Гордонъ и захлопнулъ за собой дверцу; въ тотъ же моментъ четвеерка коней разомъ подхватила экипажъ и быстрой рысью понеслась впередъ по дорогѣ.

— Господа, — сказалъ полковникъ послѣ непродолжительнаго молчанія,—если ужъ намъ суждено путешествовать въ строжайшемъ молчаніи, то почему бы намъ не чувствовать себя здѣсь, въ этой каретѣ, какъ дома, и не позволить себѣ кое-какое удовольствіе. Я, конечно, являюсь въ данный моментъ въ гнусной роли тюремщика, но тѣмъ не менѣе я человѣкъ со вкусомъ, не безъ образованія, большой любитель и цѣнитель хорошихъ книгъ и серьезныхъ поучительныхъ бесѣдъ; но, къ несчастью, я обреченъ на всю жизнь проводить свои дни въ казармахъ или въ караульномъ помѣщеніи. Господа, сегодня для меня представляется счастливый случай; не лишайте же меня возможности воспользоваться имъ! Сейчасъ здѣсь со мной весь цвѣтъ двора, кромѣ очаровательныхъ дамъ. Здѣсь со мной большой ученый и авторъ цѣнныхъ трудовъ, въ лицѣ доктора...

— Готтхольдъ!—воскликнулъ принцъ.

— Повидимому, такъ,—отозвался докторъ съ горечью, —приходится намъ отправляться вмѣстѣ, ваше высочество. Какъ видно вы на это не разсчитывали?

— На что ты намекаешь?—воскликнулъ Отто.—Неужели ты думаешь, что я отдалъ приказъ тебя арестовать?

— Мнѣ кажется, что этотъ намекъ разгадать не трудно,—замѣтилъ Готтхольдъ.

— Полковникъ Гордонъ!—сказалъ принцъ.—Окажите мнѣ услугу и разъясните это недоразумѣніе между докторомъ фонъ-Гогенштоквицемъ и мною.

— Господа,—сказалъ полковникъ,—оба вы были арестованы мною на основаніи одного и того же указа: именного и собственноручнаго указа принцессы Амаліи-Серафины законной правительницы Грюневальда, за ея печатью и подписью, скрѣпленной подписью перваго министра барона фонъ-Гондремарка, и помѣченнаго числомъ вчерашняго дня. Замѣтьте, что я выдаю вамъ, господа, служебную тайну, на что я, въ сущности, не имѣю права,—добавилъ онъ.

— Отто, прошу тебя простить мнѣ мое недостойное подозрѣніе!—воскликнулъ докторъ.

— Извини меня, Готтхольдъ,—но я невполнѣ увѣренъ въ томъ, что смогу исполнить твою просьбу,—промолвилъ принцъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Ваше высочество, я въ томъ глубоко убѣжденъ, слишкомъ великодушны, чтобы колебаться въ данномъ случаѣ!—сказалъ полковникъ Гордонъ.—Но позвольте, мы сейчасъ поговоримъ о способахъ примиренія и, съ вашего разрѣшенія, господа, я предложу вамъ сейчасъ вѣрнѣйшій изъ всѣхъ способовъ.

Съ этими словами полковникъ зажегъ яркій фонарь, который онъ прикрѣпилъ къ одной изъ стѣнокъ кареты, а изъ подъ передняго сидѣнья вытащилъ довольно большую корзину, изъ которой торчали длинныя горлышки буталокъ. «Tu spem reducis»,— а какъ дальше, докторъ?—весело спросилъ онъ,—вамъ это, вѣроятно, должно быть извѣстно! Я здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ хозяинъ, а вы мои гости, и я увѣренъ, что и его высочество, и господинъ докторъ, слишкомъ хорошо сознаете всю затруднительность моего положенія, чтобы отказать мнѣ въ этой чести, о которой я прошу васъ, въ чести распить вмѣстѣ со мной стаканчикъ, другой добраго вина!

Говоря это, онъ наполнилъ стаканы, также оказавшіеся въ корзинѣ, виномъ, и поднявъ свой, громко возгласилъ:

— Господа, я пью за принца!

— Полковникъ,—отозвался Отто,—мы должны считать себя счастливыми, что имѣемъ такого веселаго и пріятнаго хозяина, такъ радушно угощающаго своихъ гостей, а потому я пью за полковника Гордона!

Всѣ трое стали пить, добродушно подхваливая вино, и хозяина, перекидываясь веселыми шутками и замѣчаніями, и въ то время какъ они пили, карета описавъ полукругъ заворота, выѣхала на большую дорогу и понеслась еще быстрѣе и ровнѣе прежняго.

Въ каретѣ было свѣтло и уютно; выпитое вино разрумянило щеки доктора Готтхольда. Смутныя очертанія деревьевъ мелькали и заглядывали въ окна кареты; клочки темнаго звѣзднаго неба, то большіе во все окно, то узкіе въ просвѣтѣ между верхушками лѣса, быстро проносились мимо оконъ; въ одно изъ нихъ, опущенное, врывался живительный лѣсной воздухъ, съ ночной свѣжестью и запахомъ ночныхъ фіалокъ; а шумъ катя-

щихся колесъ, и стукъ конскихъ копытъ эскорта звучали какъ-то бодряще, даже весело въ ушахъ путешественниковъ, находившихся въ каретѣ. Тостъ слѣдовалъ за тостомъ, и стаканъ за стаканомъ выпивался, и мало-по-малу собутыльниками начали овладѣвать тѣ таинственныя чары, подъ вліяніемъ которыхъ продолжительныя минуты тихой задумчивости, прерывались звукомъ спокойнаго, довѣрчиваго смѣха.

— Отто,—сказалъ, наконецъ, докторъ,—послѣ одного изъ такихъ періодовъ общей тишины и молчанія,—я не прошу тебя простить меня; я хорошо понимаю и сознаю, что если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я то же не могъ бы тебя простить.

— Постой,—сказалъ Отто, — вѣдь это собственно говоря общепринятая фраза, которую всѣ мы охотно употребляемъ; но я могу, и я уже давно простилъ тебя; только твои слова и твое подозрѣніе саднятъ мою душу, и не твои одни,—добавилъ онъ.— Безполезно было бы, имѣя въ виду то порученіе, которое теперь возложено на васъ, полковникъ Гордонъ, скрывать отъ васъ мой семейный разладъ. Онъ, къ несчастью, достигъ теперь такихъ предѣловъ, которые сдѣлали его всеобщимъ достояніемъ; достояніемъ толпы, достояніемъ цѣлаго народа. Ну, такъ вотъ, скажите мнѣ, господа, какъ вы думаете, могу ли я простить мою жену? Да, могу, и, конечно, прощаю; но въ какомъ смыслѣ? Понятно, что у меня не является никакой мысли отомстить ей, я не могъ бы унизиться до этого, но также вѣрно и то, что я не могу думать о ней иначе, какъ о человѣкѣ, измѣнившемся до неузнаваемости въ моихъ глазахъ.

— Позвольте,—возразилъ полковникъ,—я надѣюсь, что всѣ мы здѣсь, добрые христіане, и что я теперь обращаюсь къ христіанамъ. Вѣдь всѣ мы въ душѣ сознаемъ, какъ я полагаю, что каждый изъ насъ грѣшенъ.

— Я отрицаю сознательность, — заявилъ докторъ Готтхольдъ.—Согрѣтый благороднымъ напиткомъ, я безусловно отвергаю вашъ тезисъ.

— Какъ, сударь? Неужели вы никогда не совершили ничего дурного? Никогда не сознавали въ душѣ, что это дурное содѣянное вами было дурно?! Но вѣдь я только что слышалъ, какъ вы просили прощенія, и не у Господа Бога, а у такого же смертнаго

и грѣшнаго брата вашего, у такого же человѣка, какъ вы!—воскликнулъ полковникъ Гордонъ.

— Признаюсь, вы меня поймали,—добродушно согласился докторъ,—вы весьма опытны въ аргументаціи, какъ я вижу, полковникъ, и это очень меня радуетъ.

— Ей Богу, докторъ, я весьма польщенъ, слыша отъ васъ подобный отзывъ,—сказалъ полковникъ.—Когда-то я получилъ хорошій фундаментъ образованія и знаній въ бытность мою въ Абердинѣ, но все это было очень давно и давно быльемъ поросло, потому что жизнь моя сложилась совсѣмъ иначе, чѣмъ я предполагалъ. Что же касается вопроса о прощеніи, то мнѣ кажется, докторъ, что оно истекаетъ главнымъ образомъ изъ свободныхъ взглядовъ (столь опасныхъ вообще), а также отъ регулярной жизни, тогда какъ крѣпкая вѣра и дурная нравственность являются корнемъ мудрости. Вы, господа, оба слишкомъ хорошіе люди для того, чтобы быть всепрощающими.

— Это, пожалуй, нѣсколько форсированный парадоксъ,—замѣтилъ Готтхольдъ.

— Извините меня, полковникъ,—сказалъ въ свою очередь Отто,—я съ величайшей готовностью допускаю, что вы не имѣли никакого намѣренія обидѣть меня, но, право, ваши слова бичуютъ, какъ злая сатира. Какъ вы полагаете, умѣстно ли теперь называть меня хорошимъ человѣкомъ и пріятно ли мнѣ слышать примѣненіе этого опредѣленія къ моей личности, теперь, въ то самое время, когда я расплачиваюсь, такъ сказать, и подобно вамъ, охотно признаю эту расплату справедливой и заслуженной, расплачиваюсь за мой продолжительный рядъ проступковъ и заблужденій?..

— О, простите меня великодушно, ваше высочество!—воскликнулъ полковникъ.—Вы безъ сомнѣнія иначе понимаете мое опредѣленіе «хорошаго человѣка» и это объясняется тѣмъ, что вы въ своей жизни никогда не были изгнаны изъ среды порядочныхъ людей; вы никогда не переживали крупнаго, потрясающаго перелома въ своей жизни, а я его пережилъ! Я былъ разжалованъ за крупную неисправность, за нарушеніе военнаго долга. Я скажу вамъ всю истинную правду, ваше высочество, я былъ горчайшимъ пьяницей, и это сдѣлалось главной причиной обрушившихся на меня несчастій. Я пилъ запоемъ; теперь этого съ мной никогда не бываетъ. Но, видите ли, человѣкъ познавшій на

горькомъ опытѣ преступность своей жизни и свои пороки, какъ позналъ это я, пришедшій къ тому, что сталъ смотрѣть на себя, какъ на слѣпой волчекъ крутящійся въ тѣсномъ пространствѣ, и поминутно натыкающійся на самыя разнородныя явленія жизни, отбрасываемый изъ стороны въ сторону, по неволѣ научается нѣсколько иначе смотрѣть на право прощенія. Я посмѣю только тогда заговорить о правѣ не простить другому, какую ни на есть вину его, когда я сумѣю простить самому себѣ,—не раньше; а до этого, думается мнѣ, еще очень далеко! Мой покойный отецъ, досточтимый Александръ Гордонъ, занимавшій довольно высокій постъ въ церковной іерархіи, былъ хорошій человѣкъ и жестоко клялъ и упрекалъ другихъ, ну а я то, что называется, дурной человѣкъ, и потому являюсь естественною противоположностью моего отца и въ остальномъ. Человѣкъ, который не можетъ простить другому что бы то ни было на свѣтѣ, еще новичекъ въ жизни,— добавилъ Гордонъ съ глубокимъ вздохомъ и замолчалъ.

— А между тѣмъ я слышалъ, полковникъ, что вы не разъ дрались на дуэли,—замѣтилъ Готтхольдъ.

— О, это другое дѣло, докторъ,—отозвался вояка.—Это ничто иное какъ профессіональный этикетъ... И мнѣ кажется, что въ этомъ нѣтъ даже антихристіанскаго чувства.

Вскорѣ послѣ этихъ словъ, полковникъ Гордонъ заснулъ крѣпкимъ спокойнымъ сномъ, а его спутники переглянулись и улыбнулись.

— Странная личность,—замѣтилъ Готтхольдъ.

— И еще болѣе странный стражъ и тюремщикъ,—сказалъ принцъ;—но то, что онъ сказалъ, правда!

— Если правильно посмотрѣть на вещи,—принялся разсуждать про себя вполголоса докторъ,—то это мы себя простить не можемъ, когда отказываемъ въ прощеніи нашимъ ближнимъ. Потому что въ каждой обидѣ или ссорѣ замѣшана частица нашей собственной виновности,—докончилъ Готтхольдъ.

— Но скажи, развѣ нѣтъ такихъ обидъ, которыя дѣлаютъ прощеніе недопустимымъ, потому что оно унижаетъ или позоритъ прощающаго?—спросилъ Отто.—Развѣ нѣтъ обязательствъ налагаемыхъ на насъ чувствомъ самоуваженія?

— А ты скажи мнѣ по совѣсти, Отто, уважаетъ ли себя въ самомъ дѣлѣ хоть одинъ человѣкъ?—спросилъ въ свою очередь

докторъ, отвѣчая вопросомъ на вопросъ.—Конечно, этому бѣдному отбросу, этому авантюристу мы съ тобой можемъ казаться уважаемыми людьми, но намъ самимъ, если мы отнесемся къ себѣ хоть немного серьезно и строго, чѣмъ мы покажемся самимъ себѣ, какъ не картонною декораціею извнѣ и сочетаніемъ всевозможныхъ слабостей внутри!

— Я, да!—отозвался Отто.—Я о себѣ не говорю, но ты, Готтхольдъ, ты такой безконечно трудолюбивый работникъ, ты съ твоимъ живымъ и проницательнымъ умомъ, ты, авторъ столькихъ книгъ, ты, трудящійся на пользу человѣчества, отказывающій себѣ въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, отвращающій свое лицо отъ всѣхъ искушеній,—ты не можешь сказать этого о себѣ!—Ты не повѣришь, Готтхольдъ, какъ я тебѣ завидую!

— Завидуешь? Не стоитъ, Отто! Я скажу тебѣ всего только одно слово о себѣ, но сказать это слово горько и трудно:—Я тайный пьяница! Да, я пью слишкомъ много, гораздо больше чѣмъ бы слѣдовало. И эта роковая привычка, лишила даже самыя тѣ книги, за которыя ты меня восхваляешь и превозносишь, тѣхъ достоинствъ, какія онѣ могли бы имѣть, если бы я былъ человѣкъ воздержанный. Эта привычка испортила мой характеръ; и когда я говорилъ съ тобой въ тотъ разъ, кто можетъ сказать сколько пыла и горячности слѣдовало приписать требованіямъ добродѣтели, и сколько лихорадочному возбужденію отъ выпитаго вчера на ночь вина? Да, какъ сказалъ вотъ этотъ мой сотоварищъ по пьянству, (а я еще такъ тщеславно его опровергалъ), всѣ мы жалкіе грѣшники, брошенные сюда, въ этотъ міръ, на короткій мигъ, знающіе гдѣ добро, и что добро и зло, и избирающіе добровольно зло, и стоящіе нагіе и пристыженные передъ своимъ Творцомъ и Господомъ.

— Такъ ли это?—усумнился Отто.—Въ такомъ случаѣ, что же мы такое? Неужели и лучшіе изъ людей...

— По моему лучшихъ среди людей вообще нѣтъ!—перебилъ принца Готтхольдъ.—Я не лучше тебя и, вѣроятно, не хуже тебя, и такъ же не лучше и не хуже вонъ того спящаго бѣдняги.— До сихъ поръ, я былъ просто мистификаторъ, ну а теперь ты меня знаешь каковъ я на самомъ дѣлѣ, вотъ и все!

— И тѣмъ не менѣе, это не измѣняетъ моей любви къ тебѣ, это не мѣшаетъ мнѣ любить тебя по прежнему,—мягко сказалъ

принцъ. Какъ видно наши дурные поступки, наши ошибки и заблужденія не измѣняютъ насъ. Наполни свой стаканъ Готтхольдъ, и давай выпьемъ съ тобой отъ всей души за все, что есть хорошаго и добраго въ этомъ зломъ и скверномъ мірѣ! Выпьемъ за нашу старую дружбу и привязанность, а затѣмъ, прости причиненныя тебѣ ею столь незаслуженно обиды, и выпей со мной за мою бѣдную жену, за Серафину, къ которой я такъ дурно относился, которая такъ дурно относилась ко мнѣ и которую я оставилъ, какъ я теперь начинаю опасаться, въ большой и серьезной опасности. Что изъ того, что мы всѣ скверны, если несмотря на это, другіе подобные намъ еще могутъ любить насъ, и мы сами тоже можемъ любить ихъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки, пороки и вины!

— Ахъ, да!—воскликнулъ докторъ.—Это ты прекрасно сказалъ! Это лучшій отвѣтъ пессимисту и это неизмѣнное чудо въ жизни человѣчества, которымъ оно живо по сіе время. Итакъ, ты еще любишь меня, Отто, и еще можешь простить свою жену? А если такъ, то мы можемъ заставить молчать нашу совѣсть, мы можемъ крикнуть ей: «Молчи, песъ!» какъ бы мы крикнули дурно воспитанной Жучкѣ, лающей на тѣнь.

Послѣ этого они оба замолчали. Докторъ нѣкоторое время постукивалъ пальцами по своему пустому стакану, а принцъ откинулся въ уголъ кареты, и закрылъ глаза, но не спалъ. Между тѣмъ экипажъ выѣхалъ изъ долины на открытыя вершины скалистаго горнаго кряжа, служившаго естественной границей Грюневальда. Отсюда открывался на всѣ стороны обширный видъ; вправо на зеленые лѣса Грюневальда, а влѣво отъ дороги на плодородную равнину Герольштейна. Далеко внизу бѣлѣлъ серебристой струей водопадъ, какъ будто улыбавшійся звѣздамъ, среди зеленой опушки лѣса спускавшагося по скату горы, а тамъ внизу, еще ниже водопада, царила надъ равниной ночь. По другую сторону фонари кареты освѣщали крутой обрывъ и низкорослыя карликовыя сосны, росшіе на каменистой почвѣ, на мгновеніе сверкали, залитые звѣзднымъ свѣтомъ всѣми своими иглами, и затѣмъ исчезали вмѣстѣ съ дорожной колеей. Колеса и копыта лошадей громко стучали теперь по гранитной дорогѣ, которая поминутно круто извивалась, такъ что Отто по временамъ на поворотахъ могъ видѣть сопровождавшій

его экипажъ эскортъ, скакавшій на той сторонѣ ущелья въ стройномъ порядкѣ, какъ на плацъ-парадѣ, подъ покровомъ темной ночи, надъ обрывали и ущельями, точно кавалькада ночныхъ призраковъ. А вотъ и Фельзенбургъ показался вдали, на высокомъ выступѣ скалы, и своей темной массой заслонилъ часть звѣзднаго неба.

— Посмотри, Готтхольдъ,—сказалъ Отто,—вотъ наше мѣсто назначенія.

При этихъ словахъ принца Готтхольдъ пробудился какъ отъ транса, хотя онъ и не спалъ.

— Я все время думалъ,—сказалъ онъ.—Если ты полагалъ, что ей грозитъ опасность, почему ты не воспротивился? Мнѣ сказали, что ты добровольно подчинился изгнанью; а развѣ тебѣ не слѣдовало бы быть тамъ, чтобы въ случаѣ надобности помочь ей?

Отто ничего не отвѣтилъ, но краска сбѣжала съ его лица, и онъ поблѣднѣлъ такъ сильно, что даже при свѣтѣ фонаря это бросилось въ глаза.

III. Спасительница фонъ Розенъ. Дѣйствіе послѣднее, въ которомъ она ускакала.

Когда энергичная графиня вышла отъ принцессы Серафины, то можно было смѣло сказать, что она испытывала нѣчто похожее на дѣйствительный испугъ. Она остановилась на минуту въ коридорѣ, и стала припоминать всѣ свои слова и дѣйствія, думая при этомъ о Гондремаркѣ. Она принялась энергично обмахиваться вѣеромъ, но ея тревожное состояніе не поддавалось благотворному вліянію ея кокетливаго опахала.

— Эта дѣвчонка потеряла голову, это несомнѣнно! — думала фонъ Розенъ.—Я пожалуй зашла слишкомъ далеко!—досадливо продолжала она, и тутъ же рѣшила удалиться на время изъ города. Неприступною крѣпостью госпожи фонъ Розенъ, ея Mons Sacer'омъ, была небольшая лѣсная дача въ прекрасной мѣстности въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, прозванная ею въ минуту нахлынувшаго на нее поэтическаго настроенія «Чары Сосенъ», но для всѣхъ остальныхъ, носившая просто названіе «Клейнбрунна».

Туда-то помчалась теперь она въ ожидавшемъ ее у под-

ѣзда дворца экипажѣ; помчалась съ такой поспѣшностью, будто ея дача горѣла; на самомъ же дѣлѣ, горѣла почва у нея подъ ногами. При выѣздѣ изъ аллеи, ведущей отъ дворца въ городъ, она столкнулась съ экипажемъ Гондремарка, ѣхавшаго во дворецъ, но сдѣлала видъ, что не видѣла его. Такъ какъ «Клейнбруннъ» находился на разстояніи добрыхъ семи миль отъ столицы, въ глубинѣ узкой лѣсной долинки, то графиня провела тамъ спокойно ночь, въ полномъ невѣдѣніи всего того, что происходило въ это время въ Миттвальденѣ. До нея не дошли даже слухи о народномъ возстаніи и о пожарѣ дворца, потому что и самое зарево пожара было скрыто отъ нея, заслоняющими видъ на городъ горами. Однако, несмотря на тишину и уединеніе ея загородной дачи, несмотря на всѣ окружающія ее здѣсь удобства, госпожа фонъ Розенъ плохо спала эту ночь. Ее серьезно тревожили и безпокоили могущія быть послѣдствія такъ превосходно проведеннаго ею вечера, доставившаго ей столько разнообразныхъ переживаній и столько торжества. Она уже видѣла себя обреченной на весьма продолжительное пребываніе въ ея уединенномъ «Клейнбруннѣ», въ этой безлюдной пустынѣ, въ этой лѣсной берлогѣ, и кромѣ того вынужденной на весьма длинную оборонительную переписку, прежде чѣмъ можно будетъ рѣшиться снова показаться на глаза Гондремарку, послѣ всего того, что она въ этотъ вечеръ натворила. Ради развлеченія отъ этихъ думъ, она принялась разсматривать документы, относящіеся къ покупкѣ «Рѣчной фермы» и отданные ей въ качествѣ уплаты за долгъ. Но и тутъ она нашла причину для нѣкотораго огорченія или разочарованія: въ такое тревожное время, она въ сущности вовсе не была расположена къ пріобрѣтенію земельной собственности, и кромѣ того она была почти увѣрена, что Отто, этотъ великодушный мечтатель, заплатилъ за эту ферму много дороже того, что она дѣйствительно стоитъ,—такъ что покупка эта была едва ли выгодной операціей. Отъ этихъ разсужденій и мыслей связанныхъ съ принцемъ, она естественно перешла на мысль о немъ, и вспомнила объ указѣ о его освобожденіи. При этомъ ей неудержимо захотѣлось воспользоваться имъ какъ можно скорѣе. Этотъ указъ положительно жегъ ей пальцы.

Какъ бы то ни было, но на слѣдующее утро элегантная и красивая наѣздница, въ щегольскомъ верховомъ костюмѣ и живо-

писномъ сомбреро (широкополой мягкой шляпѣ), на кровномъ скакунѣ подскакала къ воротамъ Фельзенбурга. Не то чтобы у графини было какое-нибудь опредѣленное намѣреніе, нѣтъ, но она просто какъ всегда послѣдовала съ одной стороны влеченію своего сердца, а съ другой, своимъ экстраординарнымъ взглядамъ на жизнь. Вызванный полковникъ Гордонъ, поспѣшилъ выдти къ воротамъ, и съ рыцарской любезностью привѣтствовалъ всесильную графиню; она положительно была поражена и внутренно дивилась какимъ старымъ казался днемъ этотъ галантный полковникъ; вчера вечеромъ онъ представлялся ей много красивѣе и много моложе, но madame фонъ Розенъ, конечно, не показала вида, и не дала ему замѣтить своего разочарованія.

— А, комендантъ!—воскликнула она съ самой очаровательной улыбкой.—У меня есть весьма важныя новости для васъ!

И она многозначительно подмигнула ему.

— О, madame, оставьте мнѣ только моихъ плѣнниковъ,—сказалъ онъ.—И если бы вы пожелали присоединиться къ нашему маленькому обществу, то ей Богу, я ничего лучшаго въ жизни не желалъ бы!

— Вѣдь вы избаловали бы меня? Не правда ли? — спросила она.

— Во всякомъ случаѣ, постарался бы, какъ только я могу! И онъ помогъ ей соскочить съ сѣдла и предложилъ ей руку.

Она приняла его руку, другой подобрала свою амазонку, и плотно прижалась къ нему, причемъ шепнула ему на ухо:

— Я пріѣхала повидать принца. Ну, конечно, по дѣлу,—добавила она лукаво, грозя пальчикомъ Гордону. У меня есть порученіе отъ этого противнаго Гондремарка, который гоняетъ меня, положительно какъ курьера. Ну, развѣ я похожа на курьера, скажите, господинъ Гордонъ! И она впилась въ него своими большими задорно смѣющимися глазами.

— Вы похожи на ангела, madame!—отвѣтилъ комендантъ съ особенно подчеркнутой любезностью.

Графиня весело разсмѣялась.

— На ангела въ амазонкѣ! Да гдѣ вы это могли видѣть, полковникъ! Право я никогда еще не слыхала ничего подобнаго! И какъ скоро это все у васъ рождается, положительно непостижимо!

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—возразилъ онъ.—О васъ можно съ полнымъ правомъ сказать: Пришла, увидѣла и побѣдила!—разсыпался въ любезностяхъ полковникъ Гордонъ, весьма довольный собой и своей находчивостью и остроуміемъ Мы пили за васъ вчера въ каретѣ, madame, и могу сказать роспили не одинъ стаканъ добраго вина за прекраснѣйшую изъ дамъ, и за прекраснѣйшіе глаза въ цѣломъ Грюневальдѣ! По истинѣ, подобныхъ глазъ какъ ваши, я ни у кого не встрѣчалъ, кромѣ одной единственной дѣвушки у меня на родинѣ, когда я еще былъ юнымъ студентомъ. Дѣвушку эту звали Томасина Хайгъ; эта была первѣйшая красавица во всемъ округѣ и даю вамъ слово, что она была такъ похожа на васъ, какъ двѣ капли воды!

— Такъ значитъ, вы весело провели время въ дорогѣ?—спросила госпожа фонъ Розенъ, граціозно и умѣло скрывая и маскируя зѣвоту.

— О, да! У насъ былъ очень интересный разговоръ, могу сказать даже задушевный, но мнѣ думается, что мы всѣ выпили пожалуй однимъ стаканчикомъ больше того, сколько обыкновенно привыкъ выпивать его высочество, нашъ очаровательный принцъ,—шутливо замѣтилъ комендантъ Фельзенбурга,—а потому мнѣ показалось, что сегодня его высочество принцъ, былъ утромъ какъ будто не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Впрочемъ, я увѣренъ, что онъ скоро совершенно оправится, и какъ говорится «разгуляется»... Вотъ дверь его комнаты.

— Благодарю,—прошептала контесса.—Только дайте мнѣ отдышаться, подождите немного отворять. Держите дверь на готовѣ, и когда я сдѣлаю вамъ знакъ, то распахните ее разомъ въ тотъ же моментъ! Поняли вы меня?—все тѣмъ же таинственнымъ шопотомъ сказала она, и принявъ вдохновенную позу, она запѣла своимъ прекраснымъ звучнымъ, превосходно обработаннымъ голосомъ: «Lascia ch'io pianga», и когда она дошла до того мѣста, гдѣ изливала въ поэтическихъ вздохахъ и жалобахъ свою тоску по свободѣ, то по ея знаку, дверь распахнулась, и она предстала передъ принцемъ сіяющая, съ блестящими и сверкающими какъ искры глазами, съ нѣсколько повышеннымъ вслѣдствіе пѣнія, цвѣтомъ лица, что такъ удивительно шло къ ней, словомъ, во всеоружіи своей красоты и блѣдному, печальному плѣннику, изнывавшему въ тоскѣ, ея появленіе показалось луче-

зарнымъ видѣніемъ, ворвавшимся въ его унылую тюрьму какъ яркій ослѣпительный и радостный лучъ солнца.

— Madame, — радостно воскликнулъ Отто, подбѣгая къ ней.—Вы здѣсь? Какая радость!

Госпожа фонъ Розенъ многозначительно оглянулась на Гордона, стоявшаго въ дверяхъ, и тотъ поспѣшилъ отретироваться и запереть за собой дверь. Едва только это было сдѣлано, какъ графиня порывистымъ движеніемъ обняла принца и повисла у него на шеѣ.

— Боже мой! Видѣть васъ здѣсь!..—простонала она, прижимаясь къ нему съ довѣрчивой лаской.

Но Отто держался нѣсколько деревянно, явно сдерживаясь въ этотъ завидный для многихъ моментъ, и графиня тотчасъ же почувствовала это и быстро овладѣвъ собой и подавивъ свой порывъ непрошенной нѣжности, легко и свободно перешла на другой тонъ.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ,—заговорила она ласковымъ тономъ любящей матери, обращающейся къ своему баловню,—сядьте вотъ здѣсь, подлѣ меня, и разскажите мнѣ все, все... У меня сердце обливается кровью, когда я смотрю на васъ, когда я вижу васъ въ этой ужасной обстановкѣ. Ну, какъ же у васъ здѣсь проходитъ время?

— Ахъ, madame,—сказалъ Отто, садясь подлѣ нея и вернувъ себѣ свою обычную любезность и привѣтливость,—теперь время будетъ летѣть для меня слишкомъ быстро до вашего отъѣзда, но за то, послѣ оно потащится томительно, медленно и скучно. Однако, я долженъ попросить васъ сообщить мнѣ послѣднія придворныя новости; я горько упрекалъ себя потомъ въ моемъ вчерашнемъ поведеніи, въ моей пассивной покорности... Вы разумно совѣтовали мнѣ воспротивиться этому указу, вы были правы—это былъ мой долгъ протестовать, и не идти какъ овца на закланіе! Вы, только вы одна дали мнѣ добрый совѣтъ, а другихъ совѣтниковъ у меня не нашлось! Впослѣдствіи я вспоминалъ, что вы настаивали на этомъ, и дивился въ душѣ. Да у васъ благородное сердце, графиня... Теперь я это знаю!

— Отто,—остановила она его,—пощадите меня, я даже не знаю хорошо ли я тогда поступила. Вѣдь у меня тоже есть свои обязанности, бѣдное дитя мое, объ этомъ вы, повидимому,

совершенно забываете;—но когда я вижу васъ, я тоже забываю о нихъ и всѣ мои благія намѣренія разлетаются какъ дымъ!

— А мои, какъ видно, всегда приходятъ слишкомъ поздно,—сказалъ Отто, подавляя тяжелый вздохъ. О, чего бы я теперь не далъ, чтобы вернуть назадъ свое рѣшеніе, чего бы я не далъ чтобы снова быть свободнымъ!

— Ну, а что бы вы дали?—спросила фонъ Розенъ, и при этомъ раскрыла большой пунцовый вѣеръ, изъ-за котораго какъ изъ-за крѣпостной стѣны сверкали теперь одни ея глаза, съ любопытствомъ слѣдившіе за нимъ.

— Я? Вы спрашиваете меня? Что вы хотите этимъ сказать? О, madame, у васъ есть какія-нибудь новости для меня!—вдругъ крикнулъ онъ.—Да, да, я это чувствую, я это вижу!

— О-о!—протянула она недовѣрчиво.

Но онъ ужъ былъ у ея ногъ.

— Бога ради, не шутите, не играйте моими робкими надеждами!—молилъ онъ.—Скажите мнѣ, дорогая madame фонъ Розенъ, скажите мнѣ, прошу васъ, все! Вы не можете быть жестоки, вы не умѣете быть жестоки, это не въ вашей натурѣ... Вы спрашиваете меня, что я могу вамъ дать? Я ничего рѣшительно дать не могу; у меня нѣтъ ничего, вы это знаете! Я могу только просить Христа ради! Просить во имя милосердія!

— О, не дѣлайте этого! Это не хорошо!—сказала она.—Не просите вовсе, вѣдь вы знаете мою слабость, Отто, пощадите меня! Будьте и вы великодушны!

— О, madame,—сказалъ онъ съ горечью.—Великодушной можете быть вы, потому что вы можете чувствовать ко мнѣ жалость, а я... Пожалѣйте меня! И онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ ее и затѣмъ снова просилъ ее съ лаской и съ мольбой. Она съ удовольствіемъ выдержала довольно продолжительную бутафорскую осаду и, наконецъ, сдалась. Она вскочила на ноги, порывисто разстегнула корсажъ, вынула указъ принцессы и бросила его на полъ.

— Вотъ!—крикнула она.—Я силой вырвала его у нее! Я принудила ее дать его мнѣ! Воспользуйтесь имъ и это будетъ моей погибелью! При этомъ она отвернулась какъ будто для того, чтобы скрыть свое душевное волненіе.

Отто схватилъ указъ и, пожирая его глазами, громко воскликнулъ:

— О, да благословитъ ее Богъ! Да благословитъ ее Богъ, за это!

И онъ порывисто поднесъ указъ къ своимъ губамъ и умиленно цѣловалъ подпись жены.

Графиня фонъ Розенъ была въ высшей степени добродушная и терпимая женщина, но этого даже и она не въ состоянiи была снести. Это оказывалось свыше ея силъ.

— Неблагодарный! — крикнула она съ глубокимъ возмущенiемъ.—Я положительно силой вырвала у нея этотъ указъ! Я обманула ея довѣрiе ко мнѣ, я нарушила свое слово ради васъ, и вотъ она ваша благодарность!

— О, неужели вы осуждаете меня за это?—мягко и виновато спросилъ принцъ.—Вѣдь вы же знаете какъ я ее люблю.

— Я это вижу!—довольно жестко и гнѣвно отозвалась фонъ Розенъ.—Ну, а я?—спросила она.

— А вы, madame,—сказалъ Отто, подходя къ ней и беря ее за руку, которую онъ медленно, почти благоговѣйно поднесъ къ своимъ губамъ,—вы мой самый дорогой и самый великодушный другъ! Вы были бы идеальнѣйшимъ другомъ, если бы вы не были такъ очаровательно прекрасны. Вы слишкомъ умны, чтобы не сознавать своихъ чаръ, и по временамъ вы забавляетесь и играете со мной, разсчитывая на мою мужскую слабость; временами и я нахожу удовольствiе въ этой игрѣ и часто рискую даже забыться, но только не сегодня! Сегодня я не могу!.. Я прошу васъ, мой прекрасный, мой дорогой другъ, будьте сегодня моимъ истиннымъ, серьезнымъ, мужественнымъ и сильнымъ, благороднымъ и великодушнымъ другомъ и помогите мнѣ забыть и не видѣть, что вы такъ прекрасны, а я такъ слабъ! Позвольте мнѣ сегодня всецѣло положиться на васъ!

И Отто, улыбаясь, протянулъ ей руку и ждалъ. Она взяла ее и, дружески пожавъ, тряхнула по-мужски.

— Клянусь, вы околдовали меня, ваше высочество,—сказала она,—я не узнаю себя! Вы дѣлаете меня другимъ человѣкомъ, другой женщиной, чѣмъ я есть! Кромѣ того, я должна отдать вамъ справедливость, вы превосходно вышли изъ очень

затруднительнаго положенія; не легко было найтись, что сказать въ данный моментъ, а вы сказали прекрасно! Право, вы настолько же ловки и тактичны, дорогой принцъ, насколько я, по вашимъ словамъ, очаровательна и прекрасна!

И какъ бы въ подтвержденіе своей послѣдней фразы она подчеркнула свой комплиментъ низкимъ придворнымъ реверансомъ, сопровождая его очаровательной улыбкой.

— Вы едва ли строго придерживаетесь нашего уговора, madame,—сказалъ Отто съ шутливымъ упрекомъ,—когда прельщаете меня такою граціей и такой поистинѣ чарующей улыбкой,—и онъ отвѣтилъ на ея реверансъ почтительнымъ поклономъ.

— Простите меня, принцъ; это была моя послѣдняя стрѣла,—шутливо заявила графиня.—Теперь я совершенно безоружна. Но вѣдь все это холостые заряды, mon prince, вы это знаете точно такъ какъ же какъ я. А теперь я говорю вамъ совершенно серьезно, указъ въ вашихъ рукахъ, и вы если хотите, можете покинуть Фельзенбургъ хоть сейчасъ. Но помните, что это будетъ моей погибелью. Рѣшайте!

— Я уже рѣшилъ, madame фонъ Розенъ! — воскликнулъ принцъ.—Я ѣду! Этого требуетъ отъ меня мой долгъ, тотъ долгъ, которымъ я по своему легкомыслію пренебрегъ, какъ всегда. Но вы не бойтесь, вы отъ этого нисколько не пострадаете, я предлагаю вамъ взять меня съ собой, какъ медвѣдя на цѣпи, и отвезти меня къ барону Гондремарку какъ вашего плѣнника. Какъ видите, я неразборчивъ въ средствахъ, и для того чтобы спасти мою жену, я сдѣлаю рѣшительно все, чего онъ отъ меня потребуетъ. Даю вамъ слово, что онъ будетъ удовлетворенъ превыше всякой мѣры, будь онъ прожорливъ какъ левіафанъ и жаденъ какъ могила! Я удовлетворю его, чего бы мнѣ это ни стоило! А вы, добрая фея нашей печальной пантомимы, вы пожнете лавры!

— Рѣшено! — воскликнула графиня. — Превосходно придумано! Теперь вы уже не только «Prince Charmant», вы положительно принцъ колдунъ, принцъ-чародѣй, и мудрый Соломонъ!.. Такъ идемъ сію же минуту! Впрочемъ, постойте, у меня есть къ вамъ одна большая просьба—вы не можете, не должны отказать мнѣ въ ней:—позвольте мнѣ, дорогой принцъ,

вернуть вамъ ваши документы на ферму, они мнѣ право ни къ чему! Вѣдь эта ферма полюбилась вамъ, а я ее никогда не видала даже. Это вы желаете облагодѣтельствовать старика крестьянина, котораго я совсѣмъ не знаю, а кромѣ всего того,—добавила она слегка комическимъ тономъ,—признаюсь вамъ, ваше высочество, я предпочла бы получить съ васъ чистоганомъ!

И оба они разсмѣялись.

— Такъ, значитъ, я опять становлюсь фермеромъ!—сказалъ принцъ, принимая изъ рукъ графини документы.—Но, увы, фермеромъ, обремененнымъ долгами превыше своей головы.

Графиня подошла къ звонку и позвонила; въ дверяхъ почти тотчасъ же появился самъ полковникъ Гордонъ.

— Господинъ комендантъ, — заявила madame фонъ Розенъ,—я собираюсь бѣжать съ его высочествомъ принцемъ.— Результатъ нашего разговора привелъ насъ къ полнѣйшему соглашенію обѣихъ сторонъ, и нашъ «coup d'Etat» благополучно оконченъ. Вотъ вамъ указъ принцессы!

Полковникъ Гордонъ укрѣпилъ у себя на носу пенснэ и внимательно ознакомился съ содержаніемъ указа.

— Да,—сказалъ онъ,—это собственноручный указъ принцессы, совершенно вѣрно. Но указъ объ арестѣ, позволю вамъ замѣтить, былъ еще кромѣ того скрѣпленъ подписью господина премьеръ-министра.

— Ну, да, тамъ дѣйствительно была подпись Генриха, но въ данномъ случаѣ, вмѣсто этой подписи являюсь я, его представительница, и я полагаю, что это равносильно!

— Итакъ, ваше высочество, я долженъ васъ поздравить съ тѣмъ, что я теряю! Васъ освобождаетъ и извлекаетъ отсюда прелестнѣйшая женщина, меня же она оставляетъ здѣсь въ горѣ и въ полномъ одиночествѣ. Правда, мнѣ остается въ утѣшеніе докторъ: probus, doctus, lepidus и jucundus книжный человѣкъ. Ему честь и слава!

— Какъ,—воскликнулъ принцъ съ непритворнымъ сокрушеніемъ,—развѣ въ этомъ указѣ ничего не сказано о бѣдномъ Готтхольдѣ?

— Но вѣдь докторъ послѣднее утѣшеніе коменданта,—замѣтила madame фонъ Розенъ.—Неужели же вы хотите лишить полковника и этой послѣдней утѣхи!

— Смѣю ли я надѣяться, ваше высочество,—обратился Гордонъ къ Отто,—что за короткое время вашего пребыванія подъ моею опекой, такъ сказать, вы нашли, что я исполнялъ возложенныя на меня обязанности со всѣмъ подобающимъ вашему высочеству почтеніемъ и уваженіемъ, и смѣю даже прибавить, съ извѣстнымъ тактомъ? Я позволилъ себѣ вчера умышленно принять нѣсколько веселый тонъ, потому что полагалъ, что въ подобныхъ случаяхъ веселость даже и напускная и стаканъ добраго вина всегда являются наилучшими средствами для облегченія и смягченія всякой душевной горечи и обиды.

— Полковникъ,—сказалъ Отто—одного вашего пріятнаго общества уже было достаточно, чтобы скрасить насколько возможно горькія минуты, и я не только благодарю васъ за ваше милое и любезное отношеніе и пріятную бесѣду, но и кромѣ того, за кое-какія прекрасныя философскія поученія, которыя мнѣ были необходимы. Надѣюсь, что я вижу васъ не въ послѣдній разъ, а въ данный моментъ позвольте мнѣ поднести вамъ, на память о нашемъ болѣе близкомъ знакомствѣ и о тѣхъ странныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно произошло, вотъ эти стихи, написанные мною здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, подъ впечатлѣніемъ всего только что пережитаго мною, и въ томъ числѣ и нашей вчерашней бесѣды. Въ сущности я вовсе не поэтъ, и эти желѣзныя рѣшетки въ окнахъ весьма дурно вдохновляли меня, и стихи эти, вѣроятно, очень плохи, но они могутъ все же претендовать на значеніе своего рода курьеза.

Лицо полковника просіяло въ тотъ моментъ, когда онъ принялъ изъ рукъ принца исписанный имъ листокъ бумаги; поспѣшно насадивъ на носъ свое пенснэ, онъ тутъ же принялся читать эти стихи.

— Аа... Александрійскій стихъ! Трагическій размѣръ, можно сказать!—воскликнулъ Гордонъ.—Повѣрьте, я буду хранить этотъ листокъ какъ святыню; и ничего болѣе цѣннаго и болѣе подходящаго къ данному случаю, вы, ваше высочество, не могли подарить мнѣ. «Dieux de l'immence plaine et des vartes forêts» *)—ну развѣ это не прекрасно!—воскликнулъ онъ:—«Et du geolier lui-même apprendre des leçons» **),—ей Богу, очень хорошо!

*) Бога огромной равнины и просторныхъ лѣсовъ.
**) И отъ самого тюремщика получать уроки.

— Ну, довольно, комендантъ! — крикнула графиня. — Вы успѣете прочитать эти стихи, когда мы уѣдемъ, а теперь, распорядитесь лучше, чтобы намъ открыть ваши скрипучія ворота.

— Прошу извинить меня, — оправдывался полковникъ, — но для человѣка съ моимъ характеромъ и моими вкусами, эти стихи, это милое упоминаніе, такъ дороги, могу васъ увѣрить... Позволите предложить вамъ эскортъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, эскорта намъ не надо, мы отправимся инкогнито, какъ и прибыли сюда. Мы ѣдемъ вмѣстѣ верхами. Принцъ возьметъ лошадь моего грума, — потому что другой здѣсь нѣтъ къ его услугамъ. Все чего мы желаемъ, господинъ полковникъ, это поспѣшность и секретъ!..

И она съ дурно скрываемымъ нетерпѣніемъ пошла впередъ. Но Отто желалъ еще проститься съ Готтхольдомъ, и комендантъ счелъ своимъ долгомъ слѣдовать за нимъ, держа въ одной рукѣ листокъ со стихами, въ другой свое пенснэ. Онъ все повторялъ вслухъ одинъ за другимъ, всякому кто ему попадался навстрѣчу, отдѣльные стихи, которыя ему удавалось разобрать на ходу. И по мѣрѣ того, какъ трудъ его подвигался впередъ, энтузіазмъ его возрасталъ, и, наконецъ, онъ воскликнулъ съ видомъ человѣка, который, наконецъ-то, открылъ великій секретъ:

— Даю слово! Эти стихи напоминаютъ мнѣ Робби Бернса!

Но такъ какъ всему на свѣтѣ когда нибудь приходитъ конецъ, то и этому, столь досадному для графини промедленію, тоже пришелъ конецъ, и принцъ Отто шелъ подлѣ madame фонъ Розенъ по горной дорогѣ, довольно круто спускающейся внизъ, а грумъ графини слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, ведя въ поводу обѣихъ лошадей. Все кругомъ было залито яркимъ солнцемъ, птицы пѣли и щебетали весело проносясь надъ ними, и легкій вѣтерокъ несъ прохладу и ароматъ лѣсовъ, и всюду было столько воздуха и свѣта, такой просторъ, такой обширный видъ во всѣ стороны, куда не погляди. Тутъ и дремучій лѣсъ, и голые скалистые утесы, съ ихъ острыми причудливыми башнями и минаретами, и шумъ горныхъ потоковъ стремящихся въ долину, а тамъ внизу, далеко, зеленая долина, сливающаяся на краю горизонта съ лазурью неба.

Первое время они шли молча. Отто упивался сознаніемъ

свободы и красотами природы, къ которымъ онъ всегда былъ очень чутокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, минутами, онъ мысленно готовился къ встрѣчѣ и разговору съ Гондремаркомъ. Но когда они, наконецъ, обогнули первый крутой выступъ горы, на которой стояла старая башня, и грозный Фельзенбургъ скрылся изъ глазъ за этимъ выступомъ, госпожа фонъ Розенъ остановилась.

— Теперь, — сказала она, — я брошу здѣсь моего бѣднаго Карла, а вы и я, мы сядемъ на коней и пришпоримъ ихъ хорошенько! Я безумно люблю бѣшеную скачку, особенно съ хорошимъ компаньономъ!

Но въ то время, какъ она говорила, изъ за поворота дороги, подъ ними показался экипажъ, медленно и съ трудомъ поскрипывая на ходу, взбиравшійся въ гору, а на нѣкоторомъ разстояніи впереди экипажа шелъ степенной неторопливой походкой пешеходъ, съ записной книжкой въ одной рукѣ и палкой въ другой.

— Это сэръ Джонъ, — сказалъ Отто и окликнулъ его.

Баронетъ поспѣшилъ спрятать въ карманъ свою записную книжку, посмотрѣлъ вверхъ въ свой бинокль, и узнавъ принца, привѣтствовалъ его движеніемъ руки. Послѣ того, онъ съ своей стороны, а графиня и принцъ съ ихъ стороны, нѣсколько ускорили шаги, и встрѣтились у новаго поворота дороги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ небольшой ручеекъ брызгая на скалу, обдавалъ словно дождемъ ближайшіе кусты. Баронетъ раскланялся съ принцемъ съ преувеличенной почтительностью, графинѣ же онъ поклонился какъ-бы съ насмѣшливымымъ удивленіемъ.

— Возможно-ли, madame, что вы находитесь здѣсь, когда на свѣтѣ творятся такія поразительные вещи! Неужели вы не знаете такой громадной новости?

— Какой новости?!—воскликнула графиня.

— Выдающейся, можно сказать, новости! — отвѣтилъ баронетъ: — Революціи въ княжествѣ Грюневальдѣ, провозглашенія республики, сожженія дворца, сгорѣвшаго до основанія, бѣгства принцессы, и серьезный раны Гондремарка.

— Генрихъ раненъ?!—вскрикнула госпожа фонъ Розенъ.

— Да, раненъ, и сильно страдаетъ,—сказалъ сэръ Джонъ.— Его стоны...

Но въ этотъ моментъ у графини вырвалось такое звучное

проклятие, что въ другой моментъ, и при иныхъ условіяхъ, услыша его присутствующіе навѣрное бы привскочили чуть не до потолка, и не слушая далѣе баронета, она бѣгомъ кинулась къ своей лошади, безъ помощи грумма, не успѣвшаго опомниться, вскорабкалась на сѣдло, съ ловкостью кошки, и не давъ себѣ времени оправиться въ сѣдлѣ, помчалась бѣшенымъ галопомъ подъ гору, мимо своихъ спутниковъ, которымъ она крикнула:

— Я къ нему!

Послѣ минутнаго недоумѣнія и нерѣшимости, грумъ послѣдовалъ за своей госпожей, пытаясь нагнать ее; но госпожа фонъ Розенъ неслась впередъ съ такой безумной быстротой, что лошади впряженныя въ экипажъ сэра Джона, шарахнулись въ сторону въ тотъ моментъ, когда она проносилась мимо нихъ съ быстротой вѣтра, и чуть было не увлекли за собой экипажъ подъ откосъ обрыва. Невзирая ни на что, она неслась впередъ; звукъ копытъ ея коня о каменистый грунтъ дороги гулко раздавался въ воздухѣ и горное эхо вторило ему, а бѣдный грумъ напрасно полосовалъ хлыстомъ ребра своего коня, силясь догнать графиню; ее, казалось, подхватилъ ураганъ и уносилъ ее впередъ неудержимо. За однимъ изъ поворотовъ дороги, она чуть было не сшибла съ ногъ женщину, медленно шедшую ей навстрѣчу и съ трудомъ взбиравшуюся въ гору. Невольно вскрикнувъ, она едва успѣла отскочить въ сторону, чтобы не попасть подъ копыта пущеннаго во весь опоръ коня; но неустрашимая наѣздница, даже не оглянулась на несчастную, ей было не до нее, она неслась впередъ, словно за нею гнались фуріи. Между скалъ и утесовъ, въ гору и подъ гору, мчалась она распустивъ поводья, самоувѣренная и прекрасная, окрыленная однимъ желаніемъ, однимъ страстнымъ стремленіемъ, скорѣе очутиться подлѣ него, а злополучный грумъ выбивался изъ силъ, чтобы слѣдовать за нею.

— Въ высокой степени импульсивная женщина,—замѣтилъ сэръ Джонъ, глядя ей въ слѣдъ. — Кто бы могъ думать, что она его такъ любитъ... Вѣдь она головы своей для него не жалѣетъ...

Но прежде чѣмъ сэръ Джонъ успѣлъ договорить свою мысль, онъ принужденъ былъ отбиваться отъ принца, который въ порывѣ нервнаго возбужденія теребилъ его, добиваясь отвѣта на невысказанные еще имъ вопросы касающіеся его жены.

— Сэръ Джонъ, что съ нею? Гдѣ моя жена?.. Что сталось съ принцессой?.. Ахъ, Боже мой! Боже мой!

— Успокойтесь, ваше высочество, принцесса здѣсь на этой дорогѣ, ведущей въ Фельзенбургъ. Я оставилъ ее всего какихъ нибудь двадцать минутъ тому назадъ, тамъ внизу, при началѣ подъема, — отвѣчалъ, задыхаясь, англичанинъ, которому Отто не давалъ времени перевести духъ. И едва только онъ успѣлъ выговорить эти слова, какъ очутился одинъ, удивленный и недоумѣвающій. Принцъ несся со всѣхъ ногъ подъ гору, бѣгомъ, какъ маленькій мальчикъ, несся почти съ такой же бѣшеной быстротой, какъ madame фонъ Розенъ на своемъ конѣ.

Баронетъ постоялъ нѣкоторое время, глядя ему въ слѣдъ, покачалъ головой, и умиленно улыбнулся.

IV. Въ лѣсу.

Между тѣмъ какъ принцъ продолжалъ бѣжать все такъ же быстро впередъ, какъ въ первый моментъ, его сердце, рвавшееся навстрѣчу женѣ, съ неудержимою силой въ первыя минуты, теперь начинало мало по малу какъ-бы замедлять свое рвеніе; словно какое-то сомнѣніе сдерживало и подкашивало его сердечный порывъ, Не то чтобы въ немъ утихла жалость къ постигшему ее несчастію, или умерло страстное желаніе увидѣть ее, нѣтъ! Но воскресшее въ его памяти воспоминаніе о ея неумолимой, жестокой холодности по отношенію къ нему, пробудило въ немъ его обычное недовѣріе къ себѣ, эту присущую ему трогательную скромность, которая такъ часто мѣшала ему въ жизни, и которая истекала у него отъ врожденнаго ему чувства крайней деликатности. Если бы онъ далъ сэру Джону время разсказать ему все, если бы онъ зналъ, хотя бы только то, что Серафина спѣшила въ Фельзенбургъ, къ нему, онъ, вѣроятно, кинулся бы къ ней съ распростертыми объятіями; но теперь, ему опять уже стало казаться, что онъ проявляетъ по отношенію къ женѣ непозволительную навязчивость, что онъ какъ будто неделикатно пользуется ея несчастьемъ, и въ моментъ ея паденія навязываетъ ей свою любовь и ласки, которыми она пренебрегала въ то время, когда была на вершинѣ благополучія. И при мысли объ этомъ, болѣзненная рана нанесенная его самолюбію, начинала горѣть, и причиняла ему жестокія страданія.

И снова въ немъ начиналъ разгараться гнѣвъ, находившій себѣ выраженіе въ побужденіяхъ враждебнаго великодушія. Онъ, конечно, проститъ ей все, онъ даже поможетъ ей чѣмъ только въ силахъ, спасетъ и укроетъ ее отъ враговъ, постарается утѣшить эту нелюбящую его женщину, какъ бы постарался утѣшить и успокоить и всякую другую женщину въ такомъ положеніи, но сдѣлаетъ все это съ полной сдержанностью, со строгимъ самоотреченіемъ, заставивъ замолчать свое сердце, щадя и уважая въ ней, въ Серафинѣ, ея отсутствіе любви къ нему, какъ онъ пощадилъ бы невинность ребенка.

И вотъ, когда Отто, наконецъ, обогнулъ одинъ изъ выступовъ дороги, и увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя Серафину, то первой его мыслью было увѣрить ее въ чистотѣ своихъ намѣреній. Онъ тотчасъ же замедлилъ свои шаги, а затѣмъ остановился и ждалъ ее. Она же, радостно вскрикнувъ, побѣжала къ нему, но увидѣвъ, что онъ остановился, она тоже остановилась въ свою очередь, смущенная своими угрызеніями, и затѣмъ медленно и съ виноватымъ видомъ, стала приближаться къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ.

— Отто, — сказала она, — я погубила все!

— Серафина! — чуть не съ рыданіемъ вырвалось у него; но при этомъ онъ не тронулся съ мѣста, отчасти потому, что его удерживало принятое имъ рѣшеніе, отчасти же потому, что онъ былъ пораженъ ея измученнымъ, растерзаннымъ видомъ, пораженъ до того, что утратилъ на мгновеніе всякую способность соображать. Если бы она продолжала стоять молча передъ нимъ, вѣроятно, что минуту спустя, они были бы въ объятіяхъ другъ друга, но она тоже заблаговременно подготовилась къ этой встрѣчѣ, и потому должна была отравить эти первыя, золотыя минуты свиданія, горькими словами признанія и раскаянія.

— Я все погубила, все! — продолжала она. — Но, Отто, будь снисходителенъ и выслушай меня! Я не оправдываться хочу, я хочу сознаться передъ тобой въ моей винѣ, и въ моихъ заблужденіяхъ! Жизнь дала мнѣ такой жестокій урокъ; у меня теперь было достаточно времени, чтобы одуматься, чтобы отдать себѣ отчетъ во всемъ, и теперь я все вижу передъ собою въ другомъ свѣтѣ. Я была слѣпа, слѣпа какъ кротъ! Свое на-

стоящее, истинное счастье я упустила между рукъ; я безразсудно отбросила его отъ себя, и жила одними призраками; но когда мои мечты рушились, я пожертвовала тобой, предала тебя ради этихъ призраковъ. Когда я думала, что я убила человѣка... — Тутъ она перевела духъ и затѣмъ добавила: — Вѣдь я думала, Отто, что я убила Гондремарка, — и она густо покраснѣла при этомъ, — тогда я поняла, что я осталась одна, какъ ты предсказывалъ, и тогда я почувствовала всю горечь этого одиночества.

Упоминаніе имени Гондремарка пробудило великодушіе принца, и онъ выступилъ защитникомъ жены, противъ нее самой.

— И всему этому виной я! — воскликнулъ онъ. — Мой долгъ былъ оставаться подлѣ тебя, вопреки всему; любимый или нелюбимый, я все же оставался твоимъ мужемъ, твоимъ естественнымъ охранителемъ и защитникомъ. Но я былъ трусъ, прятавшійся отъ непріятностей, обидъ и оскорбленій моего чувства, и моего самолюбія; я предпочелъ удалиться, вмѣсто того, чтобы противиться; мнѣ, казалось, легче поддаться, чѣмъ сопротивляться! Я не умѣлъ, я не могъ завоевывать любовь, какъ это дѣлаютъ другіе, я ждалъ и желалъ, чтобы мнѣ ее подарили, какъ дарятъ гостинцы или цвѣты, но я любилъ! Всей душой любилъ! А теперь, когда это наше игрушечное государство, когда наше княжество пало, главнымъ образомъ по причинѣ моей неспособности и неумѣнія княжить, а затѣмъ по твоей неопытности въ дѣлахъ управленія государствомъ, теперь, когда мы оба встрѣтились здѣсь на большой дорогѣ, оба бездомные и неимущіе, уже не владѣтельный принцъ и не владѣтельная принцесса, а просто мужчина и женщина, просто мужъ и жена, умоляю тебя, забудь мою слабохарактерность, и положись на мою любовь! Довѣрься моей любви!.. Но Бога ради, не истолковывай ложно мои слова! — вдругъ воскликнулъ онъ, видя, что Серафина раскрыла ротъ, желая что-то сказать или возразить, и при этомъ онъ движеніемъ руки поспѣшилъ остановить ее. — Не думай, — продолжалъ онъ, — что я навязываю тебѣ мою любовь! О, нѣтъ, моя любовь къ тебѣ уже не та, что была прежде, она совершенно переродилась. Она чиста и свободна отъ всякихъ супружескихъ притязаній; она ничего больше не тре-

буетъ, ни на что не надѣется, ничего не желаетъ въ замѣнъ; ты смѣло можешь теперь забыть о той роли, въ которой я казался тебѣ столь непріятнымъ, и принять безъ колебаній и недовѣрія ту чисто братскую привязанность, которую я предлагаю тебѣ.

— Ты слишкомъ великодушенъ, Отто! — сказала молодая женщина. — Я знаю, что я потеряла право на твою любовь, и принять отъ тебя такую жертву я не могу. Лучше оставь меня.— Иди своей дорогой и предоставь меня моей судьбѣ!..

— О, нѣтъ! — воскликнулъ Отто. — Прежде всего намъ слѣдуетъ покинуть это сорочье гнѣздо, въ которое я тебя привезъ! Къ этому меня обязываетъ моя честь. Я только что сказалъ, что мы теперь бѣдны и бездомны, но нѣтъ! Невдалекѣ отсюда у меня есть собственная моя ферма, и туда я отведу тебя; тамъ, ты будешь въ полной безопастности. Теперь, когда не стало принца Отто, быть можетъ охотнику Отто выпадетъ на долю больше счастья! Скажи мнѣ, Серафина, что ты меня прощаешь, и въ доказательство, давай займемся вмѣстѣ тѣмъ, что для обоихъ насъ въ данный моментъ всего важнѣе, т. е. планомъ нашего бѣгства изъ этой страны. И если ужъ намъ надо бѣжать, то постараемся по крайней мѣрѣ бѣжать съ легкимъ сердцемъ, и съ надеждой на лучшее будущее. Ты не разъ говорила, что кромѣ какъ мужъ и какъ государь, я являлся въ твоихъ глазахъ довольно пріятнымъ человѣкомъ; если такъ, то теперь, когда я ни то и ни другое, можетъ быть мое общество не покажется тебѣ непріятнымъ. Во всякомъ случаѣ бѣжимъ скорѣе отсюда. Вѣдь не желательно и досадно было бы теперь быть схваченными и арестованными по приказанію новаго правительства Грюневальда. Но, быть можетъ, ты не въ состояніи идти дальше?.. Нѣтъ, ты чувствуешь себя въ силахъ? Въ такомъ случаѣ, впередъ!

И Отто бодро зашагалъ по дорогѣ, указывая путь женѣ, потому что ему здѣсь всѣ дороги и даже всѣ тропинки были давно знакомы.

Немного ниже подъ гору отъ того мѣста, гдѣ они встрѣтились, имъ пересѣкалъ путь довольно большой горный потокъ; красивой дугой падалъ онъ съ уступа на уступъ, и затѣмъ, прорвавшись между двухъ темныхъ дикихъ скалъ, стремился

дальше внизъ, пѣнясь и шумя, покуда, наконецъ, не разливался широкимъ озеромъ, въ зеленыхъ, мшистыхъ и мягкихъ какъ губка берегахъ. Изъ этого красиваго озерка этотъ самый потокъ вытекалъ уже спокойнымъ серебристымъ ручьемъ, текущимъ весело, по живописному мѣсту среди лѣса, гдѣ онъ опрокинулъ на своемъ пути немало мощныхъ темныхъ сосенъ, для того, чтобы проложить себѣ дорогу, но за то, онъ-же развелъ по своимъ берегамъ цѣлые цвѣтники душистыхъ лѣсныхъ ландышей и подснѣжниковъ и цѣлыя заросли вербъ и серебристыхъ ивъ, а кое гдѣ, возлелеялъ и выростилъ небольшія группы стройныхъ и нарядныхъ красавицъ, нашихъ любимицъ, березокъ. Велики были усилія горнаго ручья, пока ему не удалось пробить себѣ путь между дикихъ скалъ и утесовъ, но не менѣе велики и отрадны были и достигнутые имъ результаты всѣхъ этихъ его усилій. На всемъ его пути ему неотступно сопутствовалъ вѣрный товарищъ и спутникъ, узенькая тропа, проложенная смѣлыми людьми, по самому его берегу, тропа, по которой теперь спускались наши бѣглецы. Впереди шелъ Отто, останавливаясь заботливо на всѣхъ затруднительныхъ мѣстахъ дороги, чтобы помочь своей молодой спутницѣ, непривычной къ такимъ рискованнымъ и примитивнымъ путямъ сообщенія.

Серафина шла за нимъ молча, но всякій разъ, когда онъ останавливался и оборачивался назадъ, чтобы поддержать ее или помочь ей, лицо ея озарялось радостной улыбкой, а глаза, казалось, молили его почти безнадежно о любви, о ласкѣ. Онъ видѣлъ это выраженіе въ ея глазахъ, но боялся, не смѣлъ повѣрить ему. — «Нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ,—она не любитъ меня. Это въ ней говоритъ теперь раскаяніе, а можетъ быть и чувство благодарности; я былъ бы не достоинъ имени джентльмена, и даже мужчины, если бы вздумалъ воспользоваться этой жалкой, невольной податливостью съ ея стороны, податливостью вызванной столь неблагопріятными, столь тяжелыми для нея условіями только что пережитыхъ сю минутъ и событій».—И Отто всѣми силами старался подавить въ своей душѣ пробуждавшееся въ ней чувство нѣжности къ женѣ.

Немного дальше бѣжавшій теперь по узкой долинкѣ горный ручей принималъ на своемъ пути многочисленные ручейки, несшіе ему свои воды и вздувался до весьма внушительныхъ

размѣровъ настоящей рѣчки; здѣсь онъ былъ задержанъ незатѣйливой плотиной, и одна треть его воды была отведена съ помощью довольно примитивнаго деревяннаго желоба, въ сторону. Весело журча бѣжала чистая свѣтлая вода ручья по этому деревянному желобу, дно и края котораго она покрыла изумрудно зелеными водорослями и травами. Тропинка, по которой слѣдовали наши развѣнчанные принцы, шла параллельно этому водопроводу, пролегая черезъ густую чащу цвѣтущаго шиповника и боярышника. Вдругъ невдалекѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди нихъ, появилась коричневая крыша или верхушка мельницы, а вскорѣ показалось и ея громадное колесо, метавшее по всѣ стороны алмазныя брызги, заслоняя собою какъ бы всю ширину узкой долинки. Одновременно съ этимъ, равномѣрный шумъ лѣсопильни нарушилъ царившую до сихъ поръ кругомъ тишину.

Мельникъ, услыхавъ приближающіеся шаги, или, быть можетъ, замѣтивъ еще издали путниковъ изъ своего окна, вышелъ на порогъ своего жилища, чтобы посмотрѣть на прохожихъ и вдругъ и онъ и принцъ одновременно остановились удивленные другъ передъ другомъ.

— Съ добрымъ утромъ, мельникъ! — сказалъ весело и привѣтливо Отто. — Вѣдь вы были правы тогда, мой другъ, а я былъ, какъ видно, не правъ! Вотъ теперь я первый принесъ вамъ эту вѣсть. Сообщаю вамъ эту пріятную для васъ новость, и приглашаю васъ отправиться немедленно въ Миттвальденъ. Мой престолъ палъ, и его паденіе было великимъ торжествомъ для вашихъ друзей. Теперь ваши союзники и пріятели члены знаменитаго «Феникса» стоятъ во главѣ правленія, и верховодятъ всѣмъ. Дай Богъ, чтобы вамъ всѣмъ теперь жилось лучше!

Слушая принца, краснокожій мельникъ представлялъ собою воплощенное удивленіе; казалось, онъ не вѣрилъ ни своимъ ушамъ, ни своимъ глазамъ.

— А ваше высочество?—задыхаясь спросилъ онъ.

— А мое высочество, — шутливо отвѣтилъ Отто, — какъ видите, бѣжитъ безъ оглядки за предѣлы этой страны, бѣжитъ куда глаза глядятъ!

— Какъ! Вы покидаете Грюневальдъ?! — воскликнулъ мельникъ. — Вы покидаете навсегда наслѣдіе вашихъ пред-

ковъ, престолъ вашего отца! Нѣтъ, этого допустить нельзя! Никакъ нельзя!

— Нельзя? Что же, значитъ, вы арестуете насъ?—улыбаясь спросилъ принцъ.

— Арестую! Я, васъ?! — воскликнулъ крестьянинъ. — За кого вы меня принимаете, ваше высочество! Да что я, я готовъ, хоть сейчасъ, головой поручиться, что въ цѣломъ Грюневальдѣ, не найдется ни одного человѣка, который бы рѣшился наложить свою руку на ваше высочество.

— Не ручайтесь, — сказалъ принцъ съ легкимъ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ, — найдутся, и даже очень многіе! Но отъ васъ я этого не опасаюсь, и теперь, въ моментъ моего паденія, я безбоязненно иду къ вамъ, хотя во время моей власти вы были смѣлы и даже дерзки со мной. Я считаю васъ за прямого, честнаго и справедливаго, а главное за разумнаго человѣка, а вѣдь теперь ни я, ни жена моя, мы уже больше не мѣшаемъ вашему благополучію и благополучію этой страны, и потому, вамъ нѣтъ никакого основанія желать причинить намъ зло, отъ котораго вамъ не будетъ никакой пользы.

При этихъ словахъ принца, лицо мельника, изъ клюквенно-краснаго, приняло свекольно-красный оттѣнокъ.

— Вы вполнѣ можете положиться на меня, ваше высочество. Всѣмъ, чѣмъ я могу вамъ служить, я радъ служить вамъ,— сказалъ онъ. — А пока, прошу васъ и вашу супругу войти въ мой домъ и отдохнуть.

— У насъ нѣтъ времени на это, — возразилъ принцъ; — но если вы принесете намъ сюда по стаканчику вина, то доставите намъ большое удовольствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ окажете намъ хорошую услугу.

Мельникъ при этомъ опять густо побагровѣлъ, но поспѣшилъ исполнить желаніе своихъ посѣтителей. Спустя минуту онъ вернулся съ большимъ жбаномъ своего лучшаго вина и тремя хрустальными стаканами, сверкавшими на солнцѣ. Наливая вино въ стаканы, онъ сказалъ:

— Ваше высочество не должны думать, что я закоренѣлый пьяница. Въ тотъ разъ, когда я имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ вами, я, дѣйствительно, былъ нѣсколько подъ хмѣлькомъ; вышелъ такой случай, и я выпилъ лишнее, признаюсь. Но въ обыч-

ной моей жизни, я могу васъ увѣрить, вы едва ли найдете болѣе трезваго человѣка и болѣе воздержаннаго во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ я, и даже вотъ этотъ стаканъ добраго вина, который я теперь хочу выпить за васъ, (и за вашу даму), является для меня совершенно необычайнымъ угощеніемъ.

Послѣ этого вино было роспито съ обычными простонародными любезностями и пожеланіями какъ въ самой дружеской компаніи, а затѣмъ, отказавшись отъ всякаго дальнѣйшаго угощенія и гостепріимства, Отто и Серафина пошли дальше, продолжая спускаться внизъ по долинкѣ, которая теперь начинала постепенно расширяться и уступать мѣсто красивымъ, высокимъ деревьямъ, вмѣсто кустовъ шиповника, боярышника и жимолости.

— Я долженъ былъ доставить этому мельнику случай примириться со мной; я былъ не правъ по отношенію къ нему. Когда судьба столкнула насъ однажды на пути въ столицу, я обидѣлъ его своею рѣзкостью и хотѣлъ теперь загладить эту обиду. Можетъ быть я въ данномъ случаѣ сужу по себѣ, но я начинаю думать, что никто не становится лучше отъ пережитаго униженія.

— Да, но многихъ слѣдуетъ этому научить, — замѣтила Серафина, — потому что они раньше никогда объ этомъ не думали.

— Оставимъ это, — сказалъ Отто съ болѣзненнымъ смущеніемъ, — и позаботимся лучше о нашей безопасности. Мой мельникъ очень милъ, и можетъ быть даже искрененъ, но все же я бы не положился слѣпо на него. Лучше не доводить его до грѣха! Если мы пойдемъ внизъ вдоль этого потока, то этотъ путь приведетъ насъ лишь послѣ безчисленныхъ излучинъ и поворотовъ къ моему домику, тогда какъ здѣсь, вверхъ по этой просѣкѣ, пролегаетъ тропинка, идущая наперерѣзъ большой дороги прямо къ моей фермѣ; тропа эта идетъ все время глухимъ лѣсомъ; даже олень, и тотъ рѣдко заглядываетъ сюда, пробираясь чащей. Можно подумать, что тутъ конецъ свѣта!.. Ты не слишкомъ устала, чтобы пробираться этой тропой? Чувствуешь ли ты себя въ силахъ совершить подобный переходъ?

— Веди меня куда ты знаешь, Отто, я послѣдую за тобой всюду, — сказала Серафина.

— Нѣтъ, зачѣмъ,—возразилъ онъ со странной несмышленностью, — я вѣдь предупреждаю тебя, что эта тропа очень затруднительна, она пролегаетъ цѣлиной, черезъ самую чащу лѣса, ложбиной, заросшей терномъ и орѣшникомъ; по ней трудно идти, но зато ближе почти на половину.

— Веди, — сказала Серафина, — вѣдь на то ты охотникъ, Отто! Я не отстану отъ тебя.

И они пошли дальше. Пробравшись сквозь густую завѣсу кустовъ и мелколѣсья, они вышли на небольшую открытую полянку среди лѣса, зеленую и смѣющуюся, окруженную со всѣхъ сторонъ высокой стѣной деревьевъ. На опушкѣ Отто невольно остановился, очарованный этимъ прелестнымъ лѣснымъ пейзажемъ; въ слѣдующій моментъ онъ перевелъ свой взглядъ на Серафину, которая стояла на фонѣ этой лѣсной картины, словно въ рамѣ изъ зелени самыхъ разнообразныхъ тоновъ, и смотрѣла на него, на своего мужа, съ необычайнымъ, загадочнымъ выраженіемъ во взглядѣ. Въ этотъ моментъ Отто вдругъ ощутилъ какую-то безпричинную слабость, физическую и душевную; его какъ будто клонило ко сну; всѣ струны его напряженныхъ нервовъ и мускуловъ какъ-то разомъ ослабли, и онъ не въ состояніи былъ свести глазъ съ жены.

— Отдохнемъ здѣсь, — сказалъ онъ слабымъ голосомъ и, усадивъ ее на траву, самъ сѣлъ подлѣ нея.

Она сидѣла неподвижно, опустивъ глаза и перебирая пальцами мягкую зеленую травку подлѣ себя, точно молоденькая крестьяночка, ожидающая признанія своего возлюбленнаго. Между тѣмъ вѣтеръ, проносясь надъ верхушками деревьевъ, налеталъ шелестя листвой и вѣтвями въ лѣсу и затѣмъ замиралъ точно вздохъ, но затѣмъ снова какъ будто пробѣгалъ по кустамъ близко, близко надъ Отто и Серафиной и замолкалъ гдѣ-то въ дали тихимъ шепотомъ. Гдѣ-то близко въ зеленой чащѣ вѣтвей маленькая птичка издавала боязливые отрывистые звуки. И все это казалось какой-то таинственной прелюдіей къ человѣческому любовному шепоту. По крайнѣй мѣрѣ Отто казалось, что вся природа кругомъ ждетъ, чтобы онъ заговорилъ; но, несмотря на это чувство, гордость его долго заставляла его молчать. И чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на тоненькую, блѣдную ручку, перебиравшую пальчиками зеленую траву, тѣмъ труд-

нѣе, тѣмъ тяжелѣе становилось ему бороться во имя своей гордости противъ другого, болѣе мягкаго, болѣе нѣжнаго, но отнюдь не менѣе властнаго чувства.

— Серафина, — сказалъ онъ, наконецъ, не громко, а какъ-то робко, — мнѣ думается, что я долженъ сказать тебѣ это для того, чтобы ты знала... Я никогда...

Онъ хотѣлъ сказать, что онъ никогда не сомнѣвался въ ней, но въ этотъ самый моментъ въ его душѣ родился вопросъ: «Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? А если такъ, то хорошо ли, великодушно ли было съ его стороны говорить теперь объ этомъ». И, не договоривъ своей фразы, онъ смолкъ.

— Прошу тебя, скажи мнѣ то, что ты хотѣлъ мнѣ сказать,— взмолилась она, — скажи, если ты хоть немного жалѣешь меня, скажи!

— Я хотѣлъ только сказать тебѣ, — началъ онъ, что я все понялъ, и что я тебя не осуждаю... Я понялъ теперь, какими глазами должна была смотрѣть сильная, смѣлая женщина на слабовольнаго, бездѣятельнаго мужчину. Я думаю, что въ нѣкоторыхъ вещахъ ты была не совсѣмъ права, но я старался растолковать себѣ и это, и мнѣ кажется, что теперь я все понялъ... Я не имѣю надобности ни забывать, ни прощать, потому что я понялъ! Этого вполнѣ достаточно.

— Я слишкомъ хорошо знаю, что я сдѣлала, — отвѣтила она;—я не такъ малодушна, чтобы позволить себѣ ввести себя въ обманъ хорошими, ласковыми словами. Я знаю, чѣмъ я была, я теперь все это прекрасно вижу! Я не заслуживаю даже твоего гнѣва; я не стою его, а еще менѣе заслуживаю я прощенія. Но во всемъ этомъ паденіи и несчастіи я въ сущности вижу только тебя и себя; тебя такимъ, какимъ ты всегда былъ, а себя такою, какъ я была раньше, до этого момента, до того момента, когда у меня вдругъ раскрылись глаза. Да, я вижу себя и ужасаюсь, и не знаю, что мнѣ думать о себѣ!

— О, если такъ, то помѣняемся ролями!—сказалъ Отто.— Вчера ночью одинъ пріятель сказалъ мнѣ одно очень хорошее слово; онъ сказалъ, что это мы сами себя не можемъ простить, если не можемъ простить другому, своему ближнему, который въ чемъ-либо виновенъ передъ нами! И ты видишь, Серафина,

какъ охотно и какъ легко я простилъ себя. Неужели же я не буду прощенъ?—И онъ ласково улыбался, глядя ей въ глаза.—Итакъ, прости себѣ и мнѣ!

Она не могла ничего отвѣтить на это; у нея не было словъ. Ея душа была потрясена и растрогана; и вмѣсто отвѣта она порывисто протянула ему руку. Онъ взялъ эту ручку, и въ тотъ моментъ, когда ея нѣжныя пальчики очутились въ его рукѣ, горячее, живое чувство нѣжности и любви, словно электрическій токъ, пробѣжало по ихъ сердцамъ, охватило все ихъ существо и слило ихъ души, ихъ чувства и желанія воедино.

— Серафина,—воскликнулъ онъ,—забудемъ прошлое! Позволь мнѣ служить тебѣ и охранять тебя, позволь мнѣ быть твоимъ рабомъ и твоимъ защитникомъ, позволь мнѣ постоянно быть подлѣ тебя, дорогая, и этого съ меня будетъ довольно! Не гони меня отъ себя!—Все это онъ говорилъ поспѣшно, торопясь скорѣе все высказать, какъ это дѣлаетъ испуганный ребенокъ.—Я не прошу у тебя любви,—продолжалъ онъ,—нѣтъ, и одной моей любви довольно!

— Отто!—воскликнула Серафина, не будучи долѣе въ состояніи сдержать свое чувство, и въ одномъ этомъ болѣзненномъ, полномъ нѣжнаго упрека возгласѣ вылилось у нея цѣлое признаніе.

Онъ невольно взглянулъ на нее, и на ея лицѣ онъ прочелъ такой живой непритворный экстазъ нѣжности и муки и въ каждой чертѣ, особенно въ ея потемнѣвшихъ, совершенно измѣнившихся глазахъ такое выраженіе ярко вспыхнувшей любви, что вся она казалось совершенно преображенной.

— Серафина?!—вырвалось у него какъ бы вопросомъ.—Серафина?—повторилъ онъ затѣмъ почти беззвучно, потому что у него вдругъ разомъ упалъ голосъ.

— Посмотри кругомъ себя,—сказала она.—Видишь ты эту лѣсную полянку, видишь эти молодые листочки на деревьяхъ, эти свѣтло-зеленые побѣги, эти цвѣты на лугу! Вотъ гдѣ мы встрѣтились съ тобой впервые! Такъ сладко забыть все, и возродиться для новой жизни! О, какой бездонный колодецъ уготованъ для всѣхъ нашихъ прегрѣшеній! Это Божеское милосердіе и человѣческое забвеніе!

— Да, пусть все, что было, будетъ предано нами забвенію и

Божескому милосердію къ намъ, грѣшнымъ! Пусть все, что было будетъ обманомъ чувствъ, кошмаромъ, мимолетнымъ сномъ! Позволь мнѣ все начать сначала, какъ если бы я былъ тебѣ чужой. Мнѣ снился сонъ, долгій, продолжительный сонъ. Я обожалъ, я боготворилъ прекрасную, но жестокую женщину, женщину стоящую во всѣхъ отношеніяхъ выше меня, но холодную какъ ледъ. И снова мнѣ снилась она, но мнѣ казалось, будто она таяла и разгоралась и обращала лицо свое ко мнѣ, ласковое и лучезарное. И я, за которымъ не было никакихъ иныхъ достоинствъ, кромѣ способности свято любить, любить раболѣпно и молитвенно, я лежалъ подлѣ нея близко, близко и боялся шевельнуться изъ опасенія пробудиться отъ этого сна...

— Лежи близко, близко... Этотъ сонъ не разгонитъ и пробужденіе!—сказала она глубоко дрогнувшимъ голосомъ.

И въ то время, какъ Отто и Серафина такъ облегчали въ словахъ свою душу другъ передъ другомъ, въ это самое время въ Миттвальденѣ, въ зданіи городской ратуши, была провозглашена республика.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ПРИПИСКА ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЭТОМУ РАЗСКАЗУ.

Конечно, читатели хорошо знакомы съ новѣйшей исторіею и не станутъ спрашивать меня о дальнѣйшей судьбѣ этой республики. Самыя подробныя и вѣрнѣйшія свѣдѣнія можно найти, безъ сомнѣнія, въ мемуарахъ г. Грейзенгезанта, или нашего молегнаго знакомаго, лиценціата Редерера. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что Редереръ съ излишней авторской вольностью дѣлаетъ изъ господина Грейзенгезанга настоящаго героя этихъ событій, выставляя его въ качествѣ центральной фигуры и рисуя его настоящимъ громовержцемъ, что какъ извѣстно нашимъ читателямъ, весьма далеко отъ истины. Но, снисходя къ этой авторской слабости, можно сказать, что въ остальномъ его книга представляется весьма полной и заслуживающей вниманія.

Съ сильными, яркими и хлесткими страницами книги сэра Джона читатель уже, вѣроятно, успѣлъ познакомиться (Два тома, лондонское изданіе,—Лонгмана, Херста, Риса, Орма и Брауна). Хотя сэръ Джонъ въ оркестрѣ, разыгравшемъ эту историческую

симфонію, исполнялъ партію, написанную для губной гребенки, но въ своей книгѣ онъ какъ будто играетъ на фаготѣ. Въ его книгѣ ярко вылился весь его характеръ и всѣ особенности его нрава. Симпатіи и благорасположеніе сильныхъ міра сего обезпечили ей успѣхъ и среди публики. Впрочемъ, книга эта несомнѣнно не лишена интереса. Тутъ, необходимо, однако, одно маленькое разъясненіе. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что глава, въ которой сэръ Джонъ пишетъ о Грюневальдскомъ дворѣ, была уничтожена авторомъ собственноручно, въ присутствіи принца Отто, въ его дворцовомъ саду. Какимъ же образомъ могло случиться, что эта самая глава, чуть не полностью отъ начала до конца, фигурируетъ на страницахъ моего скромнаго разсказа или романа?

Объясняется это очень просто. Дѣло въ томъ, что этотъ во всѣхъ отношеніяхъ очень почтенный литераторъ, былъ человѣкъ предусмотрительный и чрезвычайно методичный; «Ювеналъ по двойной бухгалтеріи», какъ его въ насмѣшку назвалъ какой-то злой шутникъ; и онъ мнѣ говорилъ впослѣдствіи, что когда онъ уничтожилъ тогда въ саду эту часть своей рукописи, то онъ сдѣлалъ это скорѣе изъ потребности проявить какимъ-нибудь эффектнымъ драматическимъ жестомъ искренность своихъ намѣреній, чѣмъ съ намѣреніемъ уничтожить въ дѣйствительности эти страницы. Въ то время кромѣ арестованной рукописи у него было двѣ черновыхъ тетради его путевыхъ замѣтокъ и еще одинъ набѣло переписанный экземпляръ. Тѣмъ не менѣе онъ сдержалъ свое обѣщаніе и честно выполнилъ добровольно принятое имъ на себя обязательство и не включилъ главы о Грюневальдскомъ дворѣ въ свою книгу «Мемуаровъ» о различныхъ дворахъ европейскихъ государей. Но онъ предоставилъ ее въ мое распоряженіе и далъ мнѣ разрѣшеніе ознакомить публику съ ея содержаніемъ.

Дальнѣйшія библіогрiфическія справки позволяютъ намъ заглянуть еще дальше въ жизнь тѣхъ лицъ, чья судьба интересуетъ насъ. Сейчасъ, у меня подъ рукой, на моемъ письменномъ столѣ лежитъ небольшой томикъ: сборникъ стихотвореній, безъ обозначенія имени издателя или издательской фирмы, съ припиской на передней странице: «Не для широкой публики, а для интимнаго кружка друзей». Называется эта книга такъ:

«Poésies par Frédéric et Amélie» (Стихотворенія Фридриха и Амаліи»). Мой экземпляръ пріобрѣтенъ мною отъ мистера Бэна на Хаймаркетѣ. Это дарственный экземпляръ съ собственноручной надписью автора, сдѣланной рукой самого принца Отто. На первой бѣлой страничкѣ книги значится имя перваго владѣльца этого томика, и слѣдующій скромный эпиграфъ, который также можетъ быть съ большой вѣроятностью приписанъ автору: «Le rime n'est pas riche» *).

Что касается меня, то я долженъ сказать, что стихи этого сборника какъ-то ужъ черезчуръ проникнуты личными чувствами автора, и мнѣ они показались весьма скучными и до крайности однообразными. Тѣ же изъ нихъ, о которыхъ, какъ я полагалъ, можно было предположить, что они принадлежали перу принцессы, были особенно скучны и добросовѣстны, и совершенно лишены всякаго вдохновенія и увлеченія. Это, однако, не помѣшало маленькой книженкѣ имѣть большой успѣхъ въ томъ кругу читателей, для которыхъ она предназначалась. Впослѣдствіи я случайно напалъ на слѣдъ даже вторичной такой попытки, т. е. еще другого новаго изданія твореній тѣхъ же авторовъ; пріобрѣсти этотъ второй томъ ихъ произведеній я не имѣлъ возможности. Впрочемъ, едва ли это могло сказать намъ что-нибудь новое о Фридрихѣ и Амаліи, и потому мы здѣсь простимся съ Отто и Серафиной или Фридрихомъ и Амаліей, старѣющими вмѣстѣ подъ мирнымъ кровомъ дворца родителей Серафины, при дворѣ которыхъ они поселились послѣ пережитой ими катастрофы, и гдѣ они проводятъ время, нанизывая французскія рифмы и корректируя взаимно свои творенія.

Продолжая просматривать списки появившихся за послѣднее время книгъ, я вижу, что нѣкій мистеръ Свинбернъ посвятилъ свои лирическія пѣснопѣнія и звонкіе сонеты памяти Гондремарка. Это имя встрѣчается по меньшей мѣрѣ два раза въ патріотическихъ фанфарахъ Виктора Гюго, въ числѣ упоминаемыхъ великихъ патріотовъ; а въ послѣднее время, когда я уже считалъ свой трудъ совершенно законченнымъ, я случайно напалъ на слѣдъ этого великаго политикана и его прекрасной графини. Въ интересномъ трудѣ, озаглавленномъ «Дневникъ Джона Хогга Коттерилля, эсквайра», я прочелъ, что мистеръ

*) Рифмы не богаты.

Коттерилль, будучи въ Неаполѣ, 27 мая, былъ представленъ барону и баронессѣ фонъ-Гондремаркъ; баронъ—человѣкъ, надѣлавшій когда-то въ свое время много шума въ Европѣ, а баронесса все еще прекрасная и очаровательная женщина съ несомнѣнными слѣдами былой рѣдкой красоты; оба прекрасные, остроумные собесѣдники. Она очень любезно превозносила мое знаніе французскаго языка, увѣряла, что никогда бы не подумала, что я англичанинъ; сказала, что знавала моего дядю сэра Джона, при одномъ изъ германскихъ дворовъ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ, и признала во мнѣ общую фамильную черту съ нимъ: многія манеры и изысканную учтивость. Въ заключеніе она пригласила меня посѣтить ихъ. Далѣе (30 мая) читаю:

«Посѣтилъ баронессу фонъ-Гондремаркъ; была очень довольна, и я также. Это несомнѣнно въ высшей степени умная, утонченная и многосторонняя женщина, женщина стараго закала, типъ, нынѣ, увы! совершенно исчезающій. Она прочла мои «Замѣтки о Сициліи», говоритъ, что онѣ ей очень напомнили моего дядю, но что онѣ написаны въ болѣе мягкихъ тонахъ, менѣе рѣзко и желчно. Я высказалъ опасеніе, что вѣроятно онѣ кажутся ей также и менѣе яркими и выпуклыми, но она поспѣшила меня успокоить:—«О, нѣтъ, только способъ изложенія и изображенія болѣе мягкій, болѣе литературный, если хотите, но та же острота наблюдательности, то же умѣніе отличить существенное отъ несущественнаго, та же сила и яркость мысли». Я былъ весьма польщенъ и, признаюсь, почувствовалъ большое уваженіе къ этой прекрасной патриціанкѣ. Очевидно, знакомство это продолжалось довольно долго, и когда мистеръ Коттерилль долженъ былъ уѣхать изъ Неаполя въ свитѣ лорда Протоколь на флагманскомъ суднѣ адмирала Ярдармъ, какъ онъ о томъ подробно сообщаетъ въ своемъ дневникѣ, то главной причиной его сожалѣнія о необходимости покинуть этотъ городъ была необходимость разстаться «съ этой въ высшей степени умной и симпатичной дамой, которая уже стала смотрѣть на меня какъ на младшаго брата».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

В. И. Немировичъ-Данченко.

ИДУ НА ВАСЪ!

Романъ. 272 страницы. Цѣна 1 руб.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

«Романъ написанъ превосходно. Мастерство г. Немировича-Данченко въ этомъ отношенiи достаточно извѣстно. Въ книгѣ нѣтъ ни одного лишняго штриха.

«Новое Время», № 9401.

«Василiй Ивановичъ Немировичъ-Данченко слишкомъ популярный писатель, чтобы нужно было говорить о литературныхъ достоинствахъ его романовъ».

«Южный Край», № 7340.

Издательство П. П. Сойкина,
Спб., Стремянная, 12.

АТМОСФЕРА.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ МЕТЕОРОЛОГІЯ.

═ **К. Фламмаріона.** ═

Образецъ переплета.

Переводъ *К. Толстого.*
Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 75 коп.
Въ изящн. переплетѣ 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 25 коп.

Содержаніе: Земной шаръ. Атмосферная оболочка. Высота атмосферы. Вѣсъ атмосферы. Химическій составъ и роль воздуха. Звукъ и голосъ. Свѣтъ и оптическія явленія въ воздухѣ. День. Вечеръ. Ночь. Утро. Радуга. Антеліи. Воздушные спектры. Тѣни въ горахъ. Странные свѣтовые эффекты. Ореолы и апоѳеозы. Миражъ. Роль свѣта въ природѣ. Солнце и его вліяніе на землю. Времена года. Температура. Климаты. Распредѣленіе температуры по поверхности земного шара. Изотермы. Экваторъ. Тропики. Умѣренные поясы. Полюсы. Горы. Вѣтеръ и его причины. Морскія теченія. Бури. Смерчи, вихри и торнадо. Облака. Дождь. Дожди оплодотворяющіе и губительные. Градъ. Грозы. Чудеса. Кровавые, земляные и сѣрные дожди. Дожди изъ растеній, лягушекъ, рыбъ и т. п. Громъ и молнія. Огни Св. Эльма и блуждающіе огоньки. Сѣверныя сіянія и мн. друг.

═ ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА ═
С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12.

Образецъ переплета.

Это роскошно изданное сочиненіе обнимаетъ до 1200 стр. текста со множествомъ картинъ, таблицъ, хромолит. и болѣе 1100 рисунковъ художн.: Каразина, Казанцева, Кившенко, Котляревскаго, Самокиша, Панова, Піотровича, Соколовскаго, Самокишъ-Судковской, Овсяникова, Чикина, Дорэ, Ріу, Жирара, Шпехта, Кунерта и друг.

Авторъ даетъ живое обозрѣніе достигнутыхъ въ теченіе истекшаго вѣка успѣховъ въ разныхъ обл стяхъ умственной жизни человѣчества, и знакомитъ также въ **увлекательной формѣ** съ основами прогресса. Въ особенности обращено вниманіе на предметы, не входящіе въ кругъ преподаванія въ средн. учебн. заведеніяхъ. Эти науки излагаются настолько подробно, что читатель получаетъ возможно цѣльное о нихъ представленіе.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Часть I. ИСПОВѢДЬ ЗЕМЛИ. Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи.
Часть II. СѢДАЯ ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. Очеркъ успѣховъ археологіи.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Часть I. ОТКУДА, КТО И КУДА МЫ? Очеркъ успѣховъ естествознанія.
Часть II. ВЪ ВОЛНАХЪ БЕЗКОНЕЧНОСТИ. Очеркъ успѣховъ астрономіи.
Часть III. НАУЧНЫЙ ТЕАТРЪ—БУДУЩАЯ ШКОЛА ДЛЯ НАРОДА. Очеркъ успѣховъ народнаго образованія.

Цѣна каждаго тома **3** руб., въ роск. перепл. **4** руб.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ ОБЪ ЭТОЙ КНИГѢ:

„Для **самообразованія** и освѣженія знаній книга эта, несомнѣнно, **полезна**". „*СПБ. Вѣдомости*".

„Предметъ книги очень интересенъ, иллюстраціи въ большинствѣ случаевъ хороши, а нѣкоторые отдѣлы (особенно изъ II тома) **написаны увлекательно**". „*Спб. Жизнь*"

„Настоящую книгу можно **рекомендовать, какъ хорошій подарокъ для юношества**, но въ ней найдутъ много интереснаго и люди взрослые, мало знакомые съ естественными науками и первобытной культурой"... *Волг.*".

„Авторъ вполнѣ справился съ поставленной имъ задачей. Не ограничиваясь однимъ только обзоромъ успѣховъ, достигнутыхъ наукой въ теченіе XIX вѣка, онъ знакомитъ также съ основами и началами этихъ наукъ, благодаря чему книга его вполнѣ доступна среднему чатателю. Главное достоинство книги составляетъ богатство собраннаго въ ней матеріала и обиліе недурно выполненныхъ рисунковъ, исполненныхъ извѣстными художниками. Читается книга легко и вполнѣ заслуживаетъ широкаго распространенія. „*Казб.*".

Книжный складъ П. П. Сойкина.

(С.-Петербургъ, Стремянная, 12).

Пять лѣтъ моей жизни. Альфредъ Дрейфусъ. 313 страницъ. Цѣна съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

На страницахъ этой книги самимъ авторомъ разсказывается печальная жизнь его на Чертовомъ островѣ за пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ былъ отрѣзанъ отъ міра. Содержаніе книги такъ просто и такъ трагично, что должно тронуть сердце самаго черстваго человѣка.

Міровая война. Фантазія германца. Романъ *Августа Нимана*. 256 стран. Въ оригинальной обложкѣ. Цѣна съ пересылкой 1 руб.

Варваръ.-Эллинъ.-Еврей. Современныя характеристики. *В. Дудолова.* Обложка исполнена проф. *В. М. Васнецовымъ.* 380 стр. Цѣна съ пересылкой 2 руб.

Современная Ніобея. Романъ *Іонаса Ли.* 180 стран. Цѣна съ пересылкой 75 коп.

Свѣтило Азіи или Великое отреченіе. *Эдвина Арнольда.* Поэма изъ индійской жизни. Переводъ съ 38-го англійскаго изданія. Цѣна съ пересылкой 75 коп.

Все изъ-за любви. Уголовный романъ изъ дѣйствительной жизни. *В. П. Кузнецова.* Цѣна съ перес. 40 коп.

Чернильные люди. Повѣсти, очерки и разсказы изъ чиновничьей жизни. *Іосифа Ксенина.* 250 стр. Цѣна съ пересылкой 1 р. 20 к.

Оглавленіе: Наивное предисловіе отъ нечего дѣлать, или самъ статскій советникъ. Будто бы разсказъ. Сенаторская сигарка. Награда за непорядокъ или кабалистическое число (а вѣрнѣе всего сіе послѣднее). Разсказъ писца Кальсонова Чиновникъ-попрошайка. Романъ чиновника Чернилкина.

Сергѣй Ладко. Послѣдній романъ *Жюля Верна.* Переводъ с французскаго *Евгенія Маурина.* Въ изящн обложкѣ. Цѣна съ перес. 85 к.

Въ царствѣ красокъ. Повѣсти и разсказы *Н. Н. Брешко-Брешковскаго.* 362 стр. Ц. съ перес. 1 р. 20 к.

Оглавленіе: Продажная. Необъяснимое. Дорогая картина. Тайна. Ради золота. Легендарный босякъ. Въ царствѣ красокъ.

Степные голоса. Разсказы *Анатолія Каменскаго.* 236 стр. Цѣна съ перес. 1 р. 20 к.

Оглавленіе: Степные голоса. Преступленіе. Безъ огня. Жасмины. Чудовище. Королева. Миша. Нервы. Ольга Ивановна. Капканъ. Конецъ вѣка. Дуракъ.

Новые полные каталоги высылаются немедленно безплатно.

Тип. П. П. Сойкина.

ЖИЗНЬ ВЪ МОРѢ

Сочиненіе профессора **К. КЕЛЛЕРА.**

Переводъ съ нѣмецкаго Влад. Шацкаго, подъ редакціей доктора зоологіи А. М. Никольскаго, приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Въ 2-хъ частяхъ, съ 71 рис. въ текстѣ. 2-е, исправленное и дополненное изданіе. Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **ДОПУЩЕНО** въ среднія учебныя заведенія, учительскіе институты, семинаріи, городскія училища и. т. п. **Цѣна за обѣ части 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.**

Содержаніе: Исторія изслѣдованія моря. Физическая географія моря. Свободно живущія и сидящія животныя. Раздѣленіе труда и полиморфизмъ. Сожительство или симбіозъ. Паразитизмъ. Окраска морскихъ животныхъ. Свѣченіе моря. Миграція морскихъ животныхъ. Суэцкій каналъ, какъ миграціонный путь морскихъ животныхъ. Береговая фауна. Открытое море и планктонъ. Животная жизнь въ глубинахъ океана. Морская фауна въ прѣсныхъ водахъ. Геологическая роль морскихъ животныхъ. Коралловые рифы.

ЖИЗНЬ ЗЕМЛИ.

ОЧЕРКИ ПОПУЛЯРНОЙ ГЕОЛОГІИ.

Сочиненіе профессора **ПУШЕ.**

Перевелъ и дополнилъ *Н. Ляминъ.* Изданіе 2-е. Съ 35 рисунками. Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **ДОПУЩЕНО** въ среднія учебныя заведенія, учит. институты, семинаріи, городскія училища и. т. п. **Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.**

Содержаніе: Наука о жизни земли. Первыя страницы изъ исторіи жизни земли. Палеозойская эра. Мезозойская эра. Кенозойская эра. Послѣтретичный или четвертичный періодъ. Доисторическій человѣкъ. Окаменѣлости. Горы и причины ихъ происхожденія. Вулканы. Землетрясенія и колебанія почвы. Ледники и полярныя страны. Пещеры и гроты. Степи и пустыни. Источники, артезіанскіе колодцы и гейзеры. Рѣки, озера и моря. Атмосфера и ея геологическая дѣятельность.

Съ требованіями обращаться въ Книгоиздательство П. П. Сойкина (С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. д.)

ТИП. П. П. СОЙКИНА.